

Дорогие друзья “Нашего современника”!

Мы благодарны вам за то, что вы любите журнал, выписываете и читаете его, пишете нам умные и сердечные письма, в которых высоко отзываетесь о произведениях, публикуемых в журнале, прямо и откровенно говорите о наших ошибках и неудачах. Спасибо вам за вашу дружескую требовательность.

Благодаря этой обратной связи мы уже в течение последних 25 лет публикуем ежегодно в нескольких номерах самые интересные, самые глубокие ваши письма.

Рубрика “Письма наших читателей” стала постоянным и, можно сказать, первостепенным жанром журнала, не менее важным, чем проза, поэзия и даже публицистика, которой мы так гордимся. Ваши страстные и талантливо написанные письма образуют, в сущности, широкую картину русской народной жизни. Именно благодаря этой связи журнала с читательским миром “Наш современник” почти два десятилетия удерживает первое место по тиражу среди всех толстых литературных журналов.

Однако последствия экономического кризиса, режим санкций и, самое главное, наплевательское отношение наших властей к литературе и вообще к культуре привели к закрытию многих библиотек на всём пространстве России, а это обстоятельство, помноженное на стопроцентное сокращение средств для ежегодных библиотечных подписок на журналы и газеты, приведёт к тому, что наш нынешний пятитысячный ежемесячный тираж может уменьшиться во втором полугодии вдвое и ваш любимый журнал “Наш современник” окажется на грани выживания. И большинство из вас, дорогие читатели, не смогут в библиотеках читать его. Спасение в одном — в увеличении вашей личной подписки. Сделайте, дорогие друзья, в течение мая-июня всё возможное, чтобы восполнить библиотечные потери. Мобилизуйте для расширения подписки ваших друзей, соратников, сослуживцев, местных состоятельных патриотов и честных должностных лиц. Ведь есть же у нас губернаторы — Е. Савченко на Белгородчине, А. Тулеев в Кемеровской области, С. Левченко — в Иркутской, А. Артамонов — в Калужской, где, несмотря на все кризисы, региональные библиотеки за счёт местных ресурсов продолжают выписывать сотни комплектов нашего журнала, без которого и вы, друзья, духовно осиротеете, и писатели русские потеряют последнюю возможность донести свои произведения до всероссийского читателя. Время на дворе грозное и разрушительное. Так сплотимся же в борьбе за судьбу любимого журнала. Литература — наша вторая Вера. Впору вспомнить слова “Ни шагу назад!” Позади — не только Москва, но и традиции пушкинского “Современника”, позади Есенин и Шолохов, Георгий Свиридов и Николай Рубцов. Позади — вся русская история. Всё для журнала, всё для победы!

*Ст. Куняев, А. Казинцев и вся редакция журнала,
Ю. Бондарев, В. Ганчев, А. Лиханов, В. Крупин, З. Прилепин
и все члены Общественного совета.*

НАШ СОВРЕМЕННОК

Журнал писателей России

№ 5 2017

9 мая

Салют и слава годовщине
Навеки памятного дня.
Салют победе, что в Берлине
Огнем попрала мощь огня.

Салют её большим и малым
Творцам, что шли путем одним,
Ее бойцам и генералам,
Героям, павшим и живым,—
Салют!

И пусть его услышат
Те, что не рады торжеству,
Что кровью мира пакты пишут,
Войну поют, войною дышат,
Войною бредят наяву.
Два слова к ним по существу.

Я волен речь вести свободно,
Как тот солдат, с кем был в бою,
С кем пыль глотал в страде походной
И чьим поэтом состою.

Ему, творцу бессмертной были,
Что не уйдет во мглу времен,
Вы славу издали трубили,
Когда гроза брала разгон.

Когда вам ужас веял в души,
А он, солдат, свой начал путь
На море, воздухе, на суше,
Врага встречая грудь на грудь.

Вы полагали, он не ведал,
Покуда шла ещё война,
Кому, зачем была победа
И по какой цене нужна?

Но вряд ли вы считали сами,
Рядясь под цвет его друзей,
Что вас считает он друзьями
В душе бесхитростной своей.

Еще тогда, играя в прятки
И грея руки близ войны,
Вы не ошиблись в той догадке,
Что он — солдат своей страны.

Своей — в стремленьях неизменной,
В делах — большой,
в речах — прямой,

Своей одной, своей священной
Отчизны — матери родной.

Он знал, зачем в войне годами
Топтал пески, болота, снег.
Не так он прост, вы угадали,
Простой советский человек.

И не вложить вам миру в уши
Враньём речей, газет, витрин,
Что с моря, воздуха и суши
Грозит вам тот, кто брал Берлин.

Чья доблесть памятна народам
И кто, с войны придя домой —
К своим полям, к своим заводам,
Объят заботою иной.

Кто городов и сёл руины
Вновь оживил в родном краю
И, как на штурм ходил Берлина,
На штурм стихий идёт в строю.

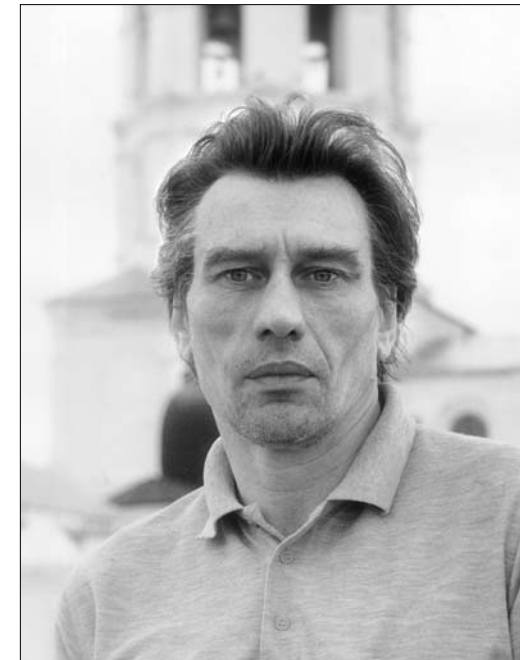
В сухих степях сады сажает,
В пустыне водам путь даёт,
Свой подвиг нынешний свершает
И на сто лет глядит вперёд.

И с неизменною отвагой
В труде, обязанном уму,
Творит свой день себе во благо
И человечеству всему.

Себе хозяйскою рукою
Он начертал свой план, свой путь,
И тем лишает вас покоя,
Что не боится вас ничуть.

Он столько вынес и изведаль,
Таких больших исполнен сил,
Что страх душе его неведом,
Откуда кто бы ни грозил.

Вам стоит помнить:
День Победы
Он в честь НЕЁ провозгласил.

Я читал книги Сергея, и мне открывалась бескрайняя, как Россия, поэзия начала двадцатого века. Он прошёл по нему, как Орфей, спев каждому, кто эту поэзию создал, песнь, подобную поклону у стены алтаря.

Конечно, он родился поэтом. Поэтом исследовательского слова, слышащего музыку стиха, его дыхание и его загадку, которая не застывает на месте, а уходит в бесконечность.

Он работает и как поэт, и как историк, как архивист, дрожащий над каждым отрывком документа. Его язык ясен. Его отличает придирчивый отбор слов, совпадающих со строгостью отбора фактов.

Полемика? Да. Но полемика без злости, а с желанием понять оппонента и, не уступая ему, заставить его слушать.

Сын знаменитого отца (Станислава Куняева), он не стал капризным отроком, в ком лестное мнение о себе превышает его дарование. Он вышел на свой путь, и этот путь принял его, открыв перед ним даль, которая открывается не каждому.

Его поколение пришло к нам без гнёта ложных идей и ложной “научности”, без ожесточения и обиды. Это поколение выбрало для себя одного Учителя, о котором Николай Семёнович Лесков, когда читатели называли его учителем, сказал: “Учитель у нас один”.

Думаю, не стоит объяснять, кого он имел в виду.

Сергей Куняев живёт и пишет под этой звездой. Пишет и живёт нешумно, не на показ, а по велению, далеко уводящему его от игр литературы.

Игорь Золотуский

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО «ИПО писателей»

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРЕНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Александр СЕГЕНЬ
Знамя твоих побед.
Роман 11
- Евгений ШИШКИН
Убей немца. Рассказы 67

Память

- Альберт ЛИХАНОВ
Верность до конца.
Судьба в письмах
(с послесловием Ст. Куняева) 82

Поэзия

- Олег ВОРОПАЕВ
Жизнь — это больше,
чем перечень лет... 3
- Георгий СТЕПАНЧЕНКО
Времена года 6
- Владимир ВОЛКОВЕЦ
С покаянием — к дому... 60
- Станислав ЮРЧЕНКО
Молитвы покаянные мои 63
- Борис СИРОТИН
Никто не умирал 76
- Борис ОРЛОВ
Звонкая тишь 80
- Владимир СИЛКИН
Авиабазы «Хмеймим» 147
- Тамара КУПРИНА
Не пришедшие с войны... 150
- Поэтическая мозаика 154

Очерки и публицистика

- Александр СЕВАСТЬЯНОВ
Битва за русских 161
- Елена ЛАРИНА,
Владимир ОВЧИНСКИЙ
Преступность эпохи
промышленной революции
XXI века 184
- Александр БОБРОВ
Славянская весна
и бандеровский май 194

Р е д а к ц и я

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-81-49

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Виктор СЕНЧА
Конструктор Победы 213

Валерий ГУРОВ
Опережающий прорыв 227

Николай ПЛИСКО
Операция “Изъятие-45” 232

Владимир ЧАРСКИЙ
Губная гармоника 254

Илья ЛИБЕРМАН
“Потерянный” корпус 258

Слово читателя

Гордое имя “Современника” 261

Юбилей

В контексте
Большого Времени 275

Критика

Алексей ПАВЛОВ
Горы? Море? Или обрыв? 285

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 27.04.2017. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 329-2017. Тираж 5000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru

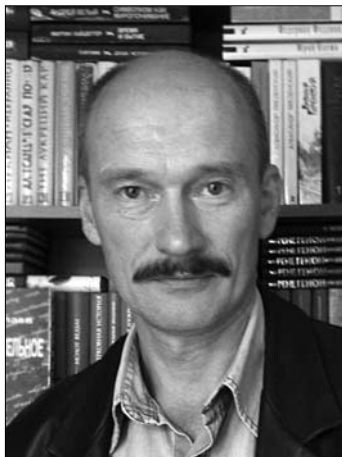
(Рукописи по электронной почте не принимаются)

Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremennik.ru

Отпечатано в АО “Красная Звезда”, 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62 www.redstarp.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ОЛЕГ ВОРОПАЕВ

ЖИЗНЬ — ЭТО БОЛЬШЕ, ЧЕМ ПЕРЕЧЕНЬ ЛЕТ...

* * *

Давным-давно, когда меня в походе
Сразила печенежская стрела,
И умер я, и жадно птицы зла
Мне выклевали очи на восходе,

Не ты ли долгий век меня ждала?
Не ты ли, сквозь медлительные годы
И осени дождливые исходы,
Из волн небытия меня звала?..

Не верю я, что это повторится.
Другие времена, другие лица.
Истлела печенежская стрела.

И ты со мной... Но чудится порою:
Полынный ветер стонет надо мною,
И ты одна... и в небе птицы зла.

ВОРОПАЕВ Олег Владимирович родился в 1963 году в г. Заполярном Мурманской области. Закончил сельскохозяйственный факультет Петрозаводского госуниверситета. Работал зоотехником в хозяйствах Мурманской области и Карелии, преподавал биологию в школе, был разнорабочим в геологоразведочной экспедиции. С 1994 года — офицер милиции. Ветеран боевых действий в Чеченской республике. Подполковник в отставке. Член Союза писателей России. Автор нескольких книг стихов и прозы. Живёт на Ставрополье.

ДЕТСКИЙ ПОРТРЕТ

Жизнь — это больше, чем перечень лет,
Больше, чем проводы в старость.
Весело смотрит мой детский портрет
На седину и усталость.

Что ему годы грядущих забот,
Скучных дорог километры?
В детской улыбке наивно живёт
Вера в попутные ветры.

Мальчик доверчивый, мальчик смешной,
Сердцу не сладить с годами.
Лишь иногда я бываю тобой —
В дни возвращения к маме.

* * *

Из сырости тумана над рекой —
Унылых берегов посмертный слепок.
Заснеженный рассвет на стыках веток
Ласкается шершавою щекой.

Чужая позабытая планета
На грани обозначенных веков —
Ты так же бесконечно далеко
От этого щемящего рассвета.

В обыденности ночи новогодней
Оплакиваешь всех кого угодно,
И рядом — опечаленная смерть,

И тот же полуобморочный город,
Где времени разрушенная твердь
Рассветным снегом сыплется за ворот.

* * *

О. М.

И ты недалеко, и я недолюбил.
Но вымела метель вчерашнее тепло.
Вернёшься ли?..
Вернуть уже не хватит сил,
Дорогу замело... дорогу замело.

И в прошлое нельзя. И будущего нет.
Но ты переживёшь, и я перетерплю.
Последнее письмо. Безадресный конверт.
И всё-таки люблю... и всё-таки люблю.

ЛЕСНАЯ ОХОТА

Лесная охота. И я камышовый бог.
Смешной повелитель дней перелётного царства.
А ночью в смолёном срубе — брусничный грог
И тёплая печь, как высшая степень барства.

Какая любовь и какая там жизнь была,
За этим ольхово-голым угрюмым раем,
Как будто не помнят тяжёлые два ствола,
Как мы в перелётные души во тьму стреляем.

Таёжного эха раскатисто-спелый смех.
Мотивы тумана на белые сны похожи.
А где-то за далями валится первый снег,
И стороны света простуженный ветер гложет.

* * *

Многоцветная осень осыпала с веток плоды.
Вечерами сверчки монотонно прощаются с летом.
Хорошо в эти дни неподвижно сидеть у воды,
созерцая покой под рассеянным солнечным светом.

Хорошо в эти дни слушать листьев бессонную дрожь,
неподвижность души сохраняя в движении воздушном,
забывая о том, кто ты есть и зачем ты живёшь
в этом мире безмерном и вечно к тебе равнодушном.

Переливным прощанием птиц откликается лес.
И посмертных записок не счесть под железной листвою.
Но затеплится месяц в суровой ладони небес,
и разбуженный ветер застонет, завоет...

ГЕОРГИЙ СТЕПАНЧЕНКО

ВРЕМЕНА ГОДА

ПОД СНЕГОМ

Ты сказала — боярышник... нет, это всё же рябина.
Я боярышник знаю: прости, он совсем не такой.
Эта тихая улица, эта простая картина:
Снег и деревце, снег и великий покой.

Небо — серое, хмурое, снежное зимнее небо,
И дома за сугробами — просто большие дома...
Если бросить на улице корочку чёрного хлеба,
Налетят воробьи, и вороны, и галки — пернатая тьма.

Но не бросит никто. Времена, понимаешь, другие.
И молчат воробьи, и вороны, и галки молчат.
И рябина, под снегом укрывая ветви тугие,
Их уже не накормит... и только снежинки летят.

Ты сказала — боярышник... нет, я ответил, — рябина.
Вот и весь разговор — больше нечего, право, сказать.
Прибежала зачем-то большая мохнатая псина,
Посмотрела на нас — и вприпрыжку умчалась опять.

СТЕПАНЧЕНКО Георгий Валентинович родился в 1952 году в Москве. В 1957 году вместе с родителями переехал в город Ржев. Окончил исторический факультет Калининского (ныне Тверской) университета (1975). Работал учителем в сельских и городских школах, корреспондентом местных газет, лектором. В настоящее время — редактор заводской многотиражки. Автор двенадцати книг. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

ДЕРЕВО

Над камнем — дерево. Листва
Лазурный свод заполонила —
И закружилась голова,
И позабыла всё, что было.

И только свет, и только тьма,
И только тени, только блики...
Связует дни лучей тесьма,
Связуют ночи птичьи крики.

Всё так прекрасно, человек, —
Всё, что вбирают слух и око!
Здесь непонятны шум и бег,
И те, кто ждут земного срока.

Здесь время не бежит — течёт.
Здесь время не летит — струится.
И каждый лист наперечёт,
И у камней не стёрты лица.

Здесь не наскочит лиходей.
Здесь только небо, только ветер...
Здесь всё не так, как у людей,
А так, как быть должно на свете.

* * *

Неудача. Опять неудача.
В сотый? Нет, уже в тысячный раз.
Нет, теперь я уже не заплачу.
Не напьюсь. Не шагну под “БелАЗ”.

Что с того, что на плечи упали
То ли глыба с небес, то ли крест?
Мы такое и прежде знавали.
Это просто проверка. Ликбез.

Я под тяжким крестом прогибаюсь,
Но встаю с сиплым всхлипом с колен.
Я тебе, как судьбе, улыбаюсь
Рваным ртом сквозь безумье и тлен.

Я себя, как копеечку, трачу.
Я сплетаю канаты из жил.
Ну и что, коль в судьбе недостача?
Я киркою тропу прорубил

Через скалы — всё к той же Голгофе:
Доташил... Водрузил... И — улёт!
Эй, Пилат, допивай же свой кофе!
Эй, Лонгин-копьеносец, вперёд!

Кто там рваными тучами скачет?
Кто там плещет остатками крыл?
Дорогая моя Неудача!..
Я тебя навсегда полюбил.

* * *

Это дождь? Это дождь? Или просто капает с крыши
Очень медленно тающий мартовский снег?
Занавеску как будто ветром колышет,
Но откуда ветер под крышей, которого нет?

О, как медленно тает, как капля за каплей
Снег, превратившийся в воду, бьёт меня по мозгам!
Боже, как затянулась сцена в Твоём спектакле!
Право же, я ни копейки за этот спектакль не дам.

Медленно, медленно тает... И медленно, медленно гаснет
Тьма, и вступает неряшливый тусклый рассвет...
Вот он и день наступает — промозглый, тоскливый, вчерашний...
Что ж не встаёшь ты с постели, давно уж не спящий поэт?

Боже, как медленно, медленно! Господи Боже,
Что же Ты выдумал — лучший из лучших миров?!..
Бритва ползёт по заросшей щетиною коже.
Боже, как медленно, медленно... Нет, я ещё не готов

Встать и отбросить судьбу, не судьбу — одеяло,
Комнату, дом, всю планету, себя...
Как это медленно, медленно! Как это, Господи, мало,
Мало похоже на Свет... на Любовь... на Тебя...

* * *

За окошком то дождик, то вьюга,
То потоп, то глухой снегопад.
Сердце ищет не водку, так друга
Иль подругу... Не то. Невпопад.

Эх, развеяться бы! Разгуляться!
Чтобы солнышко, чтобы весна!
На зелёной траве поваляться —
Ничего, что под нею гроба.

Но ноябрь на дворе. Непогода
На дворе. Да и в сердце — она...
Вместо синего знойного свода
Потолка ледяная спина.

Что же делать? Приняться за книгу?
Полистать, почитать, дописать?
Закрутить ли покруче интригу,
Сцену в офисе переписать?..

Пред иконой мерцает лампада.
Тихо светится пламя во тьме.
Мне от Бога немного надо:
Отменить бы ноябрь на Земле!

Растянуть бы октябрь до Николы,
А потом — вот те раз! — и февраль!
Хмарь липучая, чёрные доли...
Нет, ноябрь мне нисколько не жаль.

То ли дело — октябрь! Загляденье!
Шорох листьев... Закаты... Грачи...
Долго тянется стихотворенье?
Ну, а ты не читай. Помолчи.

Посмотри на широкое небо,
Посмотри на багряный закат,
Отломи-ка краюшечку хлеба...
Ты ведь тоже хорошему рад.

Книги пишутся. Жизнь продолжается:
Скрип да скрип, как медведь-инвалид.
Локоть чешется: критик кусается.
Сердце? Сердце, как прежде, болит.

СВОБОДНЫЙ, КАК НИКТО

Свободный, как никто, свободный, как река,
Которая сама избрала берега;
Свободный, как никто, никто и никогда,
Свободный, как река, свободный, как вода...

Вокруг такая ширь! Вокруг такой простор!
А там, а там, вдали, — там пристань и забор.
Такой пустой затон, такой пустой причал —
Конец для всех концов, начало всех начал.

Я вспыхну на луче, я брошусь на песок —
Пусть раздробит волна о камень мой висок!
Я выйду на причал, махну через забор,
Как вечный нищесброд, как загулявший вор.

Тропинка меж цветов петляет по горе.
Над ней небесный храм в лазурном серебре.
Над ней стрижи стригут, над ней орлы парят...
Как далеко они бросают острый взгляд!

Ах, как они вольны — куда вольней, чем я...
О, Родина моя! О, Русская земля!

НОЧЬ

О, как безумно счастлив я
Моей тоской неистребимой!
Ночная песня соловья
Всё то же повторяет имя.

Плывёт несчастная луна —
Лицом бела, но так щербата!
Всё та же древняя весна...
Всё тот же призрак в чёрных латах...

Окутан синей дымкой сад,
И окна запертого дома
С тоскою вечности глядят
На всё, что так давно знакомо:

Река, текущая вдали,
Леса, молчащие на кручах...
Забудь, что плачут соловьи,
И сердце бедное не мучай!

Но как забыть? Но как простить
Её, себя и всё на свете?
Как сладко — быть! Как страшно — жить!
Лишь соловьи не спят... И ветер.

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

ЗНАМЯ ТВОИХ ПОБЕД

РОМАН

Во что бы мы ни верили, что бы ни носили в сердце своём, есть одно удивительное чувство — то, которое мы с трепетом испытываем при виде флага родной страны, горделиво льющегося волнами по небу, особенно в торжественные минуты славы нашей Родины, трепещущего на ветру на какой-нибудь вершине или полюсе, на броне танка, и знамени в руках знаменосца, знамени, врывающегося в сломленные ряды врага, опалённого огнём и пробитого пулями. Или чинно восходящего вверх по флагштоку под звуки волнующего гимна. Всего лишь кусок окрашенной материи, маленький клочок или огромный отрезок, состоящий не из живой ткани, а из нитей... Но порой сей клочок или отрезок воспринимается как некое живое и высшее существо, перед которым мы замираем, затаив дыхание, и стоим навтыяжку.

Что говорить, даже такая ничтожно маленькая страна, как Андорра, и та любит свой флаг, с полосами, составленными из национальных цветов Франции и Испании, в месте тесного соприкосновения которых друг с другом эта песчинка затесалась будто случайно. Целиком зависимая от двух титанов мировой истории, она, тем не менее, считается независимым государством, напоминая о себе чаще всего на каких-нибудь спортивных состязаниях. Волей случая она вдобавок по алфавиту первая, и с неё начинается торжественная церемония закрытия Олимпийских игр!

СЕГЕНЬ Александр Юрьевич родился в 1959 году в Москве. Доцент Литературного института им. А. М. Горького. Прозаик и кинодраматург. Автор книг "Похоронный марш", "Страшный пассажир", "Державный", "Русский ураган", "Поп", "Господа и товарищи", "Митрополит Филарет" и "Алексий II" (серия ЖЗЛ) и многих других. Живет во Внуково.

— Андура какая-то, а туда же... Всех участников — полтора землекопа, а гляньте — первыми пойдут! — от души возмущался Лёнька Шустиков по прозвищу Броневинок, маленького роста борец, взявший здесь, в Монреале, золото в категории до сорока восьми килограммов. — Вот скажите мне, братики, где справедливость? Почему не мы? Быстренько бы отстрелились и — на забег в ширину. Ведь такой триумф!

— Ты не прав, Броневинок, — с тягучей лаской отвечал Алан Сосланов по прозвищу Осетинский Пирог, гигант, на полметра выше ростом Шустикова, чемпион Монреаля в весе выше ста. Добродушный, медлительный, слегка ироничный. — Кто на концерте выходит последним?

— Арлекино-Арлекино.

— Правильно. Потому что она сейчас лучше всех. А парад на Красной площади кто замыкает? Баллистические. Самые мощные ракеты. Правильно?

— Правильно, — согласился Шустиков. — Просто хочется поскорее.

— Не суетись, Броневинок, — сердито сказал Герман Николаев. — Глянь на своего земляка. Ему знамя нести, а он спит себе спокойненько.

Гимнаст Николаев завоевал в Монреале семь медалей, четыре золотых — на кольцах, в опорном прыжке, в вольных упражнениях и в многоборье; две серебряных — на брусьях и в командном зачете; да ещё и бронзу взял на коне. Никто не сомневался, что знаменосцем советской сборной на закрытии Олимпиады будет он. И вдруг, будто оттолкнувшись от пружинящего гимнастического мостика, выпрыгнуло одно неожиданное и острое обстоятельство, из-за которого на общем собрании большинство наших олимпийцев, забыв про триумф Николаева, проголосовало за Ивана Шарыгина, двухметрового борца вольного стиля, выходца из той же сибирской школы вольной борьбы, что и Шустиков.

Шустиков посмотрел на своего земляка и умилился. Иван, элегантно одетый, как все мужчины советской олимпийской сборной, в белый легкий костюм и белую рубашку с галстуком кремового цвета, сидел в кресле в центре огромного накопительного помещения олимпийского стадиона и среди взволнованной суеты снующих туда-сюда спортсменов мирно спал, бросив могучие лапы на колени растопыренных богатырских ног.

— Аполлон ты наш! — фыркнул Шустиков.

Несмотря на могучее телосложение и медвежью силу, Шарыгин блистал изяществом всей своей мышечной массы, и журналисты прозвали его не Гераклом, а Аполлоном. “Сибирский Аполлон” — так называлась одна из статей, после которой в газетах и журналах за ним закрепился сей эпитет. Но друзья и все спортсмены по-прежнему называли его просто и весомо — Иван. Людей с этим распространённым русским именем среди них числилось немало, но когда спрашивали: “Кто следующий выступает?” — и получали в ответ: “Иван”, — то не уточняли: “Какой именно?”

— Ребята, гляньте, что я вам принесла! — раздался весёлый голосок Жени Филоновой, пятнадцатилетней гимнастки, ставшей здесь самой молодой олимпийской чемпионкой. В руках у девочки круглилось широкое блюдо с множеством мелких бутербродиков из гренок с сыром, ветчиной и огурчиком, в каждый была воткнута шпажка с бумажным флажком стран-участниц Олимпиады.

— Это называется канапе, — сказала Жена. — Такие маленькие бутербродики. Канапушки. Угощайтесь.

— Такие же маленькие, как ты. — Спринтер с говорящей для бегуна фамилией Быстрицкий оказался ближе всех к подносу и взял первый попавшийся бутербродик. — Канапушка! — проворчал он, вертя в пальцах флажок Великобритании. — Таких надо сотню сожрать, чтобы наесться.

На предыдущей Олимпиаде в Мюнхене Володя Быстрицкий стал первым и единственным спринтером, выигравшим две золотых медали — в беге и на сто, и на двести метров. Плюс ещё серебро в эстафете. И четыре года назад в Мюнхене именно он нес знамя с серпом и молотом на церемонии закрытия. Под канадскими кленами Володе повезло меньше: бронза в стометровке и бронза в эстафете. Перед соревнованиями ему, уроженцу Львовской

области, угрожали живущие в Канаде бандеровцы: “Выйдешь на беговую дорожку за москалей стараться — пристрелим!” Хлопец не дрогнул, на беговую дорожку вышел, но желанного результата не показал. Зато теперь он мог утешиться взаимностью со стороны Лиды Татищевой, за которой давно ухаживал. Лида — золото во всех отношениях! Капитан советской сборной по гимнастике. Золотая медаль Олимпиады в Мехико, потом — две золотых, серебро и бронза в Мюнхене, а нынче — золото в командном зачёте, два серебра в вольных выступлениях и опорном прыжке и ещё бронза в многоборье. И сейчас она была рядом с ним. Тоже взяла канане с британским флажком, коих оказалось два. Бросила в рот бутербродик, игриво и загадочно глядя на Быстрицкого.

Поднос пошёл по кругу.

— Нет, братики, как хотите, а мне — наш, советский! — подсуетился Шустиков и успел выудить канане с красным флажком. Остальные довольствовались микрознаменами Франции, Германии, Швеции, Италии, Японии, Бельгии... Американского полосатика никто не хотел брать, и вскоре он остался на подносе единственным уцелевшим после налёта спортсменов Страны Советов.

— Ну, как хотите, а я его съем, — сказала Жёня и слопала американца. Флажок небрежно бросила на пустую арену подноса.

Шустиков посмотрел на спящего Шарыгина.

— Эх, Ивану не досталось!

— Зачем ему маленькие флажки, — усмехнулся Николаев. — Он большое знамя понесёт.

Но Шустикова распирало. Подойдя к Ивану, он осторожно сунул ему в щепотку большого и указательного пальцев шпажку с советским флажком.

— Внимание, внимание! — заговорил Броневичок, неплохо подражая голосу диктора Левитана. — На стадион выходит сборная Союза Советских Социалистических Республик.

Иван приоткрыл левый глаз и с иронией посмотрел на бумажный флажок. Устало промолвил:

— Это ты зря.

Шустиков не унимался:

— Впереди всех выступает двукратный олимпийский чемпион по вольной борьбе, величайший советский спортсмен Иван Шарыгин! В руках у него огромное знамя нашей страны, которое он с гордостью пронесёт по чаше олимпийского стадиона в Монреале. Вот он — триумф советского спорта!

Всем стало смешно. Исполин Шарыгин с крошечным флажочком! Дружно смеялись, выплескивая смехом пену волнения. Иван открыл оба глаза, вздохнул, произнёс:

— А это ты совсем зря.

Всем, а уж особенно Шустикову, прекрасно был известен обычай Ивана. Если кто-то раздражал или даже злил добродушного великана, он говорил: “Это ты зря”. Если раздражитель не унимался, следовало второе предупреждение: “А это ты совсем зря”. Третья фраза звучала так: “А это уж совсем ни к чему!” И была она не предупредительной, а сопроводительной. То есть сопровождала решительные действия Шарыгина — выбрасывание обидчика из дверей автобуса, втыкание его головой в освежающий сугроб, швыряние в дивную прохладу фонтана и тому подобные радости жизни. А посему диктор Левитан мигом превратился назад в Броневичка и сказал голосом Шустикова:

— Всё понял, Ваня, осознаю, исправлюсь. Не надо мне куда-нибудь ничего втыкать, признаю свои ошибки, лежачего не бьют, мне срочно в Кремль позвонить надо. “Ах, Арлекино, Арлекино, нужно быть смешным для всех...”

С этими словами популярной песни subtilный олимпийский чемпион под общий хохот отправился в ближайший туалет. Там, к его удивлению, никого не было. Войдя в кабинку и приняв позу писающего мальчика, он поднял глаза и увидел нечто возмутительное и непотребное, до глубины души всколыхнувшее его.

— Вот люди! Никакой культуры! И таких пускают в цивилизованную страну!

Вверху на побелке красовалась нацарапанная русскими буквами надпись: “Минск”. Ещё выше кто-то добавил: “Москва”.

— Ну уж нет! — пуще прежнего возмутился Шустиков, встал на унитаз, вытащил из кармана спортивных брюк монетку. — Вот и валюта пригодилась! — И принялся тянуться изо всех сил, чтобы нацарапать выше “Минска” и выше “Москвы” свое заветное “Красношарск”.

Во всём светлом она шла по ресторану, неся ароматный, с лёгким дымком кофе, такой же чёрный в двух белых фарфоровых чашках на белом подносе, как её глаза на белом лице, обрамлённом чёрными волосами, и все вокруг любовались ею, забывая про то, что кипят, накалившись, страсти вокруг Олимпийских игр, коим оставалось бурлить здесь, в Монреале, всего ничего.

— Хороша, зараза! — успел невольно промолвить Бурдюков до того, как официантка приблизилась к столику и, слегка склонившись к плечу Исакова, изящными движениями поставила перед ним и Бурдюковым две чашки, будто в них содержался не кофе, а некий божественный нектар, способный вернуть обоим мужчинам их пружинистую юность.

— Here you are... — сказала она певучим голосом и вдруг почти шёпотом, но никоим образом не меняя приветливо-услужливого выражения лица, добавила по-русски: — Латыш подтверждает: на закрытии кто-то намеревается стрелять в знаменосца советской команды.

И снова превратилась в канадскую официантку:

— You are welcome!..

— Thank you very much, — ответил ей Исаков, и она отхлынула волной, возвращаясь от их столика к своим делам так, словно осыпала драгоценностями. А главный тренер олимпийской сборной СССР и заместитель начальника 5-го управления КГБ уже не смотрели ей вслед, чтобы не видеть, как она хороша и со спины, как плавно покачивает бедрами, волнуя своей грацией и неприступностью.

— Опять! — сказал Бурдюков. — Ведь уже угрожали, что снайпер застрелит Быстрицкого. Однако обошлось.

— Тем не менее, надо быть начеку, — возразил Исаков. — Вспомните Мюнхен. Кто мог представить, что террористы устроят кровавую баню.

Бурдюков сыпанул в кофе лишний сахар и огорчился:

— Никак не могу привыкнуть к этим сахарницам с дозатором! Ложечкой как-то сподручнее... Мюнхен... Но там, Павел Игнатьевич, арабы. Мстили израильтянам. А тут? И кто это может быть теперь?

Исаков усмехнулся:

— А я вообще без сахара кофе пью. Сахар только убивает кофейное волшебство. Какой ароматный тут готовят! Закачаешься! Кто может быть теперь? Да кто угодно. Те же бандеровцы.

— Бандеровцы?! — удивился главный тренер.

— А что вы так удивлены, Константин Фомич? — спокойно ответил кагебешник. — Канада — их вторая родина. Здесь живут дети Степана Бандеры, а его сын Андрей создал несколько националистических организаций. В Оттаве в университете спокойно себе преподаёт Богдан Боцюркив, ближайший соратник Бандеры, руки по локоть в крови. Преподаёт, между прочим, политические науки, иначе говоря — ненависть ко всему русскому и советскому. Кровавый бандеровец Ярослав Стецько, председатель украинского государственного правления, то бишь, как они говорят, правительства Украины в изгнании, тоже постоянно тут трётся. В Торонто, да и здесь, в Монреале полным-полно наследников Бандеры, и все они люто ненавидят Россию и СССР. Нас с вами. С их стороны постоянные провокации...

— В голове не уместается... Украина и Россия — единое целое. Мы и украинцы — братья навек.

— Далеко не все украинцы, Константин Фомич, увы, далеко не все!

— Как же мы будем решать вопрос со знаменосцем?

— С Иваном?.. Нехорошо подставлять парня. У него дочка маленькая, а сын совсем недавно родился. Я поговорю с ним. И сам понесу знамя. Не забываете, я тоже в прошлом борец!..

— Не спешите. — Исаков посмотрел на часы. — Осталось минут двадцать. Мне надо все взвесить.

Допив кофе, Исаков отправился на поиски своего сотрудника Даниличева, быстро нашёл его и пригласил зайти в туалет. Там Даниличев быстро глянул по низу кабинок, нет ли чьих-то ног.

— Пусто.

Исаков включил сильно воду во всех умывальниках, врубил сушильные аппараты.

— Если они задумали застрелить знаменосца, они не отступятся, — сказал он.

— Но в Быстрицкого не стрельнули, — возразил Даниличев.

— Возможно нарочно. Чтобы мы так и рассуждали: раз там не сработало, то и тут можно не волноваться.

— Расслабить бдительность? Не исключено. Что делать, Павел Игнатьевич?

— Завалят нашего Шарыгина, как кабана на охоте. Надо продолжать работать. Придётся обо всем рассказать Павлушину, чтобы позвонил Брежневу.

Сушильные аппараты один за другим отключились и затихли, будто говоря: время для вашего разговора окончено. Исаков выключил воду в умывальниках и вместе с Даниличевым вышел из туалета.

Шустиков, стоявший на унитазах, слышал весь разговор. Он замер в оцепенении и, наконец, промолвил:

— Мать честная!

Надо было бежать к Ивану, но оставить лишь половину надписи Лёня не мог и, прежде чем прыгнуть с унитаза, всё же дописал “шарск” к уже готовому “Красно”. И после этого помчался в накопительное помещение.

Иван уже не спал и не дремал, а стоял во всей красе, высокий, могучий, уверенный в себе гигант. Он разминал мышцы шеи, вращая головой. Руки в боки. Озираясь по сторонам, Шустиков взял его под локоть:

— Ваня, Ваня, Ваня, Ваня...

Шарыгин усмехнулся:

— Тебя что, переклинило?

Но Шустикову было не до усмешек:

— Слушай, слушай, слушай, слушай...

Он встал на цыпочки, стараясь дотянуться губами до уха Ивана, тот слегка наклонился, и Шустиков выпалил ему в самое ухо:

— Я только что в тубзике наших кагебешников подслушал. Готовится теракт. Кто-то хочет стрельнуть в тебя.

— В меня?

— В знаменосца нашей команды. Стало быть, в кого? В тебя!

— Да ладно, не кипишишь! Вове Быстрицкому тоже угрожали, а никто в него так и не выстрелил.

— Тут дело серьёзное. Исаков сказал, что они тем самым расслабляли нашу бдительность. Мол, там не стрельнули, и тут не стрельнут. Сказал, самому Брежневу надо звонить.

— А вот это хорошо, — снова добродушно усмехнулся Шарыгин. — Лишний раз напомним обо мне Леониду Ильичу. Скоро там начнётся-то?

— Ваня, ты дурак? — спросил Шустиков.

— Нет, — коротко ответил Иван.

А в это время председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР Павлушин уже разговаривал по особому телефону и слышал в трубке голос не кого-нибудь, а самого Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева:

— Ишь ты... Стрелять они собрались...

— Похоже, кто-то хочет повторить Мюнхен, только теперь с нашими спортсменами, — отвечал Павлушин. — Леонид Ильич, есть мнение, что нашу сборную надо снять с церемонии закрытия.

— По автобусам и домой?.. Это, Пал Сергеич, знаешь ли...

Качество связи было столь отменное, что слышалось, как Брежнев докуривает сигарету и сердито тушит её в пепельнице, устроившей танцы на столе генсека.

— Леонид Ильич, наши специалисты утверждают, что угроза теракта в отношении знаменосца советской сборной весьма велика.

— Если снимать, то олимпийские сборные всего соцлагеря. Хотя после чехословацких событий, эти их мать... Развоятся наши братские друзья-товарищи.

Теперь можно было услышать, как Брежнев делает большой глоток чаю.

— Есть такое опасение, Леонид Ильич.

— Проклятый портсигар! — Из этой фразы Брежнева Павлушин легко догадался, что генсек пыгается безуспешно откупорить свой волшебный портсигар, сделанный для него отечественными умельцами с тем умыслом, чтобы он открывался не чаще определённого времени, дабы уменьшить количество табака, потребляемого главой советского государства.

— Огорчил ты меня, Пал Сергеич. А ведь за наш триумф в Монреале мы тебя хотим к ордену Ленина... Короче говоря, так: действуй по обстановке и сам принимай решение. Я тебе полностью доверяю. Понял меня?

— Понял, Леонид Ильич, спасибо за доверие.

— А кто должен нести наше знамя?

— Двукратный олимпийский чемпион борец Шарыгин.

— Да, я помню... Иван? Красавец! Такого нельзя чтобы застрелили.

В офисе спецслужб Павлушин застал Исакова и Даниличева, склонившихся над огромной картой Биг-О, как уже окрестили Олимпийский стадион в Монреале. Руководитель канадских спецслужб Вердые оживлённо говорил и тыкал пальцем в карту, будто ожидая, что в каком-то месте ей станет больно, и она вскрикнет, обнаружив болезнь. Но карта молчала, Вердые сердился, и Павлушин подумал: "Это конец!" Ясно, что ситуация не под контролем, и теракт вполне возможен. Казалось, Вердые не выдержит и заорёт: "Да пошли вы, русские, куда подальше со своими проблемами!"

Увидев бледного Павлушина, Исаков быстро закончил разговор с Вердые и вместе с Павлом Сергеевичем покинул помещение. В коридоре Павлушин доложил о разговоре с Брежневым.

— Велено самим решать. Нам с тобой, Павел Игнатьевич. Если шутки плохи, то снимать нашу сборную вместе со всем соцлагерем к едрене фене.

— На свой страх и риск...

— Желательно бы избежать... Так хорошо провели Олимпиаду, и на тебе!

— А если стрельнут, тогда что?

— И так плохо, и так плохо. Не знаешь, что хуже. По автобусам и домой — тоска! Застрелят Ивана и ещё кого-нибудь — канадцы обесрут на весь мир, а нам гробы в Москву везти...

— Обещают принять все меры, — неуверенно вздохнул Исаков.

— Проследи, Павел Игнатьевич. Если увидишь, что риск остался... — Павлушин глянул на часы. — Бляха-муха! Кто там из соцлагеря первыми идут?

— Болгары, естественно, по алфавиту.

— А наши в самом конце? После американцев?

— Да нет же, по французскому алфавиту, а США по-французски *Etats-Unis*, американцы за испанцами идут.

— Ах, ну да. Придумают же эти алфавиты нерусские!

И Павлушин, ругая французский алфавит, являющийся официальным на всех Олимпийских играх в честь их основателя француза Кубертена, отправился на поиски Папы, чтобы тот попробовал воздействовать на своего упрямого сыночка.

Георгий Михайлович Папиашвили, или попросту Папа, лучший тренер красношарской школы борьбы, в буквальном смысле вырастил Шарыгина, и тот во всем беспрекословно подчинялся ему. Почти во всём. Ещё вчера, когда появились первые, неподтверждённые нашей агентурой сведения о готовящемся выстреле, Папа пытался уговорить Ивана отказаться от несения

знамени по состоянию здоровья. Утром Папашвили со вздохом сказал, что они проговорили всю ночь, но Иван упёрся.

— Как осол, ёлки-пальки!

Конечно, можно было бы просто приказать, что знамя понесёт не Иван, а Бурдюков как главный тренер. Он тоже тяжелоатлет, но ему под сорок, новые спортивные достижения уже давно не светят, и дети уже большие, а у Шарыгина — совсем малыши. И главное, Бурдюков согласен. Но это был бы вызов общему решению всей нашей олимпийской команды, нехорошо.

Снова выслушав Павлушина, Папашвили рассердился:

— А ну-ка, где там этот Иван-болван!

Они вместе пошли туда, где наши спортсмены томились ожиданием начала церемонии, и Папа пошёл в наступление на Ивана:

— Я сам понесу это знамя! Ваня, у тебя двое малышей. А сведения о тракте подтвердились, ёлки-пальки! Скажем: два ребра сломаны, скажем: началось осложнение, а знамя-то — не пушинка, слушай! Бурдюков понесёт, в него и стрелять никто не станет. Ты слышишь меня?

Иван слышал, но всем своим видом показывал, что не хочет слышать.

— Георгий Михайлович, я вас безмерно уважаю! Но это вы зря. На войне как на войне. А если всё-таки выстрел будет? Все скажут: Шарыгин — трус.

— Трус — не трус! Ваня, вспомни Мюнхен. Эти арабы, они что, шутки шутили? Сколько хороших израильских борцов погибло! Соображай: нам с тобой ещё Московскую Олимпиаду надо выигрывать. Третье олимпийское золото. Шутки шутишь? Немедленно иди и говори, что...

— Простите, Георгий Михайлович, но я не вправе отказываться. Такая честь!.. Знамя страны!.. Давайте больше не будем об этом.

Папашвили беспомощно развёл руками и повернулся к Павлушину:

— Легче Красный Шар сдвинуть, чем этого Ивана! Это у нас такая скала, из-за которой и Красношарск так назван.

— Да что ж я, не знаю, что ли! — возмутился Павлушин, но не столько существованию скалы Красный Шар, сколько таким упёртым скалам, как этот Шарыгин. Папашвили проводил его взглядом, затем медленно повернулся к Ивану, внимательно посмотрел в его улыбающееся лицо и тоже не сдержал улыбку.

— Пропади ты пропадом! — сказал он ласково. — Лучше бы ты в этот грёбанный футбол тогда пошёл, ёлки-пальки!

С одиннадцати лет Иван мечтал стать новым Львом Яшиным. Воспоминание о том, как в их доме появился телевизор, нередко вспыхивало в его памяти голубым экраном, в котором великий вратарь взлетал по диагонали ворот и, как хищник, ловил кожаный мяч. И тогда звенел голос сестры, оповещающей, что привезли телевизор, а потом раздавался звон кузницы, в которой они работали вместе с отцом.

Распахивался горячий мир, где пылал горн, отец длинными клещами доставал из него пылающий кусок металла, нес к наковальне и громко пел, изображая оперного певца:

*Люди гибнут за метааалл, за металл!
Люди гибнут за метааалл, за металл!..*

В тот день они работали четвером — отец, Ваня и старшие братья Евгений и Виктор, недавно один за другим отслужившие в армии.

— Ванька, давай ты! — крикнул отец, бросая на наковальню раскалённую красную злоку. Иван одной рукою схватил большой кузнечный молот и стал колотить им, да так, что искры посыпались грозно и весело!

— Хорош! Переплющишь, медведище! — засмеялся отец.

Братья удивились:

— Во даёт Ванька! — сказал Жёня.

— Я в его одиннадцать лет только двумя руками, этот молот, мог. Одной — хренушки! — добавил Витя.

— Будущий Юрий Власов, — сказал отец.

— Олег Караваев, — блеснул познаниями в спорте Женья.

И тут как раз в кузницу вбежала сестра Тоня, на четыре года старше Ваньки. Она вся сияла так, что вот-вот искры посыплются.

— Мамке телевизор привезли! За многодетство!

Телевизор! В их селе со смешным названием Норка телевизоры имелись наперечёт, только в семьях больших начальников — у Залётовых, Усольцевых и Бавькиных. А тут такое дело! Три брата и сестра в жадной вопросительности уставились на отца. Но отцу самому хотелось поглядеть. И он дал отмашку:

— Ладно, антракт!

Отец шёл от кузницы до самого дома неспешной походочкой, а братьям-то не терпелось. Оставили его и понеслись скорее. Возле дома красивый и важный петух старался не обращать внимания на летящие в него камешки — это малышня развлекалась — Гришка, Танька да Нинка. Детей у Шарыгиных было много. Отец, когда его спрашивали, отвечал с усмешкой:

— Больше, чем в пятерне пальцев.

А на самом деле от старшинства к мелюзге — Витя, Женья, Вова, Тоня, Ваня, Гриша, Таня, Нина, а на сладкое — Саша и Шура, то есть, раз близнецы, то и быть им одинаковыми — Александр и Александра. Иван придумал для них общее прозвище — Сашурики.

— Гришка! Опять отца вызверишь! Кончайте петуха бомбить! — успел крикнуть Ваня, вбегая за братьями в дом. Дальше он помнил нескончаемое ожидание того, когда же, наконец, старшие наладят чудесный аппарат. И вот...

“Рубин-102”. Какое величественное и прекрасное слово “рубин”! Рубиновые звезды Кремля — что ещё надо? А какая могучая цифра 102. Не 100 ровно, и не 101, а именно 102. Крепкая такая цифра, 103, 104, 105 — уже лишнее, а 102 — вполне достаточно. И это “Рубин-102” заработало!

Вся семья была в сборе, уселись на диван и стулья. И только армия держала на далёком Сахалине третьего по старшинству Володю. Экран стал медленно загораться. Мать перекрестилась на иконы, стоящие на шкафу, и сказала:

— Ну, дай Господи, чтобы заработало!

— Mam, двадцатый век, телевизор в доме, убери ты это! — не утерпел Женья, на что получил суровое:

— Я вот те уберу кое-чо!

Шарыгины никогда убеждений своих не меняли.

И вот тут-то на экране прыгнула черная пантера — вратарь Яшин ловил мяч. Шли новости. Захватывающие моменты финального матча чемпионата Европы 1960 года во Франции. Диктор вещал: “Но наш прославленный вратарь Лев Яшин в головокружительных прыжках отразил все удары югославской сборной. Недаром он носит прозвище “Чёрная Пантера”! В дополнительное время, прорвавшись по правому флангу, Слава Метревели перебросил мяч на Михаила Месхи, тот навесил в штрафную площадь, и Виктор Понедельник в прыжке отправил головой мяч в ворота югославов. Сборная СССР стала первым чемпионом Европы, завоевав во Франции золотые медали и европейский кубок”.

Все дети Шарыгиных дружно вскочили и громко закричали:

— Уррраааа!

И это ура было всему — и советской сборной, и Льву Яшину, и Виктору Понедельнику, и нашему спорту, и нашим достижениям, и всей нашей необъятной и прекрасной державе с гордым названием СССР.

— Да вчера же по радио слушали трансляцию! — усмехнулся отец. Мол, эй, как будто впервые узнали.

— Всё равно — урррра!!! — крикнул Гриша.

— Уррраааа! — закричал и Ваня, схватил под попу двухлетнюю Сашурочку и на вытянутой руке поднял её над собою.

— Уронишь! — встревожилась мать.

— Не уронит! — засмеялся отец.

— Кубок Европы у нас! — воскликнул Иван, но кубок уже испугался и заплакал. — Не плачь, кубок! Мы тебя никому не отдадим!

С этого искрометного дня Ваня заболел футболом. Будущее определилось для него раз и навсегда — он будет таким же, как Яшин. Льву Ивановичу уже за тридцать, ещё лет десять, и он по возрасту уйдёт из большого спорта, тогда его место в воротах Родины займёт Иван Шарыгин.

Полёт Гагарина лишь слегка пошатнул будущую футбольную карьеру, но она быстро, как неваляшка, встала на своё место. В школе мальчишки застолбили за собой все будущие полёты в космос на много лет вперёд, в этом расписании могло найтись место и для Ивана, кто-нибудь бы подвинулся, но он разрешил одноклассникам лететь без него. К четырнадцати годам он защищал ворота не хуже Льва Ивановича и прыгал в верхний угол, как и полагается уважающей себя “пантере”.

Вот он стоит в воротах, высокий, гибкий, ловкий. Отбивает мяч из одного угла, тут же бежит в другой угол и там ловит мяч, подминает его себе под живот, скручивается вокруг мяча, как Яшин, тотчас вскакивает, торжествуя стучает мячом о землю, вбрасывает его в поле. Он великолепен, весь так и светится азартом игры. В прошлом году на чемпионате мира в Чили наши в четвертьфинале проиграли хозяевам. Яшин получил сотрясение мозга и к этому матчу оказался в плохой форме, отчего и пропустил два гола с дальней дистанции. Скоро второй чемпионат Европы... Вдруг в Норку невзначай приезжает какой-нибудь футбольный специалист, видит Ивана и кричит: “Немедленно его в Москву! Усиленно тренировать! Будет запасным у Яшина!”

— Конечно, поставили этого верзилу на ворота, хрен его пробьешь!.. Шар-рыга!

Услышав эти слова, Иван оглянулся и увидел Алика Бавыкина. Этот губошлёп из класса на год старше давно невзлюбил Ивана. За что? За девочек, которые заглядывались на Шарыгина и потешались над невзрачным Аликом, безнадежно влюблённым в них, во всех сразу.

Норка — огромное село, родившееся благодаря звероводству. Здесь издревле заготавливались меха, отсюда шла на запад России превосходная норка, давшая и название населённому пункту. Отец Бавыкина работал директором заготконторы, отчего и семья у них была самая зажиточная. Вот только вопрос: почему? Если бы на государственном уровне разрешалось с каждой сотни меховых шкур брать одну себе, тогда понятно.

— Что тут непонятного, — усмехался отец, когда Иван задавал ему эти вопросы. — Существуют планы заготовок, в них вписан процент отбраковки. Ну, и кумекай дальше.

Неужели отец Алика, солидный человек с красивым именем Трифон Ермолаевич, отбраковывает хорошие шкурки и перепродает их? Этого не может быть, ведь советская власть не допустит, есть же органы ОБХС — отдела борьбы с хищениями собственности.

— Богатые, а ребёнка только одного завели, — ворчала мать на Бавыкиных. — Другим бы такое богатство, таким, как мы, многодетным...

— Мы и без богатства детей поднимаем! — возмущенно спорил отец, и Ваня был с ним полностью согласен: богатство советскому человеку ни к чему.

В начале тридцатых годов русский авантюрист Борис Скосырев, выдававший себя за графа Оранского, представил Андорре план реформ, благодаря которым сие мелкое государственное образование могло якобы стать полностью независимым от Испании и Франции. Он так запудрил мозги доверчивым андоррчикам, что те провозгласили его королем Андорры Борисом I Оранским! Правил король Борис целых шесть дней и первым делом принял учредить игорный бизнес, как в Монако, но явились пятеро бравых испанских гвардейцев и взяли его за шкуру. Суд, год тюрьмы, высылка в Португалию, затем во Францию, отсидка в лагерях — сперва во французских, потом в ГУЛаговских, остаток жизни он провёл мелким рантье в Германии. И всё же, хоть несколько дней, да пожил королём! И даже успел

ненадолго поменять флаг Андорры, повернув триколор вдоль. После изгнания Бориса I андоррцы вернули полосы в изначальное вертикальное положение, но, что любопытно, в советских справочниках и даже в Большой советской энциклопедии этот триколор публиковался в скосыревском варианте.

Но здесь, на дорожку Монреальского стадиона, флаг Андорры выходил в своем исконном виде — синяя, жёлтая и красная полосы, поставленные вертикально, на жёлтой — герб маленьких, но гордых андоррцев.

— Всё, братики, пошла деревня Андорровка! — потирая руки, радостно произнёс Шустиков. — Кончилось наше ожидание!

Радость в его лице сменилась сильной заботой, как только он глянул на Ивана и вспомнил:

— Ваня, Ваня, Ваня! Подумай! Ещё есть время, Ваня!

Долго ли, коротко ли, но в гости к шарыгинскому кулаку бавыкинская морда всё же пришла. Иван возвращался домой после школы и двух часов футбола, а Бавыкин стоял с одноклассницами, и одна из них, Лена Байкалова, позвала:

— Шарыгин! В кино не хочешь сходить с нами?

Иван остановился, задумался, что ответить. По его понятиям, в кино приглашали парни девушек, а не наоборот.

— Если денег нет, я могу тебе купить билетик, не стесняйся, — губошлёпнул Бавыкин.

— Чего это у меня денег нет... — пробормотал Иван. Денег у него и впрямь не было. — Просто нет охоты. Спасибо.

И он пошёл было дальше, как вдруг услышал совсем уж наглые слова Бавыкина:

— Какое кино? Ему отцу помогать надо. Самогон варить.

Иван оглянулся:

— Это ты зря.

Девушек заинтриговало:

— Самогон? Что, правда?

— А то нет! В доме у них мамаша нарожала, кормить-одевать нечем, в кухне молотком много не намахашь. Вот и варят.

— А это ты уже совсем зря, — грозно произнёс Шарыгин.

— Да не может быть! — не поверила Байкалова и посмотрела на Ивана влюблёнными глазами.

Кулаки у него уже сжимались. Бавыкин не рассчитал своей наглости:

— Да как не может быть! У них это семейственное. Оттого и фамилия произошла. Что такое “шарыга”? Это который шары свои залил. Алкаш, значит. И сами шары заливают, и других спаивают.

— Ну, а это уж совсем ни к чему.

Вернувшись домой, Иван первым делом решил сесть за уроки. Саша и Шура молча подошли и встали рядом.

— Ну что, Сашурики, опять хотите, чтобы я вас в небо подбрасывал?

— Надо, — кивнула головой Шура.

Пришлось позапускать их немного в космос, куда деваться? А тут по “Рубину” новости. Телевизор в семье Шарыгиных так и не стали называть телевизором или теликом. Говорили с уважением: “Рубин”. Что сегодня вечером по “Рубину”? “Отец, включи “Рубин”, пожалуйста”. “Хватит с утра до ночи “Рубин” глазами сверлить!”

По “Рубину” шёл репортаж: “Двадцать третьего октября на стадионе Уэмбли ворота сборной мира в матче против сборной Англии будет защищать Лев Яшин, получивший в этом году приз лучшего футболиста Европы — Золотой мяч”.

Вошёл отец с деревянной свистулькой.

— Ванька, опять после школы два часа футбол? Чем с мячом гонять, лучше дров наруби. Силу для пользы надо применять, а не так, шалай-валяй. И уроки садись учи. Это полезней будет.

— Вот увидишь, батя, я буду, как “Чёрная Пантера”! Следом за Яшиным буду я, Шарыгин.

— Ну, это ты зря... Я да я! Якалка!

Отец протянул свистульку Сашурику.

— Ну-ка, подуй-ка сюда, сыночек.

Иван сел за уроки, но тотчас вспомнил, о чём хотел спросить отца:

— Бать, а откуда такая наша фамилия — Шарыгины?

— Шарыгины-то? Так, известное дело, самая сибирская фамилия наша. Каторжная. Что такое шарыги? Это такие кандалы были при царском режиме.

— Кандалы?

— Ну, и не только. Ещё шарыгами называли крепких людей, у которых мускулы, как шары. Люди крепкого физического труда — бурлаки, чернорабочие, грузчики. На речных судах гребцы тоже шарыгами назывались. Короче, в фамилии нашей содержится что ни на есть крепость и огромная сила.

У Ивана аж дух захватило от гордости.

— А чего ты вдруг фамилией нашей озаботился?

— Да тут один... Говорит, шарыга значит пьяница, алкаш. Который шары заливает.

— Кто ж такую брехню распускает?

— Да Алик Бавыкин.

— Меховой сыночек? Ну, это он совсем ни к чему. Дурак твой Бавыкин. И подлец порядочный. Недаром ему то и дело харю чистят. Надо же — Алик! Нет такого имени. А вот в городах, я слышал, как раз аликами алкашей-то и называют. Садись, говорю, за уроки!

— Так я ему рожу-то и начистил, батя! — засмеялся Иван.

— Ну, за такие слова нельзя было не навалить. Сильно накувалдил?

— Порядочно.

— Как бы в милицию не заявили. У его отца всюду всё схвачено. Федьку Бережного на пятнадцать суток отправили. Тоже за Алика.

Антильские острова входят в состав королевства Нидерландов, но их небольшая сборная выступает под своим флагом, и это белое полотнище с красной и синей полосами, положенными одна на другую крест-накрест, двигалось по дорожке стадиона Биг-О сразу за Андоррой. За жителями островов Карибского моря выходили посланники Саудовской Аравии под своим зелёным знаменем с белой саблей и белой арабской вязью: “Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — его посланник”. У саудитов свои заморочки с флагом: чтобы надпись одинаково читалась с обеих сторон, знамяшивается из двух одинаковых полотнищ. Надпись считается настолько священной, что флаг Саудовской Аравии единственный, который никогда не опускают ни при каких траурах.

Исаков стоял на стадионе и смотрел в бинокль, но не на шествие знамен, а на трибуны, пытаясь в ком-нибудь угадать возможного стрелка. Он видел представителей канадских спецслужб, шастающих по трибунам с растерянным видом. Вряд ли они смогут случайно наткнуться на убийцу. Это было бы чудо. Вон тот чужак с огромной хлопушкой — они подошли к нему, поговорили, повертели в руках хлопушку, могли бы и внутрь заглянуть при таком-то форс-мажоре, так нет, извинились и отошли себе.

Как же хорошо всё складывалось, такой успех наших олимпийцев! Сорок девять золотых медалей, на пятнадцать больше, чем у американцев, занявших третье место после ГДР. В общем зачёте сто двадцать пять медалей. Тут америкашки на втором месте, но с девяносто четырьмя медалями. Из стран-участниц, вошедших в первую десятку, семь из соцлагеря — СССР, ГДР, Польша, Болгария, Куба, Румыния и Венгрия, и только три капиталиста — США, ФРГ и Япония. Какой триумф!

И как бы не наломать дров под занавес!

Время шло, чудо не совершалось, никто не приезжал и не увозил великого вратаря Шарыгина в сборную, запасным к Яшину, и великий вратарь корпел над уроками. Зевая, богатырски потягивался, смотрел на вырезки из газет с фотографиями Льва Яшина и Юрия Гагарина. Они смотрели на него с любовью, пониманием и сочувствием.

— Ладно, за меня не переживайте, всё ещё впереди. Не попаду на чемпионат Европы, подождём чемпионата мира в Англии. Что говорите? Дрова наколоть? Ладно, сделаем.

Хряп, хряп! Весело раскалываются чурбачки. Иван с удовольствием колет дрова во дворе дома. Неподалёку Володя и Гриша пилят. Володя недавно из армии вернулся. Отслужили старшие Шарыгины, теперь через два года очередь Ивана.

К забору подошли четверо мужиков — Захар Добрынин, Виктор Трескин, Павел Скоков и Алексей Новиков. С ними и Бавькин. Давно ли по морде получал... С тех пор кое-как помирились, Алик извинился за то, что клеветал на Шарыгиных, Иван — за пару зуботычин. Стоя среди четырёх мужиков, Бавькин позвал:

— Эй, Шарыга! Кончай дрова колоть! Дело есть.

— Какое ещё дело?

В переговоры вступил Трескин:

— Иван! С Захаром будешь на поясах?

— Мы поспорили, я говорю, что Захара тебе точно уж не одолеть, — сообщил Новиков.

— Куда ему против Захара! Я тоже на Захара поставил, — с вызовом добавил Алик, а Трескин пояснил:

— По тройку поставили. Мы с Павлом за то, что ты одолеешь.

Иван отставил топор в сторонку, осмотрел Захара. Захар — мужик лет тридцати, крупный, с виду опасный. Но попробовать можно.

— Ну ладно, пойдём. Посмотрим, кому тройка достанется.

— Если чо, с меня пиво, — пообещал Трескин.

— Мы, Шарыгины, не пьём.

Бавькина опять нечистый за хвост дернул:

— Ха-ха! Сказанул! Не пьют они...

Иван посмотрел на него своим особенным взглядом:

— Это ты зря.

Второго предупреждения уже не требовалось.

Под вывеской “Восточно-Енисейский леспромхоз” на дворе большой лесопилки собралось мужиков человек двадцать. Все галдели в предвкушении поединка:

— Да куда ему против Захара!

— Придумали тоже! Ваньке пятнадцать, а Захарке тридцатник.

— Так Ванька всех кладёт. Пронского положил, на что уж тот бугай! Пронскому тоже тридцать.

— Ну, хватит опилки сыпать, уже не покалечатся.

Из опилок насыпали для борцов толстый ковёр. Иван и Захар затащили пояса, встали друг против друга. Захар подмигнул Ивану. Шарыгин в ответ сделал скучающее лицо. Взяли друг друга за пояса. Начали бороться. Иван худой, но мускулистый, однако у Захара масса тела вдвое больше. Кажется, победа будет за ним. Но Иван вдруг сделал резкое движение, приподнял Захара и ловко повалил его на лопатки. Некоторое время оба барахтались в брызгах опилок, но Иван сверху давил настойчиво, и минут через пять Захар перестал сопротивляться. Пошёл дождь. Иван, довольный, победно встал во весь свой рост, сияя, весь в мокрых опилках, золотистых и рыжеватых, как его волосы. Подал руку Захару, помог ему встать.

— Ну, ты медве-е-едь! — смущённо, стараясь не выдать досады за своё поражение, сказал Захар.

— Я не медведь. Я — Иван Шарыгин.

Иван скользнул беглым взглядом по восторженным лицам мужиков. Трескин толкнул Новикова, и тот нехотя протянул ему зелёный тройак. Поморщился, но тотчас тоже присоединился ко всеобщему восторгу:

— Видали? А парню всего пятнадцать лет! Не перевелись в Сибири богатыри!

— Эй, Бавькин, — толкнул Алика Скоков, — с тебя тоже трёшка! Или не успел у папани свистнуть?

Бавыкину не жаль трёшки, жаль, что Захар не помял бока Ивану. Брезгливо достал три рубля, отдал мужикам.

— Да заберите! Шар-рыга!..

Он сплюнул и учесал прочь, а Иван радостно принял рукопожатия мужиков.

— Чего это тебя Алик так ненавидит?

— Это он зря...

— Понятное дело, девки все по Ивану сохнут, а этому сморчку: “Пошёл вон, дурак!”

В тот год, когда русские сразились с французами на Бородинском поле, Испания, изнывающая под сапогом Наполеона, теряла свои колонии в Южной Америке. Генерал Бельграно разгромил испанцев и впервые поднял над своей Аргентиной знамя, которое с тех пор не менялось. Аргентинцы, как и граждане всех стран мира, трепетно относятся к нему, и даже самый первый фильм, снятый в этой стране, назывался не как-нибудь, а “Аргентинский флаг”!

И вот полотнище с двумя небесного цвета полосами, разделенными третьей полосой белого цвета, на которой сияет золотое солнце, поплыло над Олимпийским стадионом Монреаля, где аргентинцы не получили ни одной медали, даже бронзовой.

— Как медленно плывут эти знамена! — проворчал Исаков, на что стоящий поблизости Даниличев возразил:

— Да что вы, Павел Игнатьевич, по-моему, так слишком быстро чешут. Помедленнее бы. Глядишь, хоть как-то, да обнаружат шакала.

— Не думаю. Ох, беда!..

Беда явилась в дом Шарьгиных неожиданно, и тогда-то припомнили, как приходил бродяга-провидец. Случилось это, когда Ивану ещё только лет пять было. В кузнице работали отец, Жёня и Володя, а Ванька ещё только так, приноживался к кузнечному жару, хотя руки свои то и дело куда надо и не надо совал. Сам он про тот случай не помнил, но когда после принялись вспоминать, ему стало казаться, будто и он что-то такое припоминает.

Отец, как обычно, пел. И вдруг в кузницу вошёл незнакомый человек. Тихо так прошёл, сел на лавку. Только тут на него обратили внимание. Вроде не молодой, но и не старый. В голове седина, хотя и не весь седой. Одет обычно: штаны, гимнастёрка, ватник. Но в лице что-то такое... Весьма необычное. Сразу видно, что человек этот — странник.

— Ничего, что я тут посижу у вас?

Отец пожал плечами:

— Отчего же нельзя? Может, водицы желаете, дедушка?

Странник ответил:

— Работайте, кузнечики, не хлопчите обо мне. Я когда-то сто лет назад тоже в кузне работал. Желательно поглядеть, как вы это дело справляете.

Отец переглянулся с сыновьями: ага, мужичок-то с приветом!

— Ну, как хотите. А то там и квасок имеется. Вам что же, сто лет?

— Да кто же его знает. Сколько мне лет? Уже нисколько... — последовал ответ.

Отец ещё раз переглянулся с сыновьями, и они продолжили обрабатывать детали для геологической партии. Огонь, удары молотков, искры... Отец по своему обычаю запел, громко, по-оперному:

*Жили двенадцать разбойников,
Жил Кудеяр-атаман.
Много разбойники пролили
Крови честных христиан...*

Подозвал к себе младшего:

— Ванюша, сходи, возьми у меня в сумке кусок хлеба, начерпни кваса да подай человеку.

Ваня приказ отца исполнил, странник поблагодарил, молча съел хлеб, запил его квасом, затем встал, перекрестился.

— Спаси Христос вашу общую кузницу! Спасибо за хлеб да квас. Что не прогнали перехожего. Бога не забывают.

Он посмотрел на отца:

— Ты, Николай, деревьев не боишься, а в один-то день побойся.

Посмотрел на старших братьев:

— Ты, Евгений, на катере не лихачь. На здешних реках пороги, сам знаешь, какие. А ты, Владимир, в дождь трактора опасайся. Да оба смотрите за своей правой ногой.

Отцу вдруг эти пророчества страшно не понравились, и он грозно сказал страннику:

— Это ты зря.

Но тот невозмутимо продолжил:

— Не перебивай. А этот ваш головастый, — он кивнул на Ивана, — много славы иметь будет. Хорошие люди любить его будут. А плохие ненавидеть.

Он наклонился к Ивану и улыбнулся ему:

— Только, когда едешь, не кричи: “Давай быстрее!” И с флагом поосторожнее. Хороший ты парень. Божий. И человеческий.

С этими словами странник тихо вышел из кузницы. Отец крикнул вдогонку:

— Уважаемый! А откуда ты нас по именам знаешь?

Но того уже и след простыл.

Вскорости и забыли про того странника. Однако прошло время, и одно из его предсказаний сбылось. Про Женю. Он после службы в армии как раз на катере мотористом устроился. Гнал свой катер, вёз пассажиров, поклажу. Один пассажир в живых остался, и потом рассказывал, что его всю дорогу что-то глодало, он просил:

— Евгений, ты бы не гнал так катерок-то. Куда несёмся-то? Успеем!

А тот ему:

— Кто не рискует, тот не пьёт шампанского...

Их занесло на пороги, Женя не справился с управлением, катер перевернулся, с грохотом ударился об камни. Двух пассажиров убило об камни, а третий, весь переломанный, вылез на берег и вскоре увидел, как лодку выбросило из воды вместе с Женей. Повреждённым бортом ему заклинило правую ногу, и он захлебнулся.

Так не стало у Николая Сергеевича и Екатерины Петровны Шарыгиных одного из сыновей.

На поминках вспомнили про странника с его предсказанием.

— Да ну, чепуха это все! — махнул рукой Володя.

— А если нет? — пригорюнилась мать. — Что он там про остальных говорил?

— Мне деревьев бояться, Володе — дождя, а Ваньке — флага, — ответил отец.

— И не кричать “Быстрее!”, когда на машине едешь, — добавил Володя.

— А ещё сказал, что у Ивана слава будет огромная, то ли на всю Сибирь, то ли на всю страну, а то ли даже на весь мир, — утешил отец.

Горестно было осознавать, что погиб Женя, но предсказание про будущую славу настраивало на бодрый лад. Быть ему новым Львом Яшиным, если не больше. Быть!

На второй чемпионат Европы по футболу его не вызвали, не пришло время. Да и где его кто увидит в Норке? Зато Агабан — город куда более значительный, сто пятьдесят тысяч жителей, тут спортивных школ множество, всякие люди приезжают, в том числе и на местный футбол поглядеть. В шестнадцать лет Ваня переехал сюда, учился одновременно в десятилетке и в автошколе, при которой сколотилась крепкая футбольная командочка.

И вот вам афиша:

“11 июня 1965 г.

Матч на первенство Агабана по футболу.

СК “Автомобилист” — СК “Молодость”

Начало: 18:00”.

К афише подошли пожилой директор строительного техникума Бурыгин и тридцатилетний спортивный тренер того же техникума Чашкин, по национальности хакас.

— Не желаете ли посмотреть футбольный матч? — спросил Бурыгин.

— Даже не знаю... — замялся Чашкин.

— Пойдёмте, Василий, не пожалеете. У автошколы в воротах стоит такой амбал — пальчики оближешь! Трудно пробиваемый. Нам бы такого в нашу команду, мы бы тоже могли за первенство города побороться.

— Уговорили. — Слово “амбал” подействовало на Чашкина, как на борца.

И они пошли смотреть футбол, к которому Чашкин в целом был равнодушен. На воротах агабанской команды “Автомобилист” стоял огромного роста и крепкого телосложения юноша. Атака, сильнейший удар в створ ворот, а этот амбал на месте отбивает мяч, потом ловит его и бросает далеко-далеко, на середину поля. Какая сила в движениях и одновременно какая грация!

Чашкин в восторге смотрел на него. И такой кадр пропадает в футбольных воротах!

— И как зовут этого молодого Геракла?

— Иван. Иван Шарыгин.

В перерыве Чашкин рванулся в раздевалку “Автомобилиста”. Среди мелькания полотенец, которыми растирались игроки, высветились лобастые черты вратаря.

— Здравствуйте! Вы — Иван Шарыгин?

— Здравствуйте. Он самый.

— Вам сколько лет?

— А что такое?.. Семнадцать скоро.

— Иван, вы понимаете, что можете стать по-настоящему великим спортсменом?

— Само собой.

Вот оно! Долгожданное чудо! Явился ангел из небесного футбольного мира. Чахленький, правда, раскосенький, но да какой есть.

— Меня зовут Василий Иванович. Фамилия...

— Чапаев! — гоготнул стоявший неподалёку защитник Филечкин.

— Нет, хотя тоже на Ча, — Чашкин. Я профессиональный тренер. Сегодня впервые увидел вас, Иван, и сразу понял, что можно вылепить из этой глыбы. Еле дождался, когда кончится первый тайм.

— Ну, наконец-то! А то я всё жду, когда меня пригласят в большой футбол. Очень приятно, Василий Иванович. А я — Иван Николаевич.

Они пожали друг другу руки, но тотчас сказка окончилась:

— Какой там большой футбол! Какой мяч! Парень, ты же создан для ковра! Цены тебе на нём не будет...

— Какого еще ковра?

— Ковра-самолёта, — снова пошутил Филечкин.

— Борцовского, — сказал Чашкин.

— У-у-у... А я-то думал... — огорчился Иван.

— Понимаю. Мечтаете быть новым Львом Яшиным.

— Нет. Иваном Шарыгиным.

— И вы им будете. Но не на зелёном поле, а на борцовском ковре.

— Так вы тренер по борьбе?

— Да. Тренирую ребят в строительном техникуме.

Иван снова протянул свою руку для пожатия. Чашкин радостно схватил её, стал трясти.

— Стало быть, по рукам!

— Стало быть, до свиданья, Василий Иванович.

— Погодите...

— Некогда. Второй тайм.

По знаку тренера Иван и другие футболисты стали покидать раздевалку, побежали на поле.

Вернувшись на трибуны, Чашкин теперь уже с негодованием взирал на его виртуозную игру, как он снова и снова ловит опасно закрученный мяч.

— Вот собака!

— Кто?

— Да этот ваш лобастый болван, Шарыгин.

— Он же вроде бы вам нравился.

— А теперь нет.

Крыж — верхний угол флага у древка. В крыже флага Австралии — британский флаг “Юнион Джек”, из-за чего, когда он был принят, о нём писали: “Умы медленно меняются, и Австралия до сих пор является мальчуганом Британии”. В Монреале двести австралийских спортсменов не смогли завоевать ни одной золотой медали. Однако это не мешало им с гордостью и под аплодисменты канадцев, долгое время бывших такими же мальчуганами Британии, идти по дорожке стадиона и нести своё синее знамя с Джеком и белыми звездами.

— Я бы вообще сделал так, — продолжал суетиться Шустиков. — На церемонии открытия — ладно, пусть уж все, кто приехал, со своими флагами чапают по стадиону. Но на закрытии — шалишь! Только те, кто хоть одну золотую медаль взял. Ну, или ладно, хрен с ними, пусть и те, кто хоть одну бронзовую. Что, не так? Парад победителей!

— А как же — главное не победа, а участие? — усмехнулся Сосланов.

— Психология неудачника! Да, я в жопе, но зато поучаствовал.

Последнее высказывание Броневичка вызвало дружный смех.

— А что, нет? — радовался Шустиков, что он снова в центре внимания. — Видал я таких участников на собачьих свадьбах. Бежит этакий цуцик позади всех, его все кусают. Ничего ему не обломится, но он всё равно бежит с важным видом — участвует!

— Лёнь, ну, ты уже всех уморил, — сделал ему замечание Иван. — Дойдёт до нас очередь, мы на дорожку выходим и все дружно ржём. Ты этого хочешь?

— Ваня, Ваня, ты меня не трогай, я в твою сторону даже и смотреть не хочу, — заслонился от сибиряка Шарыгина сибиряк Шустиков.

Чашкин достал. Ходил за Иваном по пятам, как влюблённый юноша, не обращающий внимания на истощение: “Ну, не хочу я тебя!”

В очередном матче “Молодость” проиграла со счётом пять-ноль “Автомобилисту” и была временно переименована циниками в “Старость”. Неделю через две после такого позора Шарыгин сидел тихо-мирно в общежитии агабанской автошколы, играл в шахматы с Андрюхой Ниткиным и вместе со всеми обитателями комнаты слушал по радио репортаж об отборочном матче чемпионата мира. Закончился первый тайм, и диктор уныло подытожил:

— Итак, после гола Метревели на третьей минуте матча наша сборная ничего не смогла сделать против сильнейшей обороны сборной Дании и уходит на перерыв при счёте один — ноль...

Андрюха неуверенно пошёл пешкой, но вернул её на место и произнёс:

— Да, хорошо бы хотя бы один — ноль и осталось.

Иван рассердился:

— Ты ходить будешь когда-нибудь?

Ниткин почесал затылок:

— Да что тут ходить, ты опять выигрываешь! Во всём первом хочешь быть всегда.

В комнату заглянул ещё один из парней автошколы Миша Попов:

— Ваня! Там опять этот тренер чокнутый. Тебя просит!

Ивана взбесило. Или, как он всегда выражался по-отцовски, “вызверило”.

— Ну, ё-шкар-ола!

— Иван, он тебя прямо как девушку окучивает! — засмеялся Андрюха. — Прямо жениться хочет.

— Да пошёл он!

Нехотя, с недовольным видом Шарыгин вышел на улицу, где его поджидал Чашкин:

— Добрый вечер!

— Василий Иваныч, ну, я же наотрез отказался. Чего вам ещё надо? Да говорите быстрее, пожалуйста, а то там наши с датчанами отборочную играют. Не шутки!

Чашкин посмотрел на него с ненавистью:

— Иван, слушай! Я тебя уверяю, ты создан для ковра. Приходи ко мне на тренировку завтра. Больших успехов достигнешь.

Иван застонал:

— Ну, не хочу я!

— Хочу — не хочу... Да поздно тебе в большой футбол стремиться...

— Яшин с восемнадцати начал, а мне ещё семнадцати нет.

— Так то когда было! После войны. А сейчас шестьдесят пятый год, Ваня. Футболистов чуть ли не с пелёнок начинают готовить.

Иван тяжело вздохнул, но продолжил борьбу:

— А борцов не с пелёнок? С ползунков?

Чашкин не мог не согласиться. Борцов тоже начинали уже с самых ранних лет тренировать.

— Иван... Ну, хоть попробуй. Не понравится в зале — никуда твой футбол не денется. Но учти, ты создан для борьбы. Это я тебе как специалист говорю. Неужели не хочешь стать чемпионом мира?

Иван усмехнулся:

— Чемпионом-то какой же дурак не хочет...

Чашкин приободрился:

— Отборочный, говоришь?.. Не отпущу, пока не пообещаешь, что придёшь завтра в шесть.

— Короче, так... — начал было Шарыгин и задумался. — Короче так: если наши во втором тайме забьют датчанам ещё пять голов, приду завтра.

Чашкину захотелось дать ему по харе.

— Вань! А нельзя ли посерьёзнее?

Иван буркнул “досвида” и возвратился в общагу.

— Пять голов!.. Вот морда! — сплюнул Чашкин.

А через сорок пять минут будущий Лев Яшин — Иван Шарыгин — замер с фигурой ферзя над шахматной доской, играя уже с Игорем Пановым. Все в комнате возбуждённо слушали радиоприёмник, окончание репортажа. Ниткин даже стоял перед источником вещания на четвереньках, как собачка перед предлагаемой ей сосиской. В радиоприёмнике прозвучал финальный свисток и ликующий, даже пьяный голос диктора:

— Итак, забив во втором тайме пять голов, сборная СССР покидает поле Центрального стадиона имени Ленина, одержав сокрушительную победу над сборной Дании: шесть — ноль!

— Это они зря... Вот ты ж понимаешь!.. — И Шарыгин громко припечатал шахматную доску победоносным ферзём.

Если бы австрийцы слышали рассуждения Шустикова о собачьей свадьбе, они бы поморщились, но не обиделись, поскольку одну бронзовую монреальскую медальку они всё-таки отхватили.

Отношение к знаменам у австрийцев особо пламенное. Помнится, в одном сражении, в котором наши и австрияки участвовали как союзники, победу обеспечили русские, а знамена врага почему-то оказались в руках австрийцев. Суворову пожаловались, на что Александр Васильевич махнул рукой: “Ах, оставьте! Мы-то себе ещё раздобудем, а им, бедолагам, где взять?”

Когда-то во время Крестовых походов белые одежды Леопольда Австрийского после битвы оказались полностью залиты кровью, но когда он снял с себя широкий пояс, под ним обнаружилась белая полоса. Так появился красно-бело-красный флаг Австрии, существующий и поныне.

Какая страна в мире до сих называется “Восточная империя”? Это Австрия. Потому что сами австрийцы называют свою страну “Österreich”. А на гербе какой страны мира до сих пор есть серп и молот? На гербе Австрии. Чёрный орёл держит в лапах именно эти символы труда. И этот чёрный орёл сидит на белой полосе знамени, плывущего по почётной дорожке стадиона Биг-О.

А в своём родном Агабана сорокалетний Чашкин сидел перед телевизором и ждал, когда появится советская сборная, чтобы увидеть своего Ивана, человека, добившегося наибольших успехов из всех, кого Чашкину довелось тренировать. И вспоминалось, как Шарыгин пришёл к нему, будто с повинной.

Как невзначай брошенное слово может оказаться судьбоносным! Сказал Ваня: “Если наши забьют ещё пять голов...”, — и думал, что не забьют. А они взяли, да забили. Говорил, что никогда не будет борцом, и что же?..

На другой день после столь решающей в его судьбе победы наших над датчанами Шарыгин пошёл в кино ещё раз посмотреть “Живёт такой парень”. Нравился ему этот фильм Шукшина. И не только тем, что в нём родные сибирские просторы. Нравился сам герой — вроде бы шалай-валяй парнишка, ни то ни сё, без царя в голове. А когда надо спасти людей, не задумываясь бросается, рискуя жизнью. Такими же были Матросов и Гастелло. Настоящая русская натура.

Перед фильмом шли прошлогодние “Новости дня”, и вот на тебе — опять про борцов, как они побеждали на Олимпиаде в Токио. На ковре красавец Александр Иваницкий, ставший чемпионом в тяжёлом весе. Невооружённым глазом и не увидишь, что он такое делает, чтобы соперник неожиданно лёг на лопатки.

А вот уже Александр Медведь, и голос комментатора наполняется едва заметным особенным теплом:

— Когда кто-то из журналистов сказал ему: “Вы настоящий медведь!”, — наш олимпийский чемпион ответил: “Да, только без шерсти!” На Олимпийских играх в Токио Александр Медведь завоевал золотую медаль в полутяжёлом весе. В финале ему хватило всего тридцати девяти минут, чтобы уложить на лопатки болгарина Вылко Костова.

Кончился киножурнал, по обыкновению тех лет предварявший собою показ художественного фильма. Начался сам фильм, и Шарыгин пытался переключиться на него и не мог. Почему-то всё казалось, что к главному герою Пашке Колокольникову вот-вот подойдет Чашкин и скажет: “Ты будешь чемпионом по борьбе!”

На третий день Иван явился к Чашкину.

— Ну что? — спросил Чашкин.

— Как что? Пришёл вот.

— Зачем?

— Как зачем! Наши-то забили.

— Что забили?

— Пять голов.

— Ничего не понимаю. Какие пять голов? Какие наши?

— Да ладно вам, Василий Иванович! Шарыгин своё слово держит. Хоть и ляпнул сдуру, а отвечать приходится.

Дима, Дима... Мелкий шкет, а туда же! Иван, когда его увидел, чуть не сказал: “Ну, это несерьёзно”, — да боялся обидеть человека. А этот Дима, который чуть ли вдвое меньше Ивана...

— Ну, давай, Иван, тебе ничего не стоит, сейчас ты его повалишь. А ну-ка, Дима!

Иван уверенно налёг на соперника, но произошло нечто неожиданное: он вдруг оказался на ковре на лопатках, даже не сообразив, какой именно ловкий ход использовал этот Дима.

— Ого! Ну, ты, шкет, даёшь!

Чашкин тут как тут со своей издёвочкой:

— Да, Иван, видно, тебе и впрямь лучше в футбол вернуться.

— Я же говорил... — промычал Шарыгин, хмурясь.

— Ну, ладно, иди переодевайся. Что ж... — развёл руками Чашкин, мол, извини, я в тебе ошибся, не та ты птица.

Ивана задело:

— А ну, как это делается?

Он снова встал в стойку и начал бороться с Димой. Тот снова перевернул его и повалил. Позорнее не бывает! И Чашкин снова:

— Да, Медведем тебе не быть. Придётся опять в рядовые Львы Яшины податься.

Иван выпрямился и принял позу раздражения — руки скрещены на груди.

— Это вы зря... Медведем не быть. И Львом. Я буду Шарыгиным!

Он вошёл в азарт, снова сделал попытку побороть Диму, и тот снова его повалил, но на сей раз Иван уловил Димин приёмчик. Вскочил уже не обиженно и позу раздражения принял всего на секунду.

— Это уж ты совсем ни к чему...

Он снова вступил в схватку, и на сей раз Диминым же приёмом уложил Диму. Счастлив без меры. Ещё недавно чуть не слёзы брызгали из глаз, а теперь — лучи. Чашкин взбодрился:

— Это другое дело. Ну что, может, повременишь с футболом?

Когда после Кубинской революции буржуи всего мира вынуждены были отказаться от кубинских курортов, они перекочевали на Багамские острова, и их жители должны признать Фиделя Кастро святым за то, что он невольно стал тем, ко принёс Багамам благосостояние, а затем и независимость от Британии. И в Монреале они впервые выступали как спортсмены независимого государства. И хотя всего лишь поучаствовали, но свой флаг из чёрного треугольника, двух голубых полос и одной жёлтой несли с гордостью.

Впрочем, всё равно главой государства и на Багамах, и на соседнем Барбадосе остаётся английская королева, так что они тоже — мальчуганы Британии. Флаг Барбадоса очень подходит для пионерского праздника Нептуна: две синие полосы, между ними — жёлтая, а на ней — трезубец.

Незаметненько пройдя по Биг-О, не имеющие никаких медалей Багамы и Барбадос уступили место маленькой, но грозной Бельгии. Многие века она была составляющей государственных коктейлей: то в составе Бургундии, то в составе Франции, то в составе Нидерландов, пока, наконец, не стала самостоятельным напитком. Во время Первой мировой войны французы и немцы выбрали Бельгию полем сражений друг с другом, исколошматив бедную страну. А потом бельгийский флаг не сразу склонился перед Гитлером, за что бельгийцы подверглись репрессиям.

И в спорте бельгийцы не просто участники, а очень часто победители. Три серебра и три бронзы — в Монреале они могли с честью нести свое чёрно-жёлто-красное знамя.

Разница во времени между Монреалем и Норкой — одиннадцать часов, и когда в Монреале наступил вечер и началась церемония закрытия Олимпийских игр, в Норку ещё только пришло утро, но в доме Шарыгиных уже с пяти часов утра никто не спал — готовились смотреть трансляцию:

— Включайте “Рубин”!

Это уже был не тот “Рубин”. Тот, самый первый, заветный-многолетний, хранился в кладовке на особом месте. При случае его можно было и посмотреть, если другой сломается. Но теперь в центре внимания — тяжеленный цветной “Рубин-401”, купленный, конечно же, Иваном, когда он стал чемпионом Олимпиады в Мюнхене, и эти телевизоры всё ещё были огромной редкостью, особенно в сибирской глубинке.

Но сколько нужно было пройти ему, не “Рубину”, а Ивану, до сияющего чемпионства от позора первого соревнования.

В большом спортивном зале установлен пьедестал. На второй и третьей ступеньках уже стоят борцы с медалями на шее и с цветами в руках. Подоаль — шеренга с другими участниками соревнований. С краю шеренги стоит понуро Иван. Объявляют: “На первую ступень пьедестала почёта вызывается чемпион первенства Хакасии 1966 года...” Но это не он, не Шарыгин. Шарыгин сломался в первых же поединках!

Понуро брел он по летним улицам Агабана.

— На хрена они забили эти пять дурррацких голов!

Его догнал Чашкин:

— Иван! Надеюсь, ты...

Иван посмотрел на него злыми глазами:

— Первое первенство... И самое последнее место!

И зашагал прочь, подальше от змия-искусителя.

— Иван!..

Оглянулся и совсем уж злобно:

— Да идите вы... Василий Иванович... Я вам не Петька!

И прыгнул в отъезжающий автобус. Чашкин задохнулся от обиды. Потом помчался было за автобусом, но остановился и тоже вызверился:

— Ну и хр-р-р-ен... с тобой!

В своей общежитской комнате Иван лежал на кровати ничком, богатырская рука свесилась до пола. Отец сидел за столом, пил пиво, ел вяленую рыбу. Как бы ему до фонаря, что люди гибнут за металл.

— Хорош муксун! Наш, енисейский. Напрасно ты отвергаешь. И пиво тут у вас в Агабане отменное. Молчишь?.. Да ладно тебе, Ванюшка! Каникулы начались. Поедем. Надо семье помогать. Поплывём в верховья Енисея. Лес валить. Зарботки леспромхоз обещает хорошие.

— Поедем, — глухо отозвался Иван.

По дорожке Биг-О прошли ещё два мальчугана Британии — Белиз и Бермуды. Белиз, некогда называвшийся Британским Гондурасом, никогда не завоевывал медалей, а вот Бермуды отличились как раз в Монреале. Боксёр Кларенс Хилл отлично бился на ринге, и никто не смог вмазать ему в бермудский треугольник лица, хотя досталась только бронза. Но всё же!

Флаг Белиза синий, в нём белый круг с изображением герба, а на гербе — красное дерево с ценнейшей древесиной и два дровосека, потому что первыми европейцами Белиза стали торговцы красным деревом.

Флаг Бермуд — единственный в мире, на котором изображено кораблекрушение. Лев держит щит, на щите — гибель фрегата “Морская удача”, все пассажиры которого уцелели и стали первыми жителями Бермудских островов. Но разглядеть этот захватывающий сюжет на флаге невозможно, ибо он слишком мелко прорисован. Даже в оптический прицел не увидишь.

Исаков продолжал разглядывать в бинокль трибуны стадиона в надежде увидеть нечто, что натолкнёт канадские спецслужбы принять необходимые меры. Его, матёрого кагебешника, вдруг охватила азартная уверенность, что удача улыбнётся ему. Сконцентрировав всю свою энергию в одной точке, он выхватит из этого стадионного моря ту единственную золотую, но поганую рыбку, которая может стать причиной многих несчастий.

Чашкин с листком бумаги шёл по Норке, ища нужную улицу и нужный дом. Наконец, нашёл: Чапаева, 8. Конечно Чапаева, кого же ещё! Обида на Ивана всё ещё нестерпимо жгла его. Что тут смешного, если тебя зовут Василий Иванович? Конечно, спора нет, анекдотов про Чапаева ходит немислимое количество, и многие из них, возможно, смешные, но Чашкину они смешными никогда не казались. “Какая пошлость!” — говорил он сам себе, услышав очередное творение народного юмора. Сказать это вслух — заржут, гады, ещё больше: “Ну конечно, ты же у нас тоже Василий Иванович!”

Екатерина Петровна угостила его обедом — щи, картошка-поре, тушеная курица. К первой кружке чаю ещё и бутерброды с колбасой, ко второй — конфеты, пирожки с яблоками, варенье. Пришли близнецы лет семи, Саша и Шура, сели рядом, Шура взялась рисовать на тетрадном листочке.

— Это мои поскрёбышки, — сказала Екатерина Петровна. — Близняшки. Саша и Шура. Иван называет их Сашурики.

Она присмотрелась к рисунку Шуры:

— Это что же у тебя такое?

— Церковь, — сказала Шура.

— Церковь? Какая же это церковь?

— Которой у нас нет. А ты говоришь, что зря нет.

— Коли церковь, так наверху крест нужно дорисовать.

Екатерина Петровна взяла рисунок и дорисовала крест. Повернулась к Чашкину:

— Так что вот. Далеко они уехали. Деньги на жизнь зарабатывать. А куда, точно не знаю.

— Понятно...

До чего же хорош Енисей! Жить бы на нём да жить, рыбу ловить, зверя бить, шкуру сдавать. Отцу в кузнице помогать. Что ещё надо для жизни? Вот тебе ещё один хариус, гребень красный из спины торчит! Иван вытащил его, поцеловал в сердитую, но беззащитную морду. Посмотрел вдаль и увидел плывущую моторную лодку.

А в лодке плыл Чашкин, всматривался в берега, увидел Ивана, который одной рукой держал хариуса, а другую в виде козырька приставил к бровям, всматриваясь в Чашкина.

— Вот он, собака! — сказал Чашкин.

— Ах ты ж, собака! — сказал Иван, узнав в лодке Чашкина.

Вечером они сидели у костра. Шарьгины — отец Николай Сергеевич, братья Владимир, Иван и Григорий. Да Чашкин. В костре приятно пощелкивало, в огромном котелке варилась уха из хайрюзов. Аромат её плыл по всему берегу. А к ухе Чашкин привёз бутылочку.

— На троих разопьём, — улыбался отец. — Иван не приемлет, Гриша молод ещё, а нам с вами да Володе можно расслабиться.

Чашкин принял быстрое решение вести наступление не на Ивана, а на отца.

— Далеко же вы забрались. Это же, почитай, сто семьдесят километров от Норки!

— Как ещё вы умудрились найти нас?

— Мне директор леспромхоза подсказал, где вас искать. А лодку какой-то парень дал. Я ему деньги предлагал — ни в какую.

— Наши енисейские такие.

— Я уж и отчаялся. Пора бы увидеть лесозаготовителей, а их нет и нет. Собирался уж назад поворачивать. Вдруг, гляжу, Иван! Тайменя в руке держит.

Иван сердито поспешил поправить ненавистного тренера:

— Это не таймень, это хариус... Вы это... Василий Иваныч... Простите меня, что я тогда так зло с вами. Послал куда подальше. Даже и не простился.

— А чего это ты людей посылаешь куда подальше? Ишь ты! — пнул Ивана отец. А Чашкин рассмеялся:

— Я, говорит, вам, Василий Иваныч, не Петька!

— Вот шельмец! — воскликнул Николай Сергеевич и бросился пробовать уху. — Готова, кажись.

— Погорячился я.

— Да мне начхать! — усмехнулся Чашкин. — Лишь бы ты вернулся. А, Вань?

— Не знаю даже... Что отец скажет.

— Николай Сергеевич!

Отец выдержал огромнейшую паузу, в которую вместились разливание ухи по мискам, торжественное открытие привезённого Чашкиным подарка, разлитие по алюминиевым кружкам, чоканье, выпивание, задумчивое впитывание организмом напитка и заедание его ухой. Наконец, когда, казалось, что Николай Сергеевич никогда уже не даст ответа, отец строго произнёс:

— Конечно, баловство это. Какой из него спортсмен? Вот лес валить он умеет. Но если такое дело... Ну-ка, ребята, дайте-ка мне с Василием Ивановичем пару минут с глазу на глаз поговорить. Слышите или нет?!

Три брата нехотя встали из-за костра. Особенно Володя, понимающий, что очередную порцию выпьют без него. Но отца послушаться у Шарьгиных считалось низшей степенью падения. Когда братья отошли на некоторое расстояние, отец, так и есть, налил себе и Чашкину.

— Вот что скажу. Я бы не отпустил его, если бы не один случай...

— Какой?

— Погоди. Такие штуки с прыжка не рассказываются.

— Простите.

— Очень уж ты вежливый, Вася. С такими, как мой Ванька, постороже надобно. Так вот... Когда Ванюша родился, я как раз устроился кузнецом в геологической партии. Все мои парни мне помогали в кузне, но в основном нехотя. А Ванюша... Тот любил кузню. Всё рядом со мной околачивался, помогал. Даром, что в кузне жарница, как в пекле. Так вот. Однажды к нам в кузню зашёл...

И он рассказал случай со странником и его предсказаниями.

Отец и Чашкин сидели у костра. Братья издали поглядывали на них, о чём-то говорили, громко смеялись.

— Ишь ты, ржут, как кони. Мы тогда вскорости и забыли про того странника. Однако в том же году одно из его предсказаний сбылось. Про Женю. Чтобы он не лихачил на катере. А он как раз на катере мотористом работал...

Отец поведал о гибели Евгения.

— Двух пассажиров о камни насмерть побило, один спасся, а Женя наш погиб, захлебнулся. Застрял правой ногой, про которую странник предсказывал. Усекаешь? — Отец тяжело вздохнул и долго молчал, думая о Женьке. Наконец, словно очнулся: — Так вот, про Ваньку тот старец сказал, что он большим человеком станет. Вот я и думаю... Будет он дерева валить, едва ли такое случится. Верно?

— Верно.

— И в кузне. Про футбол я тоже не думаю. А вот то, что ты говоришь, ближе. Если такое дело — пусть тренируется. Авось не подведёт нашу семью... Эй, Шарыгины! Можете возвращаться к костру.

Братев не пришлось звать второй раз.

— Ну, что тут ваш совет в Филях? — спросил Гриша.

— Николай Сергеевич согласен. Иван, я тебя забираю!

— Я вам что, вещь, что ли? Чемодан? — пробурчал Иван, но отец строго молвил:

— Да ладно тебе! Человек за столько вёрст...

И на другой день моторная лодка неслась по Енисею в обратную сторону. Чашкин и Иван сидели в ней, оба хмурые. Неожиданно Иван встал во весь рост, потянулся до хруста во всех косточках, улыбнулся своей заразной, почти детской улыбкой и подмигнул Чашкину:

— Василий Иваныч! Чего пригорюнился? Да повалю я всех, не бойся!

Страна, некогда называвшаяся Верхнее Перу, получив независимость от Испании, переименовала себя в честь Симона Боливара и стала Боливией. Известна эта страна тем, что неудачно воевала с соседями — Бразилией, Чили, Парагваем и всё теряла и теряла свои территории, а ещё тем, что на её территории был убит Че Геварра. И в Олимпийских играх Боливия всегда в основном терпела поражения.

— Светофор! — фыркнул Даниличев, остроумно подметив сочетание цветов боливийского флага: сверху — красный, посередине — жёлтый, снизу — зелёный.

Зато следом за бесцветной сборной с цветастым флагом шла многочисленная команда Бразилии под зелёным знаменем с жёлтым ромбом, в центре которого синий круг звёздного неба, опоясанный ленточкой с надписью: "Порядок и прогресс". Впрочем, многочисленность ей не помогла — всего лишь две бронзовые медали. Даже бразильские короли футбола не принесли своей стране золота, а в матче за бронзовые награды Бразилия под проливным дождём проиграла сборной СССР со счётом два — ноль.

Любовь к футболу не спешила уходить. Иван тренировался в зале под руководством Чашкина, а в голове мелькало, как он стоит в воротах и готовится отразить мяч. Он бежал по осеннему Агабану, совершал упражнения в парке, а всё ещё мечтал, что к нему подойдёт кто-то и скажет: "Это вы

стоите в воротах за “Автомобилист”? Я видел, вы гениальный вратарь. Хочу пригласить вас в Москву”. Он боролся со спарринг-партнёром, а в голове мелькало: “На хрена мне это?”

К тому же, он по-прежнему играл за команду автошколы и надёжно защищал её ворота.

Но постепенно борьба затягивала его в свою воронку. Подрабатывая на мясокомбинате, Шарыгин, разгружая тележку со свинными или говяжьими тушами, перебрасывал эти туши через себя, как бы борясь с ними. А получая в кассе мясокомбината деньги, воображал, что это плата за победу на каком-нибудь чемпионате, только уже не в футбольном, а борцовском. И в общежитии рядом с фотографиями Яшина и Гагарина теперь красовались Иваницкий и Медведь.

В январе того года, когда ожидался чемпионат мира по футболу в Англии, Чашкин повёз Шарыгина на турнир “Арена сильных” в Красношарск. И здесь Иван впервые почувствовал, что он — может! Страшно волновался перед первой схваткой и быстро уложил соперника на лопатки, хватило одной минуты.

Лучшим тренером в Красношарске считался Папиашвили, ему в тот год было немного за тридцать, ещё без животика. Чашкин входил в число тех друзей Георгия Михайловича, коим разрешалось дружески звать его Папа. Видя, что Папиашвили заинтересовался привезённым из Агабана новичком, Чашкин не пожалел собою шубу со своего плеча:

— Я думаю, парень должен тренироваться у тебя.

— А тебе не жалко?

— Бери! В Агабана у него и спарринга достойного нет. Папа, у тебя тут настоящая школа. А кроме того, Иван сам по себе славный парень!

— А что, возьму, коль не жалко.

— Как говорят на базаре: сам бы ел, да деньги нужны.

До пьедестала почета Шарыгин не дошёл, но запомнился, и после турнира Чашкин подвёл его к Папе:

— Вот, Иван, познакомься, это Папиашвили. Тот самый.

— Очень рад, Георгий Михайлович. Много знаю о вас.

Он пожал протянутую руку этого коренастого грузина со смешной хитроулыбкой физиономией. Папа хлопнул его по плечу:

— Рядовой, необученный... Ну что, хочешь у меня заниматься?

Иван не ожидал такого поворота.

— Очень хочу.

И тотчас с досадой глянул на Чашкина — обидится Василий Иванович! Но Чашкин только крикнул и пробурчал:

— Ладно уж...

— В армию скоро? — спросил Папиашвили.

— Осенью.

— Понятно. Как только призовут, сделаю так, чтобы тебя сюда взяли служить. А пока пусть тебя Чашкин ещё малость подтянет, слабоват ты ещё, ёлки-пальки.

— И скажите ему, чтобы футбол свой дурацкий бросил, — попросил Чашкин.

— Футбол? Зачем бросил? Пусть и в футбол играет. Лишний раз реакцию развивает.

И Шарыгин продолжал одновременно стоять в воротах “Автомобилиста” и тренироваться в вольной борьбе. Напрягал себя во все стороны: каждый день зимой бегал по лесу на лыжах, два раза в неделю парился до чёртиков в бане, выбегая, нырял в сугроб, растирался снегом. Наступила весна — часами бегал по парку. И на мясокомбинате продолжал класть на лопатки мясные туши. Пришло лето — переплывал реку Агабан из конца в конец по нескольку раз. И постоянно совершенствовался в спарринге. Мечта о том, что кто-то подойдёт, назовёт его новым Львом Яшиным, позовёт в большой футбол, всё реже и реже являлась.

За Бразилией на дорожку вышла команда Болгарии, которую в шутку называли неофициальной шестнадцатой республикой СССР. Курица —

не птица, Болгария — не заграница. Впрочем, самих болгар это всегда раздражало.

Начиная с Мельбурна, болгарские спортсмены с каждой Олимпиады привозили золото, а в Монреале превзошли самих себя, завоевав целых шесть золотых, девять серебряных и семь бронзовых наград. В общем зачёте Олимпиады они заняли седьмое место. Вот тебе и курица — не птица! И болгары могли с заслуженной гордостью взирать на свой бело-зелёно-красный стяг, который нёс чем-то похожий на Ивана Шарыгина борец греко-римского стиля Александр Томов.

— Ну всё, — тяжело и в то же время с облегчением, вздохнул Павлушин. — Поздно снимать весь соцлагерь. Болгары уже пошли. Теперь осталось только надеяться...

Летом 1966 года советская футбольная сборная отправилась на чемпионат мира в Англию. Тогда наши футболисты не гребли деньгу лопатой, но при этом не говорили: “Наша цель — выйти из группы”, — их целью было чемпионство, и никто не смеялся над такими амбициями, понимали, что по уровню сборная СССР вполне может добиться и золотых медалей. Наши игроки, такие как Яшин, Малюфеев, Банишевский, Численко, Поркуян, расценивались на равных с мировыми знаменитостями — бразильцами Гарринчей и Пеле, португальцем Эйсебио, венгром Фаркашом, итальянцем Маццолой, англичанами Чарльтоном и Херстом, немцами Беккенбауэром и Зеелером. И в групповом турнире наши обыграли и корейцев, и чилийцев, и итальянцев, в четвертьфинале сломали сильных в те времена венгров, дошли до полуфинала.

Полуфинальный матч против сборной ФРГ Иван смотрел в гостях у Чашкина. Эта игра могла стать триумфом Льва Яшина — он брал один безнадёжный мяч за другим, раз за разом спасая команду.

— Лев Иваныч! Ну, нет слов!.. — кричал Шарыгин.

— Бей немца! Как под Сталинградом! — кричал Чашкин.

— Только теперь в Ливерпуле!

После матча они шли хмуры по улицам Агабана. Особенно расстраивался Иван:

— Ну, надо же так проиграть! Ведь были сильнее немцев.

Чашкин не преминул использовать ситуацию в своих коварных целях:

— Вот тебе и Яшин.

— Это ты зря... — обиделся Иван. — Лев Иваныч ни при чём! Численко — шляпа! Мяч потерял, прямо под ноги немцам, и Халлер — хренакс! Нет, Яшин был бессилён. И второй гол не по его вине.

— А я к тому и веду разговор. Какой бы ни был гениальный Яшин, а ошибки защитников и не до конца слаженная игра нападающих сводят его игру на нет. Зато в вольной борьбе всё зависит только от тебя. Если ты сильнее всех, выносливее, умнее, то ты и чемпион.

Шарыгин остановился, улыбнулся:

— Василий Иваныч! Ты что, своего Петьку опять против футбола агитируешь? Да борцом я буду, не бэ! Бор-цом. Всё уже определилось.

— Точно?

— Да точно!

— Просто ты так влюблённо на Яшина смотрел...

— Что я, девушка, что ли?

Они вышли к реке.

— Кстати, о девушках, — сказал Чашкин. — Есть?

— Пока нет, — покраснел Шарыгин.

— И не было?

— А что тут такого! Просто так, шалей-валяй, я не хочу. А любви не встретил пока.

И вот Большое-О раскалывает ядерный взрыв любви! На почётную дорожку выходит олимпийская сборная Канады. Трибуны в бешенстве, режут от восторга, улюлюкают, трещат трещотками, бьют в барабаны, дудят в трубы,

кругом что-то квакает, пищит, стрекочет, грохочет. А кто-то и свистит с неодобрением — ни одной золотой медали! Такого ещё ни разу не бывало на Олимпийских играх, чтобы страна-хозяйка не завоевала ни одного золота.

Огромное полотнище из двух красных полос и одной белой с красным кленовым листом посередине в руках у мужеподобной легкоатлетки Эбигейл Хоффман. “Гусарская баллада!” Тридцатилетняя еврейка из Торонто, в молодости она так хотела стать хоккеистом, что коротко стриглась и выдавала себя за юношу Эба Хоффмана. Её взяли в мужскую хоккейную команду, но когда обман раскрылся, строго запретили на пушечный выстрел приближаться к мужским видам спорта. Пришлось вернуться в женские. Стать легкоатлеткой. Кем родился, тем и пригодился. Как бегунья Эбби проявила себя лучше, чем хоккеист Эб. Но в Монреале, среди родных канадских стен, смогла добыть только серебро.

Рев трибун слышался повсюду.

— Чой-то? — наострил уши Шустиков.

— Ясное дело, Канада ихняя пошла, — сказал Сосланов.

— А когда мы пойдём, зашипят, как змеи, — проворчал Николаев.

— Ну, не все же, — вздохнул Шарыгин. — У них тоже есть нормальные люди.

Снова подошёл Папиашвили. Уньлю посмотрел на Ивана:

— Иван!

— Даже не заикайтесь, Георгий Михайлович! — зная, о чём он спросит, предупредил Шарыгин.

Папа тяжело вздохнул, рассердился ещё больше:

— Эх, зря я тебя тогда похитил, ёлки-пальки!

На сборном военном пункте в Красношарске Папиашвили возмущённо хватал воздух, вне себя от ярости.

— Как же так! У меня была договоренность с майором Фильчиковым, что Шарыгин останется в Красношарске. Получается, майор обманул меня, что ли?

Грустный старлей с красной сызью во все лицо отбрыкивался:

— Нашли кому верить! Жучила ваш Фильчиков!

— Да вы понимаете, что мы профукаем будущего олимпийского чемпиона! Кто там на Дальнем Востоке, в обычной части будет его тренировать? А ведь это лучшие для спорта юные годы, ёлки-пальки!

— Я-то здесь при чём? Вот что, товарищ тренер, дуй на вокзал. Эшелон на Дальний Восток там ещё недавно стоял. Может, ещё не отправили...

И вот уже Папиашвили бежал по перрону вокзала, всматриваясь в окна пассажирского поезда, возле которого туда-сюда сновали офицеры. В вагонах новобранцы, высовывались из окон и дверей, смеялись, хмурились, шутили, ругались. Наконец, Папа увидел Ивана, стоящего на подножке одного из вагонов.

— Ну, что ты тут стоишь, Ваня!

— А где мне ещё быть?

— Пошли за мной!

— Так ведь...

— Под мою ответственность. Считай, что я тебя похищаю.

Дома у Папиашвили их встречала красивая черноволосая женщина, овеянная дивными запахами пельменей.

— А это — моя жена, царица Тамара. Действующий чемпион мира по пельменям! Тамарочка, Иван малость у нас перекантуется. Я его только что из армии выкрал.

Папиашвили подтолкнул Ивана проходить дальше в дом:

— Мой руки и марш на кухню.

— Как это выкрал?! — испугалась Тамара, но не по-настоящему, в шутку, зная, каков её муж — тот ещё шутник.

— Ни о чём не спрашивай, а навали-ка нашему богатырю пельменей. Вот столько! Слушай, Ваня, это не пельмени, это инопланетяне какие-то, сейчас отведаешь.

В тот же день в кабинете областного военкома Папа с виноватым и покорным видом выслушивал мат со стороны генерала Квашинова, который ходил строевым красивым шагом перед большой военной картой Восточной Сибири, и из него сыпались молнии, способные поджечь эту карту:

— Да я твоему Шарыгину лично голову откушу. И тебе тоже. Едр-р-рёна дивизия! Ведь это идеальное подсудное дело. Тебя немедленно нужно за шиворот и к прокурору. Что я сейчас и прикажу сделать, ёж твою мать! Похищение новобранца наказывается принудительными работами на срок до пяти лет. Я бы за такое под расстрел! Так что не жди от меня никакой пощады, понятно?

— Понятно, товарищ генерал.

Генерал сел за свой стол и стал что-то писать на листке бумаги. Скорее всего, приказ о смертной казни через откусывание голов двух дезертиров — Ивана Шарыгина и Георгия Папиашвили. Вскользь бросил:

— Где он теперь?

— Дома у меня.

Генерал кончил писать, сверкнул молнией, снова испепелившей с ног до головы несчастного грузина.

— Вот здесь приказ о немедленном аресте и тебя, и твоего Ивана. Понял?

— Понял.

— Ну, а если понял, то это письмо от меня генералу Майорову, начальнику Красношарского радиотехнического училища. Пусть забирает твоего Шарыгина к себе под особый режим, чтобы мог тренироваться.

— Спасибо, товарищ генерал!

— Но если этот Иван не станет олимпийским чемпионом, я лично откушу ему голову. И тебе тоже. Всё, иди!

— Спасибо, товарищ генерал!

— Да мне за это не спасибо, меня за это под трибунал надо!

— Спасибо, товарищ генерал!

И вот уже недавний дезертир Иван Шарыгин в форме рядового сидит в наушниках перед радиотехническими приборами. Вечером тренируется в спортзале, теперь уже под руководством самого Папиашвили.

Кольшется красное знамя. Знамя твоих побед, Родина. Флаг Отчизны родной. Длинный армейский строй, перед лицом своих товарищей Иван принимает присягу. В левой руке у него автомат, который он придерживает за ствол, а сам автомат стоит прикладом около его ноги. В правой руке у Ивана текст присяги — “...быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным... и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и Советскому правительству... выступить на защиту моей Родины... защищать её мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы...”

Иван стреляет на учениях из автомата Калашникова. Он лежит на расстеленной плащ-палатке, жмёт на спусковой крючок автомата. Пули ложатся в мишень, густо пробивая её.

Иван борется на соревнованиях, в его движениях уже куда больше осмысленности и ловкости. Он кладёт соперника на лопатки и в большом спортивном зале вскакивает небрежным прыжочком на верхнюю ступень пьедестала.

— Победителем Всесоюзного первенства Вооружённых сил СССР становится сержант Иван Шарыгин!

На гербе Чили написано: “Не разумом, так силой!” Чили такая длинная и узкая страна, что она сама похожа на древко, на котором остальная Южная Америка развевается, как знамя. В промежутке между Мюнхеном и Монреалем в Чили произошёл переворот, президента Альенде убили, к власти пришёл американский ставленник диктатор Пиночет, к которому в Советском Союзе относились с ненавистью. И, глядя на чилийское знамя, Даниличев сказал Исакову:

— Такое же, как американское, только вместо множества красных и белых полос одна белая и одна красная, а в синем квадрате вместо множества белых звезд — одна. Как будто Чили — один из штатов США.

— В сущности, оно так и есть, — отозвался Исаков, снова поднося к глазам бинокль.

— Пиночет, Пиночет... А ни одной медали, ни золотой, ни серебряной, ни бронзовой. Небось, вернутся, он им бошки-то поснимает!

— Как бы нам с тобой, Игорёк, бошки-то не снимали... — хмуро отозвался Исаков.

По утрам к киоскам “Союзпечати” всегда выстраивалась длинная очередь. Идя на работу, советский гражданин считал одним из удовольствий потратить несколько копеек на покупку газет. Шагая на красношарский шинный завод, куда он пришёл работать после армии, Иван тоже встроился в очередь к газетному киоску. Возле самого окошка кто-то нагло пихнул его в бок:

— Товарищ, вас тут не стояло!

Папашвили. Влез впереди Ивана, купил три газеты и пачку почтовых конвертов — в Грузию письма писать. Иван — “Советский спорт” и “Известия”. Отошли, раскрыли газеты. Первым делом — фотография Александра Медведя. Олимпийская золотая медаль на Олимпиаде в Мехико по вольной борьбе в тяжёлом весе.

— Эй, Ваня! Через четыре года здесь будут твои фотографии! Не веришь?

Иван поднял бровь, иронично посмотрел на своего тренера:

— Не верю, а знаю.

— Ну, ты нахал!

— А чо?..

— Да тебе ещё пахать и пахать! Готовься, я буду учить тебя чидаобе. Национальной грузинской борьбе.

Шарыгин усмехнулся:

— Она чо, в Мюнхене будет? Введут в список олимпийских дисциплин?

— Чо да чо!.. Зря смеёшься. Не введут. Но ты должен её освоить. В чидаобе много такого, что пригодится в обычной вольной борьбе. Особенно работа ногами.

И снова занятия в спортзале. Иван борется с воспитанником и земляком Папы Нодаром Георгадзе... Но теперь Папа тренирует Ивана. После тренировки в раздевалке все измотанные, на Иване лица нет, пот градом. Нодар с усмешкой:

— Георгий Михайлович, я вашего олимпийского чемпиона сегодня два раза на лопатки положил.

Улыбка Папашвили полна снисходительности:

— Смейтесь, смейтесь... Мне не верите? Папе не верите? Иван будет чемпионом страны. А потом — олимпийским чемпионом. В Мюнхене будет! Если нет — можете мне лично голову откусить!

На красношарском шинном заводе Иван работал слесарем в цехе подготовки. Другие работяги с восхищением взирали на то, как он поднимает крупногабаритную шину для карьерного самосвала.

— Он что, штангист?

— Да нет, сказано же тебе — борец, к чемпионату России готовится.

— А чего же на заводе работает?

— Так у нас все спортсмены обязаны где-то вкалывать.

В цех вбежала Галка Ромашина с газетой в руках:

— Ребята, про нашего Ивана и про наш завод!

Мигом вокруг неё образовался кружок пламенных революционеров, которым лишь повод дай, чтоб не работать. Ромашина задорно зачитала:

— “Отслужив в армии, он стал работать слесарем на Красношарском шинном заводе, в отделе подготовки. Продолжает усиленно готовиться к предстоящему чемпионату России, а затем — и к чемпионату всего СССР.

Иван Шарыгин — надежда сибиряков. Благодаря ему спортом заинтересуются тысячи парней из таёжных деревень”.

Оказавшийся тут же начальник цеха повернулся к герою прессы:

— Эй, надежда Сибири! Ты норму сегодня выполнил?

— Да перевыполнил уже, — буркнул Иван.

— Смотри, а то на чемпионат не отпустим.

— Это вы зря...

Он и сам не заметил, как это случилось. Боролся, побеждал, снова боролся и снова клал на лопатки. И вот:

— Внимание! Чемпионом Российской Советской Федеративной Социалистической Республики 1970 года в полутяжёлом весе становится борец из Красношарска Иван Шарыгин.

— Я, что ли?..

Иван поднимается на верхнюю ступень пьедестала. Ему надевают на шею медаль, вручают цветы. Он сияет. Смотрит вокруг и не верит, что все кругом хлопают ему, его могучему телу, его крепкому лбу, за которым бьётся стремительная мысль. Она главная в любой борьбе — в сотую долю секунды уловить мгновенную слабость соперника и воспользоваться ею...

Папа стоит и сдержанно хлопает, мол, это только начало, главное впереди, не загордись, Ванюша.

Страна, названная в честь открывателя Америки и известная своими наркокартелями, а также основателем мистического реализма писателем Маркесом, в Монреале тоже оказалась лишь участницей — ни одной медали. И, по понятиям Шустикова, несла свой жёлто-красно-синий стяг совершенно напрасно.

— Ну, почему так-то! — тыкая пальцем в телевизор, возмущался самый младший из братьев Шарыгиных. — Почему Болгария, потом Канада, потом вообще Чили, а теперь Колумбия?

— Сашурик, тебе же русским языком объяснили, — сердилась старшая сестра Тоня. — Шествие команд идёт в соответствии с французским алфавитом и тем, как названия стран пишутся по-французски.

— Так что, Канада не через кэ у них пишется? Чили не через че?

— Нет. И Канада, и Чили через букву сэ, как наша эс. А она у них в алфавите третья.

— Дурдом придумали! Ей-богу! Если через сэ, значит наша Сэсэсэр тоже должна теперь идти?

— Ты же в школе английский учил?

— Английский. Можно сказать.

— Можно сказать... Так даже в английском СССР будет USSR, на английскую букву U, а она в конце алфавита. И по-французски тоже.

— Все равно мне это не нравится! — возмущался Сашурик.

Семья собралась в этот ранний утренний час первого августа в родительском доме — мать Екатерина Петровна, отец Николай Сергеевич, старший брат Виктор с женой Любой и двумя сыновьями Колей и Ваней, Григорий с женой Ритой, да оба Сашурика — Саша и Шура. Им, близнецам, в этом году исполнялось по восемнадцать лет. Не хватало Ивана, появления которого на экране телевизора все с нетерпением ожидали, сестёр Нины и Тани, уехавших учиться в другие города, да двух братьев, Жени и Володи, которых уже не было в живых. Женя давно уже на моторной лодке разбился и утонул, не смог из воды выбраться, а Володя...

Это в прошлом году случилось. Он работал на тракторе, ехал вдоль берега Енисея под проливным дождем, старался не приближаться к обрыву, но в одном месте оказалась яма, и он поехал по ее кромке и по самому краю обрыва.

— Проскочу!

Не проскочил... Как назло, именно в том месте берег стал оползать, трактор медленно и страшно начал валиться на бок.

— Да что за дурь такая!

Володя хотел выпрыгнуть из кабины, но у него странным образом застряла нога между педалями, никогда такого не бывало!

— Да что такое-то!

И не успел. Трактор рухнул с обрыва, упал вверх гусеницами в холодную енисейскую воду.

Сейчас, ожидая, когда ему дадут знамя, чтобы нести его высоко впереди себя, Иван думал о том, как там, в Норке, небось, хоть и ранний час, а уставились в телевизор. Все, кроме Жени и Володи. А они где? неужели не видят его? Не может такого быть!

Флаг Южной Кореи называется Тхэгыкки — белое полотнище, посреди которого круг, а в нём сплелись противоположные стихии мироздания: синее инь и красное ян. Вокруг инь и ян — четыре триграммы, означающие юг, запад, север и восток, а также лето, осень, зиму и весну, и ещё многое другое, потому что восточная философия очень многозначительна. В Монреале южные корейцы завоевали своё первое олимпийское золото и могли с гордостью нести инь-янное Тхэгыкки.

Своё первое всесоюзное золото Иван Шарыгин завоевал в Махачкале. Папы не было рядом. Папу отправили в командировку в Болгарию. И Иван в финале оказался один на один с самым сильным своим соперником — Василием Гулевым.

Махачкала жадно, по-звериному пожирала глазами схватку. На Кавказе борьба — главный вид спорта. Из-под множества кепок-“аэродромов” азартные глаза южан сверлили двух русских борцов-финалистов, их взоры, как комары и оводы впились в мускулы, мешали и одновременно подзадживали.

Гулевым на шесть лет старше Ивана, ему уже исполнилось двадцать восемь, а Шарыгину ещё только должно было стукнуть двадцать два. Оба участвовали в полутяжелом весе, то есть до ста килограммов. Иван — за красношарский “Буревестник”, Василий — за киевский “Спартак”. Шарыгин — новое имя, Гулевым — маститый борец, на двух своих первых чемпионатах СССР занял вторые места, а на прошлом и позапрошлом стал безусловным чемпионом. И, разумеется, не хотел терять добытого чемпионства.

Подлая мысль — проиграю, так хоть дважды чемпиону СССР. И трудно её отогнать от себя. Как трудно найти хоть какую-то слабинку в действиях этого матерого зверюги. Он сделал рывок в ноги соперника, но Гулевым поймал его, зацепил своей левой ногой его правую, бросил Ивана на спину. Иван едва успел перевернуться в воздухе и встать на “мост”. Махачкала заревела, “аэродромы” зашевелились.

— Дави!!!

Гулевым навалился всем телом, дожимая Ивана. Где вы, лопатки, далеко вам ещё до ковра? Не прикасайтесь к нему! Судья низко нагнулся, следя за схваткой. Ещё немного, и Гулевым дождёт, но чудеса случаются: он перехватил руки, и этого хватило Ивану, чтобы молниеносно перекатиться на живот.

Первый период иссяк. Иван угрюмо сидел в кресле. Второй тренер с легендарной фамилией Ушаков тоже не ликовал, но пытался утешить:

— Ничего, Ваня. Это же твой первый чемпионат Союза. Серебро тоже неплохо.

Но Шарыгины гордые, им этого мало:

— Хорошо, что Георгий Михайлович в Болгарии, не видит моего позора...

Судья дал свисток. Второй период. Вновь Гулевым пошёл в гору набирать баллы, поймал Ивана на контририеме и перевёл в партер. Но Иван вскочил, Василий в азарте вошёл в захват, потоптался и резко откинулся назад. По огромной дуге сибиряк и киевлянин полетели на ковер. В воздухе Шарыгин успел скрутить тело соперника, поставил Гулевым на “мост”. Гулевым не ожидал такой наглости, растерялся, и через двадцать секунд Иван положил его, изумлённого, на лопатки.

Самому не верилось! Иван вскочил, словно ужаленный, запрыгал, как когда-то в детстве скакал по широкой родительской кровати, и закричал:

— Сделано в Сибири!

Голова сама собой тряслась, бодая воздух, как бодается свежесвыпущенный на арену корриды бычара. Но есть и законы — наклонился к поверженному сопернику, помог ему встать с ковра. Тот мычал, мотая головой, не желая осознать происшедшее.

— Василий! Прости, но я победил! Вот моя рука!

Махачкала схватила Ивана, подняла над собой, понесла в центр футбольного поля. Под “аэдромами” глотки кричали единым хором:

— Муж-чи-на-а-а-а!

Иван плыл по этой кричащей Махачкале, как лодка по каменистым уступам, его трясло, и хотелось кричать хоть что-нибудь. И он кричал одновременно и своему отцу, и своему тренеру:

— Папа-а-а-а! Я чемпио-о-о-он!!!

Георгий Михайлович сидел в болгарской гостинице в окружении группы тренеров, крутил колесико своей старенькой “Спидолы”, пока не воткнулся в спортивные вести.

— Махачкала, — прокуренным хриплым голосом сказала “Спидола”. — На завершившемся там первенстве Советского Союза по вольной борьбе чемпионом стал молодой спортсмен из Красношарска Иван Шарыгин, спортивный клуб “Буревестник”.

Папу катапультировало: он, сам не зная, как, взлетел из своего кресла в воздух и заревел страшнее всей Махачкалы, вместе взятой:

— Ива-а-а-а-а-ан!!!

А Иван в это время уже ехал в поезде, один во всём купе. Почему-то к нему никто не подсел. Он тоже слушал радиоприёмник:

— ...чемпионом стал молодой спортсмен из Красношарска Иван Шарыгин, спортивный клуб “Буревестник”.

Он словно и сам впервые узнал об этом, в волнении встал по стойке “смирно”. Высунулся из купе, оглядел пустой проход. Отправился в туалет и там принялся бешено умываться, словно стараясь смыть что-то с лица. Бросил пригоршню воды на шею. Ещё и ещё. Наконец, вышел, застыл в проходе, глядя в окно и счастливо вздыхая. Чемпион СССР, мама родная!

Синяя-белая-красная-белая-синяя — флаг Коста-Рики. Страны, не имеющей армии, а также никаких медалей ни в Монреале, ни до него. Равно как и Кот д’Ивуар, идущий за нею следом под своим флагом, оранжево-бело-зелёным, подобно ирландскому. Коста-Рика значит Богатый Берег, Кот д’Ивуар — Берег Слоновой Кости, которая тоже приносит богатство. Но только не олимпийское.

— Господи, сколько стран в этом мире! — вздохнул генерал-лейтенант Комитета государственной безопасности Исаков и снова поднёс к глазам бинокль. От этих капиталистов только и жди шила в бок!

Вскоре новоиспечённый чемпион и его тренер обнялись и поехали вместе в Берлин. Иван впервые попал за границу. Хоть и не капиталистическую, но всё же, совсем не та жизнь, что у нас. Папа подбадривал свой округляющийся животик пивком, толкал Ивана, который довольствовался соками:

— Ну, коли чемпион, то теперь и жениться можно. Когда с невестой познакомишь, бичо?

— Как только, так сразу, Георгий Михайлович.

— Так-таки и нету до сих пор девушки, ёлки-пальки?

— Нету. — Шарыгин краснел, но с гордостью. — Полюблю — появится, а так просто шаландаться не хочу.

— До чего же ты правильный советский человек, Иван! Аж тошно становится. Но, с другой стороны, правильным быть... правильно!

И, благоухая высококачественным немецким пыльзером, Папа весело хохотал, щекоча смущённого воспитанника.

В столице Германской Демократической Республики то и дело моросил дождь. Хотелось побывать в Рейхстаге, да шиш — он на территории Западного Берлина. Лишь издали поглядеть можно.

— Говорят, они, сволочи, надписи все замазали, — сказал Папа.

— “Всё чисто, всё побелено, тихонечко, без паники, // но надписи победные не вычеркнешь из памяти”, — продекламировал Шарыгин.

— Это чо такое?

— Стихи. Недавно в “Крокодиле” прочитал. Сергея Михалкова.

— Ну, и память у тебя! Один раз прочтёшь, и уже помнишь.

— Есть такое дело.

— И телефоны все наизусть помнишь?

— Вы же уже проверяли.

— Проверял. Феноменально. А что ещё можешь?

— Слова наоборот.

— А ну-ка! Бранденбургские ворота.

— Аторов еикс-груб-нед-нарб, — быстро перелопатил Шарыгин.

— Лихо. А цифры? Погоди, я запишу сначала. — Папашвили достал блокнот, авторучку, написал ряд цифр. Продиктовал Ивану. Тот быстро повторил в обратном порядке.

— Откуда ты такой взялся вундеркунд?

— Вундеркинд, вообще-то. Сделано в Сибири.

Они остановились перед афишей, на которой красовались борцы на ковре и надпись:

“Berlin 1970

Europameisterschaften

im griechisch-römischen und Freistilringen”.

— Это про нас, — сказал Папа.

Иван усмехнулся:

— Как эти немцы такие длинные слова читают?

— Зато слово “Иван” будет написано коротко и ясно. Чемпион России, чемпион СССР... Пора стать чемпионом Европы, Ваня.

Обратно из Берлина оба летели мрачнее туч, что над свинцовым берлинским асфальтом. И вроде бы радоваться надо: первая Иванова Европа, и сразу — серебро! Но удручало, что мог бы и золото взять.

А случилось вот что. Перед соревнованиями Иван больше всего настраивал себя на то, чтобы преодолеть пресловутый барьер неизвестности. Это когда молодой борец врывается в мир и начинает крушить всех подряд у себя дома, в родных стенах, но стоит ему впервые отправиться на международный турнир, там он вдруг робеет перед маститыми иностранцами и теряет кураж, ломается. Шарыгину барьер неизвестности удалось в Берлине довольно быстро преодолеть: он просто представил себе, что это такие же наши парни, только строят из себя иностранцев. Одного за другим он победил всех соперников и вышел в финал. Здесь ему достался турецкий борец по прозвищу Пума. Великий спортсмен, чемпион Мехико, а на чемпионате мира в Манчестере победил самого Александра Медведя. В Берлине Пума объявил, что это его последнее выступление, а значит, намерен был уйти красиво. Но Иван считал, что имеет преимущества перед турком: во-первых, он на десять лет моложе Пумы, во-вторых, на двенадцать сантиметров выше — рост у олимпийского чемпиона Мехико был 178, в в-третьих, и самое главное — кураж, уверенность, что сейчас он как Суворов перед Измаилом.

Когда вышли на ковер, эта уверенность вдруг куда-то провалилась. Шарыгин увидел перед собой хищника, вышедшего на охоту и очень голодного. Во всех движениях — не зря прозвали Пумой! — царила кошачья грациозность, за которой скрывалась убийственная сила животного, решительно настроенного на хороший ужин. Хватая турка за руки, Иван чувствовал, что не может найти способ перевернуть этот стальной механизм. И он перешёл к выжидательной тактике, следя за тем, где соперник даст слабину. Весь бой они провели на равных, но под конец Пума, который, казалось, выдохся, вдруг выстрелил неожиданно и зло: молниеносным броском перевёл Ивана

в партер и заработал столь необходимый единственный балл, давший ему победу по очкам.

Измаил остался непокорённым.

Теперь, в самолёте, Папиашвили первым прервал тишину:

— Серебро на своей первой Европе — тоже очень хорошо.

Иван хмуро проворчал:

— Это всё потому, что в Трентов-парк не сходили.

Выждав ещё минут десять, Папа снова решил его подбодрить:

— Проиграть Пуме не стыдно. Этот турок у самого Думбадзе все золотые медали отобрал — Европы, мира, Олимпийских игр в Мехико...

Он посмотрел на своего ученика и вдруг увидел, что тот вовсе уже и не страдает, что Ивана увлекла какая-то утешительная мысль. Шарыгин улыбнулся и подмигнул Папе:

— Этот турок научил меня самому главному.

— Главному? — вскинул брови тренер.

— Не надо ждать, когда ошибётся соперник, когда появится удобная позиция для броска. Надо идти напролом.

Папу больно задело за самое живое:

— Турок его научил! А грузин тебя этому не учил, скажешь? Знать тебя не хочу после таких слов!

Шарыгин испугался, что обидел наставника:

— Учил, учил!.. Прости меня, Георгий Михалыч! Ну, прости дурака! Ты учил, а я не слушал. Пума показал мне, как нужно слушаться дорогого Папу.

Папа с трудом, но задавил в себе обиду и вспышку лютой злости.

— То-то же! Эх, Ванька... Зато тебе квартиру дают в Красношарске. Будешь теперь кум королю! Невест из каждого угла веником будешь выметать.

— Дались вам эти новости!

— Правильно, не спеши. Сначала стань чемпионом Европы. Потом — мира. Потом — Олимпийских игр. Потом — ещё раз Европы, мира и Олимпийских игр. Потом — главным тренером СССР. Потом — председателем Комитета по физической культуре и спорту. Наконец, генеральным секретарем ЦК КПСС. Потом выйдешь на пенсию, а уж тогда... — И Папа громко, на весь самолёт заржал.

Куба либре! Куба — любовь моя! Великая революция, высокая слава. Куба перестаёт быть публичным домом Америки. Янки гоу хоум! Наши ракеты на Кубе, и самоуверенные дети американской мечты толпами бегут с восточного побережья своей разжиревшей страны на западное. Карибский кризис. Испугались воевать против нас с Кубой!..

Как это всё ещё живо в памяти. И вот здесь, в Монреале, где жилистые кубинские спортсмены взяли шесть золотых, четыре серебряных и три бронзовых медали, заняли восьмую строчку в командном зачёте, под общий свист-капиталист эта стальная кубинская сборная выходит на дорожку почёта под своим овеянным запахом свободы знаменем: три синих и две белых полосы, в которые вклинивается треугольник с белой звездой. И великий темнокожий боксёр, трижды олимпийский чемпион Теофило Стивенсон, широко улыбаясь назло свисту трибун, несёт это знамя, как автомат Калашникова. А за ним гордо идут другие боксёры, легкоатлеты, борцы, фехтовальщики, волейболисты, вновь заявившие, что Куба — не просто курортный остров под боком у США, Куба — автомат Калашникова, приставленный к рёбрам Дядюшки Сэма.

— Куба — любовь моя!.. // Слышишь чеканный шаг — // Это идут барбудо... — волнуясь в неясной и невыносимой тоске, пропела Катя, глядя на экран нового, недавно купленного “Рубина-714”. Его только что начали выпускать, и Ивану раздобыли один из самой первой партии. Катя накануне заикнулась, было:

— “Грюндик” бы...

— Вот ещё! — возмутился Иван. — Никаких “хрюндиков”! Советское — значит, отличное. Да, я советский человек до мозга костей. Был, есть и буду. Что ты так смотришь?

— Люблю тебя очень, вот и смотрю. Нельзя, что ли?

“Рубин” тоже волновался, отчего стал подмаргивать время от времени. Вот тебе и “отличное”! Недавно слышала анекдот: “Что значит растопыренная звезда советского знака качества, которая словно бы развела руками: “Всё, что можем!..”

Это подмаргивание раздражало Катю. Её с самого начала глодало непонятное дурное предчувствие, ещё когда муж только собирался в эту Канаду: не надо ехать! Но как это сказать? Предчувствие? Обсмеёт так, что не отмоешься. Надо было что-то придумать, сделать, в конце концов, такое, чтобы он не смог поехать... И вот теперь сиди одна перед моргающим “Рубином” и хоть волчицей вой.

Её путь к Ивану начался на том гимнастическом бревне, по которому она, двенадцатилетняя девочка, легко бежала, как по лунной дорожке с одного берега реки на другой. На одном берегу жила она, на другом — он, ещё не известный, неведомый, но такой великий и прекрасный, что в животе щекотало от мыслей о нём.

Строгая тренерша любовалась тем, как она порхает по сверкающей гимнастической дорожке, делала замечания:

— Ровней! Ровней, Катя!

Но Катя и без того прекрасно справлялась, ловко бегая по бревну, словно по канату. В одну сторону пробежала, в другую. В одну, в другую.

— Молодец, Катюша! Ну, просто Лариса Петрик!

Леденцова прыгнула, красиво выгибаясь ласточкой. Подружки Лена и Вика с завистью смотрели на неё. Она подошла к ним с гордостью, в которой сквозил вызов: ну, а вы когда так сможете?

— Ну, ты циркачка! — сердито сказала Лена. — Тебе бы по канату ходить.

— А что, я запросто!

— Вот и иди в цирк. Замуж за клоуна выйдешь.

— Чего это за клоуна?

— Ну, не за клоуна, за канатоходца.

— За дрессировщика тигров, — с завистью, но и подружечей любовью произнесла Вика.

А уж когда шли из школы домой, Катю словно клоунуло что-то в самое сердце:

— Я без вас знаю, за кого мне замуж идти.

— Ну, и за кого?

— Я?

— Ты, ты.

— Я выйду... За олимпийского чемпиона.

— По гимнастике?

— Вот ещё!

— По боксу, что ли?

— И не по боксу. Хотя бы по борьбе.

Почему по борьбе, она и сама не нашла. По борьбе, и всё тут!

— И прямо сразу за олимпийского чемпиона!

— Прямо сразу!

Разговор как-то забылся со временем. А через три года она увидела его фотографию в газете.

— Постой-постой... Не этот ли?..

Он красовался на пьедестале, новый чемпион СССР по вольной борьбе в полутяжелой весовой категории.

— Иван Шарыгин.

Пока ещё только чемпион СССР, а будет её чемпионом!

И вот уже она сидела с теми же Леной и Викторией в сквере возле памятника Салавату Юлаеву. Все три достали свои альбомы с вклеенными в них

газетными и журнальными вырезками. Замелькали лица космонавтов, хоккеистов, артистов — Беляев, Леонов, Кубасов, Якушев, Харламов, Старшинов, Лановой, Тихонов, Ивашов... Лена первая увидела фотографию Шарыгина:

— Это что, твой борец? Олимпийский чемпион?

— Будущий.

— Не понимаю, как можно полюбить борца?

— А чо! Всё космонавты да хоккеисты... То ли дело борьба!

— Да ну! Я на них не могу без смеха смотреть.

— С чего это?

— Да форма на них смешная. Труссы на лямках. Осталось только дать совок, ведро и — вперёд, в песочницу!

— Чепуха. Нормальная форма. А под ней — шары мышц, красивая фигура, настоящая мужская мощь. Я загадала: буду женой того, кто станет чемпионом СССР в этом году. И им стал Иван Шарыгин.

— Ну, конечно. Ты же у нас сама будущая чемпионка по гимнастике. На пьедестал поднимается Екатерина Леденцова!

Когда через несколько дней Катю в сопровождении подружек и тренерши сажали в “скорую”, она услышала, как врач сказал:

— Похоже, перелом голеностопа. Если так, то гимнастика ей больше не светит.

И почему-то больше всего запомнилось, каким злорадством просияло лицо родной подружки Лены. Но потом эта же Лена безотказно навещала её в больнице, да не по разу, а по два раза в день. И даже принесла ещё один журнал с фотографией Шарыгина:

— Ничего так парнишка.

Но не выдержала и ляпнула:

— Только ты же теперь...

— Ну и что! Я в цирковую студию запишусь.

— Эх, Катюша... — Лена от души обняла подругу. — Фиг-два ты его теперь получишь!

— Посмотрим.

Выписавшись из больницы, Катя вырезала из журнала и эту фотографию. Собиралась её тоже вклеить в дневник, но вдруг передумала. Встала из-за письменного стола, подошла к шкафу, открыла его и канцелярскими кнопками прищипила своего чемпиона на изнанку дверцы шкафа. Открыла дверцу — он тут как тут, смотрит на неё. Причём как-то одновременно и внимательно, и небрежно. Ей нравилась такая манера у парней — внимательно-небрежная.

— Ступайте, Иван!

Катя захлопнула дверцу и захихикала. Снова открыла.

— Вы ещё здесь? Разрешите мне взять одежду, мне надо переодеться. Ну-ка, не подглядывать! Ну, вы нахал, товарищ Шарыгин! Вы что, все сибирики такие?

Многие маленькие страны когда-то были большими и воинственными. Как Дания. Флаг Дании, Даннеброг — белый крест на красном поле — по преданию, спустился на христианское датское войско в тот миг, когда оно, дрогнув под напором языческого эстонского войска, собралось бежать с поля боя. С тех пор Дания то увеличивалась в размерах, то уменьшалась, пока не стала совсем маленькой. Но дух состязательности в датчанах остался, и на всех Олимпийских играх они постоянно завоевывали медали, в том числе и золотые. Одна золотая досталась им и в Монреале, так что Даннеброг мог без стыда развеяться над почётной дорожкой стадиона Большое-О.

В относительно небольшом городе Юлаевске имелись и свой цирк, и даже своя цирковая студия. Ею руководила пожилая степенная дама с причудливым, как и полагается артистам цирка, именем Мариэтта Генриховна Хоттабова. Леденцова ей сразу понравилась. Поначалу, пока последствия травмы заживались, давала лёгкие задания, но прошла зима, и по весне Катя уже начала тренироваться ходить по низко и туго натянутому канату.

— Опорная нога прямая, стопа — вдоль каната. Канат проходит посредине пятки, — распорядилась её движениями Мариэтта Генриховна. — Так, держи равновесие. Представь, что на голове у тебя бокал шампанского и его надо удерживать. Плечами не двигать! Голова! Голова, как у памятника, тоже неподвижна. Спина тоже...

Сорвавшись с каната, Леденцова ловко приземлялась, тотчас вскакивала, как ни в чём не бывало.

— Приземляешься правильно. Уже хорошо.

— Там шампанское ещё осталось?

— Осталось.

Катя сделала вид, будто наливает из бутылки в бокал и ставит бокал себе на голову. И снова попыталась пойти по канату.

— Руки выше плеча! Ищи баланс, — раздались новые команды Хоттабовой. — Свободная нога тоже помогает балансировать. Так, хорошо. Главное — научиться держать спину. Она должна быть прямой, но не скованной. Если мышцы напряжены, не почувствуешь точку равновесия. Хорошо. Хорошо. Руки! Не опускать! Руки расслабленные, мягкие. Скованных эквилибристов не бывает...

Катя снова упала. На секунду её охватило отчаяние, и она легла на арену цирковой студии, зарылась лицом в ладони. Она шла по канату, а Иван Шарыгин стоял внизу вместо Мариэтты Генриховны. Командовал:

— Ищи баланс! Скованных эквилибристов не бывает!

Катя теряла баланс и падала, а Иван ловил её, кружил по арене, а сама арена расширялась и расширялась в своих пространствах, превращаясь в огромное поле цветущих цветов.

Леденцова вскочила и снова пошла на канат.

Вечером дома она смотрела на фотографию Ивана, прикреплённую к стенке шкафа. Иван смотрел на Катю внимательно и слегка небрежно.

— Поймаешь? — спросила его Катя. И он ответил своим добрым взглядом:

— Ну-тк!

И вот уже она увереннее шла по туго натянутому канату, а Хоттабова хвалила её:

— Уже лучше. Значительно лучше. Опорная нога — задняя! И не смотри под ноги, смотри вперёд, на конец каната. Хорошо. У тебя же идеальная координация! Молодец, Катюша!

Катя уверенно дошла до конца каната, ступила на тумбу. Сделала вид, будто снимает с головы бокал шампанского и выпивает его.

— Bravo! — засмеялась Мариэтта.

На другой день Катя с Леной и Викой ехала из школы в трамвае. Настроение — самое дерзкое.

— Кать, покажи-ка ещё раз твоего чемпиона, — попросила Лена.

Леденцова посмотрела на подружку с недоумением, но открыла портфель и показала дневник с фотографией Ивана. И тут Лена вдруг выхватила у неё дневник и вознесла его над головой:

— Граждане! Вы едете в одном трамвае с женой чемпиона страны по борьбе Ивана Шарыгина!

— Ленка! Дура, что ли? Отдай!

— Не надо стесняться, жена чемпиона!

Она стала пятиться, увильывая от рук Кати, цапающих, пытаясь выхватить у неё дневник.

— Жена чемпиона! Жена чемпиона! — Ленка перебросила дневник Вике. Та поймала и невольно ступила в глупую игру на стороне Лены.

— Оп-па! — тоже подняла дневник Леденцовой над своей головой.

— Эй, жена чемпиона! А где твой чемпион? — крикнула Ленка.

Катя попыталась отнять дневник у Вики, но та перебросила его Лене.

— Девочки! Девочки! — возмутилась одна из пассажирок трамвая, миловидная женщина лет пятидесяти.

Трамвай остановился, и Лена с дневником Кати выскочила из него. Катя и Вика припустились следом. Оказалось, они выскочили прямо около цирка.

На мгновение все три девятиклассницы замерли перед красочной афишей, на которой были изображены тигры и дрессировщик Святослав Барселонский, высоченный гигант, широкоплечий красавец.

Выхватив у подруг свой дневник, Катя со всего размаху влепила подзатыльники одной и другой.

— Вот так борзость! — возмутилась Ленка, и теперь уже Катя убежала от них, а они догоняли её. Леденцова вбежала в здание цирка. Смешной пожилой охранник, будто нанятый сюда непосредственно из кинокомедий Александрова — “удивительный вопрос: // почему я водовоз?” — растопырленно попытался поймать её, но она сиганула от него во всю прыть.

— Это ещё что за цирк! В милицию захотела?! — возмутился “водовоз”-охранник.

Она бежала куда глаза глядят, и вдруг оказалась высоко над ареной, а перед ней — туго натянутый канат. Внизу на арене Святослав Барселонский репетировал с двумя тиграми. Сзади — охранник, внизу — тигры, впереди — канат. Эх, где наша не пропадала! И Леденцова шагнула.

— Куда ты! Стой, дура-девка! — Видно было, что беднягу охранника вот-вот спаает тигр по имени Инфаркт.

Но дура-девка уже шла по канату, балансируя, с портфелем в одной руке, с дневником в другой. Всё вокруг замерло. Охранник в ужасе, потому что это он не закрыл дверь и по его вине может сейчас случиться непоправимое. Барселонский смотрел снизу на то, как Катя идёт по канату. Тигры в волнении прижались друг к другу.

— Иди! Вниз не смотри! Иди! — крикнул дрессировщик.

Катя дошла до середины каната и не выдержала, посмотрела вниз, ей стало страшно, в закружившейся голове звякнул перевернувшийся трамвай.

— Прыгай, я поймаю! — крикнул Барселонский.

Катя сделала ещё один шаг, окончательно потеряла равновесие и прыгнула. К счастью, канат был натянут не очень высоко. Знаменитый дрессировщик поймал дуру-девку. Тем временем ассистент успел уже отогнать тигров, увести их с арены.

— Сумасшедшая! — Барселонский поставил Леденцову на ноги. — Цела?

— А что мне сделается! Я вообще-то умею по канату ходить, — нагло ответила Катя.

— Ага, умешь!

— Это я специально спрыгнула, чтоб вы меня поймали.

— И на фига?

— Я вам новый номер придумала. Возьмите меня в свою труппу.

— С ума, что ли, сошла?.. Постой-постой... А что? Это мысль. Мы тут с хищниками, а ты над нами по канату...

— Так а я про что! Возьмите! Не пожалеете!

Барселонский задумался, на лице его высветилось: а чем чёрт не шутит?

— Ты идёшь, теряешь равновесие, падаешь, а я тебя ловлю и спасаю от хищников...

— Точно!

— Классно!

— Берёте?

— Всё хорошо, только у нас сегодня последний день гастролей. Завтра уезжаем.

— Я с вами.

— То есть?

— Сбегу!

— Не валяйте дурака, школьница! Сбежит она!

Ночью дома, пока все спали, Катя собрала вещички в небольшую сумку, затем прошла в ванную комнату и перед зеркалом отрезала себе волосы. Довольно ловко и быстро сделала короткую причёсочку.

— А ничего причёсончик!

Она тайком вышла из дому, тихонечко закрыла за собой дверь. Только бы никто не попался, иные соседи любят по ночам шастать. Она выбежала из

подъезда, посмотрела на родные окна. Прощай, отчий дом! Растворилась в ночи.

Утром Александр Александрович Леденцов, в просторечии Сан Саныч, отправился будить спящую дочь. В белой майке и синих тренировочных штанах, позёвывая, он подошёл к её кровати. Катя спала, укрывшись с головой одеялом.

— Катюшенька, вставай!

Ноль внимания. Сан Саныч медленно стянул одеяло с головы дочери... А головы там не оказалось! Мяч, и дальше вместо тела — свернутые одежды.

— Это ещё что такое!!! Где Катя?

На письменном столе — записка. Леденцов схватил её, прочитал, в растерянности зашагал на кухню, где его жена, Катина мама Нина Мелентьевна готовила завтрак.

— Нина! Катька сбежала!

— Как сбежала? Куда?!

Через четыре часа Катя с отцом уже ехала в автобусе. По лицу у Кати бежали слёзы. Отец напоминал собой памятник Салавату Юлаеву, желающему раскрошить екатерининскую Российскойскую империю.

— Бросить отца и мать! Родной город, школу... И, главное, в день столетнего юбилея Ленина! Как такое в голову могло прийти?!

— Мы со Святославом Барселонским такой номер придумали! А он обманщик — они уже ночью уехали из Юлаевска-а-а-а!

— Безобразие! Кошмар! Полная безответственность! — Желание крушить убежавшую из дома у Сан Саныча всё нарастало. — Неужели ты вправду хотела уехать с этой шантрапой? С этими циркачами!

— Все знаменитые артисты цирка так начинали свою карьеру.

— Убегали с заезжими гастролёрами? Так уж и все! Хорошо, что я вовремя тебя успел отловить! Под замок тебя! В школу лично буду провожать. А на лето — в Красношарск, к Лизавете.

— Почему в Красношарск?! — В Кате всё внутри так и подпрыгнуло. Старшая сестра Лизавета с мужем Дмитрием жила в Иркутске.

— Утром звонила, они с мужем туда переезжают. Хорошую квартиру им дают в Красношарске. Дмитрию — новую работу, оклад хороший. Вот пусть они тобой занимаются, а нам с матерью надоели твои причуды.

Только что всё было потеряно, и вот — Красношарск! А ведь он живёт там, Иван Шарыгин. Конечно, ей хотелось приехать в Красношарск с гастрольями, и чтобы он впервые увидел её на канате, в блестящих одеждах, обтягивающих её стройную фигурку, на голове — шапочка с высокими страусиными перьями... Ещё ей хотелось быть мулаткой с красивой смуглой кожей, но это уж было совсем невыполнимо...

Доминиканская республика — рай для отдыхающих. И флаг у неё красивый: белый крест, по бокам от которого синие и красные квадраты. Большинство населения страны — мулаты. Но в спорте они не блещут, никаких медалей ни в Монреале, ни до него. Точно так же и Эквадор, хотя флаг у него тоже красивый — жёлто-красно-синий, с парящим орлом и гербом, на котором и море, и горы, и солнце...

Летом в Красношарске очень хорошо. И солнца много, и разлив Енисея, подобный морю, и горы есть, особенно красивая скала Красный Шар, словно голова исполина с лицом, покрасневшим от свежего загара.

— Это были два брата, — рассказывала младшей сестре старшая, сидя с ней в машине на заднем сиденье. — Одного звали Енисей, другого Анисей. И оба они не поделили красавицу Сибирь, в которую влюбились до беспмятства. Бросили жребий. Красавица досталась Анисею, но ей больше нравился Енисей, и она решила с ним сбежать. Анисей бросился за беглецами в погоню. Видя, что он вот-вот их догонит, Енисей превратился в реку и понес свою красавицу Сибирь дальше к океану, а Анисей решил тогда эту реку выпить. Пил-пил, пил-пил, пилил-пил, раздулся весь, сделался красным, да и окаменел навеки. Так появились река Енисей, страна Сибирь и скала

Красный Шар, возле которой потом был основан Красношарск.

— Лизка, ты что, тут гидом будешь работать? — со смехом спросила Катя.

— Она уже про Красношарск знает больше, чем сами жители, — сказала сидящая на переднем сиденье Аня, сестра Лизиного мужа Дмитрия. Ей, как и Кате, в этом году исполнилось пятнадцать лет. И она, как и Катя, всю строила из себя совершеннолетнюю.

— Увидишь, какую нам тут квартирицу дали, — радовалась жизни Лизавета. — Чумаков у меня гений и злодейство в одном лице. Умеет урвать от жизни всё.

Лиза, как некоторые жены, предпочитала называть мужа по фамилии.

— А ещё у нас новость, — сказала Аня. — В нашем доме поселили Ивана Шарыгина.

Это было уже слишком! Мало того, что Катю отправили в ссылку в тот город, где жил её чемпион, а тут ещё такое! В жизни бывают случаи, про которые, если написать в книге, читатели скажут: “Ну, ты, брат писатель, заврался!”

— Какого Шарыгина? — так и задохнулась от невероятного известия Катя.

— Конечно, откуда вам в Башкирии знать про наших красношарских знаменитостей, — засмеялась Лиза, уже всюю явно осознавая себя красношаркой.

— Шарыгин — чемпион Советского Союза по вольной борьбе, — “открыла Америку” Аня, а заодно и “Австралию”: — Серебряный призёр чемпионата Европы.

— Мы живём на шестом этаже, а его недавно поселили на девятом, в нашем подъезде, — добавила информации Лиза. — Квартиру дали. Ещё бы! Чемпион России и всего Союза, серебряная медаль на чемпионате Европы в Берлине...

— Парню двадцать один год. А красавец! Высоченный, статный.

Услышав из уст Ани такие слова, Катя похолодела от возмущения: похоже, девушка тоже нацелилась на него. Ну уж нет! Не зря её сюда в ссылку отправили. А главное, вовремя.

Водитель служебной машины Чумакова вытащил из бардачка газету, развернул её одной рукою и протянул на заднее сиденье. На Катю легко и просто взглянул её чемпион.

— Ну, как тебе? — спросила Аня Катю.

— Ничего себе так мужчина, — ответила Леденцова-младшая.

— А мой Чумаков его курирует, — сообщила Леденцова-старшая.

— Его? Лично?

— Ну, не только его. Всю эту спортивную местную шатию-братию.

Третье чудо ожидало Катю, когда приехали, вошли в дом, подошли к лифту, нажали кнопку, постояли минуты две, а из лифта вышел сам Иван Шарыгин. Не ври, писатель, но жизнь как пошла чудить перед Катей, так и не могла остановиться.

Анька толкнула Катю под рёбра острым локотком:

— Катька!..

Проходя мимо, Иван с улыбкой подмигнул Аньке и бросил беглый взгляд на Катю.

— Здравия желаю!

— Здравствуйте, товарищ чемпион, — звонко ответила Анька.

— Здра... — задохнулась на полуслове Катя.

Он пошёл дальше, Лиза, Катя и Аня вошли в лифт, но не спешили нажимать на кнопку, смотрели вслед Ивану, как тот выходит из подъезда. Шарыгиным трудно было не залюбоваться — Аполлон и Геракл в одной статуе!

Когда, наконец, лифт поехал вверх, Катя не выдержала и выдохнула всем сердцем:

— Надо же, живой Шарыгин!

А Анька:

— Лёгко на помине! Скажи, хорош? Я сразу в него влюбилась по уши.

Катя ничего не ответила. Просто решила для себя про Аню: убью, заразу такую!

Вечером следующего дня Леденцова во второй раз в жизни увидела живого Шарыгина. Она гуляла с маленьким племянником Витей во дворе дома. Витя всё не слушался, таскал из песочницы песок и разбрасывал его где ни попадя. Его пятнадцатилетняя тётка сердилась:

— Чумачонок! Я тебе уже двадцать раз сказала...

И в этот миг появился Иван. Он возвращался домой после тренировки, усталый, измотанный. Но при виде Кати приосанился, и она заметила это. Он улыбнулся и сказал:

— Привет голубым глазам!

И у неё всё внутри замело тёплым снегом.

— Здра... встуйте...

Иван зашагал дальше, подошёл к подъезду. Катя зачарованно смотрела ему вслед. Возле подъезда он оглянулся и помахал ей рукой.

На другой день они караулили его вечером уже вдвоём с Анькой, которая уже сильно злила Катю своими притязаниями на Ивана:

— Только учти, я в него первая влюбилась.

Катю это бесило, но признаться в том, что она уже давно собирала все фотографии Шарыгина и вклеивала их в свой дневник, Леденцова не решалась.

Появился Иван, он снова усталый возвращался с тренировки. При виде него девушки спрятались, подглядывая за ним, как он входит в дом, и пулей помчались, чтобы успеть с ним вместе в лифт. Когда вбежали в нижний вестибюль дома, Иван уже стоял в лифте.

— Эй, подождите, пожалуйста!

Девушки вбежали в лифт к Ивану.

— Ой, здравствуйте! — кокетливо стрельнула глазками Анька. “Дура!” — ответным выстрелом пролетело в голове Кати. Она поздоровалась без кокетства. Изо всех сил заставила выпрыгнуть в своё приветствие дозу иронии:

— Здравствуйте, товарищ Поддубный.

— Здравсьте-здравсьте... — Иван снисходительно смотрел на двух малолеток. Нажал на кнопку.

— Познакомьтесь, это Катя, брата жены сестра.

— Очень приятно. Иван. Брат сыновей и дочерей отца и матери.

Анька от души прыснула со смеху. Катя сказала сдержанно:

— Остроумно.

Надо было спешить, пока лифт не выбросит их на шестом этаже.

— А мы завтра на плотину гулять едем. Хотите с нами поехать? — успела предложить Аня.

На другой день Чумаков, Шарыгин, Лиза, Катя, Аня и маленький Чумачонок восторженно смотрели на плотину Красношарской ГЭС.

— Вот где силища! — с уважением произнёс Иван.

Чумаков засмеялся, схватил Шарыгина за бицепс, сжал двумя пальцами:

— Вот где силища!

От могучей плотины компания отправилась в Златогорск на великолепные песчаные пляжи. Мужчины быстро разделись первыми, вошли по колено в холодную даже среди лета енисейскую воду. Катя с горечью заметила, что на обоих модные плавки. На ней-то дремучий совковый купальник с противными рюшечками, закрытый. Она медлила. Чумаков пошёл дальше, окунулся, поплыл.

— Эх, хорошо!

Иван тоже сделал шаг вперёд, Катя сняла с себя платье, осталась в купальнике. А он оглянулся и посмотрел на неё. В его взгляде она жадно прочитала, что ему понравилась её стройная женственная фигурка. Катя смутилась от его взгляда, и он снова подмигнул ей, с весёлым смехом зашагал дальше в воду.

Теперь надо было совершить поступок. На другой вечер Катя и Аня снова подкарауливали Ивана, чтобы опять как бы невзначай оказаться с ним вместе в лифте.

— Прячемся! — дернулась Аня при виде появившегося в отдалении Шарыгина.

— Это уже было, — с вызовом ответила Катя и начала совершать свой поступок. — Ты что, не веришь, что я могу по канату ходить?

— Я? Не верю? — удивилась Аня. — При чём тут это?

— А при том. Смотри, Фома неверующая!

И Леденцова схватилась руками за верх невысокого, чуть ниже человеческого роста, забора, легко и изящно вспрыгнула на него и пошла, как по канату.

— Да верю я, верю! — проскрипела Аня, понимая смысл Катиной затеи. — Дальше-то что?

— Смотри, смотри, — иронично усмехнулась Леденцова, продолжая исполнять роль канатоходки. Иван подошёл, с удивлением глядя на неё. Три раза хлопнул в ладоши.

— Ловко!

— Ничего особенного, — сказала Катя как бы равнодушно. — Я вообще-то в цирке собиралась выступить. Меня Святослав Барселонский в свой аттракцион с хищниками пригласил. Сам Барселонский на арене с тиграми, а я над ними по канату...

— Врать-то! — рассмеялся Шарыгин.

— Честное комсомольское! — фыркнула Леденцова. И ведь не соврала. Ведь предварительный стовор с Барселонским был. Она же не виновата, что они, гады, среди ночи умотали из Юлаевска, как воры какие-нибудь.

Видя, что Иван вот-вот тронется и пойдёт дальше, Катя нарочно сделала вид, что у неё закружилась голова, и стала падать с заборчика. Иван поймал её. Она почувствовала, что от такой внезапной близости с девушкой в Иване что-то проснулось. Не могло не проснуться. Он удивлённо смотрел в ясные глаза Кати, в которых читалось и клокотало всё: и жажда любви, и лукавство, и шалость... Катя встала на ноги напротив Ивана.

— Спасибо, товарищ Поддубный.

Анька горела ненавистью, еле сдерживалась, но нашла в себе силы произнести:

— А нам тут на завтра четыре билета в кино обломались. Хотите с нами? И товарища пригласите.

— Обломались? А что за кино?

— “Белый взрыв”.

— Белый? Взрыв?..

Дома Анька едва не растерзала Катю. Не стерпела и ущипнула её за предплечье.

— Анька! Ты чего? С ума сошла? Больно же!

— А то! Я первая в него влюбилась!

— Ну так и пошла бы по заборчику.

— Ох, и стерва же ты, как оказалось! Змею в своём доме пригрели!

— Погоди, не шипи. А то сама на змею стала похожа.

И тут Катя залезла в свой чемодан и достала оттуда дневник с вклеенными в него фотографиями Шарыгина. Капитуляция Анны Чумаковой была теперь неизбежной.

Испания! Великая страна, великая история. Увы, в Монреале испанцы не взяли ни одной золотой медали, только серебряные. И потому боксёр Энрике Родригес Каль с грустным лицом нёс испанское знамя — красно-жёлто-красное, с гербом ближе к древку. На гербе щит с гербами Леона, Кастилии, Арагона, Наварры и Андалусии, а также белые Геркулесовы столпы — Гибралтар. В те времена во главе Испании оставался Франко, и при нём герб обрамляли крылья, хвост и голова чёрного орла. Это уже потом, после смерти диктатора орёл улетит с испанского знамени.

К Шарыгину вновь пришла делегация.

— Иван, можно тебя на минуточку?

Павлушин, Исаков, Даниличев, Бурдюков и Папиашвили взяли Ивана в плен, окружили, оттащили от остальных спортсменов.

— Бить будете? — усмехнулся Шарыгин.

Слово взял Бурдюков:

— Иван Николаевич, по нашему общему мнению, знамя должен нести я как главный тренер сборной. И я готов возложить на себя эту миссию.

— Константин Фомич, — вздохнул Шарыгин. — Я вас очень уважаю. Но такое решение будет идти вразрез с мнением коллектива. А коллектив в советской стране — самое главное, не так ли?

— Ваня, ёлки-пальки, — возмутился Папа. — Слушай сюда, что тебе взрослые дяди говорят!

Как всегда, когда он волновался, в его речи сильно проступал грузинский акцент, и вместо “взрослые дяди” он смешно произнёс: “взрослии дядя”.

— Ванюша, — ласково обратился к Шарыгину председатель Комитета по физкультуре и спорту, — хочешь, я перед тобой на колени встану? Сделаю вид, что у тебя резко обострились боли. Мы срочно проведём собрание, и знамя понесёт Константин Фомич.

— Павел Сергеевич, Константин Фомич, Георгий Михайлович, Павел Игнатьевич, — перечислил всех вокруг себя Иван, кроме Даниличева, которого он запомнил, как зовут. — Клянусь, я вас очень уважаю и ценю ваше мнение. Но прошу вас, дайте мне знамя! Не отнимайте его у меня! Ведь это знамя великих побед моей Родины, и все проголосовали, чтобы его нёс я.

Пламенная речь заставила всех умолкнуть.

— Да ничего не будет, клянусь вам. Никто в меня стрелять не станет.

— Откуда ты знаешь, ёлки-пальки?!

— Знаю. И точка.

Все пятеро внимательно и хмуро смотрели в полное решимости лицо Шарыгина. И вдруг первым улыбнулся Исаков. Хлопнул Ивана по плечу:

— Молодец, мужик! Уважаю!

И пошёл обратно смотреть в свой бинокль. Даниличев последовал за своим начальником. Улыбнулся и хлопнул Ивана по локтю Павлушин:

— Ну, смотри! Обещал, что никто не стреляет.

— Слово своё сдержу, — расплывался в улыбке, радуясь, что на этом все уговоры кончатся, Иван.

— Да вы что, с ума посходили? — продолжал кипятиться один только Папиашвили. — Что он может обещать? Что какая-то гнида вдруг скажет: “А! Зачем я буду в него стрелять? Он такой хороший, такой лапочка! Так любит знамя!” Да?

Но Павлушин уже тоже отошёл и отправился на стадион. Лишь Бурдюков оставался хмурым. Потоптался и проворчал:

— Эх, была у меня возможность... Ну, спасибо тебе, Иван!

— Не сердитесь, Константин Фомич. И спасибо вам огромное! — Шарыгин протянул руку главному тренеру сборной, и тот принял рукопожатие, но улыбки не смог из себя выдавить, отходил печальный.

— Этот-то чего недоволен! — Папа сделал в его сторону характерный грузинский жест. — Что пули ему не досталось?

— Смешной вы, Георгий Михайлович, — сказал Шарыгин. — Разве, если бы вам сейчас дали нести знамя, вы бы отказались?

— При том, что ещё и застрелят?

— Да.

— При том, что сказали бы: “Иди, Гоги, вот тебе красный флажок, неси его гордо, а из тебя пулями сделают дуршлаг”?

— Именно так.

— Что я, дурак, по-твоему?

Папиашвили засмеялся, потом умолк, сделался серьёзным и закончил разговор:

— Что я, дурак, чтобы отказаться от такого! О чём речь, ёлки-пальки, конечно же пошёл бы! Как Егоров и Кантария!

Катя сидела в горячей ванне, изнемогая, а Анька зачитывала ей из журнала:

— “Чем ванна горячее, тем лучше разгоняется кровь и тем ярче и соблазнительнее будет ваша внешность. Вспомните сказку про Конька-горбунка, в которой Иван смело бросается в кипяток, а выходит из него похорошевшим...”

Ознакомившись с Катиным дневником, Аня повела себя благородно — сдалась. Но фифти-фифти — теперь они должны были на равных состязаться за Ивана, и если одна победит, то другая — отойди, милашечка, в сторонку.

— Я выйду сваренная, как яйцо вкрутую! Всё, не могу больше, дышать нечем... Я уже и так красивая.

— Тогда вылезай, моя очередь. Но потом не плачь, если у меня всё заладится, а у тебя нет.

Леденцова выскочила из горячей ванны в полном смысле слова, как ошпаренная. Аня залезла на её место, минуты две квохтала, потом добавила ещё кипяточку. Катя, внимательно разглядывая себя в зеркале, пришла к выводу:

— Заладится.

На другой день Аня и Катя сидели в укромном месте сквера напротив кинотеатра “Радуга”, волновались в ожидании Ивана. Шарыгин явился за десять минут до начала сеанса.

— Фу-у-у! — скривились обе девушки при виде его спутника. Маленький, вертлявенький.

— Ну, и недомерок! — поморщилась Аня.

— Почаще так морщи нос, и моя победа обеспечена, — усмехнулась Катя.

Подождав ещё минут пять, они отправились навстречу судьбе.

— Познакомьтесь, Леонид, — представил Иван своего приятеля. — Тоже борец.

— Анна.

— Катя.

— А расфуфырились-то! Даже и не скажешь, что вам по пятнадцать, — ещё больше испортил о себе впечатление Леонид.

— А про вас не скажешь, что борец, — отфутолила Аня.

— Он в лёгкой весовой категории, — заступился за приятеля Шарыгин. — Между прочим, мастер спорта всесоюзной категории, серебряный призёр чемпионата СССР.

— Ну, наверное, в очень-очень лёгкой категории, — продолжила зубоскалить Чумакова. — В самой такой лёгонькой.

— До пятидесяти килограммов, — нахмурился Леонид.

— Серебряный призёр? — Леденцова проявила интерес, дабы не накалять обстановку. Даже пихнула Аньку исподтишка. А то ведь обидятся парни, возьмут да и учешут. — А как ваша фамилия?

— Шустиков, — всё ещё хмуро назвалсЯ Леонид.

— Тот самый! — воскликнула Катя. — Я читала о вас. Молодые люди, мы что, так и будем тут у входа стоять? Позвольте, Лёня? — И она взяла Шустикова под руку, повела за собой, всучила ему билеты: — Билеты должен предъявлять мужчина.

Анька не верила своим глазам — Катя сама выбрала себе этого замухрышку. Что это? Капитуляция? Но почему? Э, нет, это хитрый ход! Так размышляла она, идя под руку с Иваном. Девушки не знали, что при виде их борцы обменялись следующими репликами:

— Моя чур та, которая поменьше! Мне по росточку подходит, — сказал Шустиков, имея в виду Катю.

— Да пожалуйста. Я лично ничего такого с ними не собираюсь, — пожал плечами Шарыгин.

— А я бы лично не стал сопротивляться.

— Лёня! Сворачивание малолетних.

Билеты, конечно же, девушки заранее прикупили на самый последний ряд. Катя села у прохода, справа от неё Шустиков, за Шустиковым — Аня,

за Аней — Шарыгин. Рядом с Шарыгиным место пустовало, и это сыграло свою весьма важную роль в дальнейшем развитии событий.

— О! “Фитиль”! Обожаю “Фитиль”! — ликовала Аня, когда начали показывать короткометражку перед основным сеансом. — Иван, вы любите “Фитиль”?

— Жить без него не могу, — ответил Шарыгин.

За те несколько минут, пока они ждали, когда погаснет свет, ему уже пришлось ответить на вопросы, любит ли он Экзюпери, какое животное в зоопарке нравится ему больше всех, не считает ли он певца Валерия Леонтьева уродом, зануда ли Тарковский, есть ли загадка в “Чёрном квадрате” Малевича, сойдутся ли заново “Битлз”, имеют ли право на существование карликовые собачонки, будет ли и когда война с Америкой, чем вызван такой бум на джинсы и какое его любимое стихотворение у Пушкина. Любит, но не “Маленького принца”, а “Ночной полет”; горилла; считает, хотя, некоторые песни ничего; в общем-то да, загадка есть, в том, что он не круг; не сойдутся, как Запад и Восток; право имеют все; будет, но не скоро; их отсутствием и “Клеветникам России”.

Во время “Фитиля” Аня, слава Богу, смеялась и вопросов не задавала. В перерыве между “Фитилём” и фильмом Иван сам стал задавать вопросы:

— А Катя откуда к вам приехала?

— Из Юлаевска. Есть такой городок в Башкирии. А что?

— Просто интересно. Она что, куда-то поступать будет в Красношарске?

— Нет. Её родители к нам на перевоспитание прислали. В Сибирь, в ссылку.

— За что же?

— С циркачом хотела из родного дома сбежать.

— Ого! С Барселонским?

— Ну да. Уже слыхали? А он её обманул, сам сбежал, пока она к нему собиралась. Катька вообще такая...

— Какая?

— Ой, лучше не спрашивайте. И советую: держитесь от неё подальше. У неё семь пятниц на неделе. Ветер в поле, в голове — дым. Девчонка хорошая, но характер, хм-хм... А вы чего всё про неё выведываете?

— Нельзя разве?

— Да нет, пожалуйста. Спрашивайте, отвечаю: год рождения пятьдесят пятый, дата рождения девятое мая, странно, что её Викой не назвали, Виктория — победа. Учится, насколько мне известно, хорошо. Готовилась в гимнастике, но перелом голеностопа и — гудбай. Подлечилась, поступила в цирковую студию. Дальше уже знаете, неудавшийся побег, и Катерина вся в слезах бежит к обрыву. Что ещё? Паспортные данные? Этого я вам не скажу.

Начался фильм. “Белый взрыв”, про войну, режиссёр Говорухин, знаменитые актеры Гурченко, Никоненко, Джигарханян, Закариадзе, Высоцкий. Немцы из дивизии “Эдельвейс” заняли удобные позиции высоко в горах Кавказа и обстреливают наших. Группа из шести советских альпинистов получает задание забраться на гору и взорвать снежную вершину, чтобы лавина накрыла гитлеровцев.

Шустиков что-то нашёптывал Кате, она посмеивалась, Иван то и дело поглядывал на них. И вдруг увидел, что Катя с досадой посмотрела на него. Они встретились взглядами, и этого оказалось достаточно для решительных действий. Иван ещё минуту смотрел на экран, затем глянул на пустующее место справа от себя, вздохнул и встал.

— Вы куда, Иван?

— Я на минутку. Мне в Кремль позвонить надо.

Он пробрался к проходу, ушёл.

— Куда это он? — спросила Катя Аню.

— Сказал, что ему в Кремль позвонить срочно надо.

Катя и Шустиков захихикали.

— Я в Кремль заблаговременно позвонил, ещё перед сеансом, — сказал Лёня. Он снова стал нашёптывать Кате всякую чепуху, она посмеивалась, а сама с тоской поглядывала на выход.

— Мы когда с Ваней были в Берлине на чемпионате Европы, — шептал Шустиков, — он, собака, купил мне самую манюсенькую бутылочку с каким-то ихним ликёром, три капли. Так я ему отомстил: нашёл надувную бутылку с надписью “Руссиш водка”, надул и подарил. В утешение, что он не стал чемпионом Европы.

— Давайте, Лёня, кино немного посмотрим, — предложила Катя и тут увидела, что Иван возвращается. Он подошёл, глаза его в темноте сверкнули, отражая луч проектора, бегущий сквозь чёрный квадрат зала. Как-то странно посмотрел на Катю, вдруг нагнулся к ней, взял левой рукой под ноги, правой за спину.

— Позвольте, Катюша, — сказал он мягко, будто оказывая ей экстренную помощь. Поднял на руки и стремительно перенёс на то пустующее место справа от него. Катя даже не знала, что сказать, восхищённо глотала воздух, а сердце колотилось сильнее, чем когда она шла по канату над тиграми.

Шустиков и Аня ошарашенно и возмущённо повернули головы в сторону Ивана и Кати. И тоже не знали, что сказать. Первым прыснул со смеху Лёня:

— Ну, Ванька! Вот он во всём такой!

Он тотчас стал что-то шептать Ане, но та от обиды грубо одёрнула его:

— Дайте хотя бы кино посмотреть!

Совершив подвиг, Иван долго не знал, что сказать Кате, а та — что сказать Ивану. Она была в восхищении от его дерзкого и совершенно неожиданного поступка. Долгое время они оба внимательно смотрели на экран, будто пришли сюда исключительно ради киноискусства. Наконец, когда герой фильма Артём накрыл героиню фильма Веру своей курткой и та сказала: “Нет, не надо, правда, не холодно”, — Иван накрыл руку Кати своей огромной лапой, но Катя выдернула свою руку и со смехом сказала:

— Мне тоже не холодно.

И Иван медленно убрал руку. Прошло ещё пятнадцать минут. Камень попал Артёму по голове, и тот стал падать со скалы. Вера из последних сил держала его на верёвке. В это мгновение Катя уже сама схватила Ивана за руку. Другую ладонь в испуге прижала к своим губам. Артём со словами: “Как глупо! Прощай, Вера!” — перерезал верёвку и упал вниз, разбился.

— Он погиб?! — спросила Катя.

— А иначе бы и она погибла. Ценой своей жизни он спас её.

Иван с восхищением смотрел, как в темноте зрительного зала сияли в сопереживании героям фильма глаза Кати. Она хотела убрать свою руку, но Иван крепко держал её своей лапой.

— Пусти!

— Так надёжней будет.

И она смирилась. В конце фильма произошёл “белый взрыв” — немцев накрыла лавина.

— Так им и надо, гадам! — обрадовалась Катя. Но из шестерых наших героев осталась в живых одна только Вера... Впрочем, нет, через минуту Вера увидела, что Спичкин тоже живой, обрадовалась, а вместе с ней искренне радовались Иван и Катя.

— Хорошо, что хоть этот остался жив! — сказал Шарыгин.

— Очень хорошо! — согласилась Леденцова и утёрла слёзы. В это время на экране Спичкин сказал Вере: “Ну, не плачь! Я же говорил, что я везучий. Правда, везучий!”

После фильма Лёня и Аня пошли в одну сторону, а Иван и Катя — в другую. Они медленно шли по ночному Красношарску. Катя спросила:

— А ты? Везучий?

— Везучий. Даже очень везучий.

— С тобой никогда ничего не случится?

— Никогда!

— Обещаешь?

Иван засмеялся:

— Честное комсомольское!

— Ладно. Принято единогласно.

Потом пошёл дождь, а когда он усилился, Катя и Иван уже сидели за столиком в ресторане. Им принесли мороженое, минералку и бутылку шампанского, которое заказала Катя. Музыканты пели “Кто тебя выдумал, звёздная страна? // Снится мне издавна, снится мне она...”

— Ты тоже пей шампанское, — попыталась командовать Катя, когда Иван налил ей вино, а себе минералку.

— Да нельзя мне никакого алкоголя, чудачка ты! — отказался Шарьгин.

— А мне понравилось! Впервые шампанское пью. В голове пузырьки, пузырьки...

— Так сколько тебе лет-то?

— Честно?

— Честно.

— Двадцать.

— А если ещё честнее?

— Ладно уж, товарищ следователь. Шестнадцать.

— А не пятнадцать?

— Шестнадцать. Будет. Скоро.

— Скоро это когда?

— Девятого мая.

— Так это только в следующем году! Тебе пятнашка совсем недавно исполнилась. Ну, приехали! Спаивание и совращение малолетних!

— Спаивание налицо, а вот совращения что-то не вижу.

— Ещё чего не хватало!

Музыканты покончили с лирикой, и в ресторан ворвался наглый капиталистический Запад.

— Ну, а плясать-то тебе можно хотя бы? Эй, чемпион!

— За это не посадят!

Катя схватила Ивана за руку и потащила из-за стола. Оказалось, Шарьгин прекрасно танцует рок-н-ролл. Он огромный, она маленькая, он бросал её, как куклу, переворачивал через себя, на них уже все смотрели, им аплодировали...

Когда они шли по ночному Красношарску, Катя, опьяневшая от шампанского, танцев и всего, что с ней происходило, без умолку рассказывала о себе:

— Вот так я и не стала циркачкой в номере у Барселонского.

— Может, оно и к лучшему.

— Почему это?

— Ты бы не приехала сюда.

— Я бы всё равно приехала. У меня была мечта — приехать со своим цирковым номером и послать тебе приглашение.

— Мне?

— Ну, а кому же! И чтобы ты увидел, как я иду по канату над тиграми, а на голове у меня золотая шапка, а из шапки торчат вот такие страусиные перья.

— Папа! — вдруг схватил Иван Катю за руку.

— Где папа? Чей папа?

По улице навстречу Ивану и Кате чесал Папиашвили.

— Мой Папа. Тренер мой. Папиашвили.

— И чо?

— Чо-чо! Нарушение режима!

Иван быстро схватил Катю, перебросил её через невысокий заборчик и сам — туда же, на какую-то стройку. Стал смотреть сквозь щёлочку в заборе на то, как Папиашвили проходит мимо по улице.

— Кажись, не заметил нас.

Он обернулся и увидел, как Катя идёт по железной трубе, переброшенной через строительную яму.

— Опять упадёшь! После шампанского...

Шарьгин прыгнул в яму, подставил руки. Леденцова со смехом смотрела на него сверху. После дождя на дне ямы хлопало. И труба была мокрая. Катя сказала:

— Ладно уж, упаду!

И она упала в объятия Ивана. Здесь зритель ждёт, что он и она оба невольно сливаются в своём первом поцелуе. Но ничего такого не происходит, и зритель на заднем ряду ещё может довольствоваться поцелуем с рядом сидящей подругой, а остальным приходится терпеть и терпеть до самой свадьбы.

В два часа ночи Шарыгин и Леденцова расставались у дверей квартиры Чумаковых на шестом этаже.

— А я завтра уезжаю домой в Юлаевск.

— Завтра? Как завтра?!

— Вот так. Кончилось моё гостеванье у старшей сестры.

— Почему?

— Отец позвонил, сказал, что мама в больнице. Чумаков сразу же на завтра взял билет. То есть уже на сегодня, потому что уже два часа ночи. Ох и влепят же мне сейчас родственнички!

По идее, Иван должен сказать: “Может, поднимемся ещё ко мне, угощу чашечкой кофе? Всё равно так и так ругать будут”, — но он кондово несовременный, железобетонно-советский человек, и потому произнёс:

— А можно я завтра провожу тебя до поезда?

— Можно. Очень даже можно! Поезд ровно в восемь утра.

По идее, Катя должна была сказать: “А может, поднимемся к тебе на девятый этаж? Там давно уже стоит и пахнет пресловутая чашечка кофе”, — но Катя, как это ни странно, тоже вполне советский человек, и она проводит ладонью по Ивановой руке и уходит в квартиру своей сестры. А Иван потом на своём девятом этаже, где нет никакой чашечки кофе, ворочается в кровати, не может уснуть, смотрит в окно, как сияет луна, и видит глаза Кати, сияющие в зрительном зале кинотеатра.

И он рычит, потому что не может уснуть:

— “Белый взрыв”! Вот тебе и белый взрыв!

Трибуны стадиона Большое-О взорвались! Но это был не белый, а звёздно-полосатый взрыв, потому что на почётную дорожку выходила огромная олимпийская сборная Соединённых Штатов Америки. На трибунах царило бешенство, Биг-О орало, стонало, прыгало, улюлюкало, многие зрители забыли, что уже произошли от обезьяны и давно считаются людьми. 78 золотых, 82 серебряных, 79 бронзовых, итого — 239 медалей! Но это было давно, в 1904 году, на Олимпийских играх в американском Сент-Луисе, в которых только полсотни человек было не из США и Канады, а остальные — из США и Канады! Русских на ту Олимпиаду вообще не пустили ни одного, поскольку кровожадная и злая Россия вела войну с белой и пушистой Японией. Та Олимпиада стала почти полным воплощением американской мечты. Полнее только, когда в играх примут участие исключительно одни американцы.

Семьдесят два года спустя, здесь, в Монреале, картина оказалась другая. С 34 золотыми, 35 серебряными и 25 бронзовыми медалями Штаты оказались лишь на третьем месте, уступив и Советскому Союзу, и Германской Демократической республике. Но всё равно, стадион безумствовал, выражая бешеную любовь к звёздно-полосатому знамени, которое нёс обаяшка Гэри Холл, пловец, не завоевавший ни одной золотой медали, — ни в Монреале, ни на предыдущих Олимпиадах, но почему-то именно ему доверили нести священный матрас “Старз-энд-страйпс”. Причем и на открытии, и на закрытии монреальских игр. Лишь за его голливудскую внешность, наверное.

— Америкаки пошли, — сказал Шустиков, когда до спортсменов, томящихся ожиданием, донёсся неистовый рёв стадиона. — Ишь, как публику током шибануло.

А в далёком-предалёком селе Норка, сидя перед “Рубином”, снова недоумевал младший Шарыгин:

— Ну как так? И-спания, а за ней Сэ-Шэ-А?

— Да потому что не Сэ-Шэ-А, — снова объясняла сестра Тоня, знаток французского языка. — А по-французски США будет “Этазюни” — Etats-Unis.

— Унитазюни! — с явной нелюбовью к США отозвался Сашурик.

Посмотрев на будильник, Иван зарычал от нетерпения — ехать провожать Катю ещё рано, — и он снова стал ворочаться, думая о ней. Такое было с ним впервые в жизни. Неужели это то, о чём он мечтал: “Когда встречу свою любовь, тогда у меня и появится девушка, моя женщина, жена”? В этой уже оформившейся, но всё ещё девчонке он уже видел будущую мать своих детей, как она встречает его, усталого, а он только что приехал с очередного крупного соревнования... Так с Олимпийских игр вернулся, откуда же ещё! С золотой медалью, с чем же ещё! Она открывает ему дверь, а вместо квартиры у них — огромный спортивный зал, по углам которого стоят кровати, кухня, ванная комната с туалетом, но посередине — всё спортивное и очень просторное, дети гоняют в футбол, а Катя бросается ему на шею, целует, и он несёт её, как в кинотеатре, сажает рядом, причём почему-то в машину, сам за рулём, включает сцепление...

Отчего же не звонит будильник? Ведь уже вовсю рассвело. Мать честная! Он уже звонил, а Иван всё-таки уснул под утро, да так крепко, что не слышал. Ручица у Ивана тяжёлая, и будильник рассыпается по полу на мелкие осколки, будто это часовой механизм проспал, а не Шарыгин. Колесики скачут, вертятся, но мировое время не зависит от внезапной гибели одного своего механического слуги. До отхода поезда двадцать минут. Только бы попало такси!

Побежали колесики чёрной таксистской “Волги”, и уже возвращаются колесики поезда, а Иван бежит по перрону, безумно всматривается в окна, ищет глазами Катю и вдруг видит её в вагонном окне. Катя видит Ивана, вскакивает, смотрит на него и рыдает. Иван машет ей вслед.

“Дорогая Катя! В тот день, когда мы в кино смотрели фильм “Белый взрыв”, во мне самом произошёл “белый взрыв”. Особенно, когда ты схватила меня за руку после того эпизода, где герой фильма упал со скалы, и я потом уже не отпускал твою руку. Всю ночь я не мог уснуть, мечтая о том, как буду завтра провожать тебя на вокзал. Меня грызли сомнения, могу ли я так сразу признаться тебе, что хочу, чтобы ты стала моей женой на веки вечные. Заснул под утро и не слышал звонка будильника. Я примчался на вокзал за минуту до отхода поезда. Думал: не увижу тебя, шархну башку свою, как тот будильник, на мелкие брызги. Смотрю — в окне ты, моя Катюша! Увидела меня и вдруг заплакала. Я только успел рукой махнуть... Вернулся домой и сразу стал писать тебе письмо...”

“Дорогой Иван! Как же я обрадовалась, получив от тебя письмо! Я думала: чемпион, сходил с девчонкой в кино, да и забыл. А ты, оказывается, думал обо мне, точно так же, как я о тебе. Может, я зря так откровенно пишу тебе о своих чувствах. Наверное, нужно иначе себя вести, скрывать, таиться, интриговать, чтобы мужчина не утратил интереса. Но у меня такой открытый характер, что я терпеть не могу всякое кокетство, не умею изображать таинственность и всё такое...”

“И у меня такой же характер. Отнюдь не скрытный. И я тоже терпеть не могу кокетство и всякое “хочу — не хочу”, “люблю — не люблю”, “могу — не могу”. Это не по мне”.

“Могу тебе честно признаться, что я ещё ни с кем не целовалась. А ты, небось, уже со многими целовался. И не только...”

Письма текли друг другу навстречу, соединяя два далёких друг от друга города незримой тёплой нитью любви. И вот пришло радостное письмо, которое Катя читала, сидя одна в скверике, а осенние листья сыпались на неё, будто хотели заглянуть в Ивановы строки.

“Дорогая Катя! Ура! В ноябре наша сборная Красношарского края едет на турнир не куда-нибудь в Швецию-Грецию, а в твой Юлаевск!”

Катя счастливо зарылась лицом в письмо.

Кончились эти долгие месяцы разлуки. Иван и Катя шли по ночному Юлаевску. Ноябрь. Холодно. Иван обнял Катю, согревая её. Потом вдруг резко отодвинул от себя, взял своими ладонями за её хрупкие плечи и, глядя прямо в глаза, произнёс решительно и бесповоротно:

— Поедем, Катюша, в Красношарск, там и распишемся. А то здесь долгая волокита, да и родители противиться начнут.

— Ты с ума сошёл, Иван!

— А что? Думаешь, спортсмен, всё такое... Между прочим... Вот, смотри... — Шарыгин достал из кармана сберкнижку, листанул её, показал Кате: — Видала? Я хорошо зарабатываю!

— Какой же ты смешной! — от души расхохоталась Леденцова, будто не он, а она была на семь лет его старше.

И снова — побег из родного дома! В Красношарск самолёты летали только из Уфы. По-башкирски забавно пишется “Уфа” — кружок, перечёркнутый поперёк, кружок, перечёркнутый сверху вниз, и снова кружок, перечёркнутый поперёк: ΘΦΘ.

Выйдя из машины в уфимском аэропорту, Иван и Катя сразу же столкнулись с шагающим им навстречу Папашвили. Шарыгин покраснел, как не выучивший урок первоклассник перед своей учительницей.

— Георгий Михайлович, Катя летит со мной. Мы решили пожениться. Мы любим друг друга.

Папа в возмущении стал хватать воздух ртом, не зная, как выразить своё негодование.

— Я... Вот вам... Ёлки... Погодите... Девочка, ты ведь даже школу не окончила.

— Закончу, Георгий Михайлович. Честное-пречестное! Да чтоб мне сдохнуть! В Красношарске вечернюю...

— Стало быть, в Красношарск... Постой, девочка, а родители о вашем решении знают?

— Ещё нет...

— Ещё нет?! Иван! Как ты мог! Увёз человека, ёлки-пальки, как цыплёнка какого-нибудь... Будто чемодан прихватил с собой! Нет, братцы, надо ехать обратно, просить руки у её родителей.

— В Юлаевск?

— Ну, а куда же!

По возвращении в Юлаевск всё оказалось не так страшно, как можно было ожидать. Леденцов работал поваром, накрыл богатый стол: жареный гусь с яблоками, паштет по-французски, плов по-узбекски, салаты пяти видов, многочисленные закуски. Противник водки, он выставил несколько бутылок хорошего красного сухого вина, которое пили только он и Папа. Иван, Катя и Катина мама Нина Мелентьевна запивали вкусную еду соками и квасами. После второй бутылки вина разогретые Сан Саныч и Папа уже не смотрели друг на друга, как на переговорах по мирному урегулированию кровавого конфликта. Папашвили встал, чтобы произнести тост.

— Так выпьем же за то...

Иван тоже уже расслабился и, передразнивая грузинский акцент, продолжил:

— Чтобы одна маленькая, но очень гордая птичка...

— Э, бичо, не перебивай, ёлки-пальки! Выпьем за то, что в старину замуж выходили очень рано, и браки были куда прочней нынешних. В данном случае, уважаемые, мы видим перед собой такой же случай. Так пусть же брак Ивана и Кати будет прочнее, чем даже СССР! По полному стакану!

Леденцов и Папашвили чокнулись, выпили по полному стакану вина.

— А ты, мил человек, понимаешь, какую заботу берёшь на себя? Нас-то рядом не будет... — сказал Сан Саныч.

— Всю меру своей ответственности! Ручаюсь! — хлопнул себя ладонью по груди Папа.

— Да как же их распишут, если она несовершеннолетняя? — горестно спросила Нина Мелентьевна.

— Я готова жить без официальной регистрации, — дерзко ответила Катя.

— Мне тоже эти формальности до лампочки, — поддакнул Иван.

— Что-что?! До лампочки?! — сурово набычился Леденцов.

И Папе снова пришлось прибегнуть к своей грузинской дипломатии:

— Не кипятись, уважаемый Сан Саныч! Квартира у Ивана двухкомнатная. А насчёт регистрации брака — ручаюсь, получу личное разрешение председателя горисполкома. Мы с ним как побратимы. Клянусь!

Фиджи — острова в Тихом океане, и в Монреале выступали целых два представителя этой страны, на голубом флаге которой тоже красуется в крыже британский Юнион Джек. За этими двумя островитянами шли филиппинцы под своим знаменем — синяя и красная полосы, в которые вклинился белый треугольник с солнышком и тремя звёздочками. Впрочем, Филиппины, страна с населением в сто миллионов, не завоевала ни одной медали, и для идущих по Большому-О спортсменов золото сияло только на солнышке их флага.

В доме Шарыгиных — гора пельменей. Такого разнообразия, как у Леденцовых, нет, но зато тоже вкусно до невозможности. Даже Папа признал:

— На что уж моя жена, царица Тамара, повелительница пельменей, и я знаю в них толк, но должен сказать, что ваши не уступают пельменям моей жены.

Это продолжала работать грузинская дипломатия.

За столом сидели мать и отец Шарыгины, Иван с Катей, Папиашвили, старшие братья Виктор и Володя, он тогда ещё был живой, жёны Виктора и Володи, старшая сестра Тоня, младшие — Гриша, Таня, Нина и Сашурики. Все время от времени поглядывали на Катю, конечно же, интересно было, кого себе выбрал в жёны Иван. Мать первая не выдержала с оценкой Иванова трофея:

— Да где ж ты нашёл такую снежинку малпосенькую?

— Точно, что снежинка. С неба падала, а я поймал, — покраснел Иван.

— И не снежинка, а льдинка, — набралась смелости Катя. — Фамилия моя Леденцова.

— А теперь будет Шарыгина, — заявил Иван, будто уже ставя печать в паспорте Кати.

Тут отец, разомлев от выпитой водочки, подсел к Кате и ласково спросил:

— Ну, ладно, льдинка-снежинка, а какая твоя любимая песня?

На этой викторине Катя не ожидала вопроса по данной тематике. Выпучила в испуге глаза и звонко ответила:

— “Солнышко”.

— “Солнышко”?

— Ну, эта: “Солнышко светит ясное...”

И вдруг всех словно прорвало от радости, что такую хорошую песню любит эта льдинка-снежинка. Разом запели всем застольем:

*Солнышко светит ясное,
Здравствуй, страна прекрасная!
Юные нахимовцы тебе шлют привет!
В мире нет другой Родины такой!
Путь нам озаряет, точно утренний свет,
Знамя твоих побед!*

Четыре золотых и две серебряных — прекрасный результат для такой не самой могущественной страны мира, как Финляндия. Сразу два золота принёс своей стране бегун Лассе Вирен, выиграв в Мюнхене на дистанциях в пять и десять километров, а в Монреале с блеском повторив это двойное золотое достижение. С честью и гордо мог нести он знамя с лазурным крестом на белом поле.

Канадский журналист Эл Боуи тоже с нетерпением ожидал финала церемонии закрытия Монреальской Олимпиады. Покусывал ногти, глядя, как нетерпимо долго тянутся все эти Филиппины-Финляндии и прочие Фиджи, на которых после бури приветственных эмоций в адрес Соединённых Штатов отдыхала публика стадиона Биг-О. Но до выхода сборной СССР было далеко, французский алфавит дошёл только до буквы F, впереди оставались G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, R, S, T и только после этого U — URSS. Вон ещё сколько!

(Окончание следует)

ВЛАДИМИР ВОЛКОВЕЦ

С ПОКАЯНИЕМ — К ДОМУ...

ЮГРА

На коленях туман расстелив,
Ты поёшь о любви и тревоге,
И вплетаются в ясный мотив
Хвойный лес, вековые дороги
И зелёных дождей перелив.
А в орнамента древнюю вязь
С молчаливой любовью к природе —
Обь-река, птица стерх, рыба язь,
Голубица на ближнем болоте
И к оленям исконная страсть.
Жить бы мне на уголье твоём,
Чтить людей за добро и отвагу,
За тепло и приветливость — дом,
За весёлую чуткость — собаку
И винтовку за правым плечом.

ГУМАНОИДЫ

Не опознаны, не поняты
В перестроенной стране,
Что-то часто гуманоиды
Попадаться стали мне.

ВОЛКОВЕЦ Владимир Михайлович родился в Удмуртии, закончил Литературный институт. Автор десяти поэтических сборников. Член СП России с 1988 года. Живёт в г. Советский (ХМАО-Югра).

В меру бриты и ухожены,
Под очками пряча взгляд,
Быть обычными прохожими
Гуманоиды хотят.

И примерным поведением
Намекают, чтобы их
В наших людных заведениях
Принимали за своих.
И вина не пьют ни капельки,
Чтоб по пьяни не сболтнуть,
Из какой они галактики
И как долог Млечный Путь.

Но повадки иноземные
Не укрыть им всё равно:
То уступят место женщине
В переполненном метро,
То заступятся за слабого,
То помогут перейти
Через улицу Курчатова
Деду с внуком лет пяти;

То спасут из дыма бабушку
С перепуганным лицом,
То украденную лампочку
Вам заменят над крыльцом;
То в музее, то на выставке,
То возьмутся отыскать
То ли в Туле, то ли в Витебске
Близнецам родную мать;

То туристу иностранному
Простодушно объяснят,
Как пройти к Святому храму,
Съездить в Сергиев Посад...
То псалмы поют на английском,
То божью дадут займы...
В остальном они такие же
Человеки, как и мы.

ОСЕННИЙ ДЫМ

Тени шикуют в заплатах,
Сброшенных березняком.
Рябь на речных перекатах
Тонко разглажена льдом.
Или дождём остограмлен,
Или напуган снежком,
Дым с огородных окраин
Катится в лес кувырком,

То расклубится, то прянет
В рожу — аж слёзы из глаз!
В роще от запаха станет
Сумрачно-горько тотчас.
Дымом и город подкрашен.
Дремлет пожарный расчёт...
Долго живу во вчерашнем,
Позавчерашнем ещё...

Помню медовую горечь
Мягких объятий и губ,
Жесты прощания, то есть
Поезд на Санкт-Петербург.
Держит с ранимым наивом
Прошрое душу мою,
Будто сосну над обрывом,
На одиноком краю.

ЗОЛОТОЕ ПОЛЕНО

И свистит, и поёт, и стреляет
Золотое полено в костре.
Кто его положил, верно знает,
Как угрюма тоска в ноябре.

И невольню мы повеселели,
Снова чай на троих кипятим.
Оживились замшелые ели,
Отгоняя назойливый дым.

А наутро беспомощно-редким
Стал огонь на останках седых.
И не помним, а кто же был третьим
Среди нас — одиноких, двоих.

СТАРЫЙ ДОМ

Через лес под дождём,
Морозящим и нудным,
Шел и чувствовал — дом
Будет днём моим судным.
Сколько лет впопыхах,
Охладев к перепискам,
Закрутился в делах,
Не заглядывал к близким...

Дождь сугробы изгрыз,
Источил так, что вижу
Ребра шиферных крыш,
Лужи лунную линзу,
Богатырскую плешь
Косогора... Не сразу
Отряхну морось с плеч
И с волнением слажу.

Старый ржавый топор,
Что был всажен в лесину...
Вытащить до сих пор
Никому не под силу.
И взойду, как привык
По ступеням, по стону
Ветхих плах вековых,
С покаянием к Дому.

СТАНИСЛАВ ЮРЧЕНКО

МОЛИТВЫ ПОКАЯННЫЕ МОИ...

МОНАШЕНКА

Свеча горит, мерцает лик Христа,
и келья у монашенки чиста,
отмытая студёною водой.
А я, ещё сопливый, молодой,
смеялся про себя, когда она
молилась у открытого окна,
и осеняла дерзкого меня
знаменьем крестным,
словно мы родня.
Я к этим сантиментам не привык,
я убегал, ей показав язык,
был пионером, яростным к тому ж,
не понимая верующих душ.
И бабушка меня в такие дни
бранила: ишь, проказник, не дразни,
она святая!
А я её не понимал,
но и вопросами не донимал.

ЮРЧЕНКО Станислав Георгиевич родился в 1948 году в городе Кривом Роге Днепропетровской области. Окончил Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта. Заслуженный строитель Ханты-Мансийского автономного округа, кавалер ордена "Знак Почёта". Автор двенадцати книг стихов и нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живёт в городе Советский, ХМАО-Югра.

Монашенка жила здесь много лет,
с тех пор, как получил полдома дед
в монастыре, что разогнал ревком.
А бабушка за сенями потом
ей выделила угол: пусть живёт,
ведь человек! Тогда мне было год.
Вся в чёрном, как ворона,
в клобуке,
с корявым, странным посохом в руке,
она была печальна и стара,
но верила в пришествие добра.
Я разузнал случайно, что меня
они крестили с бабушкой.

Браня,
отец не выбирал для тёщи фраз,
всё списывал на бабушкин маразм.
А в сторону монашенки рукой
махнул: уже в гробу одной ногой,
а всё туда же!
Он был коммунист,
красив, широкоплеч, но не речист.
Мать мне однажды, крестик подарив,
сказала, мол, тот самый, из Твери,
что бабушка так долго берегла.
А большего поведать не могла:
жестоки были к людям времена,
совсем недавно кончилась война,
и Сталина суровая рука
была ещё достаточно крепка.
Я крест тогда же быстро обменял
на пистолет, который не стрелял,
на “парабеллум”, — не хухры-мухры,
в придачу получив кисет махры.
Махру отец у сына отобрал,
а заодно и задницу надрал,
и “парабеллум” разобрал совсем,
вот так вот и остался я ни с чем...
Полвека пролетело с той поры.
Мне снятся монастырские дворы,
игра в войну и спеющий паслён,
и то, как в первом классе был влюблён.
И келью, где монашенка за нас
молилась от души, не напоказ.
Я в Троицу на службу приходил,
вдыхал пьянящий ладан из кадил,
смотрел на лики, но внутри меня
не вспыхнуло небесного огня.

А нынче, старый, думаю — она
была, как лики те, озарена
великой верой в светлую любовь,
что к жизни возрождает вновь и вновь.

Мы ездим на Афон, в Иерусалим
и о святынях древности скулим,
вполне не понимая до конца
сакральный смысл тернового венца
и крестного пути.
Господь, прими
молитвы покаянные мои!

Пускай ещё незрелые они,
но ведь и я не завершаю дни.
Мне трудно подобрать в душе слова,
а вот она конечно бы смогла.

ДОЖДЬ

Сгустились тучи за моей спиной
и хлынул дождь, безудержный и тёплый,
забились листья,
задрожали стёкла,
и стало страшно, как перед войной.

А дождь крепчал, шагая на восток,
бурлил ручьями в водосточных трубах,
смывал с дороги мусор,
зримо, грубо
сносил с обочин гальку и песок.

Шуршал в листве, катился под откос
и реку наполнял водою рыжей,
та становилась яростней и ближе,
подтапливая пашни и покос.

Дождь сыпался, струился, лепетал,
кипящей обратил поверхность пруда
да по щекам мне искренне хлестал,
напоминая, кто я и откуда.

Я вдруг увидел, как с тобой, босые,
по лужам пузырящимся бредём,
дождю подставив лица молодые.
И захотелось стать таким дождём.

Лететь с небес, подставив ветру грудь,
и биться оземь зло, неумоимо,
и каплею последней соскользнуть,
слезинкой по щеке своей любимой.

АВГУСТ

Закончились белые ночи,
сошёл изнурительный зной,
но лето пока мироточит
сосновой янтарной слезой.

Осенние признаки года
нигде не заметны ещё,
капризы неверной погоды
едва ли берутся в расчёт.

Но что-то легонько тревожит
в предутреннем свете меня
на влажном брезентовом ложе
у всполохов жарких огня:

кусты, порыжевшие еле,
а может быть, капли росы,

повисшей на лапнике ели
в рассветные эти часы.

Как не потревожить, не знаю,
тебя — и лежу, не дыша.
А сердце моё замирает
и тает от счастья душа.

Восток над туманной поляной
багрян и пронзительно чист.
И пахнет знакомо и пряно
багульника бронзовый лист.

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

УБЕЙ НЕМЦА

РАССКАЗЫ

Из детства, из того благословенного времени, когда мир радостно изумляет, а кусается еще не очень больно, мне живо помнятся наши семейные походы в гости к родственникам. Родственники — по линии отца: его братья и сестры, их жены и мужья, для нас с братом — дяди и тети.

Жила наша родня в пригороде, в заречье, путь туда был не далек, но всегда волнующ, ибо ездили мы к ним на праздники: Новый год, 8 Марта, Октябрьская, а если День Победы выпадал на воскресенье (тогда этот праздник не был красным днем календаря), то и на 9 Мая.

День Победы нам с братом нравился больше всего: в этот праздник наши дяди-фронтовики надевали награды и кое-что рассказывали о войне; вообще-то фронтовики в ту пору о войне не распространялись, наградами не хвалились, да и было их у фронтовиков немного, это потом ветеранские пиджаки стали увешивать юбилейными медальками...

Полутру перед поездкой отец готовил себе и нам с братом обмундирование: до умопомрачительного блеска чистил свои и наши ботинки, с тщанием пропаривал через марлю брюки от выходных костюмов, закладывал каждому в карман пиджака по наглаженному носовому платку. Мать тоже готовилась к поездке очень усердно, ходила в накрученных бигуди, долго гладилась,

---

ШИШКИН Евгений Васильевич родился в 1956 г. в городе Кирове (Вятка). Работал на заводе, служил в армии, окончил филологический факультет Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Высшие литературные курсы в Москве. Автор книг "До самого горизонта", "Только о любви", "Монстры и пигмеи", "Южный крест", "Концерт", "Бесова душа", "Закон сохранения любви", "Правда и блаженство". Автор пьес и сценариев к документальным фильмам. Член Союза писателей России. Живет в Москве.

примеряла разные серьги и бусы, советовалась с отцом по части платья и воздушной косынки, красилась, что-то забывала, что-то вспоминала, суетилась...

На отца в этот день мы смотрели с уважением. На груди у него — медаль, которую он надевал только на 9 Мая. С барельефом Сталина и оранжево-черной лентой — “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг”.

Военная история у отца не была боевой и геройской, больше — тыловой, но все же пролегла она по фронтовым рельсам... В армию отец попал незадолго до войны. На учениях, на полигоне, осколком гранаты, неумело брошенной молодым солдатом, отцу раздробило локтевой сустав. Отца отвезли в госпиталь, где военный хирург, не церемонясь, заявил цинично и просто: “Руку не спасти! Надо ампутировать! Комиссуем — поедешь к матери в деревню молочко пить...” — “Чего?! — взбеленился отец. — Отрезать? Не дам!” — В своем решении он оказался тверд: отрезать не дал. Руку ему спас другой хирург, гражданский. А когда началась война, на строевую службу его не взяли, но взяли на тыловую — в паровозное депо. В годы войны он помощником машиниста гонял составы по северо-западу, не раз попадал под авианалеты и бомбежки, но судьба миловала. И награда за Победу была истинно заслуженная.

На 9 Мая отец никогда не ограничивала отца в выпивке. Потому мой старший брат, который соображал насчет выпивки азартнее, чем я, задавал отцу простодушные вопросы:

— Пап, а ты сколько сможешь выпить?

— Четверть! — резко, незамедлительно, категорично отвечала за отца наша мать.

Отец на ее дерзкий выпад отмахивался:

— Болтает она... — И далее он рассуждал: — Смотря при какой закуске. При мясной хорошей закуске: холодец, пельмени, окорок — бутылку белого выпью незаметно...

— Белого — это водка? — уточнял я.

— Ну да. Белого...

— А две выпьешь? — приставал брат.

— Две тоже выпью. Но это уже... — Отец изображал рукой что-то округлое, увёрстистое.

— А три? — вступал опять я.

— Нет! Три будет много. Даже под любую закуску. Две с половиной еще можно взять, а три много...

От старенькой деревянной автостанции, которая кишела народом, мы ехали в заречье. Сперва дребезгучий автобус вез нас по городу, который был украшен стягами, растяжками, плакатами; у обелисков и танка Т-34, что задирал дуло на постаменте, лежали венки. По дороге попадались группы людей и даже небольшие колонны — ветеранов, школьников, — которые несли венки и цветы на мемориальные кладбища. До Вятки боевые действия не докатились, но повсюду в городе были госпитали, из них и везли невыживших фронтовиков на воинские захоронения, которых набралось премного.

Автобус был набит битком, и когда поднимался в гору, урчал на последнем издыхании, — казалось, чихнет сейчас, заглохнет и покатится обратно, вниз. Но нет! Не мог автобус подвести в этот день, в день Победы, — солдаты в войну такого зверя одолели, в таких трудностях сдюжили, а автобус вдруг да и подкачает. Не подкачал! Взбирался на гору, делал передых, а дальше вниз катился легко и весело.

В салоне, хоть и тесно, но светло и радостно от праздника. Все вежливы и учтивы, затевались нечаянные знакомства, разговоры, а нас, детей, даже шаливших и без того добавлявших суетоки, одергивали и приструнивали снисходительно.

Наконец мы в доме родственников, у тети Шуры. Нас тут уже ждут-пождут. Дом у них большой, прихожая огромная, и все выходят нас встречать: кроме хозяйки — тётя Люба, тётя Аля, дядя Федор, дядя Коля и сам хозяин Евгений Ильич. Почему по имени-отчеству? Иначе никто его и не зовет: он учитель математики в школе, а в войну был офицером. Приветствия

женщин, объятия, крепкие рукопожатия мужчин, у которых награды на пиджаках; дежурные вопросы-ответы; а за взрослыми нас с братом ждут, жмутся и хихикают наши четыре кузины.

В зале стоит огромный стол, вернее, два стола, объединенных воедино, под белой скатертью. На столе уже блистают посудным златом тарелки, фужеры, стопки, в центре — ваза с фруктами.

Мать тут же вливается в женскую компанию и отправляется на кухню. Мы с кузинами перемещаемся в детскую и тут же начинаем “дуреть”: тычки, щипки, прыжки на диване, в ход идут и подушки... Дверь в детскую нам, однако, закрыть не дают, чтоб мы были на виду. Мужчины чинно сидят на диване и стульях и курят (это теперь придумали курить, где попало: на кухнях, на лестничных площадках, даже в туалете, а тогда курили достойно — в комнатах). Сегодня они курили, разумеется, дорогой “Казбек”, хотя в обычные дни обходились “Беломором”.

Словами мужчины не частили, разговор необязательный, а праздника Победы и войны касался лишь рикошетом:

— Кореш у меня на фронте был. Клоун цирковой. Так он дым из ушей пускал... — посмеиваясь и поблескивая золотой фиксой, вспоминал дядя Коля, он был моложе всех и на фронт попал под конец войны, но два ордена “Красной Звезды” успел заслужить.

— Языками чесали: всех победим, токо не сунься! А случилось — одна винтовка на двоих, и та без патронов... Махорки и той в первые годы войны на фронте не хватало... — с обидой на кого-то говорил дядя Федор. Из собравшихся фронтовиков он был самым старшим, и самым геройским... На груди у него — две медали “За отвагу”, орден Славы, медаль “За взятие Берлина”; был он дважды ранен, контужен, но оказался живуч, дошел до немецкого логова.

— На немца вся Европа работала. Вот и экипировка у них была великолепная. И табак со всего миру... — сказал Евгений Ильич; у него на лацкане, висела только одна медаль: “За Победу над Японией”, хотя мы знали, что и на западном фронте учитель тоже воевал.

— Самосадам обходились. Бабки на станциях продавали. Стаканами, — прибавил на табачную тему отец.

На столе тем временем всё прибывало и прибывало. Холодец, винегрет, салат под майонезом, золотистая от масла, в кольцах лука селедка в продолговатой селедочнице, капуста с вкраплениями клюквы, соленые огурцы и помидоры, окорок тонкими ломтиками. Среди закусок и разносолов особым почтением пользовались рыжики, зелено-бурые, крепенькие, мелкого размера, некоторые настолько малы, что не насадить и на вилку...

Но что бы на столе ни появлялось, мужчины взирали на это несколько отстраненно и отмечать праздник как будто не спешили. Пока на столе не появлялась водка. Из холодильника. Запотевшая. “Столичная”. Это было сигналом к началу застолья.

Мужчины, просяив лицами, рассаживались вокруг стола, оставляя место рядышком для своих дам. Дамы окидывали себя взглядом в зеркало, прихорашивались и подтягивались к столу. Нас, детей, помещали на одну сторону. Хозяин Евгений Ильич брал бутылку водки, срывал за язычок головку... Женщинам наливалась, как правило, “Рябина на коньяке”, нам — пузыристое щипучее сидро из темных бутылок.

Первый тост не был за Победу. Первым всегда оставался традиционный: “За встречу!” Говорили все однообразно и пустовато:

- Давайте — за встречу!
- Давайте...
- С приездом!
- Давненько не видались...
- Ну давайте: за всё хорошее!

Взрослые чокались стопками и рюмками со спиртным, мы с братом с двоюродными сестрами стаканами с лимонадом. Мужчины после охотно приступали к закускам, женщины от выпитого морщились, трясли головой, зорко следили друг за дружкой:

— Ты чего не всю выпила?! Ну-ка давай, давай, полную. Я, погляди-ка, вот всю до капельки...

Разговор начинал разгораться, оценивали закуски, нахваливали рыжики... Мужчинам вскоре хотелось выпить по второй. Теперь уж тост был “За Победу!” Сами же речи и возгласы были опять простецкими:

— С праздником!

— Давайте отцов помянем!

Все вставали. Почти все наши деды, то есть отцы старшего поколения, которое собралось за столом, погибли на фронте. Они первыми встретили врага в самое горячее лихолетье сорок первого — сорок второго...

— За отцов! — В глазах женщин появлялись слезы, мужчины темнели лицом. Праздничный настрой сменялся поминальным. Но ненадолго.

— За детей, чтоб без войны прожили!

Взрослые смотрели на нас. Мы с братом стояли по стойке “смирно”, твердо держали стаканы с лимонадом.

Затем от нас, детей, негласно требовалось дать короткое представление, соответствующее празднику, что-то вроде концерта. Мы с братом “косили” от таких затей. На выручку приходили кузины. Две из них занимались в самодельных кружках, а одна играла на пианино, так что мы могли спланировать... и как зрители наблюдали выступление.

Сперва одна из сестер прочитала стихотворение Константина Симонова “Жди меня”. Читала она проникновенно, тепло.

*Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди...
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди...*

— взволнованно умолял девичий голос.

Все слушали сосредоточенно.

*...Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня...*

Тут отец, возле которого мы сидели с братом, благодушно хмыкнул и тихо сказал:

— Ерунду сочинил... Мать ждать будет всегда. Пуще всех...

Наш дед, отцов отец, на фронте “пропал без вести”, где-то на Калининском направлении. Мы с братом не могли понять: как так “пропал без вести”, это же боец, не иголка в стоге сена?! Мать нашего деда, наша прабабушка была еще жива, своего сына она ждала до сих пор и даже куда-то подавала запрос (сама безграмотная, другие за нее писали): не нашелся ли сын? — хотя минуло уже два десятка лет.

— Мать ждать будет всегда. Пуще всех, — твердо повторил отец.

Дальше самая старшая из наших кузин, которая мечтала стать артисткой и ходила в театральные кружки, читала фрагмент литературной композиции, приготовленной в том же театральном кружке к 9 Мая. Сперва она объявила:

— Из статьи Ильи Эренбурга “Убей!” — Потом она повернулась к публике боком, гордо подняла голову, как настоящая артистка, и читала громко и призывно: — “...Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя”. — Она произносила это металлическим голосом и с таким ожесточением, что сама на себя была не похожа, словно какая-то комиссарша из кино. — “...Если ты убил одного немца, убей другого — нет для нас ничего веселее немецких трупов...”

В этом месте не выдержал дядя Федор. Он негромко, но как-то дико, язвительно всохотнул и, чему-то дивясь, тряхнул своим седым чубом; однако монолог “артистки” не прервал, тут же замер, уперся взглядом в пол.

После этого чтения в воздухе скопилось много какой-то напряженности и неловкости, хотя исполнительнице все хлопали в ладоши. И тут хозяйка тети Шура обратилась к своей дочке, юной пианистке:

— Сыграй песни! А мы споем!

Женщины голосисто спели и про “Катюшу”, и “На позицию девушка провожала бойца”, и “Огней так много золотых на улицах Саратова...” Вышло очень душевно.

Теперь наступал черед пельменям. Пельмени в застолье — это целый ритуал... От того, каковы пельмени, зависел настрой стола, оценка деятельности хозяйки; обыденное блюдо волшебным образом превращалось в деликатес. Пельмени подавались с маслом, со сметаной, с уксусом, с соусом, с хреном. Один из пельменей был непременно “пустой” — вернее, в нем вместо мяса было тесто; кому такой пельмень доставался, тот считался счастливей всех.

Пельмени у тети Шуры были исключительными... Пиршество продолжалось, говорили о чем-то общем, семейном, родовом. Затем женщины отправились на кухню — вероятно, посекретничать на женские темы. А мужчины вышивали, без тостов, кивали друг другу и выпивали. Немного развязывали языки...

Наш отец, хмелея, вспоминал о какой-то поездке, о которой всегда вспоминал по пьяному делу, говорил короткими предложениями:

— Бомба в вагон... Народу тьма-тьмущая. Из Ленинграда в эвакуацию везли. Ребёнок больше всего жалко...

Вот в эти минуты мы с братом и подступали к своим дядям, чтобы что-то выведать о войне, о подвигах, о том, как били фрицев. Больше всех нас манил дядя Коля. Мы знали, что в войну он служил в особом разведбатальоне, пересекал на самолете линию фронта, десантировался в тыл врага, выполнял спецзадание и возвращался назад.

После войны он попал в тюрьму, сидел “за любовь” — так мы слышали от взрослых, но спросить об этом мы его не смели, считали, что он вступил за свою девушку и здорово накоптылял сопернику. Был дядя Коля невысок, крепок, никогда не пьянел. И был силачом. Однажды он сказал: “В драке троих держу”. Не находилось по округе ни одного, кто мог бы выиграть у него поединку на руках (позднее это назовут армрестлингом). Мы с братом тоже пробовали свалить вдвоем, в четыре руки, его руку. Дядя Коля нам поддавался — мы радовались. Потом трогали его каменные бицепсы и смеялись...

— Дядь Коль, сколько раз ты прыгал на парашюте? — допытывались мы с братом.

— С парашютом, ребята. Всего девятнадцать прыжков. Четыре — за линию фронта, — отвечал он.

— А наград-то у тебя две! — указывал мой брат на два ордена дяди Коли. — Два задания, значит, не выполнил?

— Не выполнил. Враг-то был больно хитрючий, — улыбался он, блестя золотой фиксой.

В такие минуты застолья совершенно добродушным, мягкотелым и совсем каким-то непедагогичным становился строгий учитель математики Евгений Ильич. Он курил как паровоз. Дым пускал из ноздрей большими столпами. Когда он брал очередную папиросу из коробки, мы с братом зажигали спичку и подносили к его папиросе. Он ласково смотрел на нас и говорил, расплываясь в улыбке:

— Я Ленин...

Мы смотрели на него с недоумением.

— Я Ленин папа... — Он смеялся.

Он безумно любил свою дочку Леночку, которая играла на пианино. Добиться рассказов о войне от Евгения Ильича было почти невозможно. Однако его фронтовую судьбу мы с братом все же узнали — спустя лет сорок, — он поведал нам ее перед смертью, когда был уже глубоким стариком.

“На войну я попал студентом. Знал немецкий. Это меня и погубило... Определили меня в особое подразделение — заниматься сбором трофеев и немецких архивов. Ох, уж и не любил я эту службу. Рапорты писал, чтоб отправили на передовую... Как же так, я домой вернусь и скажу, что на войне золотые портсигары подбирал и бумаги переключивал! Только в конце сорок четвертого отправили меня на танковые курсы, потом — на фронт. Командиром танка на новенькую “тридцатьчетверку”. Радовался я, будто каждый день у меня день рождения... И вот первый бой. Атака. Мой танк должен первым промчатся по мосту и войти в населенный пункт... Сигнальная ракета. Вперед! И вдруг на мосту мотор танка глохнет. Ни туда, ни сюда! Атака сорвана. Танк на буксире притащили в расположение части. Меня — под следствие: сорвал важное задание, не подготовил машину к бою, парализовал атаку батальона... Хорошо был толковый, честный мужик замполтех. Он и доказал, что экипаж танка не виновен, у машины заводской брак. Танк отправили на завод-изготовитель. Оттуда пришел акт. Так и есть: заводской брак в двигателе. Меня освободили. А война к тому времени с Германией кончилась... Мне досталось повоевать только с японцами”.

В исповеди Евгения Ильича сквозила горечь, словно на войне с Германией он так и не появился.

...О боях, о фронтовой жизни скупенько делился с нами дядя Федор. Он вскидывал свой седой чуб, смотрел куда-то мимо нас с братом и говорил будто бы для самого себя:

— Всю войну прошел, ранен был. А вот верил, что меня не убьют. Выживу! Только один разок... Думал, копец котёнку... Днепр форсировали ночью, снаряд в наш плот угодил. Я кой-как за бревно уцепился. Держусь, зубы от холода стучат. Несет меня по течению. Чую, силов боле нету. Счас бревно не смогу держать и всё... каюк. Уж и глаза закрыл, и вся жизнь разом примерещилась... Но вдруг: под ногами чего-то твердое. Носком сапога достаю — берег. Еле выкарабкался... Вот так-то. И не веришь в Бога, так поверишь...

— Дядя Федор, — подступали мы к нему с братом, — а сколько немцев вы на войне убили?

Он отвечал нешутейно и прямо:

— Бить бил. А сколь точно, сказать не могу. — Тут дядя Федор рассмеялся, — и не то чтобы весело, и не то чтобы зло, а как-то насмехательски рассмеялся... — Помню, политрук нам статью из газеты читал, ту же самую, что племянница счас говорила... — Дядя Федор гнусовато, видать, передразнивая политрука, произнес: — “Убей немца! Убей немца!..” Прочитал он нам эту чепуху, спрашивает: каково ваше мнение? А меня такая обида взяла, я встал и говорю. “Убей немца”? Чего там этот писака, сытый, в тепле, из Москвы орет: “Убей немца”? Пускай к нам в окопы приезжает да убьет немца. Хоть одного. Вон, на той стороне, их сколь много. Знай бей! Сколь хочь! И пехота, и танкисты, и артиллеристы — полно немцев-то. Приезжай да бей! Чем языком ветер гонять... — Дядя Федор потянулся к пачке с “Казбеком”, которая лежала на столе, но потом убрал руку, полез в карман пиджака, достал помятую пачку “Беломора”, закурил. Пальцы у него на правой руке — указательный и средний — были желты от табаку.

— Наливайте, мужики! Помянем тех, кто не выжил...

Урезать в выпивке женщины мужчин даже не пытались. В этой мужиковой пьянке был потаенный смысл, словно они что-то заливали в себе, может, тушили воспоминания о войне, в которой для них было что-то темное, уродливое, больное, даже несмотря на то, что были они победителями.

Пройдет много лет, и мы с братом пойдем: это были очень сильные люди. Они одолели голод, холод, войну, тюрьму, ранения, тяжкий крестьянский и заводской труд, они отстояли Родину от фашистов, они восстановили страну из руин. Эти простые русские люди не умели скрываться за чужими спинами, лезбить перед начальством, славословить генсекретарей... Мы с братом каемся, что мало общались с этими родными людьми, чего-то у них не спросили, не разузнали. Нам остается только помнить, что они незримо стоят за нашей спиной.

...Дальше в застолье шло сладкое. Женщины расставляли чайные приборы, тетя Шура подавала огромный пирог, разделенный на квадраты, заполненные повидлом. Чай был очень ароматный. К празднику хозяйка всегда умудрялась доставать что-то особенное.

Все пили крепкий душистый чай с пирогом. Праздник 9 Мая подходил к концу.

Домой мы возвращались по потёмкам. Автобус был набит еще сильнее, чем днем, и мы с братом, прижавшись к отцу-матери, засыпали в толпе стоя.

КАВАЛЕР

Летом к нам, на окраину Вятки-города, на тихие, не знавшие асфальта улочки, непременно навещался приемщик вторсырья. Дома тут располагались частные, с огородами и дровяниками, да бревенчатые отемнелые заводские бараки, с сараюшками, которые, казалось, сразу построили с инвалидным наклоном. А где больше всего барахла? — именно под кровом таких подсобных построек, имевшихся здесь в избытке. Да на чердаках...

Звали приемщика Кузьмой. За глаза некоторые кликали его с унизительной простотой — Кузя. “И когда Кузя приедет? За зиму стоко хламу накопилось. Сбагрить ему подчистую...” Но в лицо его величали уважительно, а то и вовсе с почтением, как учителя, Кузьмой Тимофеевичем.

Профессию его тоже называли всяк на свой манер. Чаще всего — утильщик. Помимо приемщик, иногда — сборщик; некоторые — почему-то баракхольщик, а как-то раз мы услышали от старой седой очкастой тетки заумное и заковыристое: “Мануфактурщик”.

Привозила Кузьму на точку раздрызганная, вечно пыльная, с вихляющимися, грохотливыми бортами “полуторка” — будто вытащенная откуда-то со свалки. Привозила груженного всякой всячиной, и Кузьма разбивал пункт. На земле устанавливал широкие железные планшетные весы, а поблизости раскладывал и развешивал товар, который в магазинах днем с огнем не сыщешь. Место обустраивал самым заметным, крикливым образом, чтобы подвинуть народ любого возраста к сбору и сдаче утильсырья. На вытянутый шпагат вдоль ближнего забора развешивал женские платки с красными цветами, коврик с рогатым оленем, махровые клетчатые полотенца, покрывало с тощей узкоглазой китайкой, несущей кувшин с водой; и обязательно — гроздь ярких, в разноцвет, воздушных шаров, которые и магнитили нас, мальчишек, призывая и принуждая к сбору макулатуры, металлолома и тряпья, — при виде этих шаров руки так и чесались уволочь что-нибудь, что плохо лежит...

Расплатиться за вторсырье Кузьма мог не только товаром, но и деньгами: две копейки за кило металлолома, четыре — за кило старых газет, но деньги — медяшки да бумажки — мало кто брал, женщины зарились на вельвет, тюль да на кредешин, редкостный в магазинах, или отмеряли черного сатина, из которого шили трусы; мужики приглядывали ходовую половую краску и сурик для крыш, хозяйственный инвентарь, а иногда те и другие брали дребедень: прищепки, глиняную расписную свистульку или книжку-раскраску.

Однажды мы с братом надыбали в собственном сарае и на вышке не годящегося для дела лома: ржавый-прержавый молоток, амбарный замок без ключей, воротные петли от каких-то древних ставень, велосипедную облезлую изувеченную раму, чугунок литров на пять-шесть. Дабы провести утильщика и выторговать у него побольше товару, в чугунок мы положили пару увесистых булыжников, насыпали впридачу сырого — чтоб потяжельше и поплотнее — песку, а сверху, чтоб прикрыть подвох, навалили ржавых гнутых гвоздей, болтов, шайб и гаек.

Все свое богатство за пару ходок мы приволокли Кузьме и воззрились на его смуглые скулы, чтобы он поскорее начинал обвес и оценку нашему сырю. К принесенному нами железу Кузьма особого интереса не проявлял, перевешивал равнодушно, толкнет ногтем по металлической блестящей плашке гирику, назовет вес и щелкнет костяшками больших деревянных счет, которые тоже неизменно держал под боком. Добравшись, однако, до чугунка, Кузьма что-то заподозрил: то ли порядочный вес его смутил, то ли прочитал в наших лицах волнение. Он снял чугунок с весов и приказал:

— Вывалите! Чего там у вас?

Мы с братом мялись, не хотели собственными руками вытряхивать наружу свое жульничество... Кузьма терпеливо ждал. Мы стояли истуканами, глядели на него исподлобья. Наконец Кузьма сам нагнулся, опрокинул чугунок; вместе с гвоздями и гайками оттуда высыпался песок, вывернулись из него серые бока булыжников. Мы нешуточно струхнули, даже переглянулись и подумали: не дать ли дёру — как бы не всыпал нам утильщик, а еще хуже — не добрался бы с жалобой до наших родителей. Но до слез было жаль “честного” утиля! Да и угрозливости и злобы Кузьма не проявлял. С рабочей простотой он высыпал весь песок из чугунка, булыжники отшвырнул в траву, в канаву, и кивнул на железяки:

— Гвозди и болты обратно. И на весы!

Мы мгновенно исполнили его приказ — теперь уже чисто плотный чугунок красовался на приемке. Кузьма присел на корточки, потолкал гирику по плашке и опять щелкнул деревяшками на счетах. Сказал спокойно и убедительно:

— Песок и камень мы не берем. Нам только металл нужен.

На причитающиеся нам деньги мы набрали товару: по свистку, коробку цветных карандашей, а главное — переводных картинок, которые были тогда в большой моде.

Рассчитавшись с нами, Кузьма, за неимением других клиентов, сел на куль с тряпьем и закурил папиросу “Север”. Мы не торопились уходить от него, после его снисходительного отношения к нашему обману мы имели особенное право потереться возле пункта приема и кое-о-чем попытать Кузьму, — хотя был он немногословен и досужих рассказов от него мы не слыхали.

В ту пору — конец пятидесятых — не принято было у старших молотья языком, рассказывать правду и неправду о недавно минувшей войне, выставлять напоказ и святость освободительной борьбы, и жестокость, и мерзость неизбежного смертоубийства. Не принято было носить и награды, увешивать грудь не только разными цацками, юбилейными медальками и значками, но и боевыми наградами. А Кузьма никогда, казалось, не снимал со своего старого, облоснившегося, темно-коричневого пиджака две награды, две звезды: одна — цвета меди, другая — под серебро, обе с одинаковыми оранжево-черными ленточками.

— Это не медали, ребята. Ордена Славы, — отвечал на наш вопрос Кузьма. — Их давали исключительно солдатам. За подвиг. Самые высшие награды... Это, — он указывал желтоватым от табака пальцем на звезду медного достоинства, — орден третьей степени, а этот, серебристый — второй. — Он сделал затяжку, прищурился. — Мне ведь и первой степени хотели дать. Документы не успели оформить, бомба в штаб попала. А то был бы я полным кавалером орденов Славы. Это даже выше, чем Герой Советского Союза. Почету больше.

О достоинствах и почетности воинских наград мы с братом имели представления куда примитивные, нам-то высшей солдатской наградой казалась медаль “За отвагу” с выбитым танком на серебрястом кругляше, но про Героя Советского Союза мы, конечно, слышали, — и знали, что выше-то их по подвигам не может никто другой сравниться, никакой “кавалер”. Причем слово “кавалер” казалось каким-то несерьезным, насмешливым, ну вроде как “Кузя” для имени “Кузьма”. Кавалер — это некий ухарь, фраер (это слово мы тогда уже знали), который начистил сапоги, заломил фуражку и пошпарил на вечерку плясать с девками, которые лужают семечки.

Мы внимательно вглядывались в ордена Кузьмы и невольно прикидывали, какой может выйти из него военный герой с двумя подвигами и с еще одним подвигом, который не засчитали, потому что разбомбили штаб. Был Кузьма щупловат, пиджак сидел на нем мешковато, невысок ростом, шея худая, и лицо такое простое, что попадись прохожий с таким лицом, взглянешь на него как на обычный куст акации, которая растет возле дороги.

Про подвиги, даже имея к этому любопытство, мы Кузьму не расспросили, не удалось: к утильпункту пришла седая тетка, та самая, которая называла Кузьму по-умному “мануфактурщик”, принесла куль какого-то барахла и старый небольшой ковер, свернутый в трубочку; нам она шибко не нравилась, и мы ретировались... Да, по правде-то, мы и не поверили словам Кузьмы. Разве мог он совершить боевые подвиги на фронте, а потом стать утильщиком и промышлять разной рванью и рухлядью?! Мы подумывали даже, что награды, а, может быть, и пиджак вместе с наградами он у кого-нибудь выторговал за свой редкий товар; он утильщик, и такой, редкий, товар ему положен для обмена.

Много лет спустя, работая в архиве одного из вятских военкоматов, я наткнулся на личное дело рядового красноармейца Кузьмы Тимофеевича Измestyева, фотографии в деле не было, так что сразу определить, тот был Кузьма или не тот, возможности не представлялось. Но наградные документы свидетельствовали, что он дважды “кавалер”... Даже нашлось представление еще на один, “золотой”, орден Славы, который Кузьма Тимофеевич так и не получил при жизни. Орден по сей день хранится в военкомате, передать его некому, так как близких родственников у Кузьмы Тимофеевича не оказалось; семья после войны он не обзавелся, довоенная семья — жена и дочка — скончались от тифа; его мать Клавдия Николаевна умерла рано, в сорок девятом, а отец Тимофей Измestyев и двое сыновей (братьев Кузьмы) погибли в годы войны на разных фронтах.

И все же вопрос о фронтовых подвигах мы с братом Кузьме задали, в очередной его приезд.

— Да какие подвиги, ребята, — отмахнулся Кузьма. — Всякий, кто воевал, подвиги делал. В разведку ходил, реку форсировал, дом штурмом брал...

— Ну, хотя бы самый главный подвиг, — не отступали мы.

Кузьма недолго подумал, ответил на полном серьезе:

— Главный подвиг? Я за свой главный подвиг ни медали, ни ордена не получил... Я картину спас.

— Картину? — удивились мы.

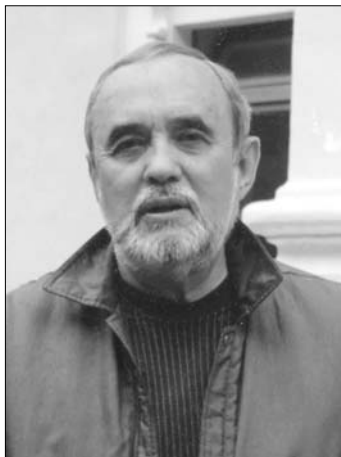
— Да. Был такой художник Айвазовский... Так вот однажды, мы тогда Крым освобождали, горел дом. Красивый такой дом, с колоннами, музей какой-то... А возле него баба мечется. Кричит: там же Айвазовский! Кто такой Айвазовский, я тогда не знал. Думал, мужик какой-то в огне погибает. Спрашиваю: где твой Айвазовский? Она мне: “У рояля, на втором этаже!” Я и бросился в дом, в самое полмя... Рояль нашел, дым кругом, а никакого мужика нету. Тут-то я и сообразил, Айвазовский — это картина. Стащил полотно, оно не больно велико и было, чуть поболее метра в длину, — и обратно. Сам обгорел, плечо поранил, а картину спас. Баба, музейщица-то, вся в слезах от радости. Говорит мне: вас в веках будут помнить... — усмехнулся Кузьма.

— А чего на картине-то было? — спросили мы.

— Да я уж позабыл. Море вроде бы, камни, лодка какая-то. Этот Айвазовский, говорят, только про море и рисовал...

Кузьма достал пачку “Севера”, но закуривать не стал. Из-за угла ближнего дома вывернула тетка, толкающая тачку, на которой горой лежал всякий хлам.

БОРИС СИРОТИН

НИКТО НЕ УМИРАЛ

* * *

В Переделкино жизнь всё дороже,
И куда же на будущий год
Я поеду? Здесь добрые дрожжи,
Хлеб духовный на коих растёт.

Здесь намоленность русского слова,
Сколько здесь написал я стихов!
Даже Кожинов, критик суровый,
Пил вино вот из этих мехов.

Все друзья позабыли поэта
Из далёкой Самары, вот так,
Но под знаком Господнего лета
Проживём, проскрипим как-никак.

И старинная церковь Господня
Как защитник и помощь была...
Что-то я размягчился сегодня,
Не приеду — ну, что за дела.

Только жаль, что не выполню долга,
Но осилить придётся тоску.
И со мною останется Волга,
Поброжу вдоль воды по песку.

СИРОТИН Борис Зиновьевич родился в 1934 году в оренбургской деревне. Автор многих стихотворных сборников, постоянный автор журнала, Лауреат Всероссийской премии им. А. Фета. Член Союза писателей России. Живёт в г. Самаре.

НИКТО НЕ УМИРАЛ

Никто не умирал — ни Кожинов великий,
Ведь если б было так, то вслед бы умер я.
И в темноте ночной вдруг проступают лики —
Завистники, враги, но в большинстве — друзья.

Никто не умирал, и Николай Старшинов
На озере в глуши закидывает снасть.
Рыбачит вместе с ним Касмынин Гена, вынув
Большого судака, намаявшись с ним всласть.

Никто не умирал — не умирали жёны,
И ходит на погост не я, а тень моя,
И пусть не говорят, что холостяк прожжённый
Навеки я теперь — и жёны, и друзья

Живут вокруг меня; мы все — семья большая,
Мы соримся порой и вместе пьём вино,
И в горе, и в беде друг друга утешая,
Живём себе, творим... хоть умерли давно.

Я умер, и душа скорбящая пустынна,
Я жив, и вот стихи пишу об этом, что
Никто не умирал — столь неуклюже, длинно —
И всё-таки пишу. Не умирал никто!

* * *

Мне приснилось, что рядом со мной
Спит любимая, пульс её чую,
Но проснулся, а пульс этот — мой,
Так вот в старческом сне я кочую.

Вдруг почувдятся мне за окном
Соловьиные чудные трели,
Но очнусь я, и мысль об одном:
И любимые ведь постарели.

Хорошо, что хоть снами живу,
Словно старую книгу листаю...
Я открою окно, в синеву
Провожу голубиную стаю.

Я ПЕЧАЛЬНИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Я печальник русской земли,
Ненавидно мне слово “Рашка”.
Экономика на мели,
И народу живётся тяжко.

Миллионам русских Емель
Невытерпёж возлегать на печке
При упадке тучных земель,
Среди коих мутнеют речки.

Во Иисуса верю Христа,
Так наказано нам с тобою,

И земли моей красота —
Под воздушной Его стопою.

И земли моей красота —
За неё принимаем битву.
Что-то шепчут твои уста...
Покаянную ли молитву?

Или это стихи мои
Так глубоко в сердце запали,
И лягушки, и соловьи
Скоро будут в большом запале.

Потому что весна вдали
Всем живущим даёт отмашку.
Я печальник русской земли,
Но с рубашкою нараспашку.

Перемелется, переживём,
Хоть и роют враги могилу,
Закопать нас хотят живьём,
Только чуют русскую силу.

И печалюсь я оттого,
Что “родные” прохвосты наши
Отвергают с Русью родство,
Им не пьётся из русской чаши.

Мы для них — лишь рабочий скот,
И не важно, что нас — мильоны,
И великий русский народ —
Как проклятье “пятой колонны”.

За Москву сказать не берусь,
Там разжечь им хочется пламя,
А в глубинке святая Русь
Тихо светится куполами.

Русь святая жива, жива,
И печаль не в ладах с тоскою.
Соколиная синева,
Неприступное дно морское.

МАЙ

Май, как водится, месяц капризный,
Нынче солнце, а завтра — не жди.
Но не надо к нему с укоризной
Подходить — он дарил нам дожди.

Омывала небесная влага
Наши лица, но главное в том,
Что земле он пришёлся во благо,
Напоил её пласт за пластом.

Напоил — только этого мало.
В конце месяца надо дождя.
Мало в губы меня целовала,
И ни слова любви, уходя.

Я один в этом взбалмошном мае
Среди ветра и мокрой листвы.
Что наступит июнь — понимаю,
Мудрой надо ли тут головы.

Градус к градусу Волга теплеет,
Значит, скоро откроется пляж.
Что ушла ты — ничуть не жалею,
Что же плачет, скорбит карандаш?

Вывожу им скрипучие строки,
Рвёт бумагу его остриё.
Ах, наступят ли новые сроки,
Чтобы чувствовать тело твоё...

БОРИС ОРЛОВ

ЗВОНКАЯ ТИШЬ

* * *

Листопадом дома замело,
Закатилось за рошу светило.
Выпал снег — стало ночью светло,
А растаял — и тьма возвратилась.

День за ночью спешит след во след,
Утепляя в деревне оконца.
Первый снег — замороженный свет
И луны, и осеннего солнца.

Полудрёма — и спишь, и не спишь! —
И нисходит прозренья к поэтам.
Я люблю эту звонкую тишь
На границе меж тьмою и светом.

* * *

Печь протопишь — и кончится день,
И в золу превратит дров охапку.
И наденет луну набекрень
Клён, как лисью потёртую шапку.

ОРЛОВ Борис Александрович родился в 1955 году в Ярославской области. Окончил Ленинградское высшее военно-морское инженерное училище им. Ф. Дзержинского и Литературный институт им. М. Горького. Служил на Северном флоте. Капитан первого ранга. Автор 12 стихотворных сборников. Лауреат литературных премий, председатель правления Санкт-Петербургской организации Союза писателей России.

Разукрасит морозец стекло.
И телёнок уснёт на соломе.
Печь протопишь — и станет тепло
И в душе, и в бревенчатом доме.

* * *

Анатолию Грешневскому

Воскресла, словно сфинкс, страна:
оружие, законы...
В сердцах людей идёт война
гражданская с Мамоной.

Храм — Божий дом. Иконостас
Стал атласом свободы.
А крестные ходы для нас —
Священные походы.

Всё изошрённей времена:
В игре — геном и атом.
Идёт народная война
С всемирным каганатом.

* * *

Алексею Любомудрову

Твердили “Где нас нет...” про красоту мне.
Да, оценил я эту красоту!
И побывал в Париже. И не умер.
Нахальный негр мочился на мосту.
И рококо я видел, и барокко.
И пил в кафе коньяк и кальвадос.
Там всё не так, как в песнях, однобоко.
А покурить — широкий выбор доз.
Меньшинства. И немало чёрной расы...
Уют в отеле, в сердце — уют.
И лесбиянки там, и педерасты
Среди хиджабов во дворах снуют.
Я не плюгавый стихотворный нытик,
Сажусь в автомобиль и на коня.
В Париже вы меня не хороните —
Мать ждёт на сельском кладбище меня.

* * *

Иеромонаху Александру (Фауту)

Куда ни глянь — назад, вперёд —
Везде чужие рати.
Ильёю Муромцем встаёт
Отечество с полатай.

Тлетворен иноземный гнёт,
Чернеют пепелища.
Но встал народ и меч куёт,
И щит надёжный ищет.

Стоит Отечество. Заря
Над церковью пунцова.
В ней вижу лик богатыря
С картины Васнецова.

АЛЕКСАНДР КУХНО

ОЛЬГА КУХНО

ВЕРНОСТЬ ДО КОНЦА

Судьба в письмах

АЛЬБЕРТ ЛИХАНОВ

РЕКВИЕМ ДРУГУ

Жизнь, пожалуй, можно сравнить с морской волной, на хребет которой сперва стремительно взлетает твоя лодка, и тебе кажется, что ты плывёшь в поднебесье, к солнцу, обретая любовь друзей, надежды, знания, научаясь делу, которое дорого, в вечном и вечно неизбывном заблуждении, что чем ты дальше плывёшь, тем дольше и прочнее твой путь. Но, увы, жизнь не есть земная твердь, и путь твой пролегает по зыбкой материи, вовсе не напоминающей склон пика — пусть трудного, каменистого, но всё же надёжного своей плотью, нет, жизнь и вправду похожа на зыбкую волну.

Вот ты, сам того не понимая, достиг гребня, в какое-то мгновение показалось, что ты совсем близок к небу, но податливая плоть расступилась, и ты, всё ещё не сознавая этого, не соглашаясь с данностью, сперва медленно и незаметно, а потом всё быстрее, точно разгоняясь, летишь вниз, и обретения подъёма оборачиваются потерями спуска — тусклее становятся чувства, уходят друзья, надежды, силы, а знания твои и умения отягчаются постижением сущего. Что знания, что опыт... Не из этого ли объективного хода бытия, который ещё никому не удалось изменить, родилась грусть то ли истины, то ли простого вздоха: если бы молодость знала, если бы старость могла...

Мчится вниз ладья жизни, и с каждой потерей окорачивается твоё существование. Не есть ли смерть близких репетиция нашего собственного ухода? И не заключено ли в потерях строгое взывание к живым душам: так ли вы живёте, так ли, как надобно, тратите дни, дарованные судьбой, не выйдет ли боком щедрая расточительность не помнящих предела...

Саша Кухно — мой друг. Не хочется говорить: “он был моим другом”. Нет, Саша Кухно — мой друг.

В том-то, видать, и состоит власть настоящего, что как бы ни далеко расходились мы по самой природе вещей, в полусне ли, в суетной ли яви, в самый что ни на есть неподходящий миг, среди никчемного, пустого спора или бытового суесловия, вдруг по тайной какой-то, неведомой команде подкорки, то ли обращающей сознание твоё к первоистинам, то ли указующей на подлинное в хаосе поддельного — возникнет вдруг Шашино спокойное лицо, явственное, близкое, и он как будто силится что-то сказать — или подсказать! — хочет помочь тебе, на что-то намекая, а ты не можешь никак догадаться... Или просто, без всяких намёков является тебе и смотрит, терпеливо и безмолвно — просто смотрит.

Наши близкие и друзья не уходят — долго бродят ещё в нашем сознании, в памяти любящих и любимых и исчезают совсем лишь тогда, когда исчезаем и мы, помнящие их...

Первый раз мы друг друга увидели в коридоре редакции журнала “Сибирские огни”. Подружились сразу, без подходов — ещё молоды были, ещё неслись в своих ладьях к гребню, ещё верили в открытость лиц и не ошиблись, нет, не ошиблись. Я приехал в Новосибирск собором “Комсомольской правды”, оставив первую работу и дружеские привязанности в родном Кирове, и новизна в соединении с возрастом искала свежих, сильных чувств.

Человек склонен обманываться в своих симпатиях, принимая желаемое за действительное: на твою искренность не всегда отвечает ответная, и горек обман, когда ты встречаешь открытость мнимую, порой лишь маскирующую расчёт. Не раз обманывался и я, но обмануться в Саше Кухно было невысказано.

Было в нём что-то есенинское, внешне, конечно. Голубоглазый, светлорусый, он, пожалуй, и в стихах своих не убежал от “королевича”. В это слово свое Катаев*, как я понимаю, вложил главную есенинскую ипостась — его избранность, прирождённую непохожесть на прочих, его духовный аристократизм, его обречённую судьбоносность. Известно, меты необыкновенности ведут не к одному лишь блеску, не только к удаче, но и к драмам, даже к трагедии судьбы.

Саша Кухно похож на Есенина и в этом.

Его красила мягкая манера изъясняться, но даже когда он сердился, хотел быть грубым, даже когда доходил до крика, острых углов речь его не обрела, и самое яростное слово звучало у него окатым, округлым, не бранным. Он быстро остывал, гнев его почти всегда выливался в отчаяние — бессилия, несправедливости, беспомощности. Не помню я в этом гневе разящей, уничтожающей страсти.

В поэзии он был истым лириком, если и появлялись у него стихи публицистические, открыто гражданские, то сразу ясно становилось — это не его назначение. Впрочем, надо оговориться: гражданское чувство можно выразить не только восклицательными знаками и яростью страсти, но и тихим голосом любви, неравнодушием, горечью, если надо. И Александру Кухно именно эта интонация удавалась — полуулыбка, полусвет, полуплач...

Ярых поборников определённости это прямо-таки бесило, одно лишь название лучшей прижизненной Шашиной книги — “Ранимость” — вызывало возмущенный топот ортодоксов, воспитанников испуганных 50-х годов. Прикинули бы незваные блюстители псевдоправды, в какие годы — и как! — рос тот, чья ранимость так ранила неранимых. Его отец — оставить было не с кем — брал сына с собой на работу, и мальчонка играл во дворе — может ли только в этом быть отцова вина? — да вот работа у него оказалась непростая: служащий тюремной охраны.

“Грех невольный нам простится...”

Нет, не простился: пережил отец своего сына — а легко ли это? И разве только один он, старый солдат, не переставая, недоумевал: и что так рвёт своё сердце Саша, зачем он каким-то тайным клеймом себя наградил, мало ли как люди жили, разве такая являлась нужда и безысходность — и при чём тут он-то, он?

Да, совести каждому розлито по-разному. Одному капли — с избытком, другому под горло подкатывает, не вздохнуть. Не думаю, не верю, чтоб Саша

* Валентин Катаев. “Алмазный мой венец”.

на дворе той отцовской работы чего непомерного высмотрел. Впрочем, где мера суровости для малого сердца? Где черта, за которой уже нельзя? Кто провёл эту линию в жизни, а пуще – в детской душе?

Я прошу прощения у Саши за обращение к этой безрадостной точке его судьбы, причем, я знаю, он не осудит, он не стыдился о ней говорить, потому что – было, да и я не для красного словца поминаю горькое, а только лишь потому, что без этого Сашу Кухно не объяснить.

Нет, не жестокосердием, а ранимостью одарила его судьба вопреки обстоятельствам, не смехом, а полуулыбкой, не криком, а тихой речью.

По сути своей, по образу действия – он не был борцом. Поэт, он многие годы служил редактором отдела прозы “Сибирских огней”, честнейшим, я под черкну, редактором, работягой-чернорабочим, и что иному обошлось бы в прибавок к литературной репутации, в полезные связи, в новые возможности, ему доставалось изнурительной мукой – для тела, для ума, для собственных стихов, в конце концов.

Он очень мало писал. Его корили за это – близкие, друзья. В их числе был и я, говоривший ему, что непомерная малость неизвинима, может, ещё более, чем непомерная обильность. Он соглашался в душе, но ворчал: ворчливость с годами, казалось его друзьям, становилась хронической.

Но это была лишь защита собственных прав. После смерти в Сашинем столе обнаружился ворох вполне законченных, прекрасных стихов, отмеченных и значительностью, и глубиной. Он ворчал, подумалось мне, когда мы вдвоём с его Олей – уже вдовой – перебирали их в опустевшие, оглохшие часы после поминок, – он ворчал, а совершалось что-то очень важное, необъяснимое – необъяснимое и для него самого, не понятное им.

Что это было?

Переход в иное качество? Ведь в литературе, особенно в поэзии, такое бывает, что-то случается с поэтом, неудовольствия, слёзы, ворчание – невыносимый характер! – а оказывается, что-то происходит, крутятся – а может, ломаются! – невидимые шестерни, его душа освобождается от прежнего, и он вдруг совсем другой, чем год, полгода, вчера; как птицы, замурованные в горе, в душе беснуются слова, пока они не прольются на свободу – стихами...

С болью вглядываясь в истаявшую Сашину жизнь – с болью совершенно физической! – я корю себя, как всех, шедших рядом, кроме Оли, за непонимание его противоречивой, казавшейся путаной, непоследовательной, слабой жизни. Есть ли смысл разбираться теперь, после потери, много лет спустя? Жизнь перевёрнута, как страница... Да вот совесть сопротивляется здравому смыслу.

Он бросил службу, чтобы писать стихи, но они рождались редко и трудно, и Саша читал старое по путёвкам тогдашнего Бюро пропаганды художественной литературы: та же работа, но есть в ней какая-то жалковатость. Ему предлагали издаться в Москве, редкий случай, “Молодая гвардия” ставила его в план – без рукописи, даже без заявки, и он отказывался – все разводили руками: что он, не от мира сего?

Людское мнение поспешно, оно торопится, как и все мы, по своим обыденным надобностям – кто-то махнул рукой, кто-то пожал плечами, кто-то ругнул в сердцах: чудак-человек, ему помогали, а ему не нужно, ну и пусть как хочет...

Получалось, что все мы пробежали мимо него: каждый занят своей жизнью, это извинимо, а он словно бы отстал, нет, остался ждать – одинокая, озябшая фигурка в истончавшем пальтеце с поднятым воротником на пустынной платформе, мимо которой промчались наши поезда.

А он в одиночестве, совсем не одинокий, разве что с жизнью наедине, решал совестные её вопросы.

Торопиться ли с книгой в Москве? Печатать ли стихи в столичном журнале? Или же тихо судить себя? Говорить себе: не торопись, не вышло так, как ты хотел. Увы, как в каждом деле, а в творчестве особенно, слишком легко замучить себя самосудом.

Рано ли, поздно ли, должна возникнуть отвага бросить себя на иной суд. Желание – или мужество? – взойти на эшафот общественного мнения не одной лишь родной земли, но и всей страны. Грешно укорять Сашу, да и где неуловимая грань между мужеством, желанием, совестью?

Наверное, есть и такая победа: пусть другие, мне не к спеху. Я подожду.

Тщеславие — черта порицаемая, честолюбие, особенно для художника, свойство необходимейшее; так вот — Саша Кухно полностью освободил себя от него.

Нечестолюбивый поэт, он отказался от книг в Москве, от столичных публикаций, хотя был хорошо знаем читателями, любим, почитаем дома, в Новосибирске. Что ж, поражать это может, но теперь, после Сашиной жизни, поступки такого ряда не вызывают желаний махнуть рукой, пожать плечами, но требуют — взывают! — окоротить меч, остановиться, задуматься...

Ибо казавшееся странным, непонятым, просто глупым обернулось уроком взыскательности к себе, редчайшим образцом совестливости.

Но было бы слишком просто поставить тут точку.

Саша был устроен куда сложнее. Негромкоголосый лирик и мягкий человек, в глубинах своих он лелеял мысль вовсе не лирическую, требующую твёрдости характера, отказа от многих житейских соблазнов, ставивший перед собой высокие барьеры.

Всё, о чём я сказал выше, вдруг соединилось в Александре Кухно, когда он встретился с новой для себя темой — темой Парижской коммуны. Нет, не там, не в Париже, не в Новой Каледонии, где отбывали каторгу и погибали многие коммунары, и уж вовсе не в XIX веке, а в родном Александрю Новосибирске, в нашем, конечно же, времени, в 1942 году.

Так случилось, что жизнь последнего парижского коммунара Адриена Лежена завершилась в Сибири, куда его, 94-летнего, эвакуировали вместе с другими старыми революционерами из подмосковного Дома ветеранов.

Личность Лежена, рядового Парижской коммуны 1871 года, рифмуется в нашем сознании с борьбой за равенство и справедливость, с баррикадами, с французским мальчишкой по имени Гаврош, который стал символом отваги для юношества всего мира, ничуть не менее. Гаврош — это детство, принесённое в жертву чести. Лежен — старость Парижской коммуны, ее последний боец, прошедший французские тюрьмы, изгнание, восторженно принявший революцию в России, приехавший сюда, и в 1942 году — представьте! — перед смертью, в Новосибирске, где под окнами его гостиницы шли на вокзал несметные сибирские полки, написавший: “Прежде чем умереть, я хочу видеть тех, кто послал мне эту вторую Родину”. И еще он напишет накануне смерти: “Я — последний, который боролся на баррикадах Парижской коммуны... А Вы боретесь не только за свободу и счастье молодого поколения Советской страны, но за свободу и счастье молодого поколения всего мира...”

Словом, судьба солдата справедливости — чем не образ для поэмы, для живописной биографии, которой не жалко сил. Одна беда — почти нет документов. Кухно начинает их искать. Тернист этот путь.

Моего Сашу поразило именно это совпадение: Коммуна последнее своё дыхание завещала сибирским полкам. В час испытания на излом идея народного освобождения совершила мифический переход из одной сферы сознания в другую, близкую нам и понятную.

Я хорошо помню, как Саша привёл меня к могиле Лежена. Стоял яркий летний день, сияли лужи, кажется, ночью шёл дождь — вот это обновление, чувство свежести — и природы, и Сашиных неожиданно сильных чувств, запомнил я.

На могиле лежали цветы. Неподалёку выстраивались в смешном волнении октябрята — их должны были принять в пионеры здесь, возле могилы коммунара. А Саша рассказывал мне подробности, задавал вопросы — уже не мне, а себе — с кем приехал Лежен, когда оказался в Союзе, как складывалась его судьба.

— Поэма, — сказал я ему тогда, — сама идёт тебе в руки.

— Что ты, — завозмущался он, — я ничего не знаю.

— Так узнай!

Подступы к теме заняли у него не дни, а годы. Он кряхтел и охал, как, мол, без французского, да где архивы. Потом как в омут бросился, даже, кажется, поэзию отставил.

Забавно всё же устроен человек: начав свои разыскания, новую для себя, важную работу, Саша вроде сам изменился — стал собраннее, энергичнее. Задумчивость сменилась организованностью, лиричность — увлечённостью.

Он приезжал в Москву, с утра проваливался в её круговороты, вечером являлся измученный, но сияющий: каждый день в этом городе он проживал с завидной уплотненностью — встречи, зацепки, звонки, находки! Вместе с ним

поражался и я: какие же таит Москва ресурсы исторической памяти, знаний, истоков.

Это Саша меня, а не я его познакомил с известным французским историком Морисом Шури, с удивительной женщиной Татьяной Федоровной Редько, вдовой художника, написавшего последний портрет Лежена. А сколько иного, бесконечно интересного, не имеющего отношения к Парижской коммуне, но имеющего отношение к духу человеческому, подарил он мне тогдашними своими краткими набегам на Москву.

Однажды он сообщил мне, что прах Лежена перевозят на родину, в Париж. Разве это не справедливо? Кажется, именно тогда он решил писать не поэму, а прозу о Лежене.

И опять всё не просто: узнал – написал.

Нет, он не торопился садиться за стол. Время съедали письма, идущие из Новосибирска в Париж или Москву и обратно. Но что поделаешь – необходимы подробности, уточнения.

Будущая книга требовала долготерпения. Она задумывалась как документированная проза, где возможны версии, предположения, но недопустимо пустое сочинительство.

Не каждому достанет характера, чтобы не разувериться, не отступить. Сашу настигали подобные чувства. Он отключался, занимался другим, потом возвращался к начатому.

Стали появляться очерки – наброски будущей книги. Постепенно они слились, образовав как бы круг. Теперь следовало переосмыслить материал, заполнив пустоту круга – сесть за стол и начать всё сначала.

Увы, как это часто бывает, книга осталась лишь в чертании, в абрисе.

Заболело сердце, Сашу увезли в больницу. Инфаркт последовал за инфарктом.

Он умер сорока шести лет от роду.

При жизни Саши вышли четыре тоненьких книжки его стихов. После его ухода стараниями, трудом и любовью Сашиной вдовы Ольги Михайловны, “единственной любимой женщины”, всеобщей любимицы Олечки, свет увидели еще пять (!) полновесных книг.

Нам удалось добиться присвоения имени Александра Кухно библиотеке в ближнем от города поселке Криводаново, и Оля постоянно бывала там как исполнительница Сашиного завещания. Которого, кстати, не существовало и не могло существовать. Но вот наследство – библиотека его имени – живет как знак извинения жизни за слишком ранний уход поэта.

Увы, уже после Саши годы не пощадили, нанесли осиротевшей семье новые необратимые потери: умер его отец, что естественно, потом один за другим ушли оба сына – Сергей и Андрей.

Низко кланяюсь Олюшке, Ольге Михайловне, перенесшей эти невыносимые испытания и явившей всем, кто её знал, высоту духа, высоту преодоления бедствия, с которым справиться невозможно, но которое можно чуточку осветлить, совершая поступки, движимые верностью и любовью.

...А потом пришло последнее из скорбного: скончалась Ольга. Ком стоит в горле – исчезла, истаяла вся семья поэта Александра Кухно. Какая-то беспощадная, недобрая сила вырвала с корнем этот рождённый для счастья, цветущий когда-то семейный куст.

Как же это горько!

Так случилось, что я побывал у могилы Адриена Лежена ещё раз. Теперь это было кладбище Пер ля Шез, в двух шагах от Стены коммунаров.

У этой стены расстреливали бойцов парижских баррикад. Лежен уцелел тогда. Из середины девятнадцатого века последний парижский коммунары принёс в дни сопротивления фашизму память и дух свободы. Не как борец, а как символ борьбы.

Я поклонился Адриену Лежену. Положил ему на камень гвоздику.

И, конечно, я думал о Саше.

Один великий француз написал когда-то:

“Ни то, что предшествует смерти, ни то, что за ней следует, не является её принадлежностью”.

Имя француз – Монтень. Мысль его, как мне думается, имеет отношение ко всем нам.

Александр

Так вот. Александр Кухно, поэт и просто добрый человек, прожил всего 46 лет, а эта публикация нашей переписки готовится спустя много лет со дня его ухода... Это не просто много, не только — долго. Оказалось — целая вечность, в которую уместился разлом нашей великой державы, смена ценностей — какая ранимость, какая совесть? Высота личности ныне поверяется толщиной кошелька, наплевизмом на иных, недостигих, и полным душевным небрежением ко всему, кроме личного преуспевания. Грешным делом, начинаешь подумывать — а может, Господь духовно оберёт многих из многих, особо любимых, от этой ломки — досрочно закрыв очи их...

Словом, Саши, Санечки, Санька, милого нашего, любезного друга нет очень давно, и вдруг публикуются его стародавние письма к нам с женой Лилей и наши, чаще — мои, такие неактуальные теперь письма к нему.

Зачем эта публикация? Зачем ворошить бумаги — эти поздравления с Первомаем и Великой Революцией, эти суждения о собственных столкновениях, поиске истины, новых (тогда) стихах и отношениях с другими людьми, которых давно уже нет.

Что это — архивные изыскания, дань отгоревшей дружбе?

Ну что ж, может быть и так. Но нет большого греха в добрых воспоминаниях. Памятью об ушедшем и жив человек, пока он жив. Минувшее, даже тяжкое, непростое, по прошествии лет как бы отряхивая с себя подробности, самые печальные в том числе, предстаёт в сознании всегда просветлённым, полным надежд, часто, кстати, осуществленных. А если они и не исполнились — это тоже выглядит полегче, не одолённой тяготой, а утешением: ведь не всё подвластно нам. И всё же менее всего хочется, чтобы публикация этой переписки рассматривалась только как поклон прошлому. Мне кажется, в письмах довольно стенаний, но и немало надежд. В них заключено, по крайней мере, десятилетие жизни, в которой оба мы прошли испытания: я — нелёгкую болезнь, Саша полупубличную подозрительность власти, мучительные, затяжные паузы в поэтической работе.

Надеюсь, что читатели, помнящие те времена, обновят свои молодые когда-то чувства, а новые поколения из этой, во многом житейской, переписки узнают, что нынешние их искания проходили и мы, их предшественники — в других, как говорится, измерениях, и всё-таки по существу одинаковых страданиях, похожих радостях, родственных печалях.

Местами я должен буду делать короткие комментарии — без этого не обойтись, тем более что именно и лично я стоял у истоков не только Сашиних радостей, но и огорчений.

В 1966 году, когда началась наша переписка, Саше было 33 года, мне 31. Закончилась она, когда ему было 45, а мне 43 года. Однако узнали друг друга и подружились мы раньше, в 1964 году.

И всё же Сашиною начала я не знаю. Всё выяснялось постепенно, порой стихами, и было бы неразумно полагать, что его жизнь и есть то, чему я стал прямым или косвенным свидетелем — ни в коем случае. У него были родители, и мать, и отец, они разошлись, оказавшись разными по судьбе и духу, он рос с отцом, закончив школу, поступил в Новосибирский пединститут, где встретился с Ольгой. Тогда же начал писать стихи и быстро стал частью молодой новосибирской поэзии.

Я приехал в Новосибирск в январе 1964 года в качестве собкора “Комсомолки” по Западной Сибири, мне было 29 лет. До этого, начиная с декабря 1961 года, я работал главным редактором кировской молодёжной газеты “Комсомольское племя”. А ещё раньше, с 1958-го — литературным сотрудником “взрослой” газеты “Кировская правда”. Киров — моя родина, покинув её, я отправился в неведомую Сибирь, с единственной привилегией — представительством центральной газеты.

Годы были молодые, будущее в то время совсем не беспокоило, однако главная цель, которую поставила передо мной редакция, оказалась вовсе не простацкая — наладить отношения с руководством, да и всем научным миром, блиставшим тогда в новосибирском Академгородке.

Приехав в сибирский миллионник, я стал энергично устанавливать самые разные связи — в Академгородке, в кабинетах власти, в редакциях местных

газет, издательстве, журнале “Сибирские огни” – вот там-то, в коридоре, я и столкнулся с Александром Кухно.

Узнав, что я пока один, живу в гостинице и только ещё пробиваю квартиру – корпункт, куда должен буду привезти жену с сыном, он проникся ко мне сочувствием, мы несколько раз погуляли по городу. Не мог не восхитить меня театр оперы и балета, открытый в самый разгар войны. И, конечно, удивила могила последнего парижского коммунара Адриена Лежена в центре городского сквера.

Тогда это поразило – просто как факт.

Потом приехала моя семья. Лиля, моя жена, бывшая телевизионным диктором в родном городе, здесь поначалу подобной работы не нашла и устроилась в детскую библиотеку. Сын пошёл в детский сад. Сказать откровенно, чувствовали мы себя довольно неуютно. Я мотался целыми днями, выполняя и задания редакции, и осуществляя собственные газетные замыслы, потом отписывался, диктовал стенографистке в Москву свои материалы – ведь я и в “Комсомолке” был пришлым человеком, которому ещё только предстояло сформировать свою соборовскую репутацию. А близкие мои страдали от изолированности, от одиночества. И вот однажды “Кухны” позвали нас к себе в гости.

По молодости, как известно, дружба возникает просто так, без видимых к тому внешних причин – из симпатии, из доброго слова и простого человеческого интереса. Мы подружались, перезванивались, встречались.

Лилю пригласили на телевидение, теперь она была на экране до поздней ночи, и мы с маленьким Дмитрием ждали её возвращения как манны небесной. А дружба с Кухно, по счастью, не угасала, а, напротив, разгоралась.

Но в начале 1966 года меня забрали на работу в Москву, в аппарат ЦК ВЛКСМ. В отделе пропаганды я “ведаль” целым букетом молодёжных газет центральной России, но был на мне и ещё один груз – литература молодых.

Квартиру в Москве я ждал восемь месяцев, следовательно, семья оставалась в Сибири, а я холостяковал по гостиницам. В ту бездомную пору вышел всё же мне и фарт. Оставаясь по вечерам один в цеховском кабинете, я писал свою первую серьёзную повесть “Чистые камушки”.

С делами “младолитературными” мне тоже повезло: комсомольское начальство, а вслед за ним и Госкомиздат РСФСР, поддержали мою идею издать в Новосибирске 50-томную библиотеку “Молодая проза Сибири”.

Параллельно “конструировались” и другие проекты. Был придуман обменный фестиваль молодых поэтов ГДР и СССР: сначала совместная делегация должна была поехать по нашей стране, в том числе слетать в Сталинград, а в конце года та же группа в том же составе – совершить поездку по ГДР. Советские и немецкие поэты выбирались заранее, с условием, что переведут стихи друг друга, ведь их станут читать аудиториям, не знающим иностранного языка – немецкого в одном случае и русского в другом.

Идея была принята. С нашей стороны в делегацию входили такие известные уже поэты, как Лариса Васильева, Владимир Костров, Олег Дмитриев, Феликс Чуев, Аида Федорова из Красноярска...

Я предложил включить в группу и Александра Кухно.

Саша вошёл в ряд более чем многообещающий – только работай, только пиши! Я искренне хотел продвинуть Сашу во всесоюзный поэтический ряд – эта поездка могла стать, – и стала для остальных, – взлётной полосой. Ничего плохого в этом не было и нет. Комсомол тогда себя так и позиционировал – помогать молодым – строителям, космонавтам, учёным, прозаикам и поэтам.

Так что в ту пору мне приходилось заниматься делами приятно неожиданными. Я, например, готовил документы – решения ЦК ВЛКСМ – об учреждении новой награды – премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства. Готовил – не в одиночку, конечно – поездку молодых писателей к Михаилу Шолохову. К слову, группу эту на последнем этапе возглавил сам первый секретарь ЦК ВЛКСМ Сергей Павлович Павлов, навеки мною глубоко почитаемый. А главным героем той встречи у Шолохова стал Юрий Гагарин.

В Сталинграде (Волгограде) мы, ехавшие к Шолохову, пересеклись с делегацией поэтов СССР и ГДР, где был и Саша. Той, поэтической, бригадой “управлял” мой коллега по агитпропу ЦК комсомола поэт Вадим Кузнецов. Одна из встреч с молодыми читателями получилась у нас общей. Было суетно, хлопотно, с Сашей мы поговорили лишь мельком.

Лично я до Шолохова не доехал – попросил у начальства отпустить меня в Москву, доделать какую-то “важную” бумагу. Честно говоря, не хотелось мне быть в роли некой, всегда ответственной за мелочи и всегда виноватой, шестерёнки. К тому же иной молодой писатель на радостях отрывался по полной – пьянствовал, иногда до полуобморока, нёс околесицу, и мне не светило торчать возле этих “бойцов” и строить их в талантливые, но нетрезвые шеренги. Впрочем, это мои личные мелочи. Команда поехала в Вешенскую, а я в Москву, и до сих пор жалею, что не пожал руку Шолохову и Гагарину.

Тем временем, русско-немецкая поэтическая бригада из Сталинграда вернулась и на некоторое время разъехалась по домам, чтобы в декабре встретиться снова, уже для полёта в ГДР.

Наступает осень, и вдруг, буквально за несколько часов до отъезда поэтов, меня вызывает секретарь ЦК комсомола Александр Иванович Камшалов и объявляет, что я назначен руководителем поэтической делегации в ГДР. Вместо моего коллеги по отделу Вадима Кузнецова, который, собственно, всё это и готовил. Я удивляюсь, отказываюсь, как могу, считаю, что это несправедливо. Ничего не объясняя в деталях, Камшалов говорит мне, что это, наконец, настоятельная просьба и всё дело именно в Кузнецове. Естественно, “Кузя”, такова была его “подпольная” кличка, накинулся на меня – лучшего придумать не мог, хотя более чем очевидно, что где-то в предварительной поездке прокололся сам. Болтнул лишнего, хвастанул, может быть... Додавливая меня, Камшалов сказал, наконец, что Кузнецов не поедет в любом случае.

Однако это было лишь предисловие к главному.

Столь же неожиданно, как Камшалов, меня зовет второй секретарь ЦК Борис Николаевич Пастухов. В ту пору он был довольно суровым человеком, дублировал первое лицо, за него же исполнял, как сказали бы теперь, “непопулярные решения”. Говорил Борис Николаевич резко, чётко, решительно, а это всегда вызывало трепет.

Пригласив сесть, он спросил меня уже как руководителя делегации поэтов:

– Кто включил в делегацию Кухно?

– Рекомендовал его я.

Он облегчил интонацию:

– Расскажите подробнее.

Я уже просёк, что дело неладно, что второй человек комсомола не будет без очевидных причин интересоваться провинциальным поэтом. Но, подкрепляя свою уверенность, сказал о Саше самые хорошие слова – работает в “Сибирских огнях”, впечатляющий лирик, из сибиряков – один из достойнейших. Жму на понятия – сибиряк, учитель по образованию, работает с молодыми, в своем городе любимый поэт.

Между тем гляжу, на столе у Пастухова – Сашкина книжка с закладками. Борис Николаевич открывает её, листает, но не цитирует, не ссылается ни на что, говорит мне, – будто в поддых бьёт. Правда, теперь формулирует мягко, сбавляя обороты:

– Придётся исключить его из списка.

Потом, переходя на доверительные интонации:

– Лично Андрей Павлович Кириленко познакомился с этой книжкой и высказал резкие замечания. Считается, что парень незрел для такой поездки.

– Борис Николаевич! – не то чтобы возопил, но воскликнул я. Но он не дал мне продолжить.

– Это решено. И, как ты понимаешь, не в этом здании. Но...

Он сделал небольшую паузу, глянул в окно.

– Если парень искренний, талантливый, как ты говоришь, его не надо бросать. Надо позвонить в обком, деликатно объяснить, попросить о дальнейшей поддержке. Никаких репрессий. Напротив... Я прочитал эту поэму, “Море”! Ничего особенного не нашёл...

– Конечно! – взвился я.

– Ну не заводись, – осёк Пастухов. – Ты ему веришь?

– Безоговорочно! . .

– Вот и хорошо. Помогай. Поддерживай. Если надо, ссылайся на меня.

Я чувствовал себя полным дураком. С одной стороны, назначен вести делегацию. С другой – снимаю Сашу. Как ему сказать? Он уже в Москве.

Не было тоскливей разговора. Саша побледнел. Тоже ничего не понимал. Так мы с ним оба до конца ничего и не поняли. С поездки снят, причины ка-

кие-то веские, что-то не так в поэме “Море”. Но никто – ни мне, ни ему – ничего внятного не сформулировал. Много лет спустя я узнал, что тогдашний первый секретарь Новосибирского обкома партии Фёдор Горячев при обсуждении на бюро Сашиной поэмы (автора на эту разборку не позвали!) что-то невнятное сказал про Сталина – дескать, ему верили, и так было, что же делать?.. Но велел – поэта не трогать.

Не трогать... Поэт не должен – не может! – как нить за иглой, во всём следовать за нуждами власти. Только что был Хрущёв, с его разоблачениями культа, потрясшими страну, и требовалось – разрешалось! – одно. Но анти-сталинская оттепель хрущевская закончилась. Его убрали – и новой власти потребовалось другое.

Что они имели в виду, незримый в тот миг Кириленко, и столь же незримый Горячев, служившие менявшимся правилам? Сие неведомо, но осмелюсь предположить, что со сменой эпохи утомившего всех Хрущева изменилась ценность знаменитого закрытого письма, да и самого XX съезда партии, где Сталин был посрамлен и его оценка не то, чтобы переменялась, но стала неактуальной, несвоевременной для того времени. И, может, справедливо. И были, наверное, отчеркнуты сбоку стихи безвинного поэта, описавшего в “Море” такими словами эпоху:

*Когда ни матери, ни сына
за-ради красного словца
не пощадит сама Россия
во славу грозного “отца”;
когда тебя
с твоей любовью
разлучит ханжество друзей
и ты не скажешь, что любую
ценой соединишься с ней,
но с кровеннейшей из книжек
сам, как могильною плитой,
накроешь то, что дышит – дышит! –
и борется с неправотой;
когда пройдешь с толпою сырых
одной дорогой морской,
еще не растерявший силы,
уже сроднившийся с тоской
семей изломанных и ранних –
несостоявшихся семей,
которых нынче на собраниях
попробуй воспитать, сумей! –
тогда поймешь, поймешь как надо,
что значит – сердце под замком...
Где чувства только для парада,
там зло возводится в закон;
где капли,
винтики,
песчинки,
а не живые существа,
там не любовь – одни бесчинства,
там трын-трава все острова.
Но, может, потому и живы
моя любовь, мой костерок,
что кто-то шел сквозь все режимы
и просто каплей быть не мог.*

А между прочим, автор посвятил эти строки реальным людям, патриотам Отечества, испытавшим горечь унижения репрессиями – разве этого не было? Он назвал в сноске конкретные имена: Г. М. и Н. П. Медведевы, О. Коваленко, А. Н. и О. М. Алексеевы... Иначе говоря, поэт указал источник, сделал объективные отсылки к реальным судьбам. Но, как почти всегда происходит, понес наказание сам: мол, не суйся.

Одним словом, Саша попал не в струю. Он тяжело это переживал. Не хотел понимать, за что? В чём претензии власти к одному из самых сильных и честных его творений?

Поэму больше не печатали, но до самой своей кончины Саша читал отрывки из неё на своих поэтических вечерах.

А тогда, как мог, я старался утешить друга, перевести его мысли на иные рельсы. Мне казалось, что история Адриена Лежена, последнего парижского коммунара, с балкона гостиницы “Сибирь” провожающего на фронт сибирские полки, это настоящая поэтическая удача для Саши.

Кажется, она увлекла и его. Он занялся поисками материалов о Коммуне, о Лежене.

Пока мог, я помогал ему из Москвы “технически” – вызывал в командировки за счёт обкома, ЦК комсомола. На путях долгого Сашиного поиска следов Лежена я познакомился с милейшей Татьяной Фёдоровной Редько, написал о её муже, художнике, большой очерк “Конспект судьбы”, а потом и рассказ “Каждый год, в сентябре”. Что касается Сашиной книги о Лежене, то он не успел её закончить. Свет увидели отдельные очерки, их накопилось немало, но они во многом повторяли друг друга, Саша никак не решался приступить к тексту художественному, избрав жанр, где есть место вымыслу, его тянули к себе документы, фактические подробности, а такие труды требуют иных, может, на целую жизнь, разысканий. Но жизни не хватило, и хотя Оля после ухода Саши скомпоновала солидное издание, куда вошло всё, что он успел, плюс дополнительные тексты – письма, ссылки, направления поиска, “Жизнь под красным знаменем” оказалась лишь прологом или, лучше сказать, конспектом так и не состоявшейся Сашиной книги.

Но все эти годы катилась наша переписка с Сашей...

Превращалась в дружество, к счастью, оставшееся жить в письмах. И в наших сердцах.

Письма Александра Кухно Альберту и Лилии Лихановым

А. Кухно – А. и Л. Лихановым

8 сентября 1966 г.

Лихановы, ау!

Поздравляем с новосельем, поздравляем дражайшего нашего друга Альберта с днём рождения, желаем вам счастья, всяческих благ, творческих успехов!

Алик, дорогой, если б ты только знал, как хотелось попасть в Москву в сентябре! Но жизнь – пресволочнейшая штукавина – всё не разворачивается как надо. В планах мне места не нашлось, а вот без планов, оказывается, можно; бросаю мне кость ничтожную, а грызть велено, что есть мочи – к 1 ноября с. г. положить рукопись на стол. Ничего, как-нибудь разгрызём! В редакции досиживаю последние дни. Страшно, а уходить надо. Впереди темно и безрадостно – бюджету на 1–2 месяца. Креплюсь и пишу грустные стихи. Верю в доброе завтра, в свои силы (которые, увы, на пределе), верю, что встретимся скоро, и я отчитаюсь перед тобой стихами и не буду ныть. Дома всё по-прежнему, живём ладно, с периодическими мелкими хворями то у одного, то у другого. Берегите Димку, будьте здоровы, не торопитесь обзаводиться мебелью, а торопитесь радоваться, что вы москвичи, черт возьми, писатели, артисты!..

Пиши прозу, дорогой, пиши хорошую прозу!!!

Я в тебя шибко верю после повести “Вам письмо!”. Не болейте, не ругайтесь. Обнимаем вас крепко. Целую тебя, заступь мою, трижды, по-русски.

С днём рождения!!! Выпейте за меня и за нас, и за Сибирь по рюмашечке. Мы пока постимся. Эх, чёрт возьми!..

Алик, ты обещал мне прислать книжку Пальма о Лежене. Вышла она? Очень-очень нужна. Сообщи мне про координаты.

С. К.

Алик, дорогой!

Да когда же это Кухно писал стихи так, чтобы взять и прислать с десяток? Такого ещё не было, и я плохо верю в то, что такое когда-нибудь будет, но уж если будет — всё, дорогой, всё до последнего десятка, до последнего куплета будет лежать перед тобой на столе. Слухи о моих успехах абсолютно неверны, и ты, я думаю, всё-таки поймёшь, что только стыд и хандра не дали мне вовремя (несколько дней тому назад) ответить тебе.

Сегодня ровно месяц, как я ушел из редакции¹. За это время я написал всего пять стихотворений. Это очень мало, если учесть, что до сдачи книжки осталось 15 дней!.. Но, дорогой мой, ведь я никогда не писал и по пять стихотворений, и в течение года перед этим вообще не написал ни строки; вымотан я совершенно, а когда над тобой занесён меч — такой железный, идиотский срок и нищета — какие тут к чёрту полезут стихи! Ольга своей нервозностью и страхом только подливает масла в огонь, получается скверно, друже, скверно! Я, конечно, креплюсь, но башка пустая, в записке ни одной детали, ни одной мыслишки, и тоска — страшная! Я же никогда не был один, без работы, вот так — лоб в лоб с пустотой, а главное — вокруг — никого. Иногда ухожу в лес. Кажется, это здесь единственный друг. Далеко ухожу, беру с собой каких-нибудь знакомых, ребятишек, им нравится — и мне малость легче. Но у нас уже снег. В городе ещё тает, но в лесу — снег, опадают последние листья, и калина — совсем голая — ни листочка, одни багровые кисти на голых веточках, — уже сочная, сладкая.

Вот Вам один из пяти стихов, который нравится Ольге и который пришёл в одну из моих трудных ночей.

*В ночи горит Полярная звезда.
Схватить её, намеченную слабо,
раздуть, разжечь — не уходи с листа,
я пригвоздил тебя, печаль моя и слава!*

*Пусть пальцы жжёт расплавленный металл —
заглавный лист неначатой тетради.
За то, что я на север не летал.
За то, что милых по головкам гладил,*

*боялся бросить их на глубину
и сам у бережка топтался вместе с ними.
Сними с меня, звезда, мою вину.
Никто как ты, звезда, её не снимет.*

*Давно мои промчались поезда
и самолёты отлетали к полюсу.
Я сам себя, Полярная звезда,
приговорил к умеренному поясу.*

*Далеким путешествиям — каюк.
Проверочных не будет экспедиций.
Мои друзья — мне самый тёплый юг.
Моя работа — мой Полярный круг.
Заветный полюс — белые страницы.*

*Любимыми, как прежде, дорожу.
Когда, сосредоточенно-рассеян,
я ухожу в себя — я ухожу
на необжитый и опасный север.*

*Свети, звезда Полярная, спешу
мне осветить высокими лучами
все тайники, все хитрости души,
все радости мои
и все печали!*

Ну, а как тебе пороботалось, дорогой? Представляю, какая там была красотища, под Москвою. Сколько лет я собираюсь побродить по России, да всё не получается. К будущей осени, может быть, удастся повидать что-нибудь из заветного — Владимир, например, Ярославль, подмосковные леса, Псков, Михайловское... я читал по радио один стишок, про луну. Поскольку ты его слышать не мог — посылаю и его (совсем не для печати), а то подумаешь ещё, что я и радоваться разучился.

...и жизнь, и слёзы, и любовь.

А. П.

*Это ж чудо из всех чудес —
лунным светом залитый лес!
Каждый куст над рекой, каждый прутик в бору
я не хуже чем днём разберу.*

*Добрый месяц колышет в реке невода —
и озвучена светом вода.
Никому, ни за что вот такого следа
не врубить на Земле никогда.
Лунный свет —
это чёткие контуры сёл.
Это звон бубенца в тишине.
Я не слыхом слышал,
я не в книжке прочёл
о берёзово-лунной стране.*

*Я любил под луной,
горевал под луной,
под луною родимой умру.
Всё, что пело во мне,
всё, что было со мной, —
так считаю,
что было к добру.*

*В серебристую пряжу высокой луны
упадёт золотой лепесток —
то ли песни запев,
то ли гребень волны,
то ли всей моей жизни итог...*

*В лунный свет перейду,
упаду, промелькну...
За какую такую вину
мне из тысячи лун
всего лишь одну
приходилось любить луну.
Будет плыть над Землёю другая луна,
и другие придут времена:
тишина —
да не та,
красота —
да не та,
и не та для луны высота.*

*На бетонных площадках,
на гранях ракет
всё такой же — таинственный свет.
Только память далёких,
минувших ночей
для влюблённого сердца звончей:*

лунным светом прошитые сосны
звенят,
и на том световом сквозняке,
оступаясь,
вбегают в Михайловский сад
безрассудная юная Керн.
Берегись!..
эту ночь переплавит в века
негритянская жаркая кровь.
Догорает свеча...
Замирает рука
перед точкой,
на слове — любовь.

Раз уж начал печатать для вас стишки, отпечатаю ишо один, бодренький.

Оставил службу..
Город — как музей:
ходи, глазей,
да ничего не трогай.
Всё уже круг
знакомых и друзей.
И все они бегут
своей дорогой.

Не останавливай.
У них свои дела.
Гони строку,
над рифмами старея.
Как ни была разлука тяжела
с товарищами —
позабудь скорее.

Случайный друг,
случайные слова,
случайная —
на десять лет! — работа.
Не говори, что песня чуть жива.
В молчаньи долгом не вини кого-то.

Живи как жил —
со всеми наравне.
Охотничий не нарушай обычай:
когда придёшь с добычей на ремне —
пускай другие тешатся добычей.
Пускай охоту превращают в блажь.
К чему считать ничтожные доходы?
Ты отдал всё,
быть может, жизнь отдашь
за право постоянное охоты.

Тебе ль не знать, куда ты угодил?
Ты в самом центре замкнутого круга.
Шагай смелей!..
Не то и впрямь — один
останешься без песни
и без друга.

Вот так-то, старичок, когда начинают писать стихи на тридцать пятом году. Остальные два стихотворения не посылаю: они очень длинные, чересчур

длинные, длиннее коровьего кишечника, как говорит Е. К. Стюарт, и очень, очень грустные, хотя и слабые, просто никуда не годно! Одно из них, например, начинается так:

*Сколько зим по задворкам чужим,
сколько лет по лесам, по лугам
обходили мы строгий режим,
ты — бродяжка,
и я — хулиган!..
От семнадцати до двадцати —
ни угла, ни родного тепла:
не в чести у родных,
не в чести
наша горькая нежность была.
Наплевать нам на строгости тех,
для кого мы никто и ничто!
Наши слёзы прошли через смех,
словно дождичек сквозь решето.
Мы смеялись над нашей бедой.
Горевали над счастьем своим.
Если ты и была золотой,
вовсе не был я золотым.
Ах, как трудно бывало со мной!
А с тобою-то как нелегко!
Неродные — они за стеной,
а родные — совсем далеко.
И смешно, и грешно — вспоминать,
как тебя на двадцатом году
называю торжественно “Мать”
и к барыжке в хибару веду.
А в округе шпана да жульё.
А в окошечке свет слюдяной.
Ай, хибара — лихое жильё,
за приступочкой — пол ледяной.*

*Ай, барыжка — чужая родня!
Мы за то благодарны судьбе,
что с ребёночком день ото дня
всё теплей становилось в избе.
Низко кланяюсь женщине той —
из душевных и самых простых.
Обернулась чужой добротой
равнодушная строгость родных...*

В общем, старик, тут столько нытья, что и писать не хочется. И всё это имеет прямое отношение к детям. “Мне тревожно (уже, уже тревожно!) за наших детей”.

*Неужели уйдут за порог
и кому-то расскажут о том,
что никто из родных не помог
им выстраивать собственный дом!*

Никого я сейчас не вижу, да и не хочется видеть. Фоянк² на военных сборах на Дальнем Востоке, Чикин³ тоже. Стюарт⁴ лежит с инсультом в клинике. 60 лет её отмечали в палате, на сухую. Юбилей отложен на неопределённое время. Старушка держится молодцом. Вот уже месяц. Иногда мы с Лёлькой бываем у неё. С Колей Самохиным⁵ мы видимся очень редко, а разговариваем по-товарищески и того меньше. Сейчас он болен и тоже угодил в больницу, на исследование. Что-то с печенью или кровью, толком не знают. Константиновского⁶ не видел уже год. У Раппопорта⁷ умер отец. Сейчас в Новосибирске

гастролирует Соснора. Не виделись. Ему не до меня. А меня тоже что-то не тянет. Вижу Коньякова⁸ и Чернышёва⁹, на днях были на дне рождения у Нины Греховой¹⁰, в Мочище. С нею, по-моему, очень плохо. Вот бы кому надо помогать, да некому!.. Влюбилась в какого-то проходимца из Челябинска и ре-вёт целыми днями и при всех. Родные за неё боятся. В доме теснотища и бедность. Дважды уже срывалась с занятий в институте (она на 4 курсе иняза, удирала в Челябинск, а там, кажется, просто негодяй и бездельник, который и себя-то прокормить не сможет). Нельзя ли её засадить за какую-нибудь работу, может быть, вызвать на время в Москву? Девка она способная, жаждет переводить с французского, да и свои стихи у неё – ничего. Помнится, Володя Милютенко¹¹ говорил о каком-то издании Греховой, о рукописях её и Плитченко¹². Кто должен прислать эти рукописи, куда, через кого, какие рукописи? Почему-то разговор оказался без продолжения. А она об этом знает. В общем, этого тяжело больного человека, мне кажется, сейчас очень важно было бы поддержать морально! Причем, срочно!

Очень хочу почитать твою прозу. Пришли какую-нибудь копию хотя бы, расскажи хоть малость о своей работе, я же не болтун, должен же я знать, чем ты там занимаешься. На телефон Самохина вызывать меня не надо – я в этом доме не был уже больше года. Лучше предупреждать через Расстегняеву¹³, я всегда подъеду.

Москва! Москва! На писательском съезде¹⁴, конечно, интересно побывать хотя бы и гостем. Но в таком состоянии, в каком я сейчас, я не хочу видеть ни Москву, ни писателей. Надоело приезжать в столицу, в очень дорогую мне, горячо любимую столицу, – с пустыми руками. Это всегда больно. Дорогой Алик, если хоть что-то проклянется у меня за ноябрь и начало декабря, я крикну во всю глотку: “Алик, дай мне гостевой билет! Алик, вызови меня в Москву!” Сможешь ли ты тогда это сделать? Пока этого не надо делать, потому что я и сам не знаю, что со мной будет в декабре.

В какую это за границу понадобились мои вирши? Зачем? Ничего я отобрать не могу. Тут важно знать и язык, и страну и на какой предмет.

Ну, старик, если мы будем обмениваться такими посланиями, через год-два, пожалуй, можно будет издать избранные места из переписки А. А. Кухно с А. А. Лихановым; или наоборот – А. А. Лиханова с А. А. Кухно. Всё-таки здорово, что ты прислал мне хорошее, такое длинное письмо. Я был тронут так, что ни слова никому не мог сказать, о чём там письмо: “Хорошее – и всё!”

Ребятишки учатся по-прежнему музыке и рисованию, в школе стали немножко хуже. Все здоровые, и вы не хворайте, обнимаю. Привет Лиле. Ольга держится за плечо и наносит поцелуй в лысину, дабы передать его вам. Всех целуем, всех обнимаем, будьте счастливы! Пишите!

С. К.

P.S. Алик, это очень важно: всё о Лежене, всё, что только можно достать у Пальма¹⁵ или через Пальма! Ведь книжка у него на Украине вышла, или выходит? Чего же ему бояться? Каким конкурентом может быть поэт для исследователя или журналиста? Я этого никогда не понимал и не пойму! Всё, что я знаю, никто у меня отнять не может, и я считаю своим долгом отдавать всё, что я знаю – берите, исследуйте, дополняйте, опровергайте, знание – это не личная собственность, скрывать открытое – грех, преступление! Видел я таких “учёных” однажды, которые как собаки на сене по 10, по 20 лет “сидят” на фактах, не в силах их ни обобщить и опубликовать, ни поделиться с друзьями, действительно учёными. Гады, сволочи!!! Я бы их привлекал к уголовной ответственности за научный, политический, нравственный, культурный и прочий ущерб, и судил бы строже, чем за бандитизм. К Пальму, конечно, это не относится. Но вообще явление это отвратительное. В результате гибнут огромнейшей ценности исторические, литературные, политические, научные материалы, документы, исследования, творческие работы, существует, кормится огромная армия прохиндеев – всей этой около-литературной, около-научной, около-партийной “интеллигенции”, которая по сути своей глубоко враждебна и культуре, и партии, и народу. После встреч с такими “учёными” создается впечатление, что многие документы уже разворованы и уничтожены, дабы замести следы, а что-то сохраняется в тайне – в чисто корыстных, личных интересах. У меня нет секретов от учёных и писателей моей страны, от моих друзей. Всё, что я знаю, всё, о чём хотел бы написать – нате, пишите, меня не забудет. О Лежене¹⁶, к сожалению, я знаю очень мало, а как хоте-

лось бы знать. Всё, что я знаю, это три полосы в “Комсомолке” за 1961 год – за подписью А. Пальма, А. Нуйкина¹⁷ и А. Елкина¹⁸. У Елкина наверняка ничего нет. У Андрея Нуйкина хорошо бы спросить, кто давал им материалы, где их искать, с кем они встречались, кто жив в СССР из друзей Лежена, что известно о нём во Франции, не выходила ли там книжка о Лежене, что публиковалось там и у нас о нём в 20-х годах, в 40-х годах? Развёрнутая телеграмма Андре Марти 1942 г. в Новосибирск, вероятно, представляет собою сокращённый вариант биографической статьи, опубликованной во Франции. Есть ли “Юманите” за январь 1942 г. в Москве, выходила ли тогда эта газета? Если выходила, в ней не могло не быть материалов о Лежене. Существует ли архив МОПРа, хранятся ли в нём материалы о Л.? Архив КГБ Н-ской области ответил, что они были переданы туда. Кто такая Аделина Николова, жива ли она (близкий друг Лежена, прилетала на похороны)? Мне, как поэту, как бы достать и прочесть одну книгу – русскую, украинскую или французскую – всё равно. Алик, если такая книга существует, ради бога сделай так, чтобы она попала ко мне – в любом виде, на любом языке – рукописи, напечатанная или в фотокопии. Если такой книги нет, готов ринуться на помощь в создании такой прозаической книги, даже без имени на обложке и титуле. Но чует моё сердце, что даже во Франции нечто подобное уже есть. А заниматься мне сейчас исследованиями “по выбитым следам” и обидно и просто не по силам¹⁹.

P.P.S. Старик, не унывай! В Москве, конечно, много всякой мрази, но и хороших людей – тоже много, надо только приглядеться, найти их и не терять из виду.

Ещё раз обнимаю, жму лапы, трижды целую.

Твой Сашка Кухно.

P.P.S.S. Андрей Нуйкин – корр. “Правды”, бывший новосибирец, вместе учились, знает меня не хуже чем Пальм. Впрочем, что они теперь собой представляют, как отнесутся ко мне – не знаю.

Посылаем на память “Новосибирск”. Не забывайте. У Ботанического сада теперь вырос дом престарелых и в сад, в лес возле вашего дома не войдешь. А у подъезда, где мы с Лилей бивали колышки – града из железных труб. Деревца растут, и колышки торчат, только ленточек нет – наверно, девочки на косички пообрывали.

Будьте счастливы!

27 декабря 1966 г.

Алик, Лилюша!

Дорогие мои! Жизнь моя стала не жизнь, а чёрт знает что. Всё ждал возвращения... Ну и как? Да никак. Ничего-то я не знаю. Был у Владимирова²⁰. Он удивился, что я не в ГДР, ни слова о телеграмме не сказал. Была у него какая-то телеграмма? Стал выговаривать за моё интервью в “Комсомолке”. Это здесь оказалось ЧП. В общем, бросил камень в болото, на свою шею. Старики в обкомах жалуются, мол, оскорбил организацию и т.д. и т.п. Со всех сторон – только про это интервью и жужжат. Даже Стюарт, которая еле дышит, не читавшая заметку, битый вечер уговаривала, чтобы шёл извиняться в Союз. А в чём извиняться-то? Что рукописи и книги Лисовских²¹ и Смердовых²² надо так же обсуждать, как всех остальных? В Союзе до сих пор не был и маститых не видел, слишком это интересно и просто для них – и очень сложно для меня. Шибко уже кому-то хочется крови!

Вошла Ольга и объявила – завтра утром быть к 10 в обкоме ВЛКСМ. Кажется, начинается. А сегодня в издательстве новогодний вечер – и даже питьё нельзя! Лёлька не выносит и случайной рюмки. Злая стала невероятно. Первые 10 дней прожили здорово, всё обошлось, а теперь что-то сломалось. Стараюсь никуда не ходить. Навещают меня изредка Коньяков, Якубовский²³, Самохин, Толя Чернышёв. И ничего не пишу, ничего! Даже читать не могу. В страхе за будущий день, написал текст для журнала “Сибирь на экране”. Два дня убил – дело для меня новое. Ежели пройдёт – глядишь, тридцатка. Записался на радио – завтра должен прозвучать. Чуть рассказал о поездке с немцами в Сталинград, прочёл пару шедевров и своих три стишка. Пройдёт ли, не уверен. Достаточно кому-нибудь стукнуть – и всё! А стучат, ой как стучат!.. У нас всё это время были лютые морозы, за 40 градусов.

Ездил с литкруженовцами и Фоняком выступать в клуб железнодорожников. Заработал – кусок рельса.

В общем, старик, хотя и трясу штанами, и самоедству моему конца не будет – стараюсь что-то делать. Самое насущное, кажется, удалось – получил остаток от 60% в издательстве – 500 руб. 200 раздал за долги, и на 2–3 месяца осталось. Был редсовет – Никульков²⁴, Смердов, Решетников²⁵, Фоняков и Абрам²⁶. Говорят, хорошо прошёл – вот и выдали. А нехорошо ему пройти нельзя было – Смердов и Решетников такие мои “друзья”, что уж совсем было бы неблагоприятно.

Дорогой, я знаю, что причинил тебе столько неприятностей, что дружить уже трудно, но я всё-таки верю в нашу дружбу – ведь я перед тобой на ладони, весь! И по-прежнему обращаюсь к тебе с просьбами.

Во-первых, узнать в “Смене” как можно скорее: будут ли они давать мои стихи? Там 6 неопубликованных стихотворений, которые забрал Морковкин-Богучаров²⁷. 3 декабря, когда он узнал от меня, что я еду в ГДР, его, по-моему, чуть не хватил кондрашка. В общем, я на него почти не надеюсь.

Во-вторых, всё, что можешь достать о Лежене, т.е. книжку или рукопись Пальма. Я должен уже приступить к работе, должен! Если не работать, жить так, как я сейчас живу – подохнуть можно.

В-третьих – самое главное: если можешь, поторопи И. Грудева²⁸ черкнуть мне о судьбе рукописи в “М. Г.”. Читал ли кто-нибудь, он читал? Неужели и там меня не примут, забудут? Ведь Верченко²⁹ на прощанье говорил слова, говорил, что будет печатать, и слово за меня замолвит, перед Мелентьевым³⁰ и в ЦК ВЛКСМ.

И последняя просьба – напиши мне или, позвонив, расскажи подробнее, как съездил, всё ли у тебя удачно, не повлияло ли все это на тебя, на твою работу, жизнь и пр. Как Германия? Ребята довольны? Что они там мне говорили, что пишут? Очень жалко, что не распил с Калау³¹ в Берлине ту бутылочку московской, подаренную в последний день, что не увидел “рукавичку” Эггерса³² и красавца Кёнига³³. Ну, а Ваймар, Дрезден и все остальное – само собой так жаль, что и писать об этом глупо...

Вернулся ли В. Кузнецов³⁴? Большой ему от меня привет!!!

Милые мои, поздравляем вас с Новым годом, желаем счастья, радости, удач, хороших друзей, чтоб не подводили. Лилюше особая моя благодарность за добрую её заботу, за то, что вы, такие хорошие, есть на свете!!! Ты привёз ей шубу? Обнимаем, крепко целуем, вас и Митеньку. Помяните и нас в Новый год.

С.К. О.К.

На днях попробую ещё написать.

А. Лиханов – А. Кухно

Декабрь 1966 г.

Здравствуй, дорогое нетипичное явление нашей действительности! Здравствуй, грешный Александр Антоныч, крамольное твоё перо!

А пишет вам сию писулю Ваш ученик и апологет, уже начинающий, как дрянной помидор, портиться, что и следовало ожидать!

Ну ладно, бог с тобой.

В начале сего письма хочу тебе сказать, чтоб не ныл, не хлюпал носом, не дёргался левым ухом, а был ты весел, жизнерадостен, бодр, а главное, писал бы стихи, делал книжки – равнялся бы на выпуклую грудь Фонякова.

И всё-таки нет худя без добра. Трудно, конечно, заглядывать вперёд, да ещё далеко, но чует моё сердце, что если ты будешь хорошо себя вести (в поэзии), то жить тебе будет легче. И при условии – что ты сам хоть палец о палец ударишь. (Правда, и это из тебя приходится выжимать.)

Говорил я о тебе с самыми высокими начальниками. Был о тебе разговор – аж выше некуда – и говорилось, что если парень искренний, да ещё и талантливый, то надо тебя поддерживать, привлекать, посылать в командировки и т.д.

Умоляю тебя, Христом-богом прошу – включи в свою книжку переводы. Если ты хоть на полмизинца считаешь, что я в чём-то разбираюсь, сделай это во что бы то ни стало. Это всё только в твоих интересах, в интересах твоей перспективы быть не забытым поэтом (в Москве).

Посылаю тебе газету с твоим стихом.

Буду краток телеграфно – не могу писать длинные письма.

1) Советую снять стих про костерок, который “шаёт”. После всей истории с ГДР и пр. получается, что ты обижен.

2) Стихи в “Смене” пока лежат. Видимо, часть пойдёт. Через три-четыре дня Богучаров тебе напишет.

3) С Грудевым поговорить не успел, сделаю в ближайшее время.

4) О Лежене. Сдай книжку, предлагаю сделать тебе командировку в Москву, в архив ЦК и т.д. Решай. (На месяц.) К тому времени добуду рукопись Пальма. Заявляй поэму на 1968-й. (В “Молодую гвардию” и в Новосибирске – сразу.)

5) Моя просьба. Пришли всё-таки, пожалуйста, венгерскую книжку о венгерском коммунисте. Я сниму фотокопию и верну тебе. Сделай побыстрее – это для “Писем из Сибири”³⁵, их уже пора сдавать.

6) Я в ГДР съездил хорошо. Всё было зер гут. Мы зайцы жареные, нас не проведёшь. Правда, было что-то с сердцем, что – не знаю. Из поездки по стране вернулся в Берлин, три дня лежал.

7) Самое главное. Брось канючить. Интервью, конечно, – кака, но что написано пером и т.д. Не хнычь. Чувствуй себя хозяином жизни. Как сказал мне недавно один алкоголик: фотография будет существовать, пока существуют морды. Истина. Плюнь на всё. Не изводи Ольгу. Пожалей окружающих. Ведь все говорят, что ты зануда, и самое обидное, что это правда.

Не будь занудой! Смейся! Хохочи! Пиши стихи!

P.S. Я послал тебе с Лилиной подружкой Сашей Каманиной (с телевидения) картинку. Получил ли ты? Это тебе из ГДР (от меня).

Для Оли!

Олюшка! Всё-таки паразит у тебя муж. Всё ноет и ноет, хлюпает носом. Представляешь, хамло, написал мне, что теперь, видите ли, “после всего, что случилось, дружить уже трудно” (доподлинные слова!)

Прошу тебя, прочтя эти слова, возьми утюг и двинь ему от моего имени между шаров. Зря всё-таки не успел я это сделать в Москве.

А тебе желаю в Новом году всего доброго, главное, поменьше нытья твоего мужа чтоб было, чтоб был он пооптимистичнее. Все-таки 50-й год Советской власти. Правда, китайцы там от вас недалеко, но что-то, а хвост надо всегда держать пистолетом. На то мы и марксисты!

Оля, обнимаю тебя, желаю всего хорошего, пусть Сашка поторопится сдать книжку.

Обнимаю

Алик.

А. Кухно – А. и Л. Лихановым

3 января 1967 г.

Дорогие Лихановы!

Как Вы там, в своей престольной? Слышал я, что написали вы значительную повесть, когда и где можно её прочесть? Жажда. Посылаю немецкую дребедень – всё, что напакостил за два месяца.

Куда бы её пристроить? Живу в Речкуловском санатории, за Академгородком, лечусь от нервов. Все живы и здоровы, если не считать, что у Андрюшки лямблии (или лямблии?), у Серёжки искривление позвоночника 2-й ст., а Лёлька пьёт бесалол от каких-то непонятных уколов в правом боку. Расстегняева наконец-то объяснила мне мои стихи и потребовала их перепахать. Я с ней здорово поцапался насчёт наших с тобой отношений. Оказывается, я, действительно, политический двурушник, поскольку двое из друзей уже сказали мне это со всей прямотой, “не взирая на лицо”. В общем, всё по-прежнему – обычная зануда. Я и в 35, как в 22, остаюсь всего лишь автором “Руквичек”, никаких “Морей” не существует, никому ничего не нужно, а потому никто ничего и не может. Радуюсь за Соловьёва-Седого, тревожусь за космонавтов и своих детей.

Андрюшка удостоился с двумя рисунками попасть на городскую выставку в картинную галерею. Сергей помешался на радио и мечтает слепить Андрюшке карманный приёмник. В детской пахнет канифолью, олифой, проводами, холстом, маслом.

А как ваш детёныш? Работает ли Лиля, кем? Ты уж, пожалуйста, не хвора́й. Ты должен быть крепким, как мячик. Помнишь, как загонял меня в ротаторной?

Морковкин молчит. Кстати, что-нибудь за комсомольские публикации дают или не дают? Или это чересчур нескромно и всю ноябрьскую декаду с немцами надо рассматривать как смотр самодеятельности? Зачем тогда придавать ему международный характер? Я поначалу так и думал – самодеятельность, всё на общественных началах. Но вот из Москвы пришёл перевод на 3 р. 49 к.

Всё собираюсь что-нибудь написать, да никак не соберусь. Шибко нужна мне рукопись или книжка Пальма.

Получил ты Лигети³⁶? Когда выходят твои письма, можешь ли ты что-нибудь извлечь из Лигети? Я хотел хоть чем-нибудь быть полезным. Огромный привет Лилуше, Шурам³⁷, перед которыми благоговеею, поклон и любовь Лёльки, целуем Митеньку.

А. Кухно – А. Лиханову

21 января 1967 г.

Дорогой Алик!

Не серчай, что не ответил тотчас, лежал в больнице, пустяк, зуб мудрости вылез не туда, куда надо – вырвали. Никульков смеется: “Говорил я, Кухно зубы поломает! Так и есть”. Чувствую себя пока неважно, как и положено зануде. Расстегняева со мной не удосужилась обговорить пять-шесть стихов, больше чем за месяц, а теперь злится, что я болен и она, видите ли, книжку сдать не может. Переводы делаю. Не нравятся. И очень меня раздражает этот самый “костерок”, который “шаёт” и который кому-то мешает. Кому, чем? С Китайником по этому поводу не говорил, и говорить не буду: мало ли кому чего взбредёт в башку. Надо читать то, что написано, а не то, что мерещится привыкшим к привычному. Читал я этот стих на радио, в различных аудиториях – среди учителей, рабочих и пр. – ни разу не слышал упрёка в том, что непонятно и никто не усмотрел в нём никакой обиды, а Стюарт вообще считает его лучшим из всех новых. Выбросят его – ну что ж, такова его планида: даже самому себе сказать “не ной!”, оказывается, нельзя, надо только от других это принимать? Во всяком случае, мне пока никто ничего об этом стихотворении (Расстегняева?) не говорил, доходят какие-то слухи через третьи лица, и ничего вразумительного. “Непонятно – и всё!” А раз так, я включаю в книжку перевод Калау:

Один из моих учителей

От моего деда-кровельщика
я не только научился крыть крышу,
но ещё и этому:
когда перебрасывают молоток –
целят в нос.
Поймает другой,
или не поймает –
это касается только того,
кто ловит.

Правда, я получил из Магдебурга письмо в конце декабря: от Аиды Фёдоровой, в коем она сообщала, что мои вирши хорошо принимались. И были там добрые приписки от Эггерса, Кенига, Калау, Лаабса³⁸ и Ларисы Васильевой³⁹. Эта писулька у меня самая приятная реликвия от поездки. А про стихи свои так и не знаю. Может быть, мне надо было что-то написать хотя бы Эггерсу, извиниться что ли, что не приехал, мол, заболел и т. д., а переводы делаю. Кстати, прослышал я и про то, что все русские “немцы” должны к 25 января представить в ЦК переводы. Меня это не касается? Китайник вроде настроен уже против включения переводов в мою книжку. К чему тогда этот мартышкин труд? Всё-таки я переводы делаю (немного). Копию пошлю тебе дня через два-три.

Псылаю книжку Кароя Лигети (разумеется, с возвратом!). Очень жалею, что в своё время не перепечатал на машинке перевод введения, чтобы тебе

хоть что-то было понятно. Перепечатка кончается где-то на странице 19 книги. Сегодня перепечатать не смогу — только что из больницы, дня через 3–4 дошло концовку. Письма Лигети, стихи, статьи омского периода начинаются, примерно, со страницы 67, со стихотворения “Брат мой униженный Каланы Янош”. Почти всё это — публикации из газеты — “Революция”. Всё это на русский не переведено, за исключением некоторых стихов, но у меня нет даже подстрочников стихов. Если у тебя появятся переводы на русский, т. е. если кто-то будет для тебя переводить, старик! — пожалуйста, сделай один экземпляр и для меня. Пригодится, может быть, и мне. В Новосибирске людей, знающих венгерский, — нет. Ну, вот пока всё.

Богучаров молчит.

Как твоя книжка?

Как здоровье? Ты тоже не раскисай! Что с сердцем?

Я в феврале, наверно, подамся в санаторий, за город, обещают в Союзе. В Москве о Лигети знает, по-моему, неплохо некто Дунаевский⁴⁰ Александр Михайлович, старый журналист, написавший уже не одну биографическую книгу. В своё время он загорелся этим именем, я с ним здесь встречался, он хотел из него сделать венгерского Фучика, не меньше. И, возможно, уже делает. Это следопыт хорошего толка. Адрес его у меня записан не очень разборчиво: Москва, Д-284, Беговая, 13, кв. 4. Смущает меня только название улицы. На всякий случай, проверь, и если можно с ним встретиться — постарайся встретиться, он может тебе рассказать много интересного о своих поисках вообще и о Лигети в частности. Года три-четыре назад в Новосибирске выходила книжка “Революционная поэзия в Сибири в 1905–1917 гг.” Там тоже была статья Лигети и его стихи. Основные материалы о Лигети собрал в Омске директор областного архива (а может быть, не директор, а старший научный сотрудник, но, кажется, директор — дело было восемь-девять лет назад) Николай Колмогоров⁴¹, очень осторожный человек, которого очень трудно расколоть, но у которого все, буквально все письма Зофли Людвиговны Венцкович — жены Лигети.

Это огромнейшей ценности материал. Использовал ли он их и насколько, не знаю. Письма эти были адресованы ему. Собственность!!! Я ездил к нему в Омск в 1957–1958 гг. и письма кое-какие читал. Но после публикации в “Сибирских огнях” (журнал этот я отдал тебе!) Колмогоров прислал разгромную рецензию, а вернее, просто письмо С. П. Залыгину как члену редколлегии, и я не стал больше с ним связываться, понял, что дружбы у нас с ним не выйдет, хотя в Омске он меня встречал хорошо. Причиной всему некоторые неточности, которые попали в статью Куклиной из введения Шандора Сиклаи. Так что по части истории надо быть аккуратным, осторожным. Может быть, стоит запросить Омский облархив о всех опубликованных материалах о Лигети, т. е. в каких сборниках или отдельных брошюрах рассказывалось о Лигети. И если там работает ещё Колмогоров, обратиться прямо к нему. Этот человек знает всё. “Завещание” Лигети у меня есть в трёх переводах: Решетникова, Колмогорова и А. Голембы⁴². Из какой книжки выдран перевод Голембы, не знаю. Мне прислали его из Москвы несколько лет назад, пока не посылаю. Подстрочники стихов — всех! — мне тоже нужны.

Ну ладно, старина, пока! Чем смогу, рад буду помочь. Пиши! Лилюше привет и всяких вам благ.

Твой С.К.

P.S. Старик! Я всё-таки допечатал перевод введения. И знаешь что, с ужасом обнаружил в нем целый ряд исторических нелепостей. Перевод точный. Видимо, венгерские товарищи положились во всем на старика Ш. Сиклаи, к сему моменту уже убитому путчистами, а в рукописи Сиклаи целый ряд неточностей. Старик, видимо, кое-что запомнил, кое-где описки у него. Даты падения Омска и боёв перепутаны, всё остальное — правда.

Ну, ещё раз обнимаю.

P.S.S. Для “Сибирских огней” заканчивает поэму о Лигети Василий Федоров. Значит, и он занимался изучением этой личности. Возьми интервью и у него. А вдруг?

Алик, дружище!

Не сердись, что не писал. Значит, ничего радостного не случилось. Письмо твоё получил через несколько дней – был в отъезде. С агитпоездом обкома КПСС колесили по районам Н-ской области, выступал, так сказать, перед теми, кто растит нам насущный наш хлебушко. Поднимали настроение кулундинским хлебоборам, там, где всё сгорело к чёртовой бабушке. Благо, перед самым нашим приездом вдарил дождь, – и настроение поднялась само собой. Корма будут, картошка и пр. овощь тоже. Правда, кое-где до нашего приезда бабки с иконками проходили – дождя вымалывали – он возьми да и пролейся, смилостивился. Ну, посмеялись – и ладно. Оргвыводов по сему случаю, слава богу, не было. Поездка была, в общем-то, бестолковая и малополезная – в смысле литературском, об остальных судить не берусь, а нас ездило трое – Лавров, Романов и я. Ещё раз убедился, что стихи никому не нужны, и уж особенно партийному начальству – не то, что спасибо сказать, ни здравствуй, ни прощай – за всю поездку. Хотя и мы старались, и грузовик толкали, и к чёрту на кулички добирались, и по ночам выступали, наравне со всеми прочими лекторами и артистами – всех-то 86 человек было. Наверно, мелочь рассказываю, но для меня всё-таки событие в этом году. Много было и хорошего, и плохого. Много хороших мужиков и баб видел. Противно только, что рядом “пропагандисты” старались десятки за выступления срывать, мерзопакостники образованные.

Поездка оторвала от Лежена, но отказаться я не мог. Перед этим два месяца прокопался в архивах, пишу статью о Лежене – надо же как-то жить! Стихи не идут совершенно! Получил фотокопии из ЦПА – опять без права публикации. “Сибирские огни” меня в этом вопросе не поддержали. Не публиковать то, чем я сейчас располагаю, значит опять отдать в чьи-то лапы, чтобы ещё 25 лет материалы о Лежене замораживались и писалась всякая галиматья, потому что главное в этой фигуре, в биографии этого человека абсолютно неясно; нужны первые публикации, чтобы найти, выявить, заставить опубликовать главные документы о Лежене. Писать так о Лежене, как писали до меня – просто выдумывать или врать – я не могу. Я записал воспоминания нескольких лиц, встречавшихся с Леженом, веду переписку – увы, – пока она ни к чему не привела. Получил печальное известие из Болгарии, где умерла года три назад Адела Николова⁴³ – единственная женщина, близко знавшая Лежена в последний год, его переводчица, друг, сиделка, нянька. В облархиве я нашёл текст её выступления на похоронах Лежена. У меня нет его сейчас под рукой (он дома), но он начинается так:

“Дорогие друзья, товарищи, дети! Я называю вас детьми, потому что по отношению к тебе я испытывала чувства матери. Я как могла, облегчала страдания твоих последних дней. Однажды ты сказал мне: “Адель, когда я умру, ты можешь сказать, что твой товарищ счастлив в своём вечном сне...” Дальше я не помню дословно.

“Ты был окружён такой заботой и внимательностью, что ты забывал свою далёкую родину” – в общем, этот небольшой, на страничку, текст, меня, например, очень волнует. Я нашёл фотографию Николовой и фотографию (неопубликованную!) Лежена и ещё кое-что.

Старина, ты, конечно, понимаешь, что говорить кому-либо про эти мои находки пока нельзя, они слишком дорого мне дались даже в буквальном смысле. Выступление Николовой и фото я постараюсь опубликовать в первой же статье. Я прочитал выступление Николовой и рассказал чуть-чуть о Лежене по болгарскому радио, болгарские товарищи ищут сейчас бумаги Николовой, её родных и пр.

Получил я ещё одно печальное известие. Из Москвы. Буквально месяца два назад умерла Анна Андреевна Додонова – второй самый близкий к Лежену человек – председатель Новосибирского обкома МОПР во время войны, человек редкостной душевной широты, член партии с 1911 года, доктор педагогических наук, работник ЦК МО и Коминтерна.

Друг мой, если бы ты мог понять, как я ненавижу всех, кто прикасался к имени Лежена, кто писал о нём статьи с продолжениями, врал, высасывал из пальца, хапал всё, что только можно бы хапнуть, и не дал себе труда найти хотя бы этих двух женщин, поговорить с ними, записать их воспоминания,

опубликовать, конечно, имевшиеся у них какие-то письма, рукописи, фотографии Лежена. А имена этих двух женщин были им известны, и разыскать их Пальму, например, не составило никакого труда. Нашёл я, после долгих поисков, опись имущества Лежена, составленную Николовой, Додоновой и одним работником обкома в день его смерти: более 50 названий, более 100 предметов, среди которых блокнот личных записей Лежена, конверт с фотографиями, им самим составленный альбом “Париж. Коммуна” (58 фото), сборник стихов на французском и многое-многое другое, очень ценное (например, акт судебно-медицинской экспертизы, телеграмма из Франции на 6 стр., заключение новосибирских врачей, лечивших Лежена). Где сейчас всё это, бог весть. В течение всей войны, до июля 1946 года личные вещи Лежена хранились в Особом секторе обкома, рядом со снарядами “катюши”, с которого сибирские инженеры снимали чертежи для запуска в производство. В Особом секторе было тесно, чемодан Лежена порядком надоед, да и вещи стали портиться, тогда их отправили в Москву, в ЦК МОПР. Конечно, не все – все отправить было трудно. Но главное где-то там. Думаю, что всё в том же ЦПА, мне их просто не показали. В Новосибирске сейчас нет ничего, в областном музее нет даже фотографии Лежена. В общем, старина, я, кажется, здорово погорел на Лежене, стихов не писал уже более полугода, сейчас “дом” с “громом” не зарифмую, а дело движется очень медленно. И главное – незнание французского. Но я понял и то, что теперь уж ни за что не оставляю эту тему, до конца дней моих.

Москвичи молчат, как рыбы, от Молоков⁴⁴ – ни звука, в Новосибирском обкоме КПСС мне почти ничем не помогли и смотрят на меня косо. Не дай мне бог устать и охладеть! После десятидневной “прогулки” по степным деревьям, отсиживаюсь сейчас в одной таёжной деревушке на берегу моря в 150 км от Новосибирска, потому что у Лёльки – отпуск. Ходим по белые грибы – урожай тут на них агромадный. Никогда не думал, что грибалка – такое чудное занятие. И то сказать – места здесь прекрасные, что твоя вторая Швейцария, горная речка с водопадами, боры; брусники, малины, грибов – сколь хошь гребни. Сегодня привезли пацанов из лагеря, собираемся рыбачить – на тесто и пшеницу, рыбы тут тоже много. Ну вот, пока и всё.

Митя, кажется, собирается в первый класс? От всей души желаем ему хорошего здоровья, а для этого надо ему никогда не сердиться ни на папу, ни на маму, ни на кого, а кушать хорошенько, спать вовремя и сочинять ещё больше весёлых анекдотов и сказок. А ещё надо обязательно что-нибудь делать руками, не ломать, а делать, из пластилина, из деревяшечек, из железячек, да мало ли из чего можно сделать что-нибудь нужное. Например, пол подмести – из веника.

Как ты, дорогой, чувствуешь себя на новом месте? От души радуюсь за тебя, по-моему, это очень хорошо. Только, пожалуйста, пиши. Пиши прозу, хорошую прозу пиши!..

Давно я тебя ничего не читал. Это нехорошо. Поделись чем-нибудь. Вышли, наверное уж, твои книжки в Детгизе и “Молодой гвардии”?

“Берёзовые колки” посылаю только тебе, будь они прокляты. Книжка, моему, плохая во всех смыслах и оформлена жутко. Ничего она мне не дала – ни морально, ни материально. Просуществовали год – вот и всё. Толком использовать этот год не сумел. Если дашь её на рецензию, пожалуйста, дорогой, пусть обязательно скажут, что это всего лишь изуродованное переиздание “Ранимости”. Но пока рецензии не надо. Вышла книжка, действительно, месяц тому назад, но я еще не получил авторских. Первая партия тиража (1500 экз.) пошла в продажу с браком, вопреки всяким законам. Перепутали строчки в стихах Калау. Остальное идёт, кажется, нормально.

Ну вот, теперь, кажется, всё. Привет Лиле. Молодец она у тебя, работяга, неуёмная. Поди, опять выросла, смотри, тоже станет каким-нибудь ответ. секретарём. Тогда кто кому подчиняться будет?

Обнимаю.

Вечный лодырь и зануда

С.

Кухниха прикладывает лапу.

Написанному верить:

Соскучилась, обнимаю, целую, люблю. Не забыла вас!!!

Кухно (О. Кухно).

Вот язва!.. Всё ей мало!

Алик, дорогой!

Спасибо за письма, за Аполлинера, за твою заботу, за всё, за всё, что ты для меня сделал и делаешь – спасибо от всей души!

Живём мы по-прежнему, мирно и вяло, ничего пока не пишу, даже Лежена, срываю по мелочам – рецензии и редкие выступления, чтобы как-то существовать. Книжка моя в наборе, там половинка переведённых немцев и пять новых стихотворений, остальное – перепечатка из “Ранимости”. Мы её уже съели, получать почти нечего. На 68-й год в Новосибирске в план меня не включают – нет новой рукописи. Значит, впереди – год 69-й. Спасибо издательству уже за то, что хоть подбрасывают на рецензию. Расстеგняева тут ни при чём. Кстати, все твои разговоры со мной через неё становятся сразу известны всем. Так последние сообщения: из “Молодой гвардии” она преподнесла мне при Казимире Лисовском, который буквально за неделю перед этим крыл меня на отчётном писательском собрании что есть мочи – при секретаре обкома, при всех и вообще стучит, где только можно. А вообще Рубеновна, конечно, хорошая, только болтушка, вроде меня. Я на собрании тоже выступил не шибко, поддержал один Фоняк. У нас теперь новый секретарь правления: – Решетников. Никульков отпросился писать. Мы, молодые, проводили его с некоторой грустью, я – особенно, потому что Решетников – самый “близкий” мне “друг” и питает ко мне особые “симпатии”. Но – посмотрим. В общем-то, плевать. Я в Союзе бываю раз в год, а теперь могу и вообще не бывать.

Несколько раз говорил я с Коржевым⁴⁵, зав. отделом критики в “Огнях”, и Женькой Мельниковым⁴⁶ насчёт рецензии на твою книжку. Всё чего-то тянут. Вот возьму, соберусь с духом – и сам напишу. А ты, старина, пожалуйста, не расстраивайся и не хворай, и не обижайся на наш город. Мы все тебя здесь очень любим и часто вспоминаем.

Звонил я недавно Грудеву. Трубку взял Миша Беляев⁴⁷. Из разговора с ним я понял, что были какие-то рецензии на рукопись. Какие? Говорит – “всякие”, и всё. Читал ли Верченко? Говорит “нет” и “не надо”. Говорили ли с ним обо мне, действительно хотят ли включить в план? Беляев говорит, что дай бог, если попадёт в план редподготовки, но что они с Грудевым, вроде, борются. Так ли это? Знает ли обо мне Володя Милютенко, поддерживает ли? Конечно, будь у меня сейчас готовая рукопись или хотя бы половина поэмы, я немедленно прилетел бы в Москву. Но нужно ли опять приезжать с пустыми руками? План издательства составляется, наверное, не один месяц, а я и месяц пробыть в Москве не могу. Беляев говорит, что важно быть в Москве. Я и сам понимаю, что хорошо бы там показаться. Если ты сможешь вызвать меня через ЦК хотя бы недели на две, дней на десять, для работы в архивах, я прилечу тотчас. Но... для этого нужно на билет и хотя бы два рубля на день. На май и июнь месяцы мне обещают временную работу в родных “С. О.”. Пренебречь ею я сейчас не могу. Два месяца на хорошей зарплате, при не очень большой занятости (ответ. секретаря) мне никак не помешают. Так что если я смогу попасть в Москву – только в апреле.

Обнимаю всех и Митеньку!

Ваш С. Кухно.

Январь 1969 г.

Дорогой Алик!

Итак, пять месяцев молчания. Понимаю, что прощения быть не может, и тем не менее – пишу... Спасибо за новогоднее поздравление. Я совсем одичал, опустился и замкнулся, не писал никому. Праздников для меня не существует. Жизнь ползёт по-прежнему катастрофически бездарно. Год 1968-й был тяжёл и бесплоден. Правда – семь газетных очерков о Лежене – вот всё! Сейчас заканчиваю сценарий двухчастевки, в порядке самодеятельности – никаких авансов и никаких надежд! Живу на 50 р. и нечастые выступления. Много занимался общественными делами. Весну и лето убил на обмен квартиры – выменял шило на мыло, но, в общем, доволен. Живём недалеко от Ботанического, то есть возле вашей – бывшей, увы! – хаты. Хожу мимо – вспоминаю! Мы живём ближе, возле площади Калинина. За окнами оранже-

рея и... уже — грузовая дорога. Дом панельный, звонче прежнего. Сосед-грузчик храпит с нюансами и простывает, когда я открываю у себя форточку! Разумеется, когда я начинаю печатать, он вскакивает как ошпаренный. Иногда мы с ним пьём водку. Его телевизор я “смотрю” не выходя из своего кабинета, и мы разговариваем, не напрягая голоса, через стену. Он страшно гостеприимный и идейный, но не может без мата и водки. Выручает только хворь. Весь какой-то хворый и тёмный-тёмный, прямо дремучий. Но добрый и отзывчивый, что хошь — сгрохает, а за водку — с особым тщанием. Руки золотые, слесарь, токарь — всё время бегаёт с завода в грузчики, с грузчиков на завод: в коллективе смешон, с начальством неуживчив — значит, платят мало, и опять — в грузчики... Любит до трясушки свою Любашку — ровесницу Андрюшки. Неравнодушен к моему баяну и Андрюшке. Пианино терпеть не может.

Под нами живут Яша с Машей, с глухой бабкой и двумя мальчишками. Яша — электромонтёр. Во всём остальном — ни в зуб ногой. Учится у меня (!) плотничать и обставляться, чтоб не хуже, как у людей. Впрочем, электричество знает тоже слабо: на неделю оставил подъезд без света. Яша щербатый и всё время пилит толстую, толстую Машу, и тоже пьёт водку. Но экономно. И тоже — телевизор.

Над нами живёт интеллигентная, застенчивая пара, с двумя ребятишками. Очень милые дети, всё время катаются по полу, как бочки на пристани, и визжат. Родители стесняются, но ничего поделывать не могут. Время от времени интеллигенты засоряют канализацию тряпками и бумагами, и тогда почему-то именно мне приходится разыскивать слесаря, который почему-то всё время другой и живёт страшно далеко, а конторы нету. Народ не любит интеллигентов и любит меня. Первое, что он сделал для любимого писателя, который ничего не пишет и которого, естественно, народ не читал, — это наворовал батарей и сделал ему тепло. 22 секции — в три приёма! Плевали мы на мороз, хотя зима нынче шибко лютая, всё время около 40, или 30 с ветром. А ветру у нас хватает — окна большие, светлые, с наветренной стороны (квартира угловая, торцевая). Второе, что совершил народ, он построил писателю вместо кладовки в подвале, которой почему-то не оказалось, целый сарай, размером в три кладовки, и даже ларь для картошки слепил, разумеется, наворовав сколько требовалось лесоматериалов. И всё это без ведома (!) самого писателя и даже вопреки управдому. Пришлось народу сказать спасибо и поставить полбанки. Народ сверлил ему бетонные стены, заклеил всякими резинками двери и даже приволок со стройки (наворовав, конечно!) половых реек и застелил балкон, чтобы стопам писательским не холодно было, когда он выходит взглянуть на оранжерею, подышать воздухом. В общем, отличный народ. Мы, конечно, рады, что переехали. Много тише, много ближе к центру, к Лёлькиной работе. Она с ужасом вспоминает сейчас коммунальный мост, через который в такую зиму, как нынче, добираться очень трудно. А главное — люди; родная Ельцовка...

Летом и осенью (август, сентябрь) мы с парнями поочередно спали на балконе. Тишина. Благодать!..

Вот уже три месяца слушаю симфоническую музыку. Завожу. Работаю только под Сен-Санса и Бетховена, потому что вот уже три месяца ежедневно с пятого этажа несется: “Лучше гор могут быть только горы” и “Хали-Гали”. Только две пластинки. Каждый день отдай два часа — и не грехи! Других нам не надо. А на первом этаже не признают “горы” и “спивают”. Там ревёт гармоза с пяти вечера в пятницу до 5 утра в понедельник без передышки. Иногда и в среду бывает. По-моему, на первом перебивала уже вся Украинская Советская Социалистическая Республика. Любимый твой народ, который без республики в нашем доме совсем не живёт... Иногда я о нём тоскую. В общем, цирк!.. Не подумай обо мне плохо, я ещё не свихнулся и почти не пьющий. Просто устал, только что — со второго выступления за сегодня. Декабрь, почти весь, лежал — с “моторчиком”. Нам разум дал стальные руки-крылья, да вместо сердца. Вот так, старина, живём. В ноябре оперировали Серёгу, второй раз вырезали железы. Теперь спит на полу, ходит нараспашку и в любые морозы ездит к чёрту на рога в бассейн — плавать, плавать много и даже в морозы ходит на лыжах, систематически, регулярно пытается сравнять Ельцовские берега. Хвастается, что в классе первый по лыжам. Пианино забросил, читает Эйнштейна, ездит в Академгородок на лекции и “органично”

презирает всё художественное. Только музыку затаил как болячку. Осенью сам разыскал какую-то музыкальную школу, поступил. Полтора месяца упорно долбил, старался, но заболел и — бросил... К пианино не подходит. Девятый класс — не шутка! Уж и военно-медицинскую комиссию в школе прошёл. Андрюшка тоже всюду плавает. Лодырь и хвостун, всё наоборот. Не любит математику, рисует и ездит в изостудию тоже к чёрту на рога, участвует во всяких выставках, даже куда-то посылали его рисунки, в Индию, что ли, а один напечатали в “Тропинке”. Эрудит, болтун и лодырь. Седьмой класс... Девки пишут ему письма. Опасный тип!

Мать заведует корректорской в издательстве, где я почти не бываю, а в “Огнях” и подавно. Литературных новостей не знаю, их, видимо, и нет. Всё тихо-мирно. В Новосибирске всюду “Тёплый дождь”. Тебе не нужно?.. Напиши.

В августе жили в деревне, собирали бруснику, рыбачили — вот и все человеческие впечатления. Воюю с поэтами-солдатами в окружной газете. Стихов не пишу. Лежен себе покойничко лежит. Исследовать сие на таком расстоянии от Москвы и при полном всеобщем равнодушии как следует не могу. Написал ли тебе что-нибудь Шури? Мне он так и не прислал и не ответил ни слова.

Татьяна Фёдоровна Редько пишет мне сердечные письма. Но после того, как получила за портрет, письма почему-то стали приходить реже. Устаёт старушка, хворает. Здесь меня считали её родственником. Наглецы! Художники оценили портрет Редько в 1000 рублей и помогли заставить областное управление культуры купить реликвию за 700 рублей. Сейчас он в музее. Редько тут ни при чём. Она чудный человек, и теперь после вас у меня есть ещё в Москве Т. Ф.

Получил недавно интересное письмо от Н. Ф. Лежен. Есть такая в СССР. Очень интересная старушка. Увы, не внука коммунара.

И ещё одна “бабушка” затеяла со мной переписку — Ядвига Дзержинская, из-за “моря”, конечно. Она меня просто волнует...

Вот так, дорогой, конечно, рядом с бабушками и сам невольно становишься дедушкой, но что делать?.. Теперь у меня в этом радость — возжаться со стариками. Кстати, и в Новосибирске я в 1968 году общался в основном со стариками.

Крепко обнимаю, целую.

Твой С.К.

Лилюшке и Митяю тоже мои поцелуй и приветы, приветы от Лёльки и пацанов. Дай вам бог радостей и удач в новом году.

А. Кухно — А. Лиханову

16 февраля 1969 г.

Дорогой Алик!

Поздравляю с наступающим праздником Красной Армии, желаю тебе полной боевой готовности ко всякого рода литературным боям и работам и абсолютного мира и благоденствия твоей семье, твоим родным и близким.

Более месяца тому назад написал тебе покаянное письмо, перечитал его — и показалось оно мне бредом сумасшедшего, так и не решился послать. А сегодня заглянул в свой жёлтый, замухрышенный (вернее, в твой, цековский) портфель, который служит мне по сей день и которым я дорожу, извлёк это письмо, перечитал еще раз и подумал: а что?.. Пушай! Лучше поздно, чем никогда. Пушай идёт, кому писалось, как приложение, или наоборот, как письмо, это пусть будет приложением. Адресат разберётся, где тут письмо, а где приложение. В общем, это не так банально: письма с приложениями!.. Особенно если учесть, что ответов пишущий “не ждёт” и не получает, и они возвращаются нераспечатанными всё к тому же адресату.

Конечно, и обидно, и стыдно. Но что делать: ты же знаешь, если я не пишу — значит, дела мои — швах!.. Да и лодырь я. Но, старичок, ведь я по-прежнему такой же нежный и мечтаю только лишь о том, как бы мне с тобою повидаться и пошляться вместе по Москве. Рифмы я презираю, потому что их презираешь ты. А в Москву ездят Китайники, которые передают мне твои обиды. Кухно-пивцам там делать нечего. Но именно потому, что время летит, как птица-коршун, поэт всегда будет мечтателем, как Таня Ларина, и жить надеждой. В общем, “не такой уж горький я пропойца, чтоб тебя не видя умереть”. Даст Бог — свидимся, и даст Бог — по-хорошему.

Главный предмет переживаний у нас в доме сейчас Андрюшка, которого Дворец пионеров направляет в Артек (за живопись) на март месяц. Не дай бог заболает или кто-нибудь перехватит путевку (с комсомольскими боссами я растерял всякие связи)...

Будет очень обидно, если заслуженную награду парень не получит. А штуку с ним такую проделать могут, здоровьем он не блещет, хотя и не болен. Представляешь, мы с матерью никогда не были на юге, а в Крыму, тем более, да ещё в детстве!.. — и вот Андрюшка!.. Конечно, кто-то может над этим и посмеяться, а мне лично это нелёгкая радость. А отказ — будет ещё одним ударом для всех нас. Я не могу больше думать о “Море”, не могу!.. Прости, старик!

Обнимаю, целую.

Твой С.К.

Привет Лилюшке и Диме.

А. Лиханов — А. Кухно

14 мая 1969 г.

“В ночи горит Полярная звезда!..”

А. Кухно

ПРОЛОГ

Горит, старичок, горит!

И не надо унынья — чёрт тебя бы подрал, импульсивный ипохондрик!

Вперёд!

На бруствер!

Ты же талантлив, дьявол! Так какого чёрта! Пиши! Пиши во что бы то ни стало! Пиши Лежена! Пиши стихи!

Общество, может быть, и не ждёт твоих стихов, согласен с твоей социальностью в ипохондрии. Но чёрт с ним, с обществом! Я жду! Лилька ждёт! Ждут все, кто тебя любит, кто тебя знает! Они-то не виноваты! Они ждут, и всё тут.

Знаю, знаю! Держишь в заглавнике два десятка добротных стихов, рвёшь себя изнутри на части, режешь на куски и жрёшь с маслом — тебе не нравится. Тебе совестно. Тебе душно.

Да ты плюнь! Ты напечатай, ты нам дай в самом тебе разобраться, авось мы другое скажем, авось мы скажем: Сашка — ты дурак, стихи-то будь здоров!

И вообще — Кухно! Великий ельцовский писатель. Напрягись! Абстрагируйся! Сосредоточься! Выдай Лежена вместе со стихами.

Ты нам очень нужен, и кончай всю эту барахолку!!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ (ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ)

1. Шури мне не написал, и ну его на хрен. Оставил только свою статью и номер московской сберкнижки, на которую надо перевести ему гонорар за статью. Видно, бурбон, вроде наших жлобов.

2. На тайную смену тобою адреса — не обижаемся. В этом можешь быть уверен. Так же как и на долгое молчание.

3. В СП не принимают по нацпризнаку — слишком русский.

4. На работе — охренел, и думаю: есть ли выход для пролетария умственного труда? Если знаешь — подскажи.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(ЗА ЖИЗНЬ, КАК ТАКОВУЮ)

Да, старичок, а жизнь, она качается, качается и кончается. В начале февраля ездил в Киров к умирающему — единственному и любимому — деду. Умер на глазах. Похоронил. Много и тяжело думаю об этом. Дед не дожил двух месяцев до восьмидесяти. Старый-старый работяга. Всю жизнь работал. Видел, как прощался с ним, с простым человеком, простой люд — его ученики и ученицы.

Более светлого — не видел, не знаю. Проходили по очереди мимо гроба и кланялись в пояс.

Вот так вот, старичок!

После этого захотелось заторопиться, поспешать.

А куда?

Утром – в контору, вечером – из конторы. Изношенный, измочаленный. Чувствую, как что-то во мне стирается, сглаживается. Будто у шестерён зубья. И вот они уже не цепляют друг за друга. Проскальзывают где-то и в чём-то, и это невосполнимо, необратимо. Кучу дерьма приходится читать. Более бесплодного труда в моей жизни ещё не было.

Идет торговля. Продаю свой труд и свои мозги за деньги. Что останется для себя – не знаю.

Чувствуешь! Чувствуешь? Чьи интонации? Кухновские! Пессимистические! Неоптимистические!

А писать хочется. И как будто есть про что. А времени нет. Сил не остаётся. Всё тверже созревает решение – на всё плюнуть и всё бросить. И уйти похлевать похлёбки за то, чтобы пописать. Время идёт, силы уходят – надо спешить.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ!

(ВОПРОСЫ НА ОТВЕТЫ)

1. Итак, ты нынче в наших краях, как бы я хотел там побывать. Смешно сказать: затеял “сибирский” номер “Смены”, буду отправлять кучу людей в Сибирь, в Новосибирск в том числе, а сам съездить не могу. Не могу!

Перестал писать для газеты (журнала), уже забыл как это делается – ну не стыдно ли! И хочется, а не могу. Весь в трясине!

2. А ты-то, ты-то каков! Сходи в обком! Скажи, что тебе обещали помочь с Леженом. Это же комсомольский заказ! Не стесняйся, возьми командировку. Я тут тебе помогу. Что-нибудь придумаем. Порецензируешь у нас в журнале рукописи, подзаработаешь малость. Стихи напечатаешь. Очерк про Лежена нам дашь – 12 стр. текста. Это же деньги!

Мобилизуйся! Подумай! Только не бросай начатое! А, Саша!

3. А насчёт твоего шваха морального – ты это брось! Никаких швахов! Чуть-чуть энтузиазма, во имя семьи и поэзии, и всё будет в ажуре, не распу-скай себя.

ЭПИЛОГ

Я – на распутье. Лильке нужно сдавать сессию, и мне придётся быть с Димкой. Родители мои брать его отказались в связи с ремонтом у себя. Так что сижу и не знаю, что делать.

Работать мы ещё научились, а отдыхать совсем не умеем. Вот так. Причём, будучи с Димкой, надо ещё быстро и много написать. А что делать?

За Олю и ребятишек твоих – страшно рад. Кланяйся им и обнимай. Митька нынче больше месяца лежал в больнице с ухом, перенёс удаление аденоидов. Лежал в Кирове, а Лилька была с ним.

Год нынче начался тяжело, сложно. Невесёлый год. Чем-то кончится?

Вот такие шаньги, Саня!

Держи хвост морковкой!

Мы вас любим!

А главное – пиши, пиши. У тебя ведь есть время! Обнимаю.

Алик.

А. Кухно – А. Лиханову

Осень 1969 г.

Дорогой мой Алик!

Итак, вперёд?.. На бруствер?!.. Ипохондрик не хочет на бруствер – там холодно, там убивают. Ипохондрик хочет жить! К тому же он не знает, где бруствер, а где просто кочка. Мне моя кочка всегда казалась бруствером, ан глядь – кругом болото и жрать приходится мороженую клюкву.

“Напрягись! Сосредоточься!..” Напрягался, дорогой. Результат таких напряжений: давление 180, дистрофия миокарда, острый энтероколит и еще чёрт знает что. Лечить гипертонию и прочие прелести голодом и напряжением умеет Мао Цзедун, я не умею. Впрочем, наше здравоохранение тоже не лечит и за бюллетень некоторым “писателям” не платит совсем. Учти на будущее, когда станешь членом СП.

Кривая моих наиболее знаменательных сердечных праздников: октябрь 1967 г., 2 декабря 1968 г., 29 августа 1969 г.; следующий можно с уверенностью ждать этой зимой.

Ну а как вы, Геркулес, Геракл, Самсон художественной и общественно-политической литературы? У вас механизм в порядке?.. Вы хорошо зарядились летом? Не забывайте вовремя вставать на капремонт и делать профилактику. Я очень люблю писателя и общественного деятеля Альберта Лиханова, и мне очень обидно будет, если он до времени станет гипертоником или склеротиком, или хотя бы язвенником. Это неприлично. Машина – сердце корабля, приводной ремень, машина – это мозг класса, это сила класса – вот что такое машина!.. Её надо содержать в чистоте и исправности. А сердце и мозг – это не машина. “Несчастливых – к ответу!” – под таким названием однажды написал статью один мой сокурсник и твой предшественник в “Комсомолке”, за что попал в академию общ. наук при ЦК. Теперь он эстет-философ и чем-то даже заведует в “Правде”. Но заголовочек очень мне помнится, и, право слово, иногда взбредает мне в голову, ей-богу, дельная мысль: а что ежели собрать всех склеротиков, квёлых нытиков, голодных язвенников и вообще грустных – и поубивать?.. Чтоб другим не повадно было. То-то станет весело и прекрасно!.. (Между прочим, наша милая фронтовичка Зоя Степановна недавно вернулась из дурдома и приступила к своим обязанностям. Иногда она попадает туда.)

О хворях больше не буду, а то ещё привлекут. Просто, старичок, растрогало меня твоё последнее письмо и встревожило. И хотелось мне тебе сказать, что ты молодец, становишься мягче, человечней, мудреешь. А ведь ничто не даётся даром.

Прости, что не ответил сразу. Я, конечно, не сидел без дела. Лето я мотался по районам родной области с выступлениями, дабы что-то кусать, – мой постоянный заработок увеличился до 68 рублей – на чём только не ездил и не летал и, конечно, перелетал... .

Парни наши ходили в турпоход по Горному Алтаю. Так что Андрюшке нынче пофартило: два месяца в Артеке, сезон в пионерлагере, полмесяца в походе. В августе мы пару недель отдыхали все вместе там же, где и в прошлом году – в ста верстах от города, на берегу Обского моря, в бору, в очень живописном месте.

Нынче была пропасть грибов и черники. И мы набрали черники три ведра и груздей посолили (немножко). Малость рыбачили. Отдых был чрезвычайно коротким.

На другой день по возвращении из деревни я угодил в больницу. Сейчас помаленьку начинаю ходить. Чувствую себя скверно. Придется жить на постоянные 68 рублей и Ольгину зарплату.

Сергей пошёл в десятый, Андрей – в восьмой. Дети меня не радуют совершенно. Оторвались, замкнулись, развиваются плохо, боятся будущего. Сергей весь в математике и физике, Андрюшка – в истории. Успехов – никаких, здоровьем – слабы. Недаром в слове “воспитание” 70 процентов занимает питание. Воспитали мы их отвратительно. Не разговариваем неделями, месяцами, будто и не было у меня детей... . Что-то будет через год-два. Весной родился такой стишок (не для печати):

*О чём, ручей, звенишь не умолкая,
куда бежишь сквозь почернелый снег?..
Я никогда не думал о весне,
что может быть и у меня — такая...*

*Весна — а я ни жилочкой одной
не встрепенусь, не загрузу о лете.
И дети взрослые,
    мои родные дети,
как над чужим,
    сойдутся надо мной...*

*Звени, ручей вечеровой, звени!..
Пусть как всегда тебе всюду звенится.*

*За все мои растраченные дни
мне пред тобою незачем виниться.
Как с мальчиком,*

*с тобою говорю
о том, о сём...*

*И грустно замечаю,
что провожаю громкою печалью
ещё одну апрельскую зарю.*

*Звени, родной, напоминай, ручей,
детей моих
далёкою весною,
когда я знал,
что навсегда со мною
их добрый смех
и ласка их речей...*

Вот так, папа! Всё закономерно. Всё течёт, всё изменяется. А люди не из бетона и стекла — не такие крепкие и прозрачные.

Знаю, знаю, тебя, прежде всего, интересует дело, творчество. Что ж, творчества нет, есть нытьё, никому не нужное, за которое даже к ответу привлечь бесполезно: счастливых не прибудет.

Говорят, на границе с Казахстаном 38 дивизий стоит, полмиллиона китайцев хотят поздравить нас с очередным праздником, слышал я, по деревням лирично катаясь, что с хлебушком неважно и с прочим, а тут Твардовский, видите ли, изволит лежать с сотрясением мозга и Н. Грибачев, вроде бы, ладится новый мир построить. Куда они глядят, счастливые?.. Объяснил бы хоть малость, по-дружески, что деется, куда движемся — к войне, что ли? Или я один из стекла?.. По газетам ничего не пойму: всё так мудрено и благополучно, что и читать их перестал.

Не знаю, как там Вознесенский, но я, кажется, действительно деградирую и написать за него стихи не смогу. Люблю я его, собаку, но уверенности этой не принимаю. Где ему понять крокодиловы слёзы провинциала, которому не до трактиров? Не знаю, посылал тебе весной крокодила или нет (память мне, действительно, изменяет), на всякий случай дай вспомню:

Михаилу Светлову

*В изнахраченном, поношенном пальто
я хожу по белу свету, притворяясь,
будто я не старикашка,*

а бог знает кто!

*И стихи свои читаю,
повторяясь...*

*когда-то сам
собой руководил,
сочинял изысканные вирши.
А сейчас — я очень грустный крокодил...
Слёзы катятся, да звон у них всё тише.
Кто поверит крокодиловым слезам!..
Вот и я стучал в Парнасские ворота.
Но Пегашка с них ни разу не слезал —
он всегда ко мне стоял вполоборота.
Долог путь, и тяжелы грехи.
Изнахрачена потрёпанная шкура.
Как бы радостно я ни писал стихи —
всё равно глядят печально и понуро.
Я бреду читать стихи в ГПТУ*
эстетически неразвитым задирам.*

---

* Государственное профессионально-техническое училище.

*Я и сам ГПТушиником слыву,
а не мастером,
не то что бригадиром...
Поднесёт мне сувенирчик ребяшня,
собственными сделанный руками.
Не любите вы, хорошие, меня! —
это слёзы падают на камень...
где-то в Африке живёт моя семья,
слишком розно, слишком небогато...
это плачет крокодилица моя,
повзрослевшие скулят крокодилята!..*

Пробовал написать о Ленине. Ни черта не получилось. Ленин недосыгаем. По-моему, из всей макулатуры, которая сейчас о нём создается, ничего не останется в веках. В веках останется Ленин, а макулатуры не будет. Эх, встал бы Ильич, он бы показал, на что бумагу тратить и куда денежки вложить!.. Но... как сказал Маяковский: “Нету чудес и мечтать о них нечего. Есть Ленин, гроб и согнутые плечи...” и т. д.

Лежен не движется, лежит тихохонько, как и полагается покойнику. Сценарий о нём написал наполовину и бросил. Едва заявка была принята, как московские кинодеятели попытались присвоить добытое мною. Работать на дядю не стал. Не потому, что обидно сопли получать от больших барышей — знаю, что испохабят и эту тему. Мне не дали и 100 рублей — в Москву слетать. Даже по местному телевидению не дали выступить. Слепили передачу по моим очеркам, беспардонно крадут всё, целиком!.. Так что Лежен ждёт, когда о нём появится небольшая полуочерковая книжка, которая пишется адски трудно, с большими перерывами и пробелами, потому что настоящего исследования не было, материала мало, да одному человеку и не под силу такая работа, нужна поддержка солидных организаций, а нашим организациям — наплевать на такого писателя, как я. Есть поспособней, попроворней и посolidней. Если бы не 50–60 рублей постоянного дохода, а рублей на сто поболее — Лежен был бы давно написан.

Французы молчат, как рыбы. От Шури⁴⁸ — ни слова. У меня создалось впечатление, что им, французам, П. К. — до лампочки!.. 100 лет вытравлили в народе память о Коммуне, поносили коммунаров как только могли и добились своего: народ французский равнодушен к Парижской коммуне. Устраивают празднества 14 июля — это действительно народный праздник, а к коммунарам только приходят коммунисты 28 мая, и то, наверное, не каждый год, да и не все, далеко не все коммунисты почитают парижских коммунаров. И то сказать — Париж был залит кровью, город был, по существу, расстрелян, и жизнелюбивые парижане просто, видимо, не хотят вспоминать об этом.

Как бы там ни было, я о Лежене, конечно, напишу и, конечно, по документам, в прозе. Жаль, теперь особенно трудно — с хворью и далеко от Москвы. Как бы мне хотелось, старина, побывать в Москве, пожить, побродить... Иногда мне кажется, что уже никогда больше я не увижу Москву...

С обкомом комсомола я никаких дел не имею, у меня там не осталось ни одного знакомого. Подозреваю, что даже письма на моё имя в обком — не доходят. Конечно, в Москву они меня не пошлют. Они и в прошлый-то раз делали это неохотно.

Между прочим, если ваш журнал заинтересуется моим сценарием, я готов представить через месяц-два литературный сценарий двухчастевого документального фильма (20–25 страниц) плюс фотографии. Но, увы, я не помню, чтобы “Смена” печатала сценарии. А вообще-то это было бы неплохо, особенно если вспомнить, что когда-то сей журнал напечатал препохабный рассказ о Лежене безызвестной вам А. Пальмы.

Конечно, дорогой, сценарий я привезу сам. Правда, даже на среднюю прыгучесть мне теперь рассчитывать трудно, потому что хвор и потому что я ношу башмаки моего старшего сына, а моё пальто носит мой младший сын — оно у нас тоже на двоих, — но ничего, как-нибудь доберусь, было бы с чем, было бы зачем и не скрипела бы машина.

А. И. Молок мне ничем не помог. Помогал мне только один человек — А. А. Лиханов, к которому я век буду испытывать благодарные чувства и о ко-

тором иногда скучаю. Говорят, он создал роман и даже, говорят, хороший, и роман, говорят, принят в журнал. Я давно перестал удивляться работоспособности этого человека, но тут я пришёл в восхищение и радовался, как ребёнок. Здорово! Здорово! Здорово!

Здесь все в восторге от “Писем из Сибири”. А вот биб-ка молодой прозы что-то худо расходуется. Сейчас запросто купить хоть всю биб-ку сразу, томов 15?

Вот пишу, пишу длинное-предлинное письмо, а о главном всё не решаюсь... Старичок, что же делать?.. И нас понесут когда-нибудь наши ребятишки. Прости, дорогой, что не прислал тебе вовремя слов утешения. Тут слова, наверное, бесполезны. Весть эта потрясла меня, и мне казалось, я был рядом с тобой. Видимо, ты действительно крепко вошёл в наши души, если твоё горе и здесь было так ощутимо. Писать сразу не мог, а потом я знал, что ты куда-то уехал. С тревогой посматриваю на своего отца. Весной я похоронил мать одного товарища... Не знаю, может быть, это слюняйство, но смерть мне всё так же страшна, как в детстве. Смерть отвратительна всегда! Это мы делаем её благородной, украшаем, находим ей объяснения, видим в ней логическое завершение. Нет, нет и нет! Человечество никогда не смирится с такой логикой.

Напиши мне, где был летом, что делал. Писал роман?.. Это результат пережитого?.. Над чем работаешь сейчас?..

Лилюшке кланяюсь. Кем она трудится? Ей по-прежнему не нравится Москва? А Митька? Хорошо учится?

Хороший у вас парень растёт – бедовый, умный. Когда-нибудь мы ещё погуляем с ним по Москве, и он расскажет мне не только о шереметьевском дворце. У меня в глазах сейчас февраль, солнце зябко, огромные липы и дубы в Останкинском парке, слепящий снег, и Митька на одной лыжине катится с махонькой-махонькой горки. А у папы большая меховая шапка и красный нос.

На этом бы и кончить, да вспомнил ещё об одном. Ты спрашивал, что делать пролетарию умственного труда, хочется писать... Пока я молчал, ты, видимо, сам себе ответил и – написал роман... Я теперь тебе какой советчик?.. В литературе ты ушёл много дальше меня, а в жизни – и подавно. Я не знаю, Алик, что значит работать в московской редакции и как вообще жить в Москве. И я думаю, наверно, примитивно, а может быть, и пошло, грубо, но примерно так: ежели ты получаешь в редакции рублей 100–150 и целый день глотаешь рукописи, как мусоропровод, и приходишь домой измочаленный, тогда держаться за такую должность не след, в Москве ты всегда зарабатываешь литературным трудом не меньше. В наше парадоксальное время частники-ремесленники зарабатывают зачастую больше, чем на должности. Но если ты получаешь рублей 200–300 и умеешь организовать свой труд в журнале, спешить с уходом не нужно. Тогда ты уже никакой не пролетарий – ни по доходам, ни положением своим. А положение – это тоже капитал, особенно в литературе. Аристократы духа в рваных носках сейчас не в моде, их плохо понимают и почти не печатают. Стоит только раз позариться на свободную бедную жизнь – и фортуна может отвернуться навсегда. Почти так случилось со мной. Я бы и не прочь уже вернуться в “Сибирские огни”, да что-то не приглашают... Конечно, партийному человеку, да в Москве, это было бы проще. Но, повторяю, я Москву знаю плохо. Ты человек, по-моему, очень практичный и волевой. Помня о том, что ты прежде всего писатель, надо, видимо, до минимума сократить обязанности и рабочее время в журнале, сохранив при этом должность и приличную зарплату. Морально ты для этого уже давно созрел, а характера тебе не занимать. Как только станешь членом СП, почувствуешь себя уверенней и с тобой будут считаться. Не принимают в СП в Москве – попробуй в Кирове, попробуй! Да нет, тебя и в Москве примут.

Просто это надо форсировать. Книг достаточно. Книги хорошие. Чего ещё надо? Хочешь рекомендацию? Я готов хоть сейчас написать. Рецензии надо? Рецензии будут. Неужели ты не общаешься с писателями? А Рюрик Ивнев⁴⁹, а Толя Иванов⁵⁰, а Толя Соболев⁵¹, Гарька Немченко, наконец, есть и Леонид Соболев⁵² и прочие киты. Они ведь с тобой по одним улицам ходят. Чует моё сердце, что ты затянул с этим делом по одной причине – из-за особого пристрастия к самой “великой” нации. Да плюнь ты на всякие там группировки, пусть себе грызутся, будь ты выше этого, ведь ты умный человек, писатель,

ты же должен понимать, что излишнее политиканство только портит писателя, пусть “политикой” занимаются те, у кого она в крови, ты же – русский!.. Ты же должен видеть, где политика, а где – мышинная возня и пьяный бред.

Надо писать, писать, пока дети маленькие и пока не хватила кондрашка. Обнимаю, старик! Пиши, не обязательно так длинно.

Твой С. К.

Привет от Лёльки.

А. Лиханов – А. Кухно

21 ноября 1969 г.

Милый Сашуля!

На твои письма сразу отвечать невозможно, да и вообще, отвечать на них нельзя, ибо они хрестоматийны, как стихи Тютчева и Фета. Я их перечитываю по многу раз, а последнее письмо, особенно концовку, по-моему, надо читать каждое утро, чтобы весь день знать, как жить и как не сбиться с главного пути к главной цели. Ах, милый, мудрый советчик! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Если бы и ты прислушался к собственным советам – я им внял и внимаю, будь уверен и без юмора. Действительно, надо писать да писать, пока дети маленькие и не хватила кондрашка. Дальше будет поздно, будет неинтересно, самому будет не к чему. Аксиома, **говорят**, это истина, не требующая доказательств. Ах, старичок, всё так просто и так хорошо, и аксиома не требует доказательств, – а всё же, всё же, всё же, как написал Твардовский.

В это “всё же” входит твой главный постулат, ибо получаю я 300 рублей, а эти деньги на дороге не валяются, что даже став членом СП никто и никогда не выдаст мне никаких гарантий, как нет их у тебя, – и вот эти 300 рублей, это моё благосостояние, становятся оковами, которые бы и можно сбросить, да жалко. Так что раб, старичок, я добровольный, и цена этому рабству выйдет, в конце концов, дорогая: нельзя вкалывать круглый день, да ещё и потом, и в отпуск, и урывками, – всё это задаром не обходится. Придёт она, кондрашка, хватит, мать её, раньше срока, потому что жизнь на износ – недолгая жизнь. И рано или поздно сбудется твой сатирический юмор насчет гераклизма и самсонизма.

Но ладно, папа. Пока живём. Во всём этом бытии беспокоит, как обычно, сейчасное: это ты и твой хлипкий органон. Что ж ты, учитель? А? Что ж ты, милый, долгорифмующий поэт? Понимаю, что вся наша жизнь – диалектическая штука, что всё идёт по кругу, что всё связано меж собой – деньги, материальная неустроенность, хлопоты – изнурительные, непреходящие, трудные стихи и сердце, в конце концов. Всё в исправности лишь у тех, у кого по спирали и у кого одно от другого отделено, а значит и исправно, чётко, надёжно. Вон наш общий любимец Илюша Фоняков – и стихов у него гора, и в Японии живёт полгода, и зарплата ему капает, и борода всегда весело топорщится – энтьюзиаст!

Меня ты тоже к этим причисляешь, знаю, даже похваливаешь – мол, стал я мудрее и добрее, но ты, папуля, ошибаешься. Добрее и мудрее – понятия генетические, их не вырабатывают, да тем более в столицах, да тем более на должностях.

Жизнь тут собачья, шкурная, хотя, как ты видишь, и тёплая. Но она, эта теплота, дорогая. За эти денежки не можешь плюнуть в харю подлецу, не можешь кулаком шарахнуть. За эти денежки надо улаживать, регулировать, мудрить, делать вид. Старичок, благосостояние, в особенности столичное, разлагает людей, подлит их. Мне оно становится в тягость, потому что противно всё вокруг. Обстановка, люди, с которыми работаю, горы дерьма, которые читаю. Жаль сил, жаль ума, который расходуеть необратимо на дело важное (?) ли, нужное (?) ли? Во всяком случае – чужое, потому что своё сделать трудно. Вот сделал свой “сибирский” номер – но сколько это стоило нервов, сил и всякого разного.

Теперь о деле.

Сценарий о Лежене – дело нереальное. Нужен очерк. 20 страниц. Сделай, не поленись, а я уж постарюсь. Плюс снимки. Сделай срочно. Склеи, в конце концов, из своих напечатанных в Новосибирске вещей. И посылай побыстрее. Такие вещи всегда нужны. А я постараюсь, кроме “Смены”, продвинуть материал на радио, в АПН, словом, так, чтобы ты смог получить прилич-

ную и реальную сумму. Кстати, можешь ли ты немедленно выслать копию одного из новосибирских очерков о нём? АПН взяло бы с ходу. Теперь. Я перепечатал несколько твоих стихов (вернее, перепечатала Лилька) из книжек. Думаю устроить их на радио.

Кроме того. Есть ли у тебя деревенские очерки? Могут быть напечатанными в местных и даже центральных газетах, лишь бы люди были живы. Может, писал о хороших людях. Поройся, пришли. Радио передаст, а если тебя будет что-нибудь грызть, перечисли всё это моральное самоедство на мой счёт. (Кстати, радио это не пугает.)

Словом, старичок, хочу помочь реально. Откликнись. Не отталкивай, как это уже было однажды. А кроме того – сделай сценарий диафильма о Лежене. И пришли подборку новых стихов для нас. В начале года (январь-февраль-март, – напиши, когда лучше) постараюсь вызвать тебя сюда. Кстати, в обкоме первым теперь Наместников⁵³.

И ещё одно, Саша. Напиши мне, если тебе нужны деньги, только спокойно, без ломанья, ладно?

Надо, во что бы то ни стало надо, чтобы ты дописал Лежена и сделал побыстрее новую книгу стихов. Лиля и Митя кланяются всем вам, целуют тебя, Олю, желают успехов ребятишкам, и я, конечно, с ними. Не болей и по деловой части ответь скорее. Обнимаю тебя. Хочу увидеть.

Алик.

А. Кухно – А. и Л. Лихановым

13 декабря 1969 г.

Алику и Лиле Лихановым!

*Ах, как это, ребята, не просто —
верить в сказочную красоту
и летать на Лихановский остров
на каких-то задрипанных “Ту”.
Все моторы — всего лишь моторы, —
и сердца прогорят, как дрова.
Только вечны морские просторы
да людские в морях острова.
Дорогие мои человеки,
ах, как много воды утекло!
Так хочу, чтобы всем и навеки
было в мире легко и тепло!
Пусть не грезится сказочный остров,
пусть приблизится к вам наяву,
Нынче сам я особенно остро,
может, вами одними живу.*

Дай Бог тебе счастья, дорогой островок, в Новом году!

Обнимаю С. Кухно.

А. Кухно – А. и Л. Лихановым

2 января 1970 г.

Дорогие мои, так нельзя!..

Получил комсомольскую газету из Кирова, в коей чуть не полоса моих допотопных стихов, давно и много раз опубликованных.

5 декабря. Приписка: “Спасибо за хор. стихи. Пишите, мы будем рады”. Чему?!.. Вероятно, они не знают, что стихи публиковались ранее.

Писать им об этом?.. Не решился. Сегодня получил перевод на 40 рублей. Отослать обратно?!..

Получил. Сидим, жрём торт.

Новый год! Все рады.

Меня терзает позор и страх: а вдруг?.. Сколько раз изничтожали поэтов за то, что публикуют в разных местах одно и то же. Надеюсь только на то, что меня не шибко знают. Спасибо и...

Алик и Лиля, больше так никогда не делайте, очень прошу. Посылаю на всякий случай несколько стихов ненапечатанных, вернее, не печатных.

Обнимаю, ещё раз поздравляю с Новым годом. Да не минует вас счастье в Новом году. Целую Димитрия.

Ваш С.К.

P.S. Очерк о Лежене на днях вышло.

Сегодня катались на лыжах в Ботаническом. Я тоже ползал. Зима нынче у нас отличная! Красиво-то как, братцы!..

Ельцовка вся в серебре, теплынь, речка журчит, берёзы, сосны необыкновенные. По дороге туда и обратно – торчит ваш дом... Звери! Уехали. Поди, в своём Останкино и на лыжи не становитесь.

Лилия, тащи его на лыжи, а то не выродит свою главную книгу. Непременно выталкивай, взашей!..

Что поделяваете?

Учитесь писать короче, но писать чаще.

Ещё раз обнимаю, вместе со своей скверной (т.е. женой) и нехорошими детьми.

А. Лиханов – А. Кухно

18 мая 1970 г.

Дорогой Саша!

Получил все твои депеши. Это даже хорошо, что твоя поездка несколько задерживается. В апреле я должен был лететь в Америку и за два дня до вылета попал в больницу, можешь себе представить, с сердцем. Пролежал три с половиной недели. Неделю пробыл на больничном и 20-го мая улетаю в Кироводск, в санаторий – до 15.VI. У Лили же 22-го мая начинается сессия – продлится до 20.VI. Так что в районе этих дней июня ждём тебя. Вот такие пирожки, старик. “Лабиринт” в “Сибирских огнях” накрылся шляпой – тоже забавно. Вот так-то.

Обнимаю. Привет Оле и ребятишкам от всех нас.

Алик.

А. Кухно – А. и Л. Лихановым

3 ноября 1970 г.

Дорогой Алик!

Мне передали от тебя привет из Нью-Йорка. Не знал, как это понимать, поскольку я совсем стал идиотом и ничего уже не смыслю ни в твоей истории, ни в твоей географии, всё же склоняю пред тобой свою вечно повинную идиотскую голову и спешу сообщить, что я ещё жив и здоров (относительно).

Лежен – лежит! Пухом ему земля. Перед приездом в Новосибирск Помпиду здесь стало известно, что Лежена французы хотя перенести в Париж и наши дали на то согласие. (Я об этом знал ещё в Москве...) Распространяться об этом не нужно. Прости, если тебе докучают мои знакомцы “леженисты”, они сего ещё не знают. Обещанный очерк ты получишь вскоре после праздников. Ни одной редакции в жизни я ещё не оставался должен.

В издательстве и “Сибирских огнях” я не бываю, и мне очень больно будет узнать, если твой Нью-Йорк окажется, например, академгородком. Помнится, ты собирался в Новосибирск. Ведь тебя здесь издадут?... Очень прошу тебя (жаль, но в таких делах нельзя требовать): будешь в Новосибирске – остановиться у меня. Я постараюсь сделать всё, чтобы тебе было хорошо.

Как твоя проза, о которой я не смею судить?..

Когда появится “Лабиринт”? Где?

Что со второй повестью, которая мне понравилась больше, но название которой, увы, выживающий из ума! – не помню?!.. Про деревенского пацана, ну и про городского... “За рекой, в тени деревьев”?.. “Среди долины ровные”?.. “Там, вдали, за рекой”?.. Нет, какая-то хорошая “Поляна”!.. Нет, не помню!*

Не обижайся, старик! На такое грех обижаться. Вообще-то, ты здорово стал писать, и я, действительно, не берусь судить...

* Повесть “Деревянные кони” имела первоначальное название “Долины, полные цветов”.

Поздравляем вас с праздником. Дай бог вам с Лилей всего самого доброго, согласия, радости, достатка, счастья, а тебе растеть-materеть на благо советской – детской и взрослой – прозы!

Со мною трудная тень моя – семья.
Аминь.

Твой С. Кухно.

P.S. Сей бланк означает всего лишь, что я когда-то вышел из “Сибирских огней” и мечтаю возвратиться в них же, на круги своя. Не придавать значения. Просто подвернулся под руку.

P.P.S. Лиле особенное спасибо за радушие, гостеприимство и многотерпение от Лёльки и Серёги.

А. Лиханов – А. Кухно

Лето 1971 г.

Саша, дорогой!

Итак, Шури получил всё, что ты ему завещал. Узнав, что представляю журнал, просунул к нам свою статейку о Парижской коммуне. Наверное, напечатаем где-нибудь в конце года. Он по сему поводу приезжал ко мне в “Смену”, я его лично просил помочь тебе, он обещал, говорил, что о Лежене во Франции недавно печаталась статья в одной из газет, есть у них там специалист по нему, так что всё хорошо. Жди от него вестей. Сам Шури – бывший редактор молодёжного “Авангарда”, политический редактор “Юманите”, сейчас работает в институте Тореза. Членом ЦК не является, просто член ФКП, полковник Сопротивления на Корсике, мужик не очень старый, деловой; у него переводят в Союзе какую-то монографию о Коммуне. Приехал сюда по приглашению ЦК КПСС в связи с подготовкой к предстоящему юбилею.

Всё это хорошо, папуля, посмотрел я твои статьи. Стоит ли тебе рассыпать свои познания по столь многим и дешёвым источникам. Сделай-ка лучше для нас, для миллионной “Смены” большой очерк о Лежене страниц на 15–20. Это, по крайней мере, будет рентабельно материально, получит отдачу, опять же – центр. Подумай, словом.

Желаю успехов! Обнимаю!

Алик.

А. Лиханов – А. Кухно

25 июня 1972 г.

Дорогой Саша!

Был в отпуске в Гагре, встретил там Васю Коньякова, не признал его, как и он меня, впрочем, узнал последние известия про тебя. Значит, ты теперь учёный редактор в учёном издательстве?.. Грущу, что так всё вышло, что вольные хлеба тебя не прокормили. Но, может, всё-таки зря? Сыны у тебя повзрослели, наполовину работают, может, лучше было бы добыть Лежена, получить кой-какие деньжата?.. Впрочем, издаека не видать, говорить трудно.

Однако знаю я, что есть у тебя новые стихи. Пришли их мне. Те, что про Парижскую коммуну, и другие. Жду. Не задерживай их.

Вот такие пироги.

У меня настроение тяжкое. Тут меня принялись долбать – см. “Звезду”, № 3 и изустные высказывания критиков нерусского происхождения. Кому-то уже мешаю. Настроение от этого мерзкое – подстроено всё по-московскому подло. Кроме того, устал предельно. Как струна – натянут. В отпуске, естественно, работал. Грустно сознавать, что живёшь один раз – и эту-то жизнь устроить по-человечески нельзя. Всё сложно, всё зависимо. Моя семья мои тяготы разделяет лишь морально. Бьюсь, как рыба об лёд, и эта борьба, а не обычная жизнь – ужасно надоела. Хочется всё бросить, уйти, закрыться с головой. Старик, написал даже два стиха – представляешь, до какого состояния докатился. Спокойствия нет ни на день. От этой суеты можно повеситься.

А ты – береги Олю, вот и всё. Остальное – с ребятами – уже устроилось, дальше тоже устроится: в них славный фундамент, а это главное. И сам ещё бодрись. Не смей бросать литературу. Да, собственно, разве можно её бросить? Скорее, бросит она.

Обнимаю тебя.

Напиши чего-нибудь.
Оле и ребятишкам сердечные мои приветы.
Прочти моего Рылеева в “Смене”. Я им болен.

Алик.

А. Кухно – А. Лиханову

17 августа 1972 г.

Дорогой Алик!

Сейчас случайно прочёл в №3 “Звезды” рецензию на тебя. “Забвение критериев”⁵⁴, конечно, волнует сейчас многих, с “некоторым”, увы, изрядным опозданием, как постановление о пьянстве. И та и другая тревога, по-моему, практически мало чего дают. Всякого рода административные меры, наказания, брань и т. д. не имеют решающего значения. Ежели и перестанет русский водку жрать, так не потому, что за самогон кутузкой стращают. А культуру, в том числе язык, тем паче никакой драчкой не упрочить, не воспитать. Рецензия плохая, откровенно зловредная. Среди всякого ныне процветающего чванства (пролетарского, дворянского, партийного, беспартийного, крестьянского, еврейского, нееврейского и пр.) особо волнительно для меня высокомерие и чванство побывавших на войне. О настоящих героях не говорю. Настоящие сохранили человеческий облик и не обижают “маленьких”, которым теперь, увы! – сорок. Поздно и опасно считать нас сопляками, да ещё так срамотить. Когда это кончится?.. Ей-богу, иногда такое находит, что жалеешь не о том, что опоздал родиться на семь-восемь лет, а что не умер ребёнком, не сдох с голодухи, с надсады ни во время войны, ни после. Наше поколение имеет полное право писать о своём военном детстве, оно ничуть не мельче, чем у других, постарше, которые столько про своё детство нагородили чепухи и столько ввали про войну, что тему эту нам всем кагалом ещё предстоит отмывать да отмывать.

Помню, что “Крутые горы” волновали меня, и слезу вышибали, хотя и видел я кой-где слабые места. Я знаю, в каком ритме ты живёшь и пишешь. И мы всей семьёй радовались за тебя. А на рецензию эту злую – плюнуть и растереть. Всё, что я тут написал, я года два-три тому назад написал лучше, полнее в рецензии на повесть Бурмакина “Отдаление” в “Сибирских огнях”, тоже о военном детстве, та уже прямо о моём Новосибирске. Мы, конечно, можем забыть, в каком году появились погоны, но понимать время и то, и теперешнее, мы понимаем не хуже “побывавших”, хотя и “под стол пешком ходили”, туда все когда-нибудь да ходили, – а во многих случаях и лучше понимаем. Выгрузку раненых и мёртвых в твоих “Горах” и некоторые другие эпизоды сопливым и трухлявым не написать.

С удовольствием прочёл “Рылеева”. Молодец. Жду окончания “Паводка”.

У меня сейчас – никаких литературных забот. На службе с 8 до 17.30. Спасибо за привет с Кавказа. С 11 июля по 15 августа лежал в больнице (сэрдце). Ничего страшного – миокардиодистрофия. Андрюшка поступает в Сибстрин на архитектурный, Сергей в колхозе. Ольга ещё не излечилась. Будем надеяться на лучшее. Дай бог тебе здоровья и побольше радости, а писать ты стал хорошо. Обнимаю всех – и Лилю, и Диму. Поди, совсем уже большой. Когда-то увидимся.

Твой С. Кухно.

А. Кухно – А. Лиханову

23 февраля 1974 г.

Дорогой Алик, старик!

Прослышал я, что ты в больнице, и вы с Лилей совсем расписались. Старик, это куда не годится!!! Пишу тебе на казённой бумаге, совершенно официально, и требую мужества. Для того, чтобы писать хорошо, особенно для мужественных подростков, надо иметь крепкие нервы и железный, абсолютно здоровый кишечник! Это говорю тебе я, медконсультант вышеозначенного органа. Конечно, эрозия – это дрянь, и надо её выкинуть, вырезать, ибо она, эта дрянь, может привести к полному истощению всего организма, что пагубно скажется на стиле писателя. Какое значение в данной ситуации имеет характер, воля, вера в писательский организм, ты знаешь не хуже меня. Конечно, мы давно поменялись ролями, ты теперь и шутейно не назовёшь

меня “папой”, и не я, а ты меня должен воспитывать, но сегодня я говорю тебе: “Папа! Ты распустился; уж если до меня дошла такая весть, значит, ты ведёшь себя плохо! А папа должен быть примером!”. Надеюсь, ты возьмёшь себя в руки — и тогда всё будет в порядке.

С интересом прочёл “Конспект судьбы”⁵⁵. Молодец! Хорошо! Только мною зря “обрамился”, не заслужил я такого. Жду с нетерпением твой однотомика. А ещё — очень жду лета. Из башки всё нейдёт Михайловское, где собирал яблоки. Вижу твою ухмылочку: стихи бы собирал, а не яблоки! Погоди, старина, будут и стихи...

*...С тропы воспоминаний не сойду;
И в трудный час, должно быть, вспомню это:
Стучат о землю яблоки в саду
Российского опального поэта.
Стучат, как полтора года лет назад!
Золотоглазые, летят в траву, как совы,
Фосфоресцируя, они глядят на сад —
И воздух сумерками наэлектризован.
Таинственная суток полоса:
Ни день, ни ночь,
Ни света нет, ни тени.
Но мир глядит, глядит во все глаза
Могучих остывающих растений.
Раскачивает сумерки шестом
Михайловский художник-реставратор,
С которым я был незнаком когда-то,
И вот теперь приятельски знаком... и т.д.*

Старик, вероятно, летом у тебя будет большой отпуск после операции. Катанул бы в Михайловское — вот где нервы-то лечить! Пожить месяц в тишине — и никаких курортов не надо! Всё ведь от нервов — и книги, и эрозия, от них окаянных! Дорогой, обнимаю! Пиши мне хотя бы изредка. Сегодня 23 февраля. С минувшим праздником! Будь солдатом!

Маме твоей, Лиле и Митяю мои самые нежные чувства. О себе пока не пишу. В начале марта сдаю рукопись в издательство.

Твой С. Кухно.

А. Кухно — А. Лиханову

11 августа 1974 г.

Алик!

Большое спасибо за книгу. Поздравляю! Отличная книга! И с новой хатой поздравляем. А главное — с тем, что ты, должно быть, отменно здоров и по-прежнему дьявольски работоспособен.

В наших перифериях ничего интересного нет.

Я всё так же трачусь чёрт знает на что, только не на стихи.

Через несколько дней мы отбываем со супругой в Ленинград, в её очередной отпуск — баба хочет в Европу, хотя ленинградская сырость ни мне, ни тем более ей (с чахоткой!) ни к чему! Но воля женщины — закон. И там, где-то в Таллине, наше дитё проходит практику. Будущему архитектору надо показать Питер. Второй курс закончил без стипендии. О старшем — не пишу: ничего утешительного, всё так же... Вот такие пироги!

Дорогой, вынужден быть краток. О старшем и о моём творчестве лучше не спрашивайте! Здесь выходит книжонка моих стихов — в основном переиздание, всё новое почему-то не годится...

Хочется хотя бы изредка видеть вас и получать весточки, что вы живы-здоровы и плодотворно творите.

Над чем или кем сейчас работаешь?

Были ли рецензии на “Семейные обстоятельства”?

Лилюшке большой поклон. Скажи ей, что радикулит можно излечить только плаваньем и холодным купанием (постепенно, конечно).

Что Дмитрий?

Как с любовью и настроением?

Последний вопрос, кажется, совсем бестактный, на него можно и не отвечать. Но что поделаешь — се вопрос века. К тому же, мне теперь многое позволено, а женщина моя почему-то становится всё злее и понимает меня всё хуже. Ребята, дай-то вам бог понимать друг дружку, и беречь, и любить ещё долго-долго!..

Обнимаю Вас!

А. Кухно.

А. Кухно — А. Лиханову

28 октября 1974 г.

Дорогой Алик!

Вот уже больше месяца, как мы вернулись из Ленинграда, едва успев пересест с поезда на поезд в Москве, но всё ещё живём впечатлениями отпуска. Очень жалею, что не повидал тебя в этом году.

На одном дыхании прочёл “Обман”. Некоторые главы хватают за душу. В целом повесть очень хорошая, нужная, и знаешь, мне почему-то показалось, что эта вещь очень кинематографична, что рано или поздно повесть экранизируют, только никому не давай писать сценарий, он у тебя уже написан — на две серии!

Искренне радуюсь за тебя — радуюсь за отличную толстую книгу (спасибо, что прислал), за отличную статью Алексина, за рецензию в “Литературной России” и больше всего за то, что здоров (ну, конечно, относительно), но всё-таки здоров и теперь уже, наверное, можешь работать.

А вот то, что ты про меня в очерке о К. Н. Редько написал — зряшное. Ну да я об этом уж забыл, думаю — и все забыли. Как она там — Татьяна Фёдоровна?.. Книжку о Лежене наконец-то, кажется, вставляют в план 1976 г. — заключают договор на 10 листов. (Это уже что-то!)

“Зимушку” мою шибко не критикуй, сам знаю, что плохая книжка — почти вся из старых (прямо-таки юношеских!) стишков: новые повывбрасывали; видимо, и вправду, пишу не только мало, но и плохо. Спасибо уж за то, что дали двойной тираж. Теперь задача продать бы поскорей — ведь книжка за область не выходит. Придётся выступать, как прежде, часто. А здоровышко уже тоже не то. И Серёга всё такой же. Андрюшка учится помаленьку (на третьем курсе), без стипендии, худащий, слабый, но полон впечатлений от Таллина и Ленинграда. Я по-прежнему смолю “беломор” и иногда напиваюсь из зависти к твоим принципиальным героям — ей-богу, на них хочется походить! Вот возьму и брошу курить!.. Только страшно (один уже умерший писатель напоролил мне, что я брошу папиросы за три дня до смерти). Выходит, так и так — бросать. Ну это уже попёрла чушь! Старик, обнимаю тебя, обнимаю всех вас, поздравляю с праздником! Ради бога не хворайте и давайте о себе знать.

Твой С. Кухно.

А. Кухно — А. и Л. Лихановым

11 ноября 1976 г.

Дорогие Лихановы!

Далёкие!..

Близкие!..

Незабвенные. Любимые!

Дай Бог Вам всего самого-самого доброго!

Не хворайте!

Любите, берегите друг друга! Добрейте не старея и нас не забывайте, авось встретимся! Обнимаю. Ваш Кухно.

После него

Как будто это его последнее письмо...

Написанное задолго до его ухода, оно звучит, как прощание. Жизнь стремительно менялась, мы, конечно, перезванивались, но всё не могли договориться, когда же Саша появится у нас снова.

И вдруг, как удар грома: Саша умер.

Я дозвонился до Ольги и полетел в Новосибирск. Увиделся с Сашей, теперь не живым, нёс, вместе с друзьями, его гроб, выпивал на поминках, говорил с его отцом, с его сыновьями. И не мог поверить, что его больше нет. Не прилетит от Саши письмецо.

Настала другая жизнь – без Саши.

Но жизнь.

Теперь писала Оля.

Ольга

Для нас всегда Олечка, Оленька, Оля – Ольга Михайловна Кухно после неожиданного ухода Александра приняла на себя долг, порой невероятно трудный, мучительный, но и высокий.

Напомним: Саша умер в неполные 46 лет, из которых они с Олей были вместе чуть больше четверти века. После смерти мужа Ольга продолжала его дело еще 34 года! Помимо четырёх прижизненных, увидели свет ещё пять Сашиних книг.

Она служила дарованию и памяти мужа неистово, верно, беспрекословно, несмотря ни на какие препоны и испытания. В ту пору царствовало плановое книгоиздание, а ей пришлось пробивать публикацию незавершённой, лишь в подготовительном материале, книги “Жизнь под Красным знаменем” – о последнем парижском коммунаре Адриене Лежене – ещё и включив обширную, сопутствующую Сашиной работе над темой, переписку с самыми разными людьми и организациями.

Ольга добилась, чтобы спустя годы после первой, нашумевшей в своё время, но признанной несвоевременной публикации была издана, наконец, целиком, без купюр поэма Александра Кухно “Море” – одно из самых сильных творений поэта.

Про русских женщин, про вдов, до конца собственной жизни служивших идеям и делу своих покойных мужей, отечественная литература произнесла множество слов сострадательных и восхищенных. Ольга Михайловна Кухно – одна из тех негромкоголосых скромниц.

Она не только свято служила делу и слову своего мужа. Ей выпало принять на себя новые ужасные удары судьбы – смерть обоих сыновей. И хотя рядом оставались близкие ей люди, они не могли оградить Олю от её одиночества, а будни её – от тяжёлого быта, материальной скудости.

Она и умерла – одна...

Письма Оли, с той же сердечностью и верностью продолжающие Сашины, – краткое, конечно же, свидетельство её праведной жизни и трудов, болезни и ухода её сыновей. Мы публикуем их обречённо, без всяких надежд, с единственным утешением, что с любовью исполняем наш последний дружеский долг перед ней.

Письма Ольги Кухно Альберту и Лилии Лихановым

Необходимое пояснение: многие письма и, особенно, открытки — не датированы и поставлены по предположительному времени написания.

16 марта 1978 г.

Здравствуйте, дорогие мои Лилия, Алик!

Как тяжело писать вам это письмо — сильно тоскую, хоть и сдерживаюсь изо всех сил. На работе с утра вроде ничего, а к вечеру плачу, не могу идти домой...

Брала Сергея на 11, 12 марта (субботу, воскресенье) домой. Пришёл — волнуется. Дед (мой отец) вечером в субботу приехал, Сергей успокоился. Видимо, к концу марта его выпишут из больницы. Тогда мне по вечерам будет не так тоскливо — Андрей часто ведёт занятия в институте вечером.

Дорогие мои, меня все эти дни держало задание — найти, переписать, перепечатать стихи из тетрадей Саши. Это мы делали с Андреем. И вот сейчас посылаю неопубликованные стихи (только ст. “Куда летишь, мой друг неверный” печаталось в “Сибирских огнях” да стих. “Апрель” в “Литературной газете”). 14 марта по новосибирской программе “Творчество” И. М. Лавров сделал передачу “Памяти поэта А. Кухно”, где рассказал о нём как о поэте, о человеке. Артист прочёл стихи “Любимому городу”, “Жажда”. Передача получилась хорошей. Если найду стихи ещё, пришлю. Фотокарточку делают.

До свидания, всего вам доброго.

Целую, обнимаю.

Ваша Ольга.

14 сентября 1978 г.

Дорогие, родные мои Лилюшка, Алик!

Получила “Смену”, в городе купила ещё — Сибирский номер интересный, Новосибирск представлен отлично — и вообще все говорят, что “Смена” хороший журнал, очень этому рада. Спасибо за “Реку Молчания”, от Б. Мурашкина большой поклон и благодарность.

Недавно отдала в редакцию художественной литературы рукопись: стихи новые, неопубликованные, затем письма к Саше Н. Рыленкова, С. Гейченко, Е. Вяловой-Васильевой (вдовы поэта П. Васильева), Л. Либединской (когда Саша редактировал её повесть “Зелёная лампа” в “Сибирских огнях”), И. Л. Рудиной-Ненадовой, Т. Ф. Редько и других. Сохранились и письма (копии на машинке) к Е. Вяловой-Васильевой, И. Л. Рудиной, Т. Ф. Редько прислала мне письма Саши.

По-моему, публикация писем будет нужной и интересной. Ты, видимо, решил не присылать писем. Если считаешь неудобным — так тому и быть.

Я попросила Д. Г. Селькину, чтобы редактором книги был Ю. М. Мостков. А он (она не знает об этом) посоветовал мне поговорить с Д. Г., чтобы в книгу включили избранные стихи, поскольку в письмах часто упоминаются стихи старые, а в магазинах Сашиных книг со стихами нет. Одним словом, Д. Г., как только Н. С. выйдет на работу, будет говорить с ней о включении в книгу избранных стихов (включая все новые и неопубликованные) и воспоминаний о Саше наших писателей. Я уже поговорила с А. Романовым, И. Лавровым, М. Кубышкиным, В. Коньяковым — они будут писать о Саше.

Жизнь моя — печальная, страшная. самого дорогого в жизни — нет. С этого начинается каждый день и кончается. Две печальные дороги — к Сергею в больницу (ему сейчас лучше) и к Саше — на кладбище. Спасибо вам за память, за участие. Обнимаем, целуем. Привет от Андрея, Сергея.

31 октября 1978 г.

Добрый день, дорогие Лиля, Алик!

Жизнь сейчас испытывает нашу семью, а мы, как можем, боремся с ней. Готовя материал для мемориальной книги в отпуске, а после отпуска – по вечерам и выходным дням, я, видимо, переутомилась: начались сильные головные боли, вялость, носовые кровотечения, пониженное давление. Прохожу сейчас все анализы, пью лекарства, стало значительно лучше. Видимо, это сказалося перенапряжением.

Книгу мемориальную и сборник стихов в серии “Сибирская поэзия” на обсуждении писательского плана в Союзе – включили в план. Мемориальную – в план 1981 г. (далековато, правда, – план 1980 г. уже утверждён), а сборник стихов – ещё позже. Решили, что в мемориальную книгу войдут все стихи из книг, новые и неопубликованные, а также газетные очерки о Лежене. Книгу хотят приурочить к 50-летию (1982 г.), выпустить с хорошими фотографиями, на хорошей бумаге.

Буду стараться, чтобы книга была настоящей памятью о Саше.

До свидания, мои родные. Низкий поклон вам от ребят моих, от В. Конькова, Романова. Обнимаем, целуем, ждём весточки от вас. Спасибо за участие и доброту, при случае передайте привет Т. Ф. Редько*, я ей письмо тоже напишу.

Ваша Ольга.

Примерно в эти же дни 1978 года я опубликовал в “Смене” (в № 21) большую подборку Сашиних стихов, не печатавшихся прежде. В начале следующего, 1979-го (№ 9), ещё одну подборку в “Огоньке”, а в апреле 1980-го (№ 4) цикл стихов в “Юности”. Тираж у всех трёх журналов был громадный. Страна вновь услышала голос поэта. Может, и прозвучавший-то так громко впервые.

30 января 1979 г.

Здравствуйте, дорогие Лиля, Алик!

Получила твое письмо, Лиля! Хорошо, что отдохнули в новогоднем лесу. У нас уже месяц стоят морозы 30–35°. Тяжело. Сейчас я на больничном – хронический тонзиллит.

Отдала Ю. М. Мосткову все газетные статьи о Лежене, Асеведо, Николовой и дополнительный материал к ним. Он прочитает, вместе решим, что поместить надо в мемориальной книге.

В “Сибирских огнях” №5 Саша Романов и Никульков сделали такую подборку стихов (700 строк – 1 лист).

По-моему, подборка получилась хорошая.

Вот так идёт жизнь. А главное, родное, ради чего жила всю жизнь – ушло... Тоска смертная. Я не позволяю себе распускаться, да берёт еще в тиски работа в издательстве.

Заказала скульптуру Валерии Семёновой барельеф. Семёновой в январе присвоили звание “Заслуженный художник РСФСР” – единственная у нас в Сибири заслуженная. Талантливый, скромный человек.

Дорогие мои, до свидания! Привет вам от моих парней, передайте привет Диме. Обнимаем, целуем. Берегите себя, хоть бы одним глазком на вас всех поглядеть – Дима, поди, синеглазый красивый парень (или черноглазый?), но выезжать мне теперь никуда нельзя будет – не смогу оторваться от Сергея. Он в больнице. На субботу, воскресенье беру домой. Состояние в этом году у него ухудшилось. Но буду надеяться...

Целуем вас всех, крепко обнимаем, желаем здоровья, бодрости, надежды!

---

* Т. Ф. Редько – вдова художника К. Н. Редько.

26 октября 1979 г.

Добрый день, дорогие Лиля, Алик и Дима!

Мемориальная книга теперь будет иметь такой план:

I. Предисловие (А. Никулькова), в нём будут использованы письма С. Гейченко, М. Кубышкина и др. письма.

II. Рассказ “Откуда аз есмь”.

III. Стихи: избранные; неопубликованные; переводы.

IV. Очерки о Лежене. Деловая переписка о поиске материалов о Лежене (в Болгарию, Францию, переписка с московскими товарищами).

V. Воспоминания друзей о А. Кухно (И. Краснова, И. Лаврова, А. Романова, В. Коньякова). Переписка с Е. Вяловой-Васильевой (вдовой поэта П. Васильева) и с Т. Ф. Редько.

Будут включены несколько фотографий Саши (с отцом и т.д.), фотографии А. Лежена, А. Николовой и И. Асеведо.

В октябре было открытие памятника Сашеньке на кладбище. Приехали из Союза писателей, из издательства (всего 24 человека), сказали добрые слова, положили цветы, помянули (взяла водку, груши, испекла пирог), были у могилы 1,5 часа. Памятник мраморный (белый с розовыми прожилками), бронзовый барельеф, новая большая оградка, место расчистили, привезли мраморную крошку, берёзки – милый мой, неуёмный человек, нет тебя – и жизни нет, хотя всяких забот полно, ответственности за книги, за Сергея. Он дома, ведёт себя иногда беспокойно, но я терплю – хочется, чтобы он дома побыл подольше. 13 мая 1979 г. умер мой отец (не помню – писала вам или нет). Андрей прописан был у него (однокомнатная квартира), живёт отдельно, мечтаю, чтобы женился да родил внука.

Целуем, привет от ребят моих! Ждем письма!

18 ноября 1980 г.

Здравствуйте, дорогие Лиля, Алик, Митя!

Как сейчас слышу голос Алика: “А твой сын у нас!”, голос Лили: “Какой славный мальчик!” Слава Богу, что этот славный мальчик застенчивость свою поборол, проявил настойчивость – и вот у меня радость на много лет: и короткое общение с вами, и то, что вы все здоровы, и ваши прекрасные подарки (все – прекрасные: книги Алика мне очень нужны и всем нам очень дороги, кофты, конфеты, папка, в которой переписка Саши с Аликом, – всё как в сказке). За всё, за всё спасибо! Андрей вспоминает вас, Митю, Москву.

Сразу же после приезда Андрей сменял квартиру в отдалённом районе на квартиру в трёх остановках от строительного института, где он работает. Теперь не будет зимой мёрзнуть на остановках. Я взяла неделю отпуска, чтобы после машинки прочитать Сашину рукопись. Работаю.

Получила от вас и Татьяны Фёдоровны поздравительные открытки, она здорова, но лето, видно, было у неё тяжёлое.

Сергей в больнице, но скоро обещают выписать. Сказала ему, что Андрей был у вас, привёз от вас подарок – голубую летнюю кофту – благодарит, улыбается. Помнит Москву, вас, помнит, как в первый день приезда сказал тогда отцу: “Сколько же за один день сегодня узнал!”

Серёженька, боль моя, скромница моя ясная, очень похож стал на Сашу внешне: лицо – нос, глаза (правда, чёрные), моргает, морщится, покачивает головой – всё, как Саша. Когда был дома, много читал, играл на пианино, учился играть на баяне... Но очень стеснительный.

У Андрея же прорезается властность, “ндрав” – как сказала бы моя бабушка, настойчивость в работе. Всё лето работал в институте, написал маслом четыре картины, три картины углём. Пригласил меня в институт в мастерскую, которую отгородили три молодых преподавателя по рисунку (Андрей в том числе) от аудитории студенческой, показал работы. Осенью у него на выставке молодых художников экспонировались три работы.

Милые друзья, благодарим – я и сынищи – за подарки, за дружбу, теплоту и любовь. Будьте счастливы!

Целуем.

Кухны.

6 декабря 1980 г.

Лилечка, Вячеслав Литвинов (радиодиктор Новосибирского радио) в своей радиопередаче, посвящённой 70-летию Новосибирского радио, очень тепло вспоминал о твоей работе на Новосибирском телевидении. Всё вспомнилось — прекрасное, давнее. Любим вас все очень! Привет от Андрея, Тани. Целуем.

О. К.

28 сентября 1981 г.

Добрый день, мои милые!

Сердце моё переполнено нежностью к вам, без твоей помощи в публикации в московских журналах стихов, Алик, кто знает — какой бы получился раздел “Из неопубликованного” в книге.

Лиля, Алик, напишите мне хоть немного о книге; как она — на ваш взгляд*. Я очень жду весточки от вас, мои родные.

Фотографий Лежена и Асеведо поместили мало, может быть, наше издательство выпустит книгу о Лежене, тогда в ней будет больше фотографий.

Очень жду от вас письма.

Целую, скучаю — и очень люблю. Ольга. Привет от Сергея.

P.S. Книги Сашины я ещё вам вышлю (эти из авторских).

13 января 1982 г.

Добрый день, Лилечка, Алик!

В один день получила письма от вас и Татьяны Фёдоровны. Очень рада этому. Андрей, видимо, сейчас (поездку хотели организовать на неделю) должен позвонить. На Новый год уезжал в Электрогорск (Подмосковье) в гости к моему дяде. У него два взрослых сына, один окончил год назад Московский железнодорожный институт, другой учится ещё (дяде — 52 года). Андрей прожил у них 2 дня. Доволен. Довольна поездкой в Москву и Татьяна.

11 января мы с Татьяной, прихватив с собой подарок Александра Шилова (на рекламе — портрет молодой женщины), “Огонёк” и “Смену” с репродукциями картин Шилова, отправились к Леониду Михайловичу Ямбикову, фотокорреспонденту, который сфотографировал могилу и памятник (я присылала вам фото). Леонид Михайлович, фронтовик, добрейшей души человек, друг Сашеньки, который свято бережёт его книжки, любит живопись, слушал Татьяну с большим вниманием, расспрашивал о картинах, о самом Шилове. Он простоял на выставку картин Шилова в Москве зимой 7 часов (в залах — только 40 минут), влюблён в его творчество. Я впервые увидела очень серьёзного, умного поклонника, это по-человечески красиво.

И Татьяна — подробно, серьёзно, интересно, умно рассказала о мастерской, о картинах. Я любовалась ими. Такое общение с людьми — самое драгоценное, что может быть в жизни.

Леонид Михайлович очень любит Андрея, так же как в семье Юлия Моисевича Мосткова Андрей всегда получает ласку и привет. Это очень дорого нам.

Лиля, дорогая, не терзайся, что Андрей был мало у вас. Он ведь сдавал много зачётов. Ты видишь, какое впечатление (и это на всю жизнь!) было от посещения мастерской Шилова, а организовала это ты! Не так-то просто прийти к Шилову, да ещё не на один час. Это самое главное, что вы с Аликом сделали для моих ребят. Андрей ещё появится у вас.

Я ведь всё понимаю. Чувствую, люблю (как и Саша) ваши золотые сердца, распахнутые людям, но и знаю про перегрузки — и Алика, и твои! Только бы это люди ценили, только бы понимали вас!

Лиля, Алик! 15 апреля — пятидесятилетие со дня рождения Саши. Где-то, наверное, 16 апреля (в пятницу или в субботу) соберёмся в Союзе писателей. Если сможете — приезжайте! Если не сможете — напишите.

Большая просьба к Алику. Алик, дорогой, достань, пожалуйста, 1 цветную слайдовскую пленку (только свежую), американскую или ФРГ. У Андрея на это деньги есть, я ему выслала. Ямбиков хочет портрет девушки (на рекламе)

---

* Речь идёт о книге А. Кухно “Слова, зовущие к добру”, Западно-Сибирское книжное издательство, 1981.

переснять на слайд. Плёнки нет, здесь её никогда не достать. Милый Алик, очень тебя прошу, достань такую плёнку!

Всего вам хорошего, во всех ваших делах, здоровья вам и радостей, успеха в помощи вашим родственникам. Большой сибирский привет Димочке! Дай Бог ему тоже здоровья и успехов во всём!

Целуем, обнимаем вас с Сергеем.

24 октября 1982 г.

После рецензии о книге “Слова...” в “Новом мире” (1982, № 8) пришло письмо от московского профессора Зак Людмилы Марковны с просьбой выслать ей лично (она – член правления общества “СССР – Франция”) и парижским историкам Марсель и Сесиль Picard, написавшим историю предместья Парижа Баньоле, где родился А. Лежен, книгу “Слова...”. В своё время она по просьбе Picard послала газетные очерки Саши о Лежене в Париж (ей высылали из Новосибирска друзья), но теперь материалов в книге о Лежене значительно больше, и она попросила книгу “...тогда попробую Вас связать с Picard”.

Получила письмо от Дунаевского Владимира Арновича, доктора исторических наук, профессора Московского института истории, филологии и филологии, тоже с просьбой выслать ему книгу.

Вот его письмо:

“Сердечно благодарен Вам за подарок, который открыл мне хорошего и человеческого человека. Грустно только, что свидеться с ним уже не удастся...”

В связи со 100-летием Парижской коммуны я опубликовал несколько статей и брошюру “Парижская коммуна 1871 г. в трудах В. И. Ленина”. Тогда же я начал читать спецкурс “Парижская коммуна и Россия”, а также выступил с лекциями на эту тему в ряде городов. И в этот период, изучая юбилейную литературу, я впервые столкнулся со статьями Александра Антоновича об А. Лежене.

...Между нами, историками, и литераторами, выступающими в жанре исторической документалистики, а тем более романистики, существует немало противоречий. Основное из них – мнение писателей о их праве на вымысел, причем весьма широкий и мало чем ограниченный. Иными оказались статьи Александра Кухно. Он шёл от источника и скрупулёзно стремился проверить каждый факт. И теперь, когда в моих руках его книга, можно увидеть и творческую лабораторию автора, пути его поиска, общение с людьми и т. д.

Вы имели полное основание назвать любовно подготовленную Вами книгу к печати Александра Антоновича “Слова, зовущие к добру...”. Эта книга невелика по объёму, но в ней столько тепла и любви к людям, что лишний раз убеждаешься в том, насколько выше слова, идущие от сердца, всего написанного бойким пером равнодушного человека”.

В. А. Дунаевский – заместитель председателя научного совета по проблемам историографии. Председатель этого совета академик М. В. Нечкина (у неё работы – о декабристах).

Вот такая новая жизнь у книги Сашенькиной.

Лиля, милая, напиши коротенько о себе, письмо. Жду!!!

P. S. Новосибирск простился с писателем Ильёй Михайловичем Лавровым. Саша его очень любил, посвятил ему стихотворение “Ах, какие у нас метели...”

9 сентября 1983 г.

Добрый день, дорогой Алик!

Как подарок судьбы была для нас с Андреем эта поездка в Москву – музей, улицы Москвы, встреча с Татьяной Фёдоровной, с вами, дача, ваш красивый лес, прогулка с тобой утром, ваши родимые лица, ваши голоса, приветливость и усталость Лили, и стайка молодёжи, и мой застенчивый Андрюшка среди вас, и чуткий, милый Дима! Мы с Андреем всё это, как говорится, вобрали в сердце, я так – на всю жизнь!..

24 апреля 1984 г.

У нас всё по-прежнему, в 1985 г. в библиотеке “Сибирская поэзия” выйдет сборник стихов Саши, я уже сдала в редакцию.

Лилечка, спасибо за приглашение приехать к вам летом, но не знаю, как будет с Сергеем, если состояние у него будет неплохое — надо будет с ним летом отдохнуть, хотя я с ним сейчас в постоянном напряжении: он стал капризнее, беспокойнее. У Андрея взяли на Всесоюзную выставку рисунка и акварели — 4 рисунка. Вот и все наши новости.

23 февраля 1985 г.

Дорогой Алик, огромное спасибо за то, что согласился написать предисловие, ведь ты вдохновитель, поддержка Сашеньке — крёстный отец всех материалов о Лежене. У Саши даже сохранилась страница (сам её печатал на машинке), где — о тебе. Видимо, документальную повесть о Лежене он хотел начать с этой статьи — “Сто вопросов Адриену Лежену” и так... Я переписала себе страницу, а тебе посылаю эту — на добрую память. В Литературный музей (при Краеведческом музее) я отдала уже некоторые вещи Саши и страницы с его стихами (рукописные), отдам и эту страницу (я её недавно нашла).

26 июня 1985 г.

Поздравляю Лилечку, хозяйшку, хлопотунью, умницу, красавицу, с днём рождения, а весь ваш светлый дом, всех вас с таким тёплым и радостным праздником!

Лилечка, вижу тебя, твои приветливые, сверкающие глаза, твои нежные губы, улыбку твою — мне всегда было так уютно, радостно с тобой, как и Сашеньке когда-то, как Андрею с Таней, Серёже моему, как многим и многим! Будь счастлива, родная! Поздравления тебе шлют Сергей, Андрей, Таня.

Алик, пришел из Москвы темплан на 1987 год, где утвердили Сашину книгу об А. Лежене “Жизнь под Красным знаменем” — 8 листов. Это расклейка из книги “Слова...” и добавления, два экземпляра которых я тебе послала по почте. Надо уже срочно работать над предисловием. Сообщи, пожалуйста, когда ты пришлешь его — главный редактор требует книгу в комплекте. Предисловие надо — на 0,4 листа примерно.

Очень прошу, передайте от нас с Андреем сердечный привет Ю. Иванову, это была для Андрея незабываемая встреча. Спасибо вам за всё, дорогие!

Сергей чувствует себя сейчас неплохо.

Алик, пожалуйста, сообщи, когда будет готово предисловие.

20 декабря 1985 г.

Дорогие мои, милые Лилечка, Алик и Дима, поздравляем вас с Новым годом, желаем прежде всего — здоровья, успехов и счастья!

Рада была узнать, что юбилей у Алика прошел прекрасно: сколько Алик сделано в жизни славных дел, скольким людям оказана им бескорыстная и сердечная помощь, сколько написано прекрасных книг — это всё достойно удивления и восхищения! Вспоминаю его родное и милое лицо, вас всех, Лилечка, когда Андрей рисовал Диму в мундире Лермонтова... Господи, да ведь это было счастье, потрясения для нас с Андреем — Москва и вы все!

1985 г.

Дорогой Алик, твой “Реквием другу”* — это потрясение для меня: высокая правдивость во всех деталях, искренность, нежность и любовь к Саше. Ты — как брат Саши. Это моё сердце запомнит навсегда! Спасибо тебе великое!

Я много раз прочла — и показала редактору и Нине Сергеевне Семаевой. Второе потрясение: такое предисловие, именно к книге о Лежене по редакции массово-политической литературы, к юбилею (70-летию) Октября, где много о Саше, о его творческой судьбе, не подходит. “Надо небольшое предисловие, страницы на 4–5, отражающее только работу Александра Кухно по сборанию материала о Лежене”, — так мне сказали.

---

* “Реквием другу” — предисловие А. Лиханова к книге А. Кухно “Жизнь под Красным знаменем”, включённое в неё лишь фрагментарно. В настоящем издании публикуется в преддверии этих писем полностью в первоначальном виде.

Извини меня, Алик, родной мой, по-другому написать о Саше, ты, наверное, не сможешь. И мне больно и стыдно: ты рвал сердце, тратил своё драгоценное время и силы, а вот как вышло! Прости меня, прости меня, Алик! Выход из положения тогда такой – рассказ Саши до его статьи “По следам коммунара Лежена” (в книге “Слова...” этот текст идёт курсивом – стр. 182–184) и будет предисловием. Твою статью, с твоего согласия, я постараюсь в дальнейшем напечатать.

Поздравляю Диму с рождением сына, тебя и Лилечку – с рождением внука! От всего сердца желаю вырасти ему здоровым, умным и добрым!

1986 г.

Лилечка, спасибо тебе за новогоднюю открытку – чувствую, как тревожно иной раз вам живётся – и с малышом, и с работой у Алика... Видела в магазине 4-томник Алика, как это здорово! У нас в магазине, который выдаёт за деньги домой труднодоступную литературу – классическую и т. д. Рада за вас!

1987 г.

Дорогая моя, я пошла на пенсию, жизнь усложнилась и ещё больше усложнится. Думала, потихоньку с Сергеем – два пенсионера – проживём. У него пенсия 70 рублей, у меня – 132 рубля. Но вдруг потребовали в психиатрической больнице платить за Сергея (он хроник, “иначе в больницу хроников за городом забирайте”) – 120 рублей в месяц. Я в ужасе пошла в горздравотдел, и там дали нагоняй врачам – с меня, пенсионерки, 50 рублей запретили брать, но пенсию Сергея в больницу всю забрали. А он курит, может, это единственное удовольствие у него. Папиросы у цыган покупаю по 3 рубля за пачку. Из моей пенсии на курево уходит всё равно 45 рублей на Сергея. Да домой беру на субботу и воскресенье (10 дней в месяц), кормить на что-то ведь надо. В больницу обязательно 2 раза в неделю хожу – тоже деньги. Вот такая жизнь у нас с Сергеем. Чувствует он себя неплохо. “Вы самая заботливая мама”, – говорит мне врач. Потому и не отдам в больницу хроников, хоть там бесплатно бы его держали. Но я стараюсь поддерживать его здоровье, часто вижусь с ним, и он чувствует заботу, не тоскует!..

Лиля, мне на Новый год не написала Т. Ф. Редько. Ты не знаешь, что с ней? Напиши о себе, Алике.

Всем привет от Андрея, обнимаю

Ольга.

1987 г.

Слава Богу, Серёженьке стало лучше, беру его домой, когда врач разрешает; Андрей в декабре был на курорте Карачи, институт, где он работает, дал ему бесплатную путёвку – он большой общественник в институте – лучший куратор студенческих групп, недавно назначили старшим преподавателем, повысили зарплату на 40 рублей. Таня защитила диплом с отличием – измоталась, похудела. Сейчас уже ей будет легче работать, стала тоже старшим инженером. Бывает в командировках. А вот внуков нет... Целую малыша, целую вас всех – привет от сыновей моих. Лилечка, пожалуйста, напиши мне!

Рады за Алика, за Диму – хорошие статьи у него в “Огоньке”! Будьте здоровы все!

1987 г.

Милые мои Лилечка, Алик!

Поздравляю вас всех с великим праздником – 70-летием Октября, родные мои, я горжусь вами, я, хоть и далеко от вас, но никого роднее для Сашеньки и меня не было и нет – это и ваша человеческая красивая сила, это ваш труд – такой необходимый для Родины: я люблюсь, Алик, я горжусь, что ты поднял такое дело всенародное по охране детства.

Слышала по радио, что Дима работает смело, серьёзно!

Дети мои – Серёжа в это лето болел, редко отпускали домой, я часто ходила в больницу, кормила его. Читает он много, но было обострение – мания преследования, боялись отпускать домой. Тяжело, больно...

Андрей два месяца был на худож. дачах, много работал, Куприянов, художник, был у него руководителем. Курсовка дорого обошлась, почти весь гонорар за книгу “Жизнь” отдала Андрею – по 3 рубля в день квартира, да материалы надо было купить для работы. Но я очень рада за него – рядом были серьёзные помощники.

Лиля, Алик, напишите, пожалуйста, как вам книга “Жизнь под Красным знаменем”? Я очень жду от вас письма, очень!

8 февраля 1987 г.

Лиля, Алик – в этом году Сашеньке исполнилось бы 55 лет. Давайте вспомним его “тихим словом”, вспомним его лицо, его улыбку... и его ярость. Милые мои, побудьте со мной в эту минуту, когда читаете письмо. Мне с каждым годом всё тоскливее и страшнее без Сашеньки! Я никому так не пишу, а сейчас не могу сдержаться.

А. Никульков в 1986 г. сделал телепередачу о творчестве Сашеньки – десятиклассники Академгородка читали стихи, говорили о творчестве Саши. Хорошая телепередача. В ДК Горького – в ноябре о творчестве Саши.

В этом году в школе прапорщиков тоже была встреча с поэзией Саши, будет ещё и в библиотеках города. Вот мой маленький отчёт.

По Новосибирскому радио подготовил передачу о творчестве Саши Виктор Крещик.

Родимые мои, спасибо вам за всё, что сделано вами для Сашеньки и при его жизни и... Спасибо, Алик, что посетил Татьяну Фёдоровну, когда она заболела. Она писала мне об этом в письме. Это все драгоценные подробности нашей жизни.

Будьте здоровы, берегите Ванечку!

У нас пока всё по-прежнему, только бы был относительно здоров Сергей, да не кис бы Андрей.

Приглашу друзей 14 или 15 апреля, если бы вы смогли приехать, была бы счастлива, но я понимаю, что не всё в нашей власти.

1990 г.

Милые Лилечка, Алик, сердечно поздравляю вас с Новым годом, а также Диму и Ванечку – пусть наступающий 1991 год будет добрым для всех нас, для страны!

Дорогие мои, я пошла на пенсию, но иногда работаю – веду корректуры книг Николая Рериха.

Я уже писала, что Андрей заболел – щитовидка, но сейчас намного лучше. Хотя постоянно надо лечиться.

Сергея часто отпускают домой – вот так и живём.

В 1992 году – 60-летие Сашеньки. Я не уверена, что книга Саши (а я рукопись отдала в Новосибирское книжное издательство – включив поэму “Море”) будет издана: бумаги нет, в издательстве паника, идёт сокращение работников – как и везде... Как и везде – в Новосибирске трудная жизнь!

1991 г.

В этом году на даче срубили 6 аварийных берёз – освободилась земля под картошку. Будем “хозяйничать” на своей земле!

Я, наверное, писала, что будет в 1992 г. книга Саши с поэмой “Море” – я добилась, ходила к директору Новосибирского издательства. Мои дорогие, я счастлива, что получила от вас весточку. Т. Ф. Редько прислала мне каталог К. Н. Редько с его персональной выставки в Русском музее.

15 апреля 1992 г.

Лилечка, Алик, трудно мне далась эта книжечка – “Вашей учусь любви...”: книготорг запрещает планировать поэтические сборники издательству.

Сначала уговаривала директора издательства, потом ходила к директору книгорторга — и вот к 60-летию Саши появилась книжечка в 3 листа, тираж — 1 тысяча. Но какое это счастье, что вышла книга!!!

Алик, я отдала в “Сибирские огни” твои воспоминания о Саше, есть у них материалы и других писателей о Саше. Но журнал не набрал тираж — и неизвестно, будет ли он существовать... Редакция работает — без зарплаты уже 2 месяца, найти хотят спонсора. Ходила в “Сибирские огни” недавно, обещают, если будет журнал функционировать, напечатать.

В журнале “Слово” (1991, № 12) опубликован рассказ писателя Василия Афонина, в нём — о Сашеньке. Я очень рада этой публикации.

Василий Коньяков пишет о Саше (к его 60-летию) в газету “Советская Сибирь”. Вот вам полный отчёт, друзья мои.

Живём нормально! Андрей — старший преподаватель в Архитектурном институте. Сергея часто беру из больницы, готовлю ему вкусные обеды: торты делаю домашние — мука, кефир, 2 яйца, варенье — и не за 40–60 руб. торт, а за 5 руб. Он улыбается: “За такие обеды и в ножки можно поклониться, мама”.

1993 г.

Лилечка, дорогая моя, пишу тебе письмо, а перед глазами Останкино, где вы жили, аллея около Тимирязевки, очень похожая на нашу аллею на пл. Калинина (к аэропорту ведущая), Университет на Ленинских горах, куда попросил нас с Сашей Сергей свозить его, Внуково, дача ваша, друзья в Москве, Татьяна Фёдоровна и вы — ласковые, заботливые, деятельные и талантливые, милые мои Лиля и Алик! Милые мои! Спасибо тебе за память, Лиля, за подарок, за приглашение, но приехать не решусь...

Лилечка, нет со мной рядом Серёженьки. У него начались припадки эпилепсии — ухудшилось состояние здоровья... Милый мой сыночек, царство ему небесное, вечный покой — недолго мучился — за 3 месяца ухудшилось состояние, умер во сне. Я ходила каждый день в больницу, кормила его. Царство небесное Сашеньке и Серёже, вечная память. Утром и вечером каждый день я прошу Бога защитить их, я молюсь, хожу в церковь (не часто).

Нет писем от Татьяны Фёдоровны Редько. Что с нею, Лиля, напиши, пожалуйста, пару слов.

Андрей по-прежнему работает преподавателем в Архитектурном институте, теперь — старшим преподавателем. Участвует в выставках. Прошлым летом выходил на улицы города рисовать здания Новосибирска — акварелью их рисовал (Вокзал, Оперный театр, Центральный дом книги и другие). Потом в этом году, году Столетия города, сделал картины маслом (перечисленные здания) — и у него купили 3 картины в Салоне Новосибирска иностранцы. Андрюха доволен, конечно. И вообще, когда он отдает в Салон картины на продажу, у него их все покупают. Но он делает их небольшие, недорого. Большой привет вам всем от него и жены — Тани, она была у вас с Андреем однажды.

Дорогие мои, у меня новость: в № 1–2 (93 г.) книжке “Сибирских огней” (это один номер: из-за отсутствия денег они стали тоненькие. Журнал выдворили из здания на снег прошлой зимой, их приютили спонсоры. Многие материалы идут без гонорара) напечатали Сашины стихи, которые я обнаружила недавно, немного с опозданием к 60-летию. Гонорар платить нечем, да мне и не надо. Но вот что: не смогли напечатать воспоминание Алика о Саше, это мне очень больно. Надеюсь, что всё-таки напечатают. Опубликовали 10 стихотворений.

18 января 1996 г.

Милые, родные мои Лилечка и Алик, спасибо огромное за новогоднее поздравление, за приглашение приехать к вам! Спасибо! Мои дорогие, у всех напряжённая жизнь, заботы, хлопоты, а у тебя, Лиля, тройне — всю жизнь, как и у Алика — с его непростой работой. А это всё нервы — отсюда и болезни.

Господи, спаси и сохрани моих любимых — Лилю и Алика. Алику, действительно, нужно подлечиться в больнице — будьте благоразумны — не надрывайтесь, мои трудяги, талантливые и яркие друзья — во всём!

Судьба наградила вас внуком; Лилечка, радуюсь, что он рядом с тобой, его успехам. Как мне этого не хватает! Ну, ничего...

Милая моя, редкие твои письма – как драгоценные камушки: распахнутые ваши сердца к друзьям, к жизни, вы такие щедрые и ласковые. И вас люди любят, я это знаю. Для меня вы святые, потому что Сашеньке было с вами интересно, спокойно и счастливо! Он любил вас. Я вас очень люблю и буду Бога молить за вас. Я хожу в церковь, редко, правда, но я верю в Добро и Милость Господа нашего, в могучую, добрую Эволюцию жизни.

После ухода Саши из жизни я обнаружила книгу в книжном шкафу в пожелтевшей газете – это была Библия. Видимо, когда я была на работе, он читал её – как прекрасный образец духовной культуры, и... успокаивался.

Лилечка, приехать я не смогу, хотя очень хочется: я подрабатываю на квартиру, оплата квартиры такой большой – половина моей пенсии, да еще – дорогая охрана. Менять пока квартиру не буду – живу 18 лет без Саши и пока в другом месте житьё не представляю.

...Не помню, писала ли я, что Андрея приняли в Союз художников по жанру – графика. Работает. В школе №95 организован литературно-музыкальный клуб старшеклассников “Парус” им. Александра Кухно. Проводятся вечера поэзии новосибирских поэтов. Ребята читают стихи. По радио в этом году было несколько композиций по стихам Саши. Я очень благодарна всем. Всего вам доброго. От Андрея и Тани – поздравления. Обнимаю.

Ольга.

2002 г.

Лилечка, милая, тебя любят люди, прими и моё уважение и любовь! Твой прекрасный духовный и душевный мир, стойкость духа и женственность, красота и доброта – вот такой я вижу тебя все годы нашей дружбы.

Безмерно люблю тебя, желаю здоровья, радостей и благополучия! Я благодарна вам за огромную душевную помощь во всём. Люблю вас, ласковых и щедрых во всём!

Андрей и Таня работают, а это сейчас самое главное, живут дружно. Но нет внуков – печально.

Андрею из Москвы прислали диплом учёного звания доцента.

70-летие Саши в городе прошло отлично – школы, библиотеки, в Краеведческом музее. Наконец-то присвоили Криводановской библиотеке имя Саши. Он для меня все, был и есть, будет! В Криводановской библиотеке часто будут проходить вечера поэзии – стихи Саши и других новосибирских и сибирских поэтов. Спасибо Алику – у меня теперь будет работа по этому замечательному поводу!

2002 г.

Милые Лиля, Алик!

70-летие Саши, его творчество отметили новосибирцы ярко, сердечно:

15 марта – в школе №110, где я впервые после института преподавала и где учились наши дети, где выступал Саша. Старшеклассники.

20 марта в Областной юношеской библиотеке – вечер поэзии Александра Кухно. Старшеклассники.

5 апреля – в гимназии №9 (бывшая школа №155, где учились наши дети, где выступал Саша часто). Любители поэзии. В музее школы – уголок поэта А. Кухно.

9 апреля – в Краеведческом музее – учащиеся кооперативного училища.

12 апреля – в радиостанции “Слово” – Новосибирского радио. Чтение стихов.

15 апреля – юбилей провели в Новосибирском книжном издательстве, приглашены писатели. Тёплое и нежное отношение к Саше. Хорошо говорила Нина Сергеевна Семаева – директор издательства.

27 апреля – в школе-лицее №95, где литературный клуб им. А. Кухно, прошел замечательный праздник – дни славянской письменности, районный праздник – собрались учащиеся и преподаватели из других школ, во 2-м отделении “Литературная страница”, посвящённая творчеству А. Кухно.

Красиво оформленная сцена, где большой портрет Саши. Семеро десятиклассников – юношей читали стихи, музыка, необычно, сердечно и ярко. 10 лет уже клубу, спасибо им огромное за любовь к творчеству Саши. Это был замечательный праздник! Я была счастлива. Наталья Витальевна Морозова – заместитель директора, руководитель Эстетического центра в лицее – волшебница, всегда превосходно вот уже 10 лет устраивает встречи учащихся с поэзией Саши.

7 мая – в Картинной галерее прошел поэтический вечер “Пять писателей на “К” после Грицюка” (есть такое стихотворение у Саши). Я рассказала о дружбе Н. Грицюка с друзьями (Фоняковы, Самохины, Кухно). Как Саша “нашёл” портрет А. Лежена у Т. Ф. Редько, Николай Грицюк в закупочной комиссии Союза художников купил его для Картинной галереи. Статьи твои, Алик, и слайды в журналах, отрывки из дневников – и в 1976 г. Т. Ф. писала в письме, что почти все картины К. Редько в музеях и галереях. Рассказ был выслушан со вниманием. Читали стихи Саши; музыка – скрипка.

12 мая – по Новосибирскому радио в передаче Теботина В. В. радиокomпозиция по рассказу “Откуда аз есмь...”, отличная композиция (военные годы, отец, бабушка Александра Михайловна, как мама относившаяся к Саше...)

13 мая – в школе №160 состоялась встреча учащихся с поэзией Саши. В школьной газете – его стихи. Ученики читали стихи и даже – директор школы, которую пригласили (по книге читала). *За апрель я прожила незабываемые часы...*

Милые мои, я не ожидала такого нежного отношения к Саше, его поэзии, к его сердцу, отданному людям, Родине, друзьям. Я никогда этого не забуду, как не забуду и вашей дружбы.

Теперь о библиотеке – это очень всё будет нескоро сделано. В ВАСХНИЛЕ хотя бы библиотеке присвоить имя академика Синягина, основавшего ВАСХНИЛ; не получилось присвоить имя Саши этой библиотеке.

Теперь решается вопрос о библиотеке в городке Кольцово (в черте города Новосибирска). Но директор библиотеки в Кольцово уехала в отпуск (21 день), и снова всё застопорилось. Без её разрешения нельзя...

Алик и Лиля, у вас трудное, печальное время – и как люблю я вашу отзывчивость, сердечность, дружбу!

Алик, милый, 70-летие Саши город отметил достойно! Не волнуйся.

Всего вам доброго, родные мои, спокойствие и равновесие духа вам желаю... Я всем сердцем с вами.

Привет от Андрея и Тани. В декабре 2002 г. ему выдали “Диплом III степени за участие в Международной выставке по графике”. Мы рады.

18 октября 2004 г.

Добрый день, милые мои Лиля и Алик!

Алик, 16 октября в Криводановской библиотеке на уроке литературы я выступила перед учениками 10-х классов “О творческой и общественной деятельности Альберта Анатольевича Лиханова”. Очень помогла мне книга Игоря Мотяшова – о творчестве и твоей комсомольской работе, о твоей заботе о молодёжи. На эту тему выступлю и в Литературном музее Новосибирска.

Рассказала о том, что в 1966 г. молодые русские и немецкие поэты посетили Тулу, Воронеж и Сталинград (прочла отрывок письма Саши ко мне о поездке в Сталинград), о твоих книгах, о дружбе с Сашей и постоянной твоей поддержке его – прочла отрывок письма Саши к тебе: “...Здорово помогает мне только один человек – А. А. Лиханов, к которому я век буду испытывать благодарные чувства и о котором скучаю...”

О работе в Детском фонде я читала отрывки из твоих статей в газетах (“Чужая жизнь, безжалостней моей, зовёт меня” – как к тебе подходит эта строка поэта Маркова). Самые страшные цифры о положении сирот в России я не называла...

Библиотека приготовила выставку из твоих книг, Алик, книг было много, дети читают их. Я прочла отрывки “Осенней ярмарки” (сравнила, что так же жестоко убивали детей в Беслане), из “Лабиринта” и “Солнечного затмения” (я особенно люблю эту повесть). На обложке книги “Никто” прочла сведения о тебе.

Педагоги сказали мне, что урок прошёл ярко, интересно.

Алик, очень прошу, пожалуйста, пришли в библиотеку (на мой адрес) книгу (из последних, если можно) с надписью.

Пожалуйста, пришли свою книгу с подписью и Литературному музею в Новосибирске (тоже на мой адрес). Музей называется “Новосибирская книга”. Я постараюсь найти дома книгу “Юрка Гагарин – тёзка космонавта” и подарю от твоего имени (и с твоей надписью мне, я корректор в книге) Литературному музею. Она ведь издана в Новосибирском книжном издательстве. Вот так мне хочется в Сибири – в Новосибирске – отметить твоё 70-летие. Извини за длинноты.

Еще раньше в библиотеке я рассказала ребятам о жизни и творчестве Н. Островского – к его 100-летию. Тоже была организована выставка его книг и фотографий.

Родимые мои, Алик и Лиля! Я люблю вас и благодарна вам за ваши щедрые сердца, за то, что вы так любите Россию.

“Только одно сердце может видеть, глазами многое не увидишь...” Сент-Экзюпери.

2004 г.

Милые Лия и Алик, пишу я вам в солнечный воскресный денёчек, вчера – в субботу трудились на даче, там у нас только кусты чёрной смородины, да немного викитории, – вот спешу сообщить вам, что наконец-то определили в отделе культуры библиотеку, которой присвоят имя А. Кухно.

В городе уже давно, сказали мне, нет свободной библиотеки, чтобы присвоить имя, а в Новосибирском сельском районе выбрали библиотеку в пригороде Новосибирска, в поселке городского типа – Криводановке, которой исполнилось в 2000 г. 300 лет (она была приписана когда-то к Томской губернии).

Мы с Виктором Зерновым-Крещиком, он председатель юбилейной комиссии в Союзе писателей, это он предложил в мэрии – назвать улицу именем Саши, чтобы ознакомиться с библиотекой.

На метро от моего дома до площади Маркса (конечная остановка метро) – 20 минут, потом тут же, недалеко, остановка маршрутного такси и до Криводановки 25 минут. Недалеко, асфальтовая дорога. Около остановки в Криводановке – Дом культуры, большой, красивый, и в нём библиотека. Большой читальный зал, в следующих комнатах – залы: взрослый абонемент и детский. Опрятное, светлое помещение. Работают три человека. Заведующая Людмила Николаевна – приветливый, интеллигентный человек. Мы понравились друг другу. Она работала в Новосибирске библиотекарем, и вот сейчас (из-за квартиры перевелась сюда) – 16 лет в этой библиотеке работает.

Я привезла большой, под стеклом, Сашин портрет, который к 50-летию Саши написал писатель Василий Коньяков, он когда-то окончил с отличием художественное училище. Привезла все 9 книжек Сашиних (4 – прижизненные и 5, выпущенные после смерти). Людмила Николаевна показала нам центральный стенд, который оформит под книги Саши и фото. Из Союза писателей и из отдела культуры приедут на открытие библиотеки, когда ей официально присвоят имя А. Кухно. Привезут свои книги. Я отдам твои книги, Алик, некоторые. Там будут проходить вечера поэзии сибирских поэтов и писателей... Я счастлива, что могу помогать в какой-то степени библиотеке в привлечении народа (из города будем приезжать на вечера, я уже знаю, кто согласится). В этом отношении будет помогать Крещик, кстати, ему в июне, на городском празднике, присвоено звание лауреата премии Гарина-Михайловского. Я счастлива, Алик, что твоё предложение о библиотеке осуществилось, и у Саши теперь появился четвёртый “дом” – первый, где родился, второй, где женился, третий – Союз писателей, четвёртый – библиотека.

С января этого года каждый мой день был занят памятью о Саше, и люди трепетно помнят его.

Будем помнить наших родимых, пока мы живы.

19 сентября 2005 г.

Милые мои, Лилечка и Алик!

В Центре истории Новосибирской книги (Литературном музее) директор Наталья Ивановна Левченко 8 сентября устроила встречу библиотекарей, педагогов, посвящённую 70-летию Альберта Лиханова, известного писателя и общественного деятеля. Рассказывали она и я – мы прочитали книгу “Поле жизни...” до встречи, подготовились. Я рассказала и о дружбе нашей, как Алик помогал Саше, как вы были внимательны к нему, как любили его, нас...

Сейчас я как-то сухоато написала, но поверьте, рассказ наш был эмоциональным, полным уважения и признательности к Алику. Собравшиеся были тоже взволнованы, заинтересованы рассказом. Нина Сергеевна Семаева подошла позже и сказала мне, что многого о тебе, Алик, не знала. Были зачитаны высказывания Астафьева, Алфёрова и других из книги “Поле”...

Я очень благодарна Наталье Ивановне, что она предложила устраивать встречи такие об Альберте Лиханове, она сделала замечательную выставку.

На 1-м стенде “Поле жизни Альберта Лиханова” – фотоматериалы, издания книг с автографами Алика (Яновскому, Кухно, Самаевой и др.), иллюстрации к книгам Алика Юрия Иванова. На 2-м стенде “Хранитель детства” – книги Алика. На 3-м документы об издании книжной серии “Молодая проза Сибири”. Немного – письма Саши и Алика (первые письма). Фото Лежена, фото художника К. Редько, написавшего портрет его перед войной в Барвихе, и фото Т. Ф. Редько, вдовы художника.

Я рассказала, как вы посетили её, как Аликом были опубликованы его небольшие рассказы о художнике и фото с картин в московских журналах “Москва” и “Искусство”. Картины стали брать у вдовы в музее. Алик сделал великое дело!

А после ухода Саши он опубликовал его стихи в московских журналах – тоже мне очень дорого.

В общем, всё, что мне дорого – золотое сердце Алика, его подвижничество в любом деле, за которое он берётся (рассказала о Детском фонде), ваша семья – на выставке книга Димы “Ищу деда”, изящная книга-альбом о тебе, Лиля, – обо всём этом я постаралась рассказать тепло и полно – и о том, что ты, Лиля, работала на Кировском телевидении и на Новосибирском.

Я отдала Литературному музею картину, которую Алик привёз Саше из ГДР.

По телевидению рассказали о выставке, по радио была информация о том, что “будут встречи с читателями о творчестве А. Лиханова” в Литературном музее и об его общественной деятельности. И такие встречи состоялись – с учащимися педколледжа, с учащимися 5–6 классов, запланированы – с гуманитарными классами 132-й школы. Выставка и встречи будут больше месяца.

В Криводановской библиотеке им. А. Кухно я тоже проведу встречу с учащимися и педагогами, покажу книгу “Поле жизни...”, фотографии.

Вот мой отчёт вам, мои дорогие...

Надеюсь, юбилей прошёл достойно. Всё это стоит нервов. Ещё раз поздравляю Алика и всех вас!

12 апреля 2006 г.

Лиля, получила твоё письмо. Спасибо за пожелание мне успехов в “тех делах, которые наполняют твою жизнь”. Мне твоё слово дорого! А сердце переполняют боль, унижение от теперешней жизни. И когда я буду делать доклады – собеседования в Криводановской библиотеке перед старшеклассниками о 100-летию нашей замечательной поэтессы Елизаветы Стюарт, о 95-летию писательницы Елены Коронатовой, сердце как-то отойдёт.

Е. Стюарт (война) –

*...И это всё под силу
прекрасному народу моему.*

И она же:

*Что за чудо — простые слова:
“Помогу”, “поддержу”, “пожалую”...
Этим даром не каждый владеет —
Доброта не во всяком жива.*

Читаем её и других поэтов стихи – библиотекари, ученики и я.

Мы с Сашей дружили со Стюарт и Коронатовой. На Всемирном русском соборе владыка Кирилл говорил, что нужна помощь людям. И 8 апреля Алик по телевидению: “Мы говорим – нефть, газ – ресурс, но главный ресурс – доброта”.

Это “материнское чувство жизни”, как говорил Михаил Пришвин, пронизывает всю вашу жизнь, Лиля! Всем сердцем люблю вас, мои самые дорогие! Я каждое утро молюсь за вас, за ваше сердце и прекрасные устремления помочь детям России! За ваши дела! Лиля, очень тебя прошу – напиши *слово благодарности* (мне в письме, я передам) директору Литературного музея Новосибирска Наталье Ивановне Левченко за проведение тематической встречи, “посвящённой 70-летию Альберта Лиханова, известного писателя и общественного деятеля...” Лиля, фото, книги Алика на выставке “Хранитель детства” и другие материалы были в музее месяц. Были беседы, приходили учащиеся из школ, техникумов.

Привет и пожелание здоровья, успехов от Андрея, Тани. Она стала побольше получать – зарплату. Иногда даёт мне деньги на лекарство. Я уже 4 года весной и осенью хожу на уколы – от катаракты.

22 июня 2006 г.

Лилечка, мне неловко, что ты сделала мне такой подарок! Но в письме я тебе написала – раньше, что не смогу приехать – серьёзно буду лечить спину. Если бы ты видела, как меня согнула спина, сейчас получше – ношу пояс.

Но деньги я использую на благо – уколы очень дорогие, их делать надо будет 2 раза – с перерывами. И на остальные лекарства нужны деньги. Милая, вот и пригодятся мне деньги!

Все мы трепетно любим вас; извините, что не смогу приехать. Но ваша помощь так нужна мне сейчас...

Всего вам доброго, удивительные мои!

27 мая 2007 г.

Лилечка, Алик, какое письмо, ласковое, сердечное, вы мне прислали! Спасибо огромное за столь высокую оценку книги. Алексей Горшенин этому рад: “значит, она зацепила”. Он, действительно, полюбил Сашу, когда писал книгу. Все это отмечают.

Ему 60 лет. 22 мая, когда я получила драгоценное письмо ваше, он позвонил мне и рассказал, что из мэрии Новосибирска и писатели сообщили ему, что он стал лауреатом премии им. Гарина-Михайловского (у него вышла солидная, интересная книга “Лица сибирской литературы”). Я ему передала вашу благодарность за книгу “Большое сердце поэта”. Он благодарит вас. Он прозаик, критик.

Алексей часто приходил, когда писал книгу. Вопросы, уточнения по моему дневнику. Когда он принёс оригинал, я поняла, что книга получилась неплохая. От Фоняковых тоже получила письмо – с высокой оценкой.

В год 75-летия Саши состоялись поэтические вечера в библиотеках города и в Криводановской библиотеке имени Саши. Раздавала там книги с его стихотворениями и “Большое сердце поэта”. Книга всем понравилась, позже звонили, собрались библиотекари из 30 библиотек района, Алик, благодарю, что ты предложил, чтобы библиотека была имени Саши! Она в пригороде, 50 минут от метро на автобусе. Там бывают в день его рождения настоящие праздники!

Алик, Лиля, вам всегда были дороги (и Саше тоже) совесть, доброта, честь, любовь к Родине. Часто при творческих встречах повторяю твои слова, Алик: “Говорят, что наш резерв – нефть, газ... а настоящий резерв – доброта” (по телевидению, апрель 2006 год). В молитве: “Заступник мой еси, и Прибежище мое, Бог мой”. Саша тебе в письме писал “Заступа моя”. В стихотворении “Алёнушка”: “И перед тобой, заступница, тёмный лес расступится”. Милые, этим жили и будем жить!

“Поезд памяти” увезёт в глухие села Новосибирской области сборники стихов Саши и книгу “Большое сердце поэта”, как и книги других поэтов и писателей. В поезде врачи, писатели, артисты, отец Тихон, сотрудники из Общества книголюбов, которые мне помогли издать книгу Горшенина.

Вот мой отчёт вам, дорогие мои.

Алик, ты правильно почувствовал: сиротство, тяготы чужой вины, которые мы оба как-то преодолевали, ранимость – писал мало, но благородство чувств и взыскательный вкус... Ты об этом писал. Ну а теперь-то вообще он был бы никому не нужен: бойкие, с ледяными глазами “новые” политики, писатели, артисты, “новые” читатели – да кто им сейчас нужен, кроме денег и личного комфорта?!

20 ноября 2007 г.

Милые мои, родимые Лилечка и Алик! Посылаю вам газету “Советская Сибирь” со статьёй о Саше к его 75-летию. Мне она нравится. Написала её Галина Валентиновна Черезова, хороший, честный журналист. Сашу она не знала, но очень, очень любит его творчество.

Алик, извини, пожалуйста, что я для статьи дала ей твоё письмо. Оно такое родное, нужное людям своей правдой, любовью к Саше.

Дорогие, прочла статью “Что с нами, люди добрые?” Сердце защемило от того, что ты делаешь, Алик, для детей России и что делают чинуши, без сердца и стыда, без совести.

Я горжусь вами, Лиля и Алик, за вашу смелость и любовь к Родине!.. Никого дороже вас у нас с Андреем нет!

Прошли интересные, яркие встречи о творчестве Саши в Криводановской библиотеке, педуниверситете и в библиотеках города. Песни и стихи, стихи...

12 марта 2008 г.

Лилечка, Алик, родимые, ласковые, получила от вас телеграмму, огромное спасибо – за всё, за всё! И сердце отвечает Сашиними строчками:

Может, вами одними живу...

12 марта город отметил 30-летие со дня кончины Саши: в самой большой красивой Областной научной библиотеке состоялся вечер памяти Саши “Ранимый мастер”. Пришло много народу, кому дорого его творчество, и много знакомых. Вспоминали, читали стихи. И ведущая Ирина Гайлес познакомила с биографией Саши. Все было замечательно! Вот такой же отличный вечер памяти прошел в Криводановской библиотеке имени А. Кухно, теплая взволнованная обстановка, слайды, музыка (2007 г.), и в библиотеке педагогического университета (2007 г.). И самое главное – люди сами устраивают эти вечера, значит, помнят, любят стихи Саши, его душу.

19 июля 2008 г.

Дорогие мои – Лилечка и Алик! Пишу вам горестное письмо о том, что я не смогу приехать к вам – даже по поводу книги Саши.

Сейчас все по порядку. Несколько лет назад, когда Таня возвращалась зимой в 7 часов вечера, на неё напали. Раздели, недорогую шубку стащили – и она в мороз дошла до дому. Была потом в больнице, вылечили её от простуды. Ходят по врачам. Первый раз исследовали мозг – помешали Андрея в какую-то камеру, не знаю, как называется, через несколько дней 2-й раз – он не выдержал, закричал. Сейчас надо – на компьютер, записались на очередь. Каждый день всё это на нервах, как пойдёт лечение дальше. Пока с памятью улучшения нет. Да ещё и у Тани срыв...

Родимые мои, никогда не думала, что будет так в нашей семье.

23 июля 2008 г.

Родимые мои Лилечка и Алик!

У меня неладно с Андреем. Частичная потеря памяти. Таня ему пишет расписание (узнаёт у секретаря), он ходит на работу. Боится оставаться дома один. Таня часто ходит с ним к невропатологу, и были у психиатра. Пьёт лекарства, которые они назначили. Сейчас у него отпуск, и надо всё сделать к началу учебного года. Ему 52 года, Господи, Помогите и Сохрани нас! Как мы

с Таней выдержим? Часто кричит, нервничает. Я как могу – помогаю ей. Вся на нервах: и давление у неё и у меня высокое.

Я глушу себя работой. Всё продумала, как сделать Сашину книгу. Но приехать не смогу. Поймите меня. Мне так стыдно. Но вдвоём с Таней мы как-то будем поддерживать его. А я лишний раз боюсь звонить ей, надоедать. Она измучилась...

13 августа 2008 г.

Дорогие мои!

В книгу “Вашей учсь любви” включила всё из “Слова...” и книги “Жизнь под Красным знаменем”, поэму “Море”, воспоминания писателей – друзей Саши – “Мои друзья – мне самый тёплый юг” и статьи Саши под рубрикой “Трудный разговор о жизни”, письма его и к нему.

Надеялась включить, там, где “Переписка Т. Ф. Редько и А. Кухно” – небольшую “Переписку Т. Ф. Редько и О. М. Кухно” – как память о Саше и Татьяне Фёдоровне.

Алик, твоя вступительная статья к книге о Лежене – замечательна. У меня (полная **большая** статья) она сохранилась, и я посылаю тебе. В школах, в Литературном музее я читала отрывки из неё – воспринимались они – отлично! Я оставила место для предисловия к книге – может, её как предисловие использовать в книге “Вашей...”? Или Никулькова оставить? Сделала сквозную нумерацию страниц, содержание не сделала, может, что изменится? Ты, например, что-то изменишь?

Ходила в бывший партийный обкомовский архив. Выдали мне два журнала: 1) “Вопросы культуры обкома партии”... я взяла за 1966 г. и 1967 г. сведения и 2) “Протокол заседания и материалы”. И – опись на документы Новосибирской области КПСС (1966 г.). И – справочного бюро и секретариата Новосибирского обкома КПСС (1966 г.). Всё внимательно посмотрела за 1966 г. (даже за 1967 г.), ничего не нашла.

Мне сказали, что, видимо, просто заслушивали директора издательства в отделе обкома, наказание не было, потому материалов нет. Их не хранят в папках – не очень серьёзное дело. Так мне сказали.

Замечательные рисунки мне отдали в издательстве. Я их разметила (как и были в книге “Вашей учсь любви” и в книге “Жизнь под Красным знаменем”). Рисунки готовы к полиграфической работе.

Извините за помарки, пожалуйста, торопилась отправить книги, да и состояние нервное...

У нас тревожное состояние у всех. У Андрея микроинсульт – хотят провести исследование, нет ли опухоли. Голова кругом. Татьяна постоянно ходит с ним на анализы, отпрашивается. Сам он не может ходить к врачам – плохо с памятью.

Милые Алик и Лиля! Как мы всё это выдержим! Таня замучилась!

P.S. Статьи самые интересные – о М. Светлове, например, чистые, светлые, а статья “Любимое стихотворение” вызывает слёзы.

Люблю вас! Будьте здоровы –

Ваша Ольга.

22 августа 2008 г.

Добрый день, родимые мои Лиля, Алик. О главном – Таня прошла с Андреем исследования, анализы. Даже ночевала в больнице накануне исследования мозга – под наркозом. Таня молодец! Опухоли нет! Слава тебе, Господи! Но заболевание мозга нехорошее – волновалась, по телефону Таню плохо слышала. Дадут инвалидность I степени, работать не сможет. Требуется постоянная поддержка дома (с памятью плохо). Таня боится – чтобы он не выходил из дома, путает дверь подъезда и т. д. Закрывает дверь на ключ, когда уходит. Сейчас она в эти дни взяла отпуск. Но нам с ней надо договориться, как за ним ухаживать. Вот ему 52 года, а такое случилось. Дочь нашего известного художника новосибирского, уже будучи студенткой института, заболела – летаргический сон на 4–5 дней. Устроилась на работу, но как с нею будет дальше – неизвестно! Дети наши, да сохрани их Господь!

Лекарства дорогие для Андрея, и за обследование многих врачей в НИИТО Таня заплатила 14 тысяч. Буду продавать дачу, но когда её купят? С этим тоже сложно...

Милые мои, простите, что я такую рукопись (и книги) послала вам, небольшую, но добавить нечего – всё в архиве взяла! Простите! Состояние моё – сами понимаете.

И как всегда, вы герои! 18 тонн грузов послал Российский детский фонд в Южную Осетию! Слышала выступление Алика по телевидению.

Я замкнулась, никому не рассказываю о болезни Андрея. Лиля, позволь мне тебе писать письма о нём – мне очень тяжело!

17 сентября 2008 г.

Милые мои, Лиля и Алик! Давно не писала вам. Мы с Таней привыкаем к другой жизни – Таня мотается по поликлиникам с Андреем – оформляет у врачей инвалидность. Мне она сказала, чтобы я не занималась этим, но она-то очень устаёт: Андрей изменился. Недавно у него началось такое – не может в лифте и в такси ехать, говорит, что задыхается. Ещё долго ей с ним по врачам ходить. Отчего такая болезнь – никто не знает. Устала она страшно! Иногда мне “грубым” голосом рассказывает, я терплю.

Вчера, 15 сентября, я сказала ей (люблю её, люблю их): “Таня, ну было же у вас счастье! Будем жить, поддерживать Андрея!” Она мне: “И сейчас счастье, что не нужно было оперировать мозг. Я очень этого боялась!!! Прорвёмся! Будем поддерживать Андрея – его самочувствие”.

Я никогда не забуду эти её слова! Она умница, у неё живое сердце, доброе. Она и раньше не пила, а выпивала. И сейчас я иногда чувствую, что редко-редко для успокоения выпивает. Её понять можно – насмотрелась на молодых больных людей – в поликлиниках, состояние их тоже тяжёлое. Для нас сейчас состояние Андрея – всё. Ему нужно 4 раза в год делать капельницу, уколы в это же время. У неё кончается отпуск, как она всё будет делать, опять отпрашиваться, нервы, нервы.

Лиля, напиши, что с книгой? Состоится ли она? Милые, простите меня, что сырой материал вам послала.

Может, Алик сочтёт нужным напечатать его переписку с Сашей (отдельные письма)?

Люблю вас всем сердцем, всей душой и разумом моим. Привет от Тани и Андрея.

24 октября 2008 г.

Стихотворение Александра Плитченко

АЛЕКСАНДР КУХНО

*Как в раздрызганной стыл электричке,
Как читать к “пэтэушникам” шёл,
Как любил он свои “Рукавички”,
Как бывал недоволен и зол!..
К совершенству такому стремился,
Что годами вынашивал стих,
И молчал он,
И тяжко томился,
Как певец в окруженье глухих.*

*Горькой славы своей не увидел,
Что по-русски досталась ему...
Он стихом никого не обидел,
Не солгал никогда никому.*

*Одинокая воля сиротства!
Может, выше и нету цены...
Потому и поныне цветётся
Незабудкам его у сосны.*

Лиля, дорогая, А. Плитченко был главным редактором Новосибирского книжного издательства, позже председателем новосибирского Союза писателей. Он очень любил Сашу. “Горькой славы своей не увидел...” – это о том, что книгу “Слова, зовущие к добру” по заказам зарубежных фирм и организаций Московская “Международная книга” направила в 15 стран мира.

Плитченко умер в 56 лет, в его посмертной книге, изданной вдовой, помещено это стихотворение.

16 ноября 2008 г.

Милые мои, родные Лиля и Алик, давно я вам не писала. У Андрея самочувствие намного ухудшилось. Грозное заболевание – отмирание клеток мозга, и он очень изменился. Появились галлюцинации, многое ругает, не может пуговицы застегивать... Лекарство сильное принимает, но Таня замучалась с ним. Приходит с работы, не знает, за что хвататься. Он много лежит, мало-подвижный. Делает ему массаж спины, ног. Мне стала грубить, плачет. Хотя я всё понимаю, люблю их обоих, но, чтобы не волновать Андрея, она не допускает меня к ним домой. Всё терплю.

Сходила в психиатрическую больницу, коммерческое отделение №6, договорилась с врачом-психиатром, чтобы его приняли. Он согласился – лечить Андрея будут только в психиатрической больнице. Стоит это 15 тысяч за месяц (лекарство 4 тысячи – из 15 тысяч – больница тратит на больного). Но Таня сейчас возражает, чтобы он там лечился: нужно массаж продолжать делать, а там это никто не будет делать.

Думаю продать дачу, но за неё дают мало: крышу надо починить, забор плохой. И всё-таки продаж, новые хозяева сами всё сделают, деньги нужны будут на больницу.

Таня купила лекарство, чтобы не нервничать, не кричать. Помогает хорошо. Врач говорит: “От этой болезни нельзя вылечить, будем только поддерживать” – значит, время от времени Андрей будет лечиться в больнице, как тяжело от этой мысли. Мне по телефону говорит: “Выкарабкаемся”. Родимый мой, будем всё делать, чтобы его поддержать.

В Новосибирске грабежи на улицах – сумки выдёргивают у женщин, вечером я не выхожу, деньги в сумке не держу. Таня купила и привезла мне 2 мешка картофеля. Она молодец, буду ей во всем помогать. Обнимаю, целую. Помоги нам всем, Господи.

23 декабря 2008 г.

Дорогие Лиля, Алик – поздравляю всех вас с Новым годом, будьте благополучны во всём, желаю самого главного – здоровья! И поздравляю с золотой свадьбой, любимые мои (в 2009 г.).

Вы, мои милые, во многом помогли Сашеньке, уважали и любили его. Это для нас было счастье! И счастье ваше отношение к Андрею. Помню, как он нарисовал вашу дачу, написал портрет Димы в гусарском костюме, как он был счастлив! Я видела всё это, как он рисовал, и была благодарна вам.

А посещение мастерской Александра Шилова в Москве, к которому очередь на его выставку (приезжали из других городов) – люди простаивали по 4–5 часов на улице. Лиля, это ты повела Андрея и Таню к Шилову. Таню я попросила описать, какие картины они увидели в мастерской, как общались с художником. Рассказ у неё получился интересный. И это тоже вы подарили им счастье! Позже мы с Андреем посетили мастерскую замечательного художника Ю. Иванова, который иллюстрировал книги Альберта Лиханова. Всё это было великое счастье – увидеть, побеседовать с художником. Ему понравились работы Андрея, он даже поработал с ним. Это всё было великое счастье – такая школа, школа жизни, творчества. Извините, что часто у меня слово “счастье”. Но оно было у Андрея и в жизни, и в творчестве.

Общение Андрея с Татьяной Фёдоровной Редько тоже великая радость. Она тоже любила и уважала его. В письме ко мне: “Андрей сделал отличный этюд и подарил мне. Я повесила его на стене и люблюсь им. Славный у вас сынок, Олечка”.

Родимые мои, Саша и Андрей, они были счастливы с вами, всегда буду помнить об этом, всегда дорожить.

Буду любить Бога, Родину нашу и родных людей, которые ушли от нас... Буду рассказывать о творчестве Саши – фото Саши и Андрея отдам – у него в частных коллекциях картины в Италии (4 картины), во Франции (4 картины), Сирии, Германии. Природа, портреты, родной город... – в Криводановской библиотеке имени А. Кухно, в школе № 132, там, в музее школы, есть экспозиция книг А. Кухно, его печатная машинка в музее нашего Заельцовского района. Отдам письма Саши и мои Андрею в Артек, его письма к нам. Я с вами, я люблю вас, я люблю людей – друзья помогают мне, родные помогают мне. Спасибо за помощь вам.

23 декабря 2008 г.

Любимые мои, Лилечка, Алик, получила от вас замечательные подарки: Альбом “Российский детский фонд” и прелестный “Лилечкин альбом”! Два мира – а вообще-то один мир – двух самых беспокойных на свете сердец, каких я знаю! Я счастлива, что Саша и я прикоснулись тоже всем сердцем к дружбе с вами, полюбили вас!

Я ещё не всё просмотрела в Альбоме, прочла только несколько писем в “Лилечкином альбоме”, но была взволнована всем увиденным.

Только чистые, светлые, сильные люди могут поделиться тем, что они пережили, как помогли друг другу. Я заплакала, когда Алику сделали благополучно операцию (рак), он много лет не знал о суровом приговоре: Алик “встал на колени перед ней, проговорив только: “Как же ты жила?” (из альбома).

И обо многом другом узнала я из альбома, храни вас Бог, дорогие!

Портрет Лили Александра Шилова замечательный. И портрет Юрия Иванова поразил меня, Лиля, взглядом твоим, немного печальным, но таким нежным, прекрасным...

Спасибо твоим родным, тексты о тебе сердечные, прекрасные. А уж твои письма, Лиля, очень интересные, прекрасные и ласковые.

И какой же изумительный альбом о Российском детском фонде – я часто буду обращаться к нему, готова беседы с учащимися Криводановской библиотеки и других библиотек...

Тема “Семья” (эта тема в России в 2008 г.) – и о семье детского фонда. И о дружбе со школьным другом Саши – Сашей Зиняковым, которому посвятил Саша стихотворение “Мы были дети”. Он, окончив военное училище, прошел все ступени воинской службы, его направили работать в военный аппарат партии. Это и о вашей деятельной семье, сильной и щедрой во всех делах – и о дружбе с Сашей.

Спасибо, милые, за всё.

8 января 2009 г.

Милые мои, дорогие Лиля и Алик, сегодня получила (8 января) перевод от вас – 2000 рублей. Благодарю, тронута. Целую. Ещё раз с наступившим Новым годом и Рождеством! Читаю ваши альбомы замечательные. Обнимаем. Поздравления от Андрея и Тани.

29 мая 2009 г.

Милые мои Лиля, Алик, извините, что долго не писала вам. От тоски спасалась тем, что ко дню рождения Саши приготовила и выступила с беседами-докладами о творческих судьбах Александра и Андрея Кухно – в школе № 132, в Криводановской библиотеке и дома – для видеофильма для Литературного музея (приезжали к нам домой, беседа была в кабинете Саши; фото, рисунки и картины Андрея в большой комнате).

В архитектурно-художественной академии Андрей проработал 31 год, на кафедре рисунка и живописи, доцент.

Читали стихи Сашины, я показывала рисунки и фото картин Андрея.

Разговор получился живым, интересным. Переключка в творчестве – стихотворение “Зима” и картина “Зима”, стихотворение “Подснежник” и картина “Подснежник” и т. д. Педагогам и учащимся понравилась беседа – в библиотеке им. А. Кухно, в школе №132. Библиотека стала домом для Саши и теперь – для Андрея.

Мне помогают родные и сотрудники издательства, часто звонят – и Селькина, и Нина Сергеевна Семаева. Всё вспоминается, но уныние – грех, хотя часто плачу...

Ходим на кладбище с Таней. Привет вам от неё. Каждый вечер, как когда-то Андрей, она звонит мне.

Люблю вас, обнимаю. Рассказываю, что у меня есть родные – семья Альберта Лиханова.

12 октября 2009 г.

Как мне трудно без Саши, Андрея, Сергея! Сегодня приходил школьный товарищ Андрея – Саша. Я была очень ему рада! Друзья звонят мне, приходят – мои друзья. На поминальном обеде – приходили педагоги из Архитектурной академии, хорошо говорили об Андрее.

Картины у Андрея замечательные. Он впитал Россию. Он любил Родину.

А эти письма, скорее, записочки, не сохранили чисел и месяцев, помеченные последним годом жизни Ольги. Ей плохо, она больна и не должна бы оставаться одна, но она свято верна памяти о доме, где доживает последние дни, о деле, которое должна исполнить.

Ушла она горько и одиноко.

2012 г.

Добрый день, дорогие Лиля и Алик!

Простите меня. Собрала письма Алика к Саше. Я болею и болела – причина необычная. Заболели сильно ноги. Позвонила в Центр консультации в Новосибирске. Доктор Шац назначил лечение – оказывается, по интернету он собирает сведения о больных (одинокие или нет и т. д.) и вытягивает деньги у них – писатели, художники, артисты. У Саши есть сведения, что его книги в 15 странах мира (“На перекрестках трудных судеб”).

И началось – доктор посылает ко мне курьера на такси, он отвозит меня в банк, беру деньги, а курьер отвозит их доктору. Денег немного было. Я потом звонила, но никто не отвечал. Это было мошенничество. Стали звонить другие “врачи” – “требовать” на лечение (больные ноги) японские тапочки, я сказала, что нет денег “и не будет”. “Тогда будем лечить принудительно”.

Я испугалась. Племянница Саши – Екатерина Антоновна – пошла в милицию. Отдала заявление, но от них ответа нет. Приходили из “горячей линии”. Но не помогли.

Алик, я работаю, но очень медленно, нервное состояние.

А по интернету работают у нас в Новосибирске лихо “врачи” и ещё кто-то: избили художника, отобрали деньги, документы, паспорт. Я закрываю двери на ночь, по домофону говорю с проходящими. Буду добиваться помощи у милиции.

Господи, охрани нашу Россию!

Когда всё сделаю – телеграммой сообщу, что посылаю посылку вам.

Люблю вас, здоровья и успехов вам во всём!

2012 г.

Милые, дорогие Лиля и Алик, здравствуйте!

Я и раньше заболела – падала, но теперь ноги. Часто падаю на улице, меня до дому люди доводят. Книга не двигается почти. Болит голова. Но позднее я всё равно её сделаю! Позднее.

Простите меня... Боюсь выходить из дому. Соседи хлеб и молоко приносят. Спасибо им. Вчера сильно зашибла дома ногу.

Письма я приготовила Алика к Саше.

Поздравляю с весенними праздниками! Целую. Здоровья вам.

До свидания.

2012 г.

Алик, можно так сделать? Я слабая стала, болит голова, особенно сосудистые – ноги. Можно, корректуру, которую ты прислал, я добавлю к ней несколько стихов и в конце твои письма к Саше? Я их приготовила. Они очень интересные и нужные. Ты ещё раз их просмотришь – и что нужно – вставишь. Можно так?

Заглавие книжки – “Вашей учусь любви”. Я тщательно сделаю корректуру.

2012 г.

Извините, писать не могу – слабость. Медленно всё делаю.

Меня уговаривают (не родные люди, а знакомые) поселиться в доме ветеранов. Я не согласна. Здесь мы с Сашей жили. В другом доме я не смогу жить – здесь Саша, дети – все жили!

20 ноября 2012 года Ольга Михайловна Кухно скончалась в своей квартире. Одна.

Примечания

- ¹ А. Кухно уволился из редакции “Сибирских огней”, чтобы полностью сосредоточиться на собственном поэтическом творчестве.
- ² Фояков Илья Олегович (1935–2011), собкор “Литературной газеты” в Новосибирске, поэт и друг А. Кухно.
- ³ Чикин Леонид Андреевич (1927–1994) – новосибирский поэт.
- ⁴ Стюарт Елизавета Константиновна (1906–1984), новосибирская поэтесса, старший друг и наставник А. Кухно.
- ⁵ Самохин Николай Яковлевич (1934–1989), новосибирский прозаик.
- ⁶ Константиновский Давид Львович (1937), учёный-физик, в 1960-е годы работавший в Новосибирском академгородке, прозаик. Живёт в Москве.
- ⁷ Раппопорт Евгений, новосибирский журналист.
- ⁸ Коньяков Виктор Михайлович (1927–1999), новосибирский прозаик.
- ⁹ Чернышов Сергей, новосибирский журналист и прозаик.
- ¹⁰ Грехова Нина Митрофановна (1941), новосибирская поэтесса.
- ¹¹ Милютенко Владимир Борисович, новосибирский комсомольский работник, впоследствии корреспондент АПН в Германии.
- ¹² Плитченко Александр Иванович (1943–1997), новосибирский поэт.
- ¹³ Расстегаева Елена Рубеновна, в 1960-е годы редактор Новосибирского книжного издательства.
- ¹⁴ Речь, видимо, о IV съезде писателей СССР, состоявшемся в мае 1967 года.
- ¹⁵ Пальм Аркадий Яковлевич (1930) – в 1960-е годы собственный корреспондент “Комсомольской правды” в Днепропетровской области.
- ¹⁶ Лежен Адриен – последний парижский коммунары, о жизни которого А. Кухно готовил книгу.
- ¹⁷ Нуйкин Андрей Александрович (1931), критик, родился в Новосибирске, живёт в Москве.
- ¹⁸ Елкин Анатолий Сергеевич (1929–1975), журналист, в 1960-е годы зав. отделом литературы и искусства “Комсомольской правды”.
- ¹⁹ Эти и множество других вопросов А. Кухно формулировал, прежде всего, для себя, чтобы отыскать материалы о Лежене для своего замысла.
- ²⁰ Владимиров Борис, в 1960-е годы – первый секретарь Новосибирского обкома ВЛКСМ.
- ²¹ Лисовский Казимир Леонидович (1919–1980), новосибирский поэт.
- ²² Смердов Александр Иванович (1910–1986), новосибирский писатель, много лет был главным редактором “Сибирских огней”.
- ²³ Якубовский Аскольд Павлович (1927–1983), новосибирский прозаик, позже переехал в Москву.
- ²⁴ Никольков Анатолий Васильевич (1922–2001), новосибирский писатель и критик.

- ²⁵ Решетников Леонид Васильевич (1920–1990), новосибирский поэт.
- ²⁶ Китайник Абрам Ушеревич (1922–2001), в 1960–е годы главный редактор Новосибирского книжного издательства.
- ²⁷ Богучаров (наст. фам. Морковкин) Александр Константинович, поэт, литсотрудник журнала “Смена”.
- ²⁸ Грудев Игорь Тимофеевич (1922), поэт, в 1960–е годы заведующий редакцией поэзии издательства “Молодая гвардия”.
- ²⁹ Верченко Юрий Николаевич (1930–1994), в 1960–е годы – директор издательства “Молодая гвардия”, позже – оргсекретарь Союза писателей СССР.
- ³⁰ Мелентьев Юрий Серафимович (1932–1997) – в 1961–1965 годах директор издательства “Молодая гвардия”, позже – министр культуры РСФСР.
- ³¹ Калау Хайнц (1931–2012), поэт, ученик Брехта (ГДР).
- ³² Эггерс Герд, немецкий поэт (ГДР).
- ³³ Кёниг Хармут (1947), поэт, один из участников “Окtober-клуба” (ГДР).
- ³⁴ Кузнецов Вадим Петрович (1935–2003), поэт, в 1960–е годы инструктор ЦК ВЛКСМ.
- ³⁵ “Письма из Сибири” – тт. 1–2, сост. А. А. Лиханов, Новосибирск, 1968 г.
- ³⁶ Лигети Карой (1890–1919), венгерский революционер-интернационалист, поэт, командир венгерского интернационального отряда, расстрелян колчаковцами, похоронен в Омске.
- ³⁷ Шуры Исаак Самонович и Александра Максимовна, Кировские знакомые Лихановых.
- ³⁸ Лаабс Йоохен (1937) – поэт (ГДР).
- ³⁹ Васильева Лариса Николаевна (1935), поэтесса, прозаик (Москва), основательница музея “История танка Т-34”.
- ⁴⁰ Дунаевский Александр Михайлович (1909–1985), историк, исследователь Парижской коммуны.
- ⁴¹ Колмогоров Николай Сергеевич (1925–1965), сотрудник Омского областного архива.
- ⁴² Упоминаемые имена – подробнее в книге самого А. Кухно.
- ⁴³ Николова Адела (1879–1960), болгарская революционерка.
- ⁴⁴ Молок Александр Иванович (1898–1977), историк, специалист по истории Парижской коммуны.
- ⁴⁵ Коржев Виталий Георгиевич (1934–1996), новосибирский литературный критик, долгие годы зав. отделом критики журнала “Сибирские огни”.
- ⁴⁶ Мельников Евгений Иванович (1936), новосибирский журналист, критик, прозаик.
- ⁴⁷ Беляев Михаил Александрович, поэт, в 1960–е годы сотрудник редакции поэзии издательства “Молодая гвардия”.
- ⁴⁸ Шури Морис (1912–1969), французский литератор, исследователь истории Парижской коммуны.
- ⁴⁹ Ивнев Рюрик Александрович (1891–1981), поэт, прозаик, переводчик.
- ⁵⁰ Иванов Анатолий Степанович (1928–1999), известный сибирский прозаик.
- ⁵¹ Соболев Анатолий Пантелеевич (1926–1986), прозаик.
- ⁵² Соболев Леонид Сергеевич (1898–1971), советский писатель, в 1960–е годы председатель Союза писателей РСФСР.
- ⁵³ Наместников Борис, в 1960–е годы первый секретарь Новосибирского обкома ВЛКСМ.
- ⁵⁴ В. Бахтин. “Забвение критериев”. “Звезда”, № 3, 1972.
- ⁵⁵ “Конспект судьбы” (очерк о художнике К. Н. Редько). “Дружба народов”, № 12, 1973.

Р. С. ВСПЫШКА ПАМЯТИ

Осенью 1958 года я послал из Тайшета, где работал в районной газете “Заветы Ленина” (год назад она называлась “Сталинский путь”), несколько стихотворений в знаменитый новосибирский журнал “Сибирские огни”. . . Эти стихи были написаны мною после многих посещений стройки железной дороги Тайшет–Абакан, где в палаточном городке жила молодёжь, приехавшая сюда по так называемым комсомольским путёвкам. Как поэт, я тогда ещё не печатался ни в Москве, ни в моём областном городе Иркутске, разве что в родной районной газетёнке.

А книжечка стихотворений, вернее тощенькая рукопись и об этой стройке, о суровой жизни в леспромхозах и затерявшихся в бесконечных лесных дебрях деревнях, где кроме потомков столыпинских крестьян обитали превратившиеся в советских колхозников ссыльные западенцы из бандеровских областей и латыши, отправленные в Сибирь за связь с немецкими оккупантами и лесными братьями, у меня уже сложилась. И название у неё уже было – “Землепроходцы”. И я был счастлив, что написал её, особенно когда к этому счастью добавилось письмо из “Сибирских огней”, в котором сообщалось, что обширная подборка моих стихотворений из этой книги уже напечатана и что редакция приглашает меня приехать в Новосибирск познакомиться с журналом, с новосибирскими писателями, а ещё и получить гонорар. . .

Письмо было подписано заведующим отделом поэзии журнала Александром Кухно.

Выпросив у главного редактора неделю за свой счёт, я вскочил в поезд, идущий на запад, и через сутки уже сходил на перрон столицы Западной Сибири.

Меня встретил молодой статный человек, бывший тем самым Александром Кухно, которому и посвящены эти воспоминания его друга Альберта Лиханова.

Пару дней я прожил в его тесной квартире, где мы отметили получение мной небывало высокого для меня гонорара, читали друг другу стихи, спорили о стихах наших московских уже знаменитых сверстников.

Он познакомил меня с редакцией журнала, в которой после публикации началась по существу моя литературная жизнь, в редакции я получил благословение Елизаветы Стюарт, известной на всю страну поэтессы, потом Александр показал мне Новосибирск, и помню, что, увидев пришвартованный к берегу Оби дебаркадер, превращенный в дешёвенькую гостиницу, я решил, что на оставшиеся несколько дней переселюсь именно сюда, и здесь, в персональной каюте, я засыпал и просыпался под плеск уже покрывающейся шугой обской волны.

С той поры прошло почти 60 лет, но когда Альберт Лиханов принёс мне свои воспоминания о жизни в Новосибирске, о дружбе с Александром и его женой Ольгой, образ Саши Кухно, застенчивого, немногословного, влюблённого в поэзию и своих наставников и своих ровесников, вдруг выплыл из моей памяти со всеми подробностями.

Сначала, читая страницы лихановского “Реквиема другу”, я недовольно морщился от избытка сентиментальности и излишней восторженности в переписке двух молодых людей минувшей эпохи. Но потом постепенно понял, что эта взаимораспахнутость родственных душ, этот поиск взаимопонимания, эти

большие и малые заботы каждого из них о судьбе другого – всё это в сумме и составляет тот внутренний мир человека, особенно молодого, тот образ жизни, который сейчас мы называем “советским” и который был истинной драгоценностью минувшей эпохи, стержнем жизни, сплавивавшей нас в простое и вечное понятие “народ”, отличающее нас и от людей эгоистического протестантско-католического Запада, и от людей замкнутого иерархического Востока.

Осознав это – каждое следующее письмо из переписки двух родных душ я стал читать со всё возрастающим интересом... Какая глубина понимания друг о друге! Сколько чувств, ныне почти неизвестных современным воспитанникам “интернета”, сколько искренней веры в жизнь, в будущее, какое доверие времени и современникам!

Нет, конечно, и всплески разочарования есть в этих письмах, и окись досады от бытовой неустроенности, и всякого рода сомнения в своей творческой состоятельности. Но, как говорится, “и всё же, всё же, всё же”.

Но самая главная, самая основная часть этой эпистолярной эпопеи, на мой взгляд, – это письма Ольги, написанные ею Альберту Лиханову после безвременной смерти Александра. Суть этой второй главы – беззаветная любовь и преданность русской женщины к единственному и навсегда потерянному близкому человеку, преданность его судьбе, его делу, осознание своего женского и семейного долга – увековечить его имя и его дело.

Ольга исполнила этот свой долг жены и матери до конца, несмотря на тяжелейшие болезни своих сыновей, несмотря на слабеющие с каждым годом силы, несмотря на то, что на неё и на всех нас уже надвигались в 80-е годы жестокие и бесчеловечные времена.

Да, Пушкин упрекнул однажды своих русских соотечественников, что они бьются “ленивы и нелюбопытны”. Но Ольга сделала всё возможное, чтобы развенчать эту жестокую мысль великого поэта. Она прожила после смерти своего мужа 34 года и сделала нечто невероятное. Она издала пять его книг (при жизни он издал лишь четыре). Она собрала и издала его переписку с писателями, художниками, историками той эпохи. В том числе и с теми, кто жил за границей, и, помогая ему собирать материалы для биографии последнего защитника Парижской коммуны, публиковала подборки его стихотворений и в местной сибирской прессе, и в центральной – в журналах “Огонёк”, “Юность”, “Смена”.

Она сделала всё возможное, чтобы после смерти мужа – его творчество зажило посмертной жизнью, которая в России значит не меньше, а чаще всего больше, чем “творческая жизнь” при жизни.

Да что говорить! В России даже такие крупные таланты, как Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Владимир Соколов, Анатолий Передреев – и те нуждаются в том, чтобы воля, память и энергия родных и близких людей помогли им в их посмертной жизни!

Она нашла скульпторов и средства для того, чтобы образ Александра выразился в гипсе и мраморе, чтобы над его прахом возник надгробный памятник.

В год, когда ему исполнилось бы 50 лет, она собрала всех его друзей в Союзе писателей Новосибирска. Благодаря ей постоянно выходили статьи и рецензии о его творчестве в различных журналах вплоть до знаменитого “Нового мира”.

В 1986 году, к его 55-летию, Ольга добилась того, чтобы в Новосибирске прошли теле- и радиопередачи о нём, в Академгородке состоялся вечер поэзии, посвящённый Александру, а в год его 70-летия одной из библиотек области было присвоено его имя, а в одной, при школе-лицее, был создан литературный клуб его имени.

Невозможно перечислить все большие и малые дела, сделанные ею ради памяти Александра. Недавно я позвонил в Новосибирск Владимиру Берязеву и спросил его, помнит ли он Сашу Кухно и как относится к его творчеству. Берязев ответил, что по возрасту он с Александром не встречался, – но как поэта его помнят, и он его стихи знает и любит. И это в значительной мере заслуга покойной Ольги. Эта героическая женщина, пока была жива, шефствовала над несколькими библиотеками области, она истинно вылепила культ поэта на его малой родине, собрала все его портреты, написанные местными художниками, подвигла многих его земляков написать воспоминания о нём...

Я так подробно перечисляю все большие и малые дела самоотверженной женщины, потому что мы живём в такое трудное время, когда государству нет дела до того, о чём мы пишем, что мы издаём, чем боеем, где нас похоронят, какая память останется от нас для будущих поколений. Наша посмертная судьба зависит от всё уменьшающегося числа наших читателей, от памяти наших ближайших друзей, от преданности наших жён, с которыми мы прожили долгие годы или короткие жизни.

Я за свои 60 лет присутствия в литературе узнал если не все, то многие примеры самоотверженности и прижизненной и посмертной, которой жили верные жёны – подруги моих ушедших друзей. Сколько сделала для увековечения памяти своего покойного мужа Юрия Кузнецова, великого русского поэта, его жена Батима! А вот какое письмо я недавно получил из Читы от поэта Вячеслава Вьюнова, ученика и друга выдающегося поэта Забайкалья Михаила Вишнякова, письмо о том, как сохраняется о нём память на его малой Родине.

“День добрый, Станислав Юрьевич! Жену Михаила зовут Альбина Гавриловна. Она тяжело болеет, по очереди дежурят дочери – Ия и Лена. Ия занимается всем, что связано с Михаилом. Она организовала семейный клуб забайкальских литераторов (куда вошли вдовы и родные ушедших забайкальских писателей). Мемориальная доска, памятник, литературная ежегодная премия (100 тысяч рублей), Вишняковские чтения, фотовыставки и пр. Всё это сделано силами губернаторской (прежней) власти, родственниками, писателями, друзьями, работниками библиотек. Вышла книга “Слово о поэте”, которую отправлю Вам вместе со своей книгой “Я, видимо, очень русский...”. Отправлю через неделю (заберу тираж из типографии), одной бандеролью. Презентация книги “Я, видимо, очень русский...” назначена на 19 марта”.

Вот везде бы так!

Богата истинными поэтами, ушедшими в иной мир, русская земля. И я уверен, что судьба и творчество многих из них достойны более глубокого изучения и более внимательного прочтения. Говоря это, я в первую очередь вспоминаю Николая Дмитриева из Подмосковья, Владимира Башунова из Барнаула, Николая Колмогорова из Кемерово, Анатолия Горбунова из Иркутска, Николая Якунина из Мосальска, Евгения Курдакова из Новгорода, Станислава Золотцева из Пскова, Юрия Адрианова из Нижнего Новгорода, Геннадия Ступина из Подмосковья, Бориса Шишаева из Рязани, Валентина Волкова из Калуги. А прекрасный поэт Виктор Лапшин из Галича? Ну кто бы его знал, если бы не поддержка Кожина и Кузнецова, если бы не забота о его наследии жены и его друга А. Скулякова? Низкий поклон жене выдающегося брянского поэта Николая Поснова Тамаре за всё, что она делает для того, чтобы его малая родина Брянщина не забывала Николая. Я всех их знал. Я читал их книги. У каждого из них есть стихи, которыми я восхищался. Нельзя предавать их имена забвению. Они должны быть известны, почитаемы и любимы своими земляками.

Я, конечно, не мог знать всего об их судьбе, но рядом с ними в течение жизни были и верные друзья, и верные подруги. И я уверен, что каждый из этих поэтов мог бы занять на своей малой родине столь же достойное место, какое занял в Новосибирске Александр Кухно, благодаря трудам, чувствам и памяти Ольги.

Каждый из перечисленных выше поэтов есть национальное достояние – кто-то большее, кто-то меньшее. Они сделали своё дело, осмыслили свою судьбу и своё время и попрощались с нами. А наше дело в эпоху всемирного помрачения и одичания – сделать всё, чтобы эти имена стали путеводными огоньками, вспышками памяти, очагами тепла и света в наступающей на мир, а значит и на Россию бездуховной космической мгле...

Эти мысли бродили в моей голове давно. Помнится, как вдова Михаила Булгакова Елена Сергеевна, много десятилетий хранившая его литературное наследство, знавшая чуть ли не наизусть роман “Мастер и Маргарита”, в 60-е годы часто заходила в Центральный дом литераторов, чтобы вытаскивать из бильярдной своего азартного пасынка. Знаменитый роман уже был опубликован, и все завсегдаги бильярдной с благоговением глядели на эту молоджавую легендарную женщину, а мне казалось, что над её пышной причёской колышется нечто вроде золотистого нимба.

Именно тогда я и написал стихотворенье, ей посвящённое, но оставшееся ненапечатанным, поскольку оно казалось мне случайным экспромтом, не имеющим отношения к главным мыслям и чувствам, тогда владевшим мною. Но сейчас я решил, что оно к месту, вспомнил о нём и разыскал его в своих черновых блокнотах.

*Чтоб избежать забвенья кары,
пишите, вдовы, мемуары
и вспоминайте времена,
о том, как помогала мужу
в час клеветы, в жару и в стужу
его заложница жена.*

*Когда, себя не утверждая,
а чёрный день пережидая,
хранила бранные листки,
учила наизусть романы,
играла акт семейной драмы
по-женски, а не по-мужски.*

*Подумал в наше время кто бы
о том, что прялка Пенелопы
скрипела где-то за стеной,
и женщина неслышной тенью
летела вперекор забвенью
над равнодушной синевою.*

*А всё, что не сказать словами,
а только взглядом и слезами —
то растворяется во мгле.
Всё наше остаётся с нами,
витают золотыми снами,
не воплощаясь на земле.*

1964 г.

ВЛАДИМИР СИЛКИН

АВИАБАЗА “ХМЕЙМИМ”

БАНЯ МОРПЕХОВ

Мы так и не сделали фото,
Чтоб чашу беды не испить.
Морпехи российского флота
Готовились баню топить.

А баня здесь стала народной,
А русская баня в цене.
Кавказа отведавший взводный
Подумал о ней на войне.

Хоть нет этой бани в Уставе,
Но слава о бане гремит.
Она прижилась на заставе,
На зависть соседям дымит.

Да, мойтесь, ребята, не жалко!
Входите скорей, земляки.
Вот мыло, а вот и мочалка,
И веничек вам, мужики!

СИЛКИН Владимир Александрович родился 14 октября 1954 года в г. Рязанске Рязанской области. Окончил редакторское отделение военно-педагогического факультета Военно-политической академии, полковник в отставке. Секретарь Союза писателей России, заместитель председателя Московского городского отделения СП России, начальник Военно-художественной студии писателей Культурного центра ВС РФ. Лауреат Государственной премии России, заслуженный работник культуры России, почётный гражданин Рязанской области, кандидат педагогических наук.

Подумалось: вот и смекалка,
Природная русская статья.
Да, мойтесь, ребята, не жалко,
Ведь главное — форму держать.

Тогда не минуют успехи,
И чашу беды не испить.
Готовятся наши морпехи
Народную баню топить.

15 мая 2016

ХМЕЙМИМ

Молча в курилке дышим,
Ждём указаний.
Авиабаза “Хмеймим”
Так далеко от Рязани!

В небе ни облачка нет,
Птиц не хватает.
Это отсюда чуть свет
Кто-то взлетает

И по сплошной синеве
По небу мчится.
Мама в любимой Москве
Не огорчится.

Сына дождётся домой
Только с победой.
Молится: “Милый ты мой,
Зла не отвдай!..”

Под нарастающий гул
С неба спустился.
Снова в нём не утонул...
Перекрестился.

24 апреля 2016

МОДУЛЬ

В модуле гостиничном комфортно,
Но не удаётся полежать,
И, не сделав на прощанье фото,
Мы должны отсюда уезжать.

Вот и позади командировка,
Обнимаю крепко земляка.
Руку жмёт мне на прощанье Вовка
И с тоской глядит на облака.

Напишу когда-нибудь о встрече
И о том, как служит он в полку.
Ветерок, жара, хотя и вечер,
И пора на службу земляку.

23 апреля 2016

ВСТРЕЧИ (В День Святого Духа)

Александр Нелепину

Жена встречает на рассвете
Оттуда, где идёт война,
И встречи долгие вот эти
Считать не устаёт она.

На небо смотрит неустанно,
На каждый звук — во все глаза.
Есть у неё на сердце тайна,
Которую открыть нельзя.

А может, это и не тайна,
А вера в Бога на века.
И, думаю, что не случайно
Обходят мужа облака.

20 июня 2016

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Сергею Масютенко

Давай, Сергей, с тобою помянём
Всех тех, кто больше не увидит дома.
Езжай встречать друзей с аэродрома
И там молчать, и думать о своём.
Скажи ты мне, что ты расскажешь им,
Когда увидишь возле самолёта,
Когда они вернутся из полёта
С далёкой базы солнечной “Хмеймим”?
Да что я?! Точно будет не до слов.
Да и тебя готова встретить база.
Глядишь на дверь и снова ждёшь приказа,
И, как солдат, всегда на всё готов.

19 июля 2016

РОТАЦИЯ

Никто не погиб и не ранен
Горячею этой зимой,
И так же, как раньше в Афгане,
Летят по замене домой.

От солнца копчёные лица,
И руки от солнца черны.
И ждёт возвращенья столица
Любимых мальчишек с войны.

Конечно, они не мальчишки
И многое в жизни прошли,
И видели страшные вспышки
Вдали от родимой земли.

Их ждут беспокойные мамы,
Их ждёт на параде страна.
Но не отпускает упрямо
Чужая и наша война.

23 апреля 2016

ТАМАРА КУПРИНА

НЕ ПРИШЕДШИЕ С ВОЙНЫ...

* * *

*И пусть не думают,
что мёртвые не слышат,
когда о них потомки говорят...*

Николай Майоров

Поэты, не пришедшие с войны...
Он долог — список в траурной каёмке.
И в дни послевоенной тишины
Стучатся в дверь бывшие похоронки.
Поэтами вы были до конца —
И даже в смертной,
Самой гордой строчке,
Оборванной разрывами свинца,
Последней не поставили вы точки.
Вы умирали, как сказал поэт,
Не долюбив, не дописав поэмы.
И среди вас последнего всё нет...
Как долог список: павшие поэты!
Поэты, не пришедшие с войны,
Вы умирали так, как вы любили:
Так гаснут звёзды,
Исчезают сны,

КУПРИНА Тамара Захаровна родилась на Рязанищине, в мещёрском посёлке Тума. Автор книг: “Плач матери”, “Девчонки, которые шли по войне”, “Герои-касимовцы”, стихотворных сборников: “Хороший прожит день”, “Поклон Есенину”. Лауреат премии Союза писателей России “Малая родина”. Дипломант Национальной литературной премии “Золотое перо Руси”. Победитель Всероссийского литературно-публицистического конкурса “Спасибо тебе, солдат!”. Отличник народного просвещения.

Так водопад расплётан
в звёздной пыли!
Поэты, не пришедшие с войны,
Вы не искали славы и покоя,
Среди послевоенной тишины
Пронзив сердца железною строкою.
Мы помним ваши дерзкие слова:
“Что гибель нам?
Мы даже смерти выше...”
О вас прошла всесветная молва.
И сквозь бессмертье ваше
Мы вас слышим,
Поэты, не пришедшие с войны.

ПЛАЧ МАТЕРИ

*Светлой памяти Марфы Кузьми-
ничны Лёвиной, её мужа и сыновей,
погибших в годы Великой Отечест-
венной войны*

Было у матери пять сыновей.
Каждый сыночек —
кровинки родней.
Каждый — луч солнышка в ней.
Пять похоронок достались ей.
Пять похоронок,
пять чёрных смертей.
Что ещё в жизни
быть может страшней?..
Сколько же дней,
сколько стылых ночей, —
видно, всю жизнь не оплакать их ей,
матери русской — своих сыновей.
Доля тебе, видно, выпала, мать
в вечной надежде
сынов своих ждать.
Сердце изнылось от боли:
— Где ты, сыночек мой Коля?
Где же ты, сыночка старший,
без вести первым пропавший?..
— Где ты,
второй мой сыночек —
звонкий,
как звонкий звоночек? —
Ванечка, Ванюшка, Ваня...
Крикни, как прежде:
“Маманя!”
Только нет в голосе силы —
спишь ты в солдатской могиле...
— Вечный покой тебе, милый,
третий сынок мой —
Василий.
Статный, весёлый, красивый,
павший из братьев последним,
милый сыночек мой средний.
...Средний,
последний ли,
старший...

Пал ты за Родину нашу,
сын мой четвёртый,
мой Саша.
Слышится старой мне: “Глянь-ка:
на огороде твой Санька!
Там от капусты всё густо.
Взял он свою балалайку...
Просят соседи:
— Ай, Санька,
повеселей нам сыграй-ка...
В битву шагнул ты мальчишкой,
бросивши школьные книжки.
Ты — безымянный мой пальчик,
ты — незабвенный мой мальчик,
мой желторотый птенец...

Вслед за сынами отец
тоже ушёл воевать.
И сокрушается мать:
— Где,
от каких кровото́чащих ран
умер иль пал смертью храбрых Иван —
муж мой,
взрастивший в деревне моей
пять сыновей?

Жизнь моя!
Ты мне теперь ни к чему...
Кто-то припал вдруг
к плечу моему —
пятый сыночек,
мизинчик родной.
Младшенький, младший.
С тобой я, с тобой...

Было у матери пять сыновей.

* * *

Люблю деревенских старух,
Их строгие, добрые лица...
Метель бушевала вокруг,
А внучка лежала в больнице.
К райцентру пути замело,
Но можно добраться к обеду.
Покинув родное село,
Шла старая внучку проведать.
Ни мало, ни много — семь вёрст
Пройти ей в пути предстояло.
Грозился свирепо мороз,
Как крыльями, вьюга хлестала.
Но Бога на помощь призвав,
Шагала вперёд терпеливо...
О, женщин некрасовских нрав!
О, русских характеров сила!
В заплечной котомке в стекле
Тепло молоко колыхалось...
Вздыхнула негромко: — В селе
Коров-то совсем не осталось!..

Пришла. И утихла метель.
Лишь сердце сжималось комочком.
Открыла больничную дверь:
— Отведай домашнего, дочка!

ХУДОЖНИК

Все ушли в интернет.
На Земле никого не осталось.
Лишь Художник седой,
одинокую думой томим,
бродит с кистью в руках
и рисует забытую старость,
и рисует увядшую юность
и жизни сгорающей дым...

Он идёт по горам,
он идёт по долинам и рощам...
Он все краски растратил,
но знает, что время не ждёт.
Его космы во мгле
беспощадные ветры полощут,
но Художник идёт
сквозь нещадное время вперёд.

Он зелёную краску
у листьев берёзы воспримет.
Он цветы луговые
для полотен навечно возьмёт.
Он сияющий Храм
на картинах бессмертных воздвигнет,
и он Храмом Природы
любовно его назовёт...

Все ушли в интернет,
а Художник всё бродит по свету.
Сквозь жестокое время,
сквозь голод и холод идёт...
Он стремленьем неистовым
к Солнцу и Божьему Свету
Всех ушедших в сакральность:
“Вернитесь на Землю!” —
зовёт.

ВАСИЛИЙ МИШЕНЕВ

* * *

Откуковали
в лесу недалёком кукушки,
Отулыбались
ромашки на белом лугу,
Вновь за окошком
моей обветшалой избушки
Перед закатом
вороны сидят на стогу.

Низкие тучи
несутся так быстро над полем.
Дальние рощи
белеют стволами берёз.
В сердце тревожном
опять прибавляется боли,
Стоит мне только
взглянуть на речной перевоз.

Вечное время!
Не будь к уходящим жестоко!
Тяжкие думы
несу по дороге своей.
Что ж так, Россия,
под небом тебе одиноко?
Что ж так, родная,
мне грустно средь милых полей?..

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ночью снег полетел, я его не услышал,
Только утром, когда выходил за дровами,
Вдруг увидел пронзительно белые крыши
И деревья с упавшими с неба дарами.

Я смотрел, будто жизни открылось начало,
А былое навеки укрыто под снегом,
Даже память моя, отболев, замолчала,
Первый снег примирил меня с жизнью и веком.

Сколько встречено зим, а никак не привыкну,
Словно выпавший снег никогда не растает...
Я возьму и ушедшую молодость кликну,
И она прилетит снегириною стаей.

Прилетит, возле дома облепит калину,
Как живой костерок под сереющим небом,
И тогда я избу ни за что не покину,
Буду стаю с ладони кормить тёплым хлебом.

НАД НОЧНОЮ ВОЛОГДОЙ

Над ночью Вологдой
Кружит лёгкий снег.
Я бреду по городу,
Дальний человек.

То, что было прожито,
Вспомнить всё нельзя.
В тихой милой Вологде
Спят мои друзья.

Кто-то в центре города,
Кто-то за мостом...
Кто-то в доме ласковом,
Кто-то под крестом!

Я иду к кому из них?
Где найду ночлег?
Все следы на улице
Засыпает снег!..

*г. Никольск
Вологодской области*

ВИТАЛИЙ ГРИГОРОВ

ОДЕССА. 2014

*Страшная месьть
Н. В. Гоголь*

Для тех, кто убивал, прощенья нет,
Прощенья нет и быть не может.
Ты не клади на стол свой пистолет,
Твой жест тебе, убийца, не поможет.

Сожжённые тела возопиют!
Священника обрубленные руки,
Как змеи, в ваши души заползут
И жалить будут до предсмертной муки!

Отрубленные головы парней,
Как перекасти-поле, к вам вернуться,
И языками адовых страстей
Заставят вас до их глазниц нагнуться!

И прыгнувшие с верхних этажей,
Разбитые в лепёшку на асфальте,
К вам явятся в таком же кураже —
На плечи к вам, ребята, принимайте!

И будут резать, жечь и добивать.
Как в зеркале, всё отразится то же...
А если я не прав, за них сказать
То, как сказал поэт: “Но всё же, всё же...”

АВТОБУС МОСКВА—КЕРЧЬ

А теперь у касс кричи иль не кричи,
Мы с тобою едем только до Керчи.
Через Харьков нам уже не проскочить —
Могут запросто в сортире замочить.
Пусть Бандера, пусть Шухевич, пусть нацизм,
Православье — вон, ура — католицизм.
Но какой бы ни был на майдане марш,
Крымский полуостров всё же наш!

УКРАИНЕ

На острие копья — Украина моя!
А кому-то и этого мало.
И который уж год в головах всё взрброд:
Не народ — лоскутки одеяла.

За щитами народ, пред щитами народ.
Вышла троица с дьявольским знаком.
И горит вся земля — и моря, и поля,
И не вижу я Солнца за мраком.

Что же сталося вдруг, ты ответишь мне, друг?
Брат на брата пошёл с кулаками.
Неужели опять мне с сестрой враждовать?
Неужели “всё это” — мы сами?

Что же деется, сват, ты ответишь мне, брат?
Горечь слёз не засахаришь свёклой.
Я тому и не рад, но беру автомат,
Весь от пота сердечного мокрый.

Что же, встретимся, друг, у печали разлук?
Надмогильная память не в радость.
Посмеётся наш враг, назовёт нас “дюрак!”
И отвалит, паршивая пакость!

Украина—Россия

ВАЛЕНТИНА ОСТАНИНА

ВОЙНА

Сбывались грозные приметы.
Их суть сводилась к одному:
Война идёт меж тьмой и светом,
И, светом разгоняя тьму,
Прожектора в московском небе
Ловили чёрные кресты.

Мать-Родина звала к победе:
— А что для фронта сделал ты?
Дух тленья стлался над полями,
Горели рощи и луга.
Сердца́ ожгло: — Москва за нами! —
И страх возник в глазах врага...

У ДРЕВА КУЛЬТУРЫ

В России есть такое древо,
Укоренённое в Сибирь.
К нему зимой для обогрева
Летит уверенно снегирь,
Синичка тенькает задорно,
И не скучают воробьи.
Никто не затевает спора,
Здесь все родные, все свои.
Летит, устав от перелёта,
Истосковавшийся скворец.
Весной и летом он в заботах —
Скворчит заботливый отец.
На древе том,
В сплетённых ветках
Ненастье легче одолеть.
Здесь мы, Большой России детки,
Учились говорить и петь.

Омская область

НИКОЛАЙ ГУЦЕВ

А Я ВСЁ ЖДУ...

Эпоха, словно баба, самовластна,
Я с ней веду стихом жестокий бой.
Пока любовь земная не угасла,
Не смею уходить с передовой.

Стою один на старом полустанке,
А мимо громыхает сталь колёс,
Где на платформах — танки, танки, танки,
А я всё жду свой мирный паровоз.

СВЕТУ БЫТЬ!

Каких краёв, какого рода
Явился прыткий тамада,
Представ перед моим народом,
Как путеводная звезда?

Он лихо пляшет на пожаре
Шаманский танец пред толпой,
И мир за варварский сценарий
Платить обязан головой.

А вместе с ним три неваляшки,
Эпохи дикой лепота,
Безумной матери близняшки:
Беда, Нужда и Нищета.

Три дочки гнусной перестройки,
Не знают отроду труда,
Всё бродят, бродят по помойке,
Им рукоплещет тамада.

И чёрный ангел тьму пророчит,
Кончину скорую трубит,
Но сердце мира мироточит,
А это значит: Свету — быть!

Белгород

АЛЕКСАНДР КРАВЧЕНКО

УТРО В ДЕРЕВНЕ

Ещё в пруду подрагивают звёзды,
К дремотной речке ластится туман,
Для утра — рано, а для ночи — поздно:
Граница суток — времени обман.

Но чудится какое-то движенье,
Как будто бы завидит кто часы:
За каплей капля — мерный стук паденья,
Чуть слышный звон стекающей росы.

.....
Но долго ль быть беззвучному рассвету?
Покуда в роще дремлет птичий хор,
Цветной петух, как яркая комета,
Взлетает суматошно на забор!

И началось... Он славицей нестройной,
Кося в запале глазом на зарю,
Орёт от чувств — без дирижёра, вольный,
Во славу наступающему дню.

* * *

Минула лет вереница,
Память точна не во всём,
Надо ж такому случиться —
Всплыло вдруг (явь или сон?),

Будто я снова ребёнок,
Снова на улице той,
Клён, ещё молод и тонок,
Машет мне веткой густой.

Слышу я мамину песню,
Чувствую ласковость рук,

Если подольше бы, если
Не размыкался бы круг...

Сруб из сосновых брёвен,
Шершавой стены тепло,
Полдень июля был томен,
И время, как мёд, текло.

Утро лучами востока
В старые ставни скользит
И света живым потоком
Пылинок полёт золотит.

* * *

Ты помнишь, мама, домик наш у Волги?
Простор степей, где на санях метель
Неслась по бездорожью ночью долгой,
Врывалась в город и ломилась в дверь.

И чудилось, что на краю Вселенной
Испуганно замолк наш городок...
Клубилось небо, грозно и надменно:
Не видно звёзд и не сыскать дорог...

Усталая, садилась ты у печки
И тихо начинала мне читать,
И вдруг короче становился вечер,
И мысль спешила строчку догонять...

В печи огонь потрескивал, светлея.
Казалось, пусть метель в трубе гудит...
Во всей Вселенной места нет теплее,
Чем домик наш, где голос твой звучит!

г. Калуга

ГАЛИНА ШЕВЧЕНКО

ВОСПОМИНАНИЕ О СТАРОМ КАВАЛЕРИСТЕ

В тихом плёсе парная истома.
Над рекой серебрится туман.
Вновь уходит в ночное из дома
С табуном старый дядька Иван.

Кони-кони, ну, как же не вспомнить
Оршу, Вислу, Варшаву, Берлин...
Вы тянули! Аж рвались постропки —
Так, что кожа сползала со спин!

По ночам — ни овса, ни ночлега.
Шли, подковы теряя в золе.
И скрипела родная телега
По чужой, по германской земле...

А потом зарыдали трёхрядки.
Ездовые кричали: “Хана!..”
На солдате, на русской лошадке
Мировая кончалась война.

Стелют звёзды серебряный колос.
Скоро первый петух пропоёт.
Отчего же слезинка так долго
По щеке у Ивана течёт?

г. Пригорск

ЮРИЙ КОВЯЗИН

* * *

Пусть и был он небогатый,
Мамой вышитый кисет,
Но на фронте для солдата
Лучше не было и нет.

На кисете жили-были
Мамой вышиты слова,
Их солдаты не учили,
Знали их, как дважды два.

Совершив геройский подвиг,
Сядь, товарищ, закури.
Им бы знать про мамин подвиг
От зари и до зари.

*г. Каменск-Уральский
Свердловской области*

АЛЕКСАНДР СЕВАСТЬЯНОВ

БИТВА ЗА РУССКИХ

ЧАСТЬ I. “В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО...”

ТРУДНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК, или ЧТО СКАЗАЛ ПУТИН

31 октября 2016 года, в понедельник, проводя в Астрахани заседание президентского Совета по межнациональным отношениям, Владимир Путин произнёс фразу, рискующую стать исторической.

“Ну, что точно совершенно можно и нужно реализовывать, прямо над этим нужно подумать и в практическом плане начать работать, это закон о российской нации”, – сказал он в ответ на прозвучавшее на совете предложение о создании такого закона. А также заметил, что “формирование российской идентичности – процесс сложный и небыстрый. Но, безусловно, он идёт, и в последние годы достаточно активно идёт. Восприятие гражданами себя как части России, повышение ответственности за свою страну становятся всё более устойчивыми”. И поддержал предложение о проведении Года единства российской нации.

Таким образом, из двух наиболее заметных в наши дни и противоположных по смыслу инициатив в национальной сфере – во-первых, законодательное утверждение роли русского народа в качестве государствообразующего, а во-вторых, преобразование населения России в некую “российскую нацию” – президент на этот раз поддержал вторую и не поддержал первую, которую поддерживал в недавнем прошлом. Хотя первая исходит от народа (даже – народов), снизу, а вторая – от кучки придворных псевдоэкспертов, сверху, и только. Похоже, что президент под их влиянием решился на рискованный или попросту непродуманный, опрометчивый разворот, встав в оппозицию к национальному большинству.

Шаг, очень непохожий на обычную практику Путина, действующего, как правило, с оглядкой на народ и не позволяющего себе столь конфликтогенных заявлений.

Как могло это случиться? Кто и что за этим стоит и что может получиться в итоге? Как восприняло новацию общество? Попробуем разобраться.

ЧТО ГОВОРИТ НАРОД

Высказывание Путина, без преувеличения, взорвало информационное пространство. Количество отзывов на громкую фразу президента велико и продолжает расти. Их нетрудно классифицировать, что я и сделал.

Официальные лица и инстанции

Разумеется, нет недостатка в откликах официальных лиц и инстанций в духе “чего изволите”, всегда готовых поддержать любого действующего президента, что бы он ни говорил.

Молниеносно отреагировали, взяв под козырёк, Совет Федерации и Госдума.

“Идея российской нации при правильном развитии и подаче способна консолидировать российское многонациональное общество на основе современных ценностей”, – сразу же заверила нас председатель Совфеда **Валентина Матвиенко**. Что имела в виду Валентина Ивановна, осталось загадкой, зато её лояльность вне сомнений.

Председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству **Андрей Клишас** пояснил для РИА “Новости”: “Необходимо принять закон о российской нации и для правовой определённости в понимании самого термина “нация” как единой государственно-образующей общности граждан”. Клишас в то же время пожаловался, что в настоящее время отсутствует нормативное единство в системе актов, регулирующих отношения в рамках национальной политики государства, а также системный правовой подход к определению понятия “нация” и категории “национальный”. Сенатор отметил также, что в субъектах федерации, как правило, действует самостоятельное регулирование национального вопроса, однако при этом нормативное единство отсутствует, зато содержатся в значительной степени размытые по содержанию правовые нормы. Судя по приведённой выше, мягко говоря, ненаучной формулировке, он и сам стал жертвой указанных недочётов юридической теории.

Вице-спикер Госдумы **Ирина Яровая** не отстала от старших товарищей: “Закон всегда является отражением наиболее значимых ценностных смыслов общества. Единство российской нации – это самое главное историческое достояние и преимущество России”, – заявила она, попутно, без затей перефразировав президента. Не замечая юридического противоречия в собственных словах, бывший карьерный юрист продолжила: “Преамбула Конституции начинается со слов: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединённые общей судьбой на своей земле”, – это важнейший глубинный смысл. Это то, что в полной мере является национальной идеей: у нас общая судьба – Россия. И мы – единая российская нация”. Однако с первого же взгляда даже не юристу совершенно ясно, что придётся выбрать лишь одну из двух формулировок: либо “многонациональный народ” – либо “единая российская нация”. Совместить их логически невозможно.

Впрочем, поспешность Яровой исправил председатель профильного Комитета по делам национальностей **Ильдар Гильмутдинов**, выступая 2 ноября в пресс-центре МИА “Россия сегодня”. По его словам, торопиться с изданием закона под заказ президента не будут. “Для того чтобы такой федеральный закон появился, нужно провести большую предварительную работу... Мы с экспертным сообществом, со всеми заинтересованными организациями должны сформировать техническое задание”. Гильмутдинов также отметил, во-первых, что сейчас идёт консультация со всеми структурами, которые будут задействованы в разработке этого федерального закона (с какими именно, он не раскрыл). А во-вторых, что при работе над законом о российской нации будет учитываться и международный опыт, в частности, опыт Казахстана.

Такое заявление, прямо скажем, настораживает. Попытка провозгласить “казахскую нацию” и утвердить её суверенитет в нынешних границах произошла ещё в январе 1993 года. Тогда в первом же постулате “Основ конституционного строя” только что принятой Конституции нового государства изумлённый мир прочёл о том, что Республика Казахстан есть “форма государственности самоопределившейся казахской нации”. Важно, что нация здесь понималась, конечно же, как этническая, а вовсе не политическая нация, которую следовало бы в противном случае называть не “казахской”, а “казахстанской”.

Пикантность ситуации в том, что на момент отделения Казахстана от России казахов в нём проживало в целом немного менее (44%), чем русских (46%). Поэтому основной головной болью Назарбаева и всей казахской элиты было скорейшее раскрытие “русского вопроса”. Отсюда обозначение Казахстана в той же конституции как унитарного, а не федеративного государства,

хотя оно являлось федеративным по факту, резко разделяясь на русскую и казахскую половины. Отсюда и такая конституционная основа: “Территория Республики Казахстан является целостной, неделимой и неприкосновенной”. Отсюда стремительный перенос столицы из расположенной близ китайской границы Алма-Аты в центр русских областей, в Астану (Целиноград). Отсюда и поспешная декларация насчёт “казахской нации”.

Спрашивается, удалось ли за протекшие годы создать некую единую нацию из казахов, русских и других стиснутых общим согражданством этносов? “Казахстанскую нацию”, по примеру которой, видимо, собирается строить “российскую нацию” Гильмутдинов? Очень сомнительно, судя по бесчисленным жалобам казахстанских русских на дискриминацию, притеснения и этноцид. А вот несомненный факт: русское население за четверть века уменьшилось в этой стране вдвое: с 46 до 23,7%. Вдвое! Это уже не этно-, а геноцидом пахнет!

Не хочется думать, что именно это обстоятельство так привлекло к “переводному опыту” Казахстана внимание Гильмутдинова, который в политике прошёл от должности секретаря Татарского областного комитета ВЛКСМ (1990) до председателя совета Федеральной национально-культурной автономии татар (2007). Но ничего иного в голову не приходит. Хотя переделать Россию из федеративной в унитарную а-ля Казахстан было бы хорошо, но мне почему-то кажется, что Гильмутдинов имел в виду другое.

Тем временем высказались и некоторые лидеры думских фракций.

На другой же день после астраханского заседания первый Замруководителя фракции правящей партии “Единая Россия” **Николай Панков** заявил, явно путаясь в дефинициях, что “неоднократно встречаясь с жителями области, видел их желание ощущать себя частицей сильного многонационального государства. Разработка закона о российской нации станет ответом на чаяния людей”. Точно так же, как и Яровая, Панков в упор не видит несовместимости представлений о “многонациональной” России – и о единой “российской нации”. Зря, как видно, отменили в школах преподавание логики, введённое было при Сталине.

Не лучше с логикой и у оппозиции. 8 ноября лидер “Справедливой России” **Сергей Миронов** с похвальной последовательностью, если иметь в виду его предвыборные обещания ещё 2011 года, заявил, что в законе о “российской нации” можно было бы прописать, что в России русский народ является государствообразующим. Хотя трудно усмотреть последовательность в самом этом предложении по существу. Ведь говоря строго научно, нация – это и есть государствообразующий народ, поэтому в предложении Миронова явно налицо сочетание несочетаемого. Либо “русские как государствообразующий народ” – либо “российская нация”. Третьего не дано. При этом он, конечно же, считает, вслед за президентом, что “ввести юридическое и формальное обоснование и дефиницию такую – “российская нация” – очень правильно. Считаю, это первый шаг, первый этап в реальном создании государственной идеологии... Понятие российской нации, я уверен, является составной частью той самой идеологии, которой нам явно не хватало”, – заявил он, обойдясь, как водится у лоялистов, без аргументов. Взаимоисключающий характер обоих своих тезисов Миронов осознать не смог.

Выступление лидера другой фракции – **Владимира Жириновского** – могло бы показаться оппозиционным, если бы также не содержало в себе слишком явное противоречия. Он заявил 7 ноября, что нужен-де закон “о русском народе” (в противоположность “российской нации”), что это гораздо важнее для понимания значения и величия России на мировой арене. Но на поверку оказывается, что это только игра словами. Ибо лидер ЛДПР заявил: “Мы живём там, где мы родились. Мы русский народ. Это самое главное. Согласно закону о русском народе каждый сможет именовать себя так, как он захочет, – россиянин или русский. Но всех будет объединять главное понятие – понятие русского народа, общее для всех нас”. То есть речь идёт не о том, что дефективна сама по себе попытка трактовать согражданство как нацию. Нет, Жириновский лишь предлагает всему множеству российских этносов выбор из двух вариантов искусственного национального единства: называться россиянином или русским. Тот факт, что сам он, в своё время горячо ратовавший за отмену графы “национальность” в российском паспорте, предлагает всех запихнуть не в “российскую нацию”, а в не менее искусственно определяемый “русский народ” (без учёта реального происхождения), не отменяет абсурдности самой постановки задачи.

Впрочем, откровения Жириновского, по обыкновению, ярко выявили ахиллесову пятю всего проекта. Ибо, по его словам, закон о русском народе повторит уже существовавшую в Советском Союзе идею “советского народа”. Жириновский, как и адепты “российской нации”, уверяет, будто сейчас России, как никогда, необходима подобная концепция. Но ни он, ни они не желают понимать, что именно ложная национальная политика КПСС привела СССР к распаду, и тот, кто хочет её воспроизвести для России, должен быть готов к аналогичным последствиям. Попытка записать в “русские” всех россиян, включая татар, чеченцев, тофаларов, нганасанов, нанайцев, коряков и проч., не менее нелепа, чем попытка переписать русских “россиянами”. Она не может кончиться ничем хорошим.

В итоге “оппозиция его величества” продемонстрировала лишь весьма жалкий уровень своих полемических способностей.

Между тем, на президентское предложение незамедлительно отреагировало профильное учреждение – Федеральное агентство по делам национальностей. Как выяснил в ФАДН канал “Дождь”, идея закона о российской нации появилась (у кого?) ещё в июле. В понедельник президенту было поручено (кем?) лишь озвучить его.

Алла Семенышева, советник руководителя ФАДН, очень внятно продемонстрировала ведомственную заинтересованность в таком законе: “Пугаться ничего особо не стоит, это уже существующая Стратегия национальной политики... Эта тема обсуждается уже больше года в профессиональном сообществе. Нормы права в сфере государственной национальной политики определяются более чем десятком законов и указов, но нет, например, определённого органа, который отвечал бы за социокультурную адаптацию мигрантов. Конечно, в законе должны быть отведены большие полномочия органам государственной власти, необходимо навести структурную вертикаль в сфере госнацполитики”.

Семенышева сослалась на то, что “в Стратегии госнацполитики пункт 12 говорит, что многообразие национального состава является достоянием российской нации, а российская нация – это гражданская идентичность. И это не отменяет национальную идентичность, а идёт параллельно с ней – вы можете быть чукчей и россиянином одновременно”. И обнадежила: “Работа над законом ещё не началась, мы говорим о документе, которого нет. Закон за два дня не пишется”. Что ж, возможно, у общественности ещё есть время охладить административное рвение и повлиять на разум законодателя.

Из тех бюрократов высшего звена, чьё мнение заслуживает внимания, я выделил ещё генерала МВД в прошлом, а ныне уполномоченного по правам человека в РФ **Татьяну Москалькову**. Она пронизательно подметила, что идея российской нации привлекательна на первый взгляд, однако не следует её ассоциировать с одним народом, так как “это может обидеть другие народы, народности, национальности”. Москалькова напомнила, что вопрос о едином народе возникал ещё в советские времена, причём “для того, чтобы уйти от национального вопроса” (о разрушительных последствиях этого уже говорилось). Омбудсмен была настроена осторожно: “Главное слово – за людьми. Я думаю, что это вопрос для референдума”, – сказала она журналистам. И добавила: “Я не готова сделать вывод как уполномоченный. Нужно провести широкие общественные слушания, мониторинг общественного мнения, посмотреть, как относится к этому народ”. Что ж, это мудрая предусмотрительность.

Таков диапазон высказываний истеблишмента: от “Слушаюсь!” до “Надо подумать...”. Хочется надеяться, что второй подход возобладает.

Между тем, не осталась равнодушной к предложению президента и провинция.

Но и здесь проявились существенные различия. Если, скажем, в Красноярске отцы края кинулись воплощать в жизнь идею проведения “Года российской нации”, то в Екатеринбурге на заседании совета по делам национальностей уральские политики и общественники, по информации ИА REGNUM, пришли к скептическому выводу, что “идея закона о российской нации, регулирующего межэтнические отношения, – это попытка ответить на геополитические вызовы, существующие перед Россией, которая при этом может оказаться безуспешной”.

Общественные деятели, “властители дум”

К обсуждению животрепещущей темы сразу подключились известные общественные деятели, медиа-персоны и публицисты, претендующие на роль “властителей дум”.

К примеру, в высшей степени лояльный Кремлю политолог **Николай Стариков**, в устных и письменных выступлениях которого всегда бывает нелегко отделить правду от пропагандистских мифов, выступил в газете “Завтра”: “На мой взгляд, та законодательная инициатива, которая была вчера озвучена, — это попытка на новом уровне начать обозначение терминами, наполненные смыслом такого же понятия, каким когда-то было “многонациональный советский народ”. Говорить о том, что советского народа не существовало, — неправильно”. Этот ложный тезис (что же это за этнос-самоубийца, краткий век которого не дотянул и до полусотни лет?) Стариков дополняет безусловным мифом: “Советские люди в подавляющем большинстве жили дружно и даже не думали о национальных проблемах. Нас заставили об этом думать после 1991 года”.

Это, конечно же, не так. Нам запрещали думать и говорить на эти темы, но сами национальные проблемы от этого никуда не девались. И мы (я ручаюсь хотя бы за русских) о них всё равно думали. Пусть работы русских националистов начала XX века пылились в спецхранах, но тема разорения русской земли, надругательства над русской историей, уничтожения русской культуры и цивилизации, жестокой эксплуатации и принудительного донорства русских звучала, скажем, в работах Галины Литвиновой и Ксении Касьяновой, в сочинениях Солженицына и Шафаревича, ходивших в там- и самиздате, в прозе писателей-деревенщиков и мн. др. Был свой самиздат у армян, прибалтов, татар, грузин и др., и разные советские народы тоже думали каждый о своих национальных проблемах. Не случайно же СССР развалился, как картонный домик, именно по национальным границам — и ни один народ не встал на его защиту с оружием в руках.

Считая нас беспамятными глупцами, очевидно, Стариков рассуждает: “Для того чтобы понять, каким образом нам развивать наше государство, мы должны себе задать вопрос: каким образом оно складывалось? Для любого, кто непредвзято изучает исторические факты, очевидно, что Россия — это свободный союз евразийских народов, который сложился вокруг русского народа. Важны именно три составные части этого определения: свободный союз; евразийские народы; вокруг русского народа”.

Разумеется, любому историку известно, что: 1) союз не всегда был свободным (кавказские войны, как известно, длились столетие), 2) не евразийских народов. Верный вывод о государствообразующей роли русских Стариков пытается зачем-то опереть на миф, чем девальвирует сам вывод.

Наконец, Стариков завершает текст очередным выводом-мифом: “Подводя итог, хочу сказать, что авторы идеи создания закона о российской нации понимают то, что произошло с Советским Союзом. И именно поэтому они пытаются сегодня создать новую общность, которая, безусловно, существует, но ещё не до конца выражена в тех смыслах, которые сегодня требуются. Поэтому надо приложить все усилия для того, чтобы эти смыслы появились”. Но беда в том, что всё обстоит прямо противоположным образом. Именно недалёкая национальная политика КПСС, в частности, насаждение мифа о советском народе вместо изучения реальной этнополитической картины, привела Советский Союз к краху. Это не единственная, но едва ли не главная причина катастрофы.

Но вот в чём Стариков совершенно прав: нацию должны цементировать идеи. Российскую империю, к примеру, связывала триада “православие—самодержавие—народность”, а Советский Союз — задача построения коммунизма. Между тем, как деликатно выразился автор, “те идеи, которые сегодня должна нести миру Россия, до конца не сформулированы. Потому что идеи рыночной экономики, либеральных догм, прав человека, которые никак не коррелируются с обязанностями того же самого человека, абсолютно вторичны по отношению к тем же самым идеям, которые мы, к сожалению, очерпнули у наших американских и всевозможных других партнёров”.

Нет объединяющей идеи — не будет и единой нации. К такому выводу мы приходим вслед за Николаем Стариковым.

К этому стоит добавить крайне важное: не всякую идею можно рекомендовать нации в качестве цели. Целью нации может и должна быть только сама нация, её выживание в конкурентном мире, её здоровье и благополучие, её развитие. А не чьё-то другое. Любая иная цель, особенно если она выходит за рамки самой нации, – ложна по определению. Поставить ложную цель – обречь нацию на гибель. Подтверждением чему стала и гибель Российской империи, принесённой в жертву мировой революции, и гибель СССР, надорвавшегося в построении всемирной утопии всеобщего благоденствия.

Известный телекомментатор и блогер **Максим Кононенко** высказался для РИА “Новости” так: “Если татарин, чеченец или якут выедут за границу, они там будут русскими. Просто потому, что они из России и у них русский паспорт. Слово *russian* только одно, и оно не различает – русский или же россиянин. Просто – житель России. И именно поэтому первая строка Конституции, где сказано: “Мы, многонациональный народ Российской Федерации”, всегда вызывала у меня некоторое недоумение. Зачем эти лишние сущности? Мы, народ Российской Федерации. Мы, русский народ. Это синонимы. . .

Каждый живущий в России человек – это русский. Русский татарин, русский чеченец, русский якут. Совершенно неважно, как это называть: гражданская нация, российская нация, национальная нация. Это просто русские и всё. Другие термины не нужны”.

С удовольствием представлю читателю эссе “Российская нация” – фикция и подмена понятий” заметного петербургского политолога **Игоря Бойкова**. Совершенно справедливо напомнив для начала об “упорном стремлении элит разрушить цивилизационную матрицу, на основе которой века назад сложилась наша страна, <...> во имя “возвращения на столбовую дорогу цивилизации”, он характеризовал это как основную причину острого системного кризиса, терзающего нас с 80-х годов XX века.

В этой связи выдвинутую инициативу о подготовке законопроекта о “российской нации”, поддержанную президентом Путиным, Бойков воспринимает как продолжение гибельного курса, как “заявку на глубокую ревизию самого подхода к национальному вопросу в РФ, на которую в своё время не решились даже в годы правления Б. Ельцина. . . Российские элиты категорически не желают отказа от политического и идейного наследия 1991 года – что в экономике, что в национальном вопросе. Сама эта шулерская подмена русскости “российскостью” уходит корнями как раз в ту эпоху, когда проекты реформ писали для ельцинского правительства американские консультанты”.

Бойков не случайно упомянул недоброй памяти западных консультантов: “Концепция “российской нации”, которую проталкивает Совет по межнациональным отношениям, есть вульгарная калька с принятого в Соединённых Штатах или Франции понимания нации как простого согражданства. Данная концепция на деле отрицает колоссальную историческую роль русского народа, рассматривает русский народ лишь как своего рода химический элемент для получения “российского сплава”, один среди многих. В рамках такого подхода этническое происхождение гражданина игнорируется – принимается во внимание лишь его гражданская принадлежность.

Бойков задаёт принципиальный вопрос: “Чем же понятие “российская нация” противоречит понятию “русская нация”, которое столь активно желают изъять из обихода?” “Всем!” – отвечает он.

Самое главное, как утверждает автор: “Теперь, по сути, речь идёт не только об окончательном отказе от веками сложившегося принципа выстраивания межнациональных отношений в России, но и о вопиющем ущемлении прав крупнейшего и де-факто государствообразующего народа страны – русского народа. Ему инициаторы и разработчики законопроекта отказывают даже в праве на собственное имя”.

Бойков убедительно аргументирует: “Русская нация – это исторически сложившаяся в известных границах общность людей, объединённых общим происхождением и культурой, которая послужила ядром для формирования нашей государственности. Именно русские (русичи, русы, росы) люди дали название России – государству, в котором мы живём, а не наоборот. И именно русский народ был и остаётся становым хребтом страны, вокруг которого объединяются другие комплиментарные ему народы. Изыми этот стержень или, того хуже, сломай его – и рухнет Россия, как рухнул четверть века назад Советский Союз, лишившийся в 1990–1991 году своей главной республики-

держательницы. Ведь ничто, за исключением русского магнита, якута с осетином или татарина с карелом вместе не соединит”.

Бойков смотрит в корень, когда критикует предлагаемый законопроект в самой его глубинной основе: “Настаивая на определении нации как согражданства, члены Совета внедряют в наше общество глубоко чужеродный принцип. Наша страна исторически формировалась вокруг русского ядра, которое ни цари, ни советские генсеки никогда не пытались отрицать и не ставили под сомнение его национальное содержание. Оно было и остаётся одним — русским! Известные заявления Н. Хрущёва и Л. Брежнева о советском народе как “новой исторической общности”, которые сегодня многие высмеивают как вопиюще неадекватные, в действительности не отменяли национальных идентичностей внутри страны. В паспортах при СССР, замечу, указывались подлинные (“примордиальные”) национальности, и русских, равно как и татар, башкир, чувашей, удмуртов и т. д., переписывать в “советские” никому в голову не приходило. Но в Советском Союзе была хотя какая-то основа для заявлений о “новой исторической общности” — победа социалистического строя с его идеей пролетарского интернационализма, казавшаяся в тот период неоспоримой. А на каком, спрашивается, базисе намереваются собирать “российскую нацию” господа из Совета по межнациональным отношениям и поддержавший их президент? На экономическом базисе ельцинской приватизации да на предельно дискредитировавшей себя идее мультикультурализма?”

Бойков верно подмечает и непосредственные, ближайшие политические риски, которые неизбежно получит Кремль и лично Путин в виде приложения к закону: “Проблема преодоления разделённости русского народа при подобном подходе к национальному вопросу вообще снимается с повестки дня — воссоединять нечего... Сегодня, когда многие в стране воодушевлены возвращением Крыма и ожидают от Кремля дальнейших шагов по укреплению русского начала России, наша власть изготвилась двинуться в прямо противоположном направлении. Не к укреплению, а к размыванию, к фактическому отказу от него. Унижая русский народ самим обнародованием подобных концепций, ставя его в подчёркнуто ущемлённое положение по отношению к нацменьшинствам (о том, чтобы заодно упразднить национальные республики в РФ с их титульными нациями, на заседании Совета не было сказано ни слова!), власть отталкивает свою главную опору внутри страны. Причём отталкивает в нарочито оскорбительной манере. И это в такой сложный исторический момент, когда страна втянута в две войны... Подобные ошибки обыкновенно обходятся очень дорого!”

Автор этих строк разделяет глубокую патриотическую озабоченность Игоря Бойкова дестабилизирующим, подрывным потенциалом закона о “российской нации”.

Учёные, эксперты

К полемике вокруг “проекта 31 октября” постепенно подключаются специалисты, эксперты. Некоторые учёные-обществоведы, зарекомендовавшие себя как специалисты в национальном вопросе, уже высказались, кто пространно, а кто — кратко. Их мнения я считаю важным отобразить, пока нет официально назначенных экспертов.

Коротко и ясно выразился доктор наук, завкафедрой МГИМО **Валерий Соловей**, известный своими книгами по истории русского народа в XX веке, который уже 1 ноября отметил в “Фейсбуке”: “Ничего не забыли. Ничему не научились. Это я об идее “российской нации” — “уникальной гражданской общности”. Была уже “новая историческая общность людей — советский народ”. И вся вышла. Как там у Ключевского: история ничему не учит, а лишь наказывает за незнание её уроков?” Смысл иронии учёного предельно ясен: власть снова наступает на старые грабли.

Президент Института национальной стратегии, редактор-составитель книги “Неединая Россия” (2016) **Михаил Ремизов** в интервью РИА “Новый День” 3 ноября отметил, что идея закона о “российской нации” вступает в противоречие с действующей Конституцией РФ. По его мнению, такого рода декретами нации не утверждаются. Но главное, термин “российская нация” воспринимается “как покушение на свою идентичность как русскими, так и некоторыми представителями других народов России”. Он пояснил: “Та культурная

модель, та историческая память, тот материал, из которого может строиться “российская нация”, — это и есть ткань русской идентичности. Это русская культура, русское историческое самосознание. Получается, что нужно либо признать русский народ в этом проекте титульным, но государство категорически возражает, либо вынести его за скобки и его историческое наследие сделать платформой для строения новой исторической общности, а это уже затея, граничащая с этноцидом, когда речь идёт об уничтожении идентичности”.

Вместе с тем эксперт полагает, что концепция “российской нации” никак не совместима с существованием других территориально-политических наций внутри России в виде национальных республик. “Если быть последовательными, то необходимо включать в качестве этапа ликвидацию государств в государстве, что тоже встретит сопротивление”, — констатировал Ремизов.

Политолог обратил внимание также на большую терминологическую путаницу в связи с инициативой закона о “российской нации”. И заключил: “Учитывая, что много вопросов, ответов на которые не видно, я не понимаю смысла принятия закона именно в варианте строительства “российской нации” как нового исторического общества”.

Интересны результаты экспертного блиц-опроса, проведённого Русской службой Би-би-си, выяснявшей у респондентов отношение к проекту такого закона и вообще к понятию “российская нация”. Отвечали трое: один националист, один представитель кремлёвского пула, один либерал. Ответы получились такие.

Егор Холмогоров, телеведущий и публицист, главный редактор сайтов “Русский обозреватель” и “Новые хроники”: “Закон о некоей “российской нации” нужен не больше, чем предписание участкового о переименовании меня в Юрия или Игоря. Это абсолютно бессмысленная затея... Ни к чему хорошему это не приведёт, у нас в конституции записано, что Россия — многонациональная страна, где множество наций... ”

Сейчас единственное, на чём может строиться государство, — это то, что абсолютное большинство жителей абсолютного большинства регионов — русские, будь то бывший немецкий Калининград или некогда японский Южно-Сахалинск.

Фактически предлагается: давайте всё свалим в один котёл, объявим его “российской нацией” и будем её строить. Но непонятно, на какой основе её строить? Чисто логически, строить надо на русской основе как на основе большинства населения, а если на какой-то нейтральной, то существует опасность, что русских искусственно отделят от корней.

Есть опасность, что остальные народы не захотят превращаться в “россиян”, а русских заставят идти под эту гребёнку... То есть ничего, кроме хаоса в межнациональных отношениях, этот дурацкий проект не даст... ”

С чисто аппаратной точки зрения эта концепция — колоссальная подстава, когда в последние два года президент пребывал в лавровом венке покорителя Крыма и победителя ИГИЛа, и тут он говорит такое, что неизбежно возвращает от него массу людей”.

“Никто не должен ставить под сомнение существование русской нации”, — подчеркнул Холмогоров, указав тем самым на самое слабое место законопроекта.

Алексей Чеснаков, директор Центра политической конъюнктуры, придерживается противоположного мнения: “Приближаются президентские выборы. Для значительной части консерваторов и охранителей тема “российского народа” — любимая. Путин действует электорально грамотно. Он “цементирует” своих сторонников”.

Цементирует, откалывая их от большинства, добавил бы я.

Кирилл Мартынов, кандидат философских наук, доцент Школы философии НИУ ВШЭ:

“Сама эта конструкция у автора концепции является парафразом аналогичной конструкции советских времён, когда хрущёвско-брежневская номенклатура озаботилась тем, чтобы навязать “воображаемые сообщества” и их существование закрепить... ”

Думаю, что в законе практически нет реального содержания. Может быть, это вопрос разграничения культурной политики в национальных республиках, это старая проблема и одна из причин, почему эти идеи были торпедированы раньше: либо вы даёте этническую интерпретацию российской нации, и тогда

она определяется как православная с приоритетом русского этноса, либо вы даёте гражданскую интерпретацию российской нации, тогда вы возвращаетесь к конституции с её словами о многонациональном народе и у вас нет пространства для манёвра: нельзя сказать, что русская культура может иметь приоритет над другими культурами, раз уж у нас многонациональный народ.

Нации невозможно зафиксировать по указу сверху. То, с чем мы сталкивались в новейшей истории, – формально обратный процесс. [Инициатива] звучит абсурдно: это общественный договор наоборот, будто не нация создаёт государство, а государство куёт нацию...

В России, к сожалению, политической нации нет, и, возможно, в современном мире формировать её уже поздно... У нас не состоялась эта политическая нация по двум причинам. Во-первых, границы Федерации не совпадают с границами “Русского мира”, который вообще непонятно, где имеет конец...

С другой стороны, внутри самой России огромное количество диаспор, которые другие жители не считают своими...

Но главная проблема – российская нация не видит себя политическим институтом в отрыве от государства, в виде того, что называется гражданским обществом – ключевым агентом нации... И непонятен инструмент, с помощью которого можно организовать нацию, поскольку в современном мире государство не может это сделать”.

Колумнист “Известий”, лауреат “Чеховской премии” **Кирилл Бенедиктов** написал так: “В очередной раз выкопанный кадавр “российской нации” – достойная сожаления попытка гальванизировать останки “новой исторической общности людей – советского народа” с оглядкой на “великую американскую нацию”, родившуюся в “плавильном котле” США. Проект, на мой взгляд, совершенно бесперспективный, потому что, в отличие от советского, он не способен предложить русским ни одного резона для отказа от национальной идентичности и перехода в “россияне”. Советский проект манил хоть какими-то миражами, всепланетным коммунизмом, равенством и братством с далёкими народами Кубы и Вьетнама, космической экспансией, а у *россиянской многонационалии* никакого позитивного образа будущего нет. Женщины, закрывающие лица платками, и бородачи, деловито режущие баранов на улицах Москвы и Санкт-Петербурга, – это не то будущее, к которому хочется стремиться, но зато лежащая на поверхности ассоциация со словом “многонациональность”...

Русская нация должна, наконец, быть признана государствообразующей нацией Российской Федерации. А прилагательное “российский” следует оставить для определения гражданства. И тогда мы получим русских, татар, башкир, бурятов, чеченцев, якутов и т.д. – граждан Российской Федерации разных национальностей”.

Как и Игорь Бойков, Бенедиктов обращает наше внимание на крупные политические риски, которые берёт на себя Путин, поддерживая пресловутый проект:

“Помните, какой был эмоциональный подъём весной 2014 года, когда Россия вернула себе Крым и была готова выступить в защиту русских Новороссии? Когда вдруг с самых высоких трибун зазвучали почти табуированные до того слова “русский” и “Русский мир”? Возврат к концепции “российской нации” означает отступление, отказ от второй в нашей постреволюционной истории попытки признать за русскими особое место в государственном устройстве России (первая, ещё в советское время, – это, конечно, “русский ренессанс” до- и военного времени, высочайше разрешённый Сталиным и им же свёрнутый в период “ленинградского дела”). Помимо всего прочего, он означает, что такого общенародного подъёма, какой был во время “Русской весны-2014”, уже не будет – будет только сползание в общенациональное равнодушие, уныние, депрессию. И никакие победы в Сирии это сползание не остановят”.

Как говорится, имеющий уши да слышит.

Простой народ

Острая тема взбудоражила всю блогосферу, где, помимо профессиональных тружеников пера, не замедлили высказаться самые разные по социальному статусу, но неравнодушные люди. Их выразительные реплики я привожу ниже.

* * *

Анатолий Несмиян:

“Не стану вдаваться в теоретические рассуждения о происхождении нации. В нашем сугубо конкретном российском случае российская нация в принципе возможна как принудительно сконструированная проектная конструкция, однако для формулирования такого проекта требуется не закон, а идеология. И время. У Путина нет ни того, ни другого. Он действует в привычном поле: достаточно принять указ о проблеме, и она станет частью решения”.

* * *

domestic lynx

“К какому положению надо стремиться? Мне кажется, к такому. Все мы – русские. Но у каждого есть какая-то малая родина... Но начать вот так, взяв и с места в карьер транслировать эту идею (все мы русские, но у каждого своя малая родина), на мой взгляд, преждевременно. Надо эту идею внедрять постепенно. Главное – понимать, в какую сторону мы идём. Постепенному внедрению идей надо поучиться у наших западных “партнёров”. Вообразите, тридцать или пятьдесят лет назад кто-то заявил бы во Франции или Германии, что гомосексуализм – это норма. Глядишь, и фингал под глазом можно было б огрести. А теперь – ничего, внедрили. Постепенность, неуклонность и твёрдое понимание, в какую сторону мы идём, – вот как внедряются в умы идеи...”

Критерий нации – субъективно-психологический. Как чувствуешь – так и есть. Это чувство общей истории и общей культуры. Общей судьбы. Именно поэтому при всей трудности “умственного” установления национальности очень легко установить её “по чувству”. Теоретически – не просто, а практически – проще пареной репы. Есть масса людей, которые с уверенностью и без сомнения говорят о себе: я – русский. (Или соответственно “я – француз”, “я – немец” и т.д.). На каком основании? Да ни на каком. На основании чувства. Вот русские они, и всё тут...

В прежнее время бытовало в России такое шутовское присловье: “Папа – турок, мама – грек, а я русский человек”. Очень правильно, именно так и есть”.

* * *

Анна Тараканова@n_barmaleykina

“Российская нация в законе, русская нация в загоне”.

* * *

Станислав Яколев: <https://www.facebook.com/arcticspiegel>

“Итог четырёхлетних экспериментов с Русским миром: русских решили от греха подальше вовсе отменить”.

Станислав Говорухин назвал слово “россиянин” отвратительным

Итак, “глас народа” подходит, скорее, под определение “разноголосица”. Определённое мнение синтезировать трудно, но очевидно, что преобладает скепсис. И ещё одно обстоятельство бросается в глаза: кто бы что ни говорил на заданную тему, все высказывания отличаются большей или меньшей некомпетентностью в отношении этнополитической проблематики. Это, к сожалению, относится как к авторам идеи и к самому президенту, так и к экспертам, а уж про иных участников полемики и говорить нечего. Что поделаешь: этнополитика для нас наука новая, её никогда не преподавали ни в школах, ни в вузах России. За что и расплачиваемся.

Тем интереснее и важнее было узнать, как охарактеризовал возникшую ситуацию сопредседатель центрального штаба “Общероссийского народного фронта” (ОНФ) депутат Госдумы Станислав Говорухин. Ведь это тоже “глас народа”, только как бы уже в энной степени.

А он, между прочим, назвал слово “россиянин” отвратительным. Да-да, так и сказал, да притом ещё в эфире телеканала “Россия-24”. Говорухин подчеркнул, что жители России много веков называли себя русскими. А вот слова “россиянка” и “россияне” звучат отвратительно.

Говорухин ничего не сказал о своём отношении к инициативе, озвученной президентом Путиным, однако контекст говорит сам за себя.

Разумеется, Кремль (конкретно: пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков) не мог не отреагировать на столь резкое заявление столь высокопоставленного политика. Реакция выразилась в заверении Пескова (ТАСС), что Станислав Говорухин руководит ОНФ и “по-прежнему является человеком, которого Путин уважает, с которым у Путина постоянно доверительный диалог”. Пресс-секретарь отказался комментировать конкретное нелицеприятное высказывание Станислава Говорухина. “Это не кремлёвская тема”, — отрезал господин Песков.

Ну, и промолчал бы, если не кремлёвская...

Само собой понятно, что тема-то самая что ни на есть “кремлёвская”, поскольку исходит она из высказывания самого президента. Однако пресс-секретарь Дмитрий Песков как человек умный, похоже, раньше всех понял неуместность и скандальность президентского публичного выступления. Конечно, он не мог сказать, что, мол, извините, “президент оговорился”, или “он не то хотел сказать”, или “его неправильно поняли”, или “президента подставили”. Нет, он выразился гораздо осторожнее: “Это пока выдвинуто как идея, которая была поддержана главой государства, и сейчас я не стал бы вдаваться в подробности. Давайте подождём, когда эксперты наработают эту тему”, — сказал Песков.

ЧАСТЬ II. КТО ГОВОРИТ?

КТО ПОДСТАВИЛ ПУТИНА

Слово, как известно, не воробей, вылетит — не поймаешь.

Вся лавина негатива, порождённого вбросом в общество идеи о законе насчёт “российской нации”, падает, конечно же, на голову лично президента Владимира Путина.

Отмечу важное обстоятельство: за годы своего нахождения у руля России, Путин расчистил немало завалов, доставшихся ему в наследство от Ельцина в самых различных областях политики и экономики. Он, в частности, подверг радикальной ревизии внешнюю политику, административную систему, военное строительство, отчасти экономику и многое, многое другое. И только в области национальной политики всё либо осталось, как при Ельцине, либо даже существенно ухудшилось, если приглядеться к положению русского народа.

Странно и удивительно, не правда ли? А впрочем — нисколько. Ведь основные руководящие и направляющие персоны в области национальной политики, разрабатывающие концепции и стратегии, консультирующие президента и вкладывающие ему в уста те или иные принципиальные положения, не изменились с ельцинских времён. Им он доверяет, на их теоретические положения опирается, их наставлениям следует.

Кто же эти люди? И в чём же состоят их представления?

Чтобы понять эти важные вещи, обратимся к истории принятия основополагающего документа, на который ссылается сегодня президент. Это “Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации” (утверждена указом свежееизбранного президента Путина в конце 2012 года), прямым следствием которой является нынешняя инициатива с “российской нацией”.

РАССЧИТАЛИ БЕЗ ХОЗЯИНА

Чем примечательна, в первую очередь, действующая Стратегия национальной политики России, согласно принятому документу?

Это превосходно заметили депутаты парламента Якутии из своего далёкого далёка, написав в отзыве на проект: “Русский народ низведён до понятия

“этническая общность”, нет понятия “государствообразующий народ”, самоопределение которого создало де-факто государство Российская Федерация”.

В ходе обсуждения Стратегии весомо прозвучал также голос Всемирного русского народного собора, который принял резолюцию, где указывалось на недоработки проекта. Главная мысль: необходимо законодательно обеспечить права и интересы русского народа в России в такой же степени, как это сделано в отношении других народов. О чём забыли авторы Стратегии. Но и этот голос прозвучал втуне.

Что же на самом деле предлагает Стратегия национальной политики государствообразующему народу России? Что русские – 80% населения, а с ассимилянтами и все 90% – могут найти в ней для решения своих национальных проблем?

Ответ напрашивается сразу и однозначно: НИЧЕГО.

При первом же взгляде на Стратегию становится ясно, что в ней полностью отсутствует понимание той простой истины, что русский вопрос является ключевым для решения проблемы национальных отношений в России. Да и вообще отсутствует понимание причин межнациональных противоречий и напряжённости, как будто текст писали инопланетяне. Не только Манежка-2010, но и распад СССР по национальным границам, похоже, ничему не научили авторов.

Между тем, сегодняшнее положение русского народа не таково, чтобы можно было беспечно отмахнуться от угроз, стоящих перед его национальным бытием. Например, от факта его разделённости, от факта его многоступенчатого геноцида в XX веке, от факта его депопуляции, истощения и искажения генофонда, от факта его культурной и биологической деградации, от попыток отделить от него русские субэтноты, как это когда-то уже произошло с украинцами и белорусами.

Вспомним, однако, что русский народ уже был назван “государствообразующим” в одном из текстов президента Путина ещё в бытность его председателем Правительства РФ. И предыдущий проект Концепции госнацполитики, подготовленный Министерством регионального развития, содержал в себе данный важнейший тезис о “государствообразующей роли русского народа”.

Вопреки этому, новый документ, над которым поработали целых четыре бывших министра по делам национальностей – Валерий Тишков, Вячеслав Михайлов, Владимир Зорин, Рамазан Абдулатипов, – таких слов уже не содержит. В тексте “Стратегии” о русских лишь сказано **коротко и неясно** насчёт “объединяющей роли русского народа” и о том, что Россия создавалась как “государство, системообразующим ядром которого исторически выступает русский народ”. Всё. Больше о русском народе, как ни ищите, ничего существенного в тексте нет. Ни одного слова о русских проблемах и путях их решения в документе не найти.

Надо прямо сказать, что авторы Стратегии национальной политики оказали Кремлю дурную, медвежью услугу. Они умудрились полностью, притом демонстративно проигнорировать угрозы и вызовы, стоящие сегодня перед русским народом.

Отчего же так получилось? Почему возник подобный идейный вакуум?

Дело в том, что Стратегию национальной политики в нашей стране России, названной так по имени русских, принимали, можно сказать, без русских и не для русских. Посудите сами: в составе Совета при президенте России по межнациональным отношениям нашли своё – подчеркну: официальное и полномочное! – представительство многие народы нашей страны. К примеру, армяне, ассирийцы, украинцы, татары, цыгане, карачаевцы, казахи, лезгины, белорусы, поляки, греки, азербайджанцы, евреи, чувашаи, корейцы и даже коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации имеют в Совете своё – снова подчеркну! – законное представительство.

И только русские оказались лишены сколько-нибудь легитимного представительства, поскольку ни заместитель главы Международной общественной организации “Всемирный Русский Народный Собор” Валерий Ганичев, ни председатель Общероссийской общественной организации “Родина – Конгресс русских общин” Алексей Журавлёв никогда не имели никакого законного мандата на представительство интересов русского народа. Недаром в списке членов Совета рядом с их именами стоит уничижительное и невнятное выра-

жение “по согласованию”. Кто, что и с кем согласовывал — об этом документ молчит. Но уж во всяком случае, не с русским народом.

Таким образом, представлять русских, защищать их права и интересы в Совете по межнациональным отношениям оказалось некому. Довольно нелепо было бы ждать от такого состава Совета исправления перекосов в межнациональных отношениях.

Немаловажным приходится считать и то обстоятельство, что руководителем Рабочей группы по написанию Стратегии оказался Вячеслав Михайлов, известный в осведомлённых кругах своей русофобией. Ничем не лучше него и два других министра по делам национальностей гайдаровско-ельцинского призыва, Тишков и Зорин (подробности ниже).

В итоге, ознакомившись с пресловутой Стратегией, русский человек может только руками развести со словами: “Без меня меня женили”. А ещё точнее было бы сказать словами русской поговорки: “Рассчитали без хозяина”.

СТРАТЕГИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ: КТО ОНИ

Реальными авторами Стратегии, столь показательно игнорирующей государствообразующий народ России, является тройка экс-министров: Тишков, Михайлов, Зорин. Вот они-то и мудруют, заправляя национальной политикой в России с того самого 1992 года, когда в министерское кресло сел демократ “первой волны”, либерал гайдаровского призыва, убеждённый западник Тишков. Несмотря на отставки, они сумели составить тройственный союз и взять под свой жёсткий контроль национальный вопрос в нашей стране. Отчасти это обусловлено личными связями и интересами (например, в 2009 году Зорин стал замдиректора по науке в Институте этнологии и антропологии РАН), но в большей степени — общей идейной платформой. На мой лично взгляд — русофобской.

В этой тройке один — Тишков — является теоретиком, поставщиком идей; двое других — вообще ничего, на мой взгляд, не понимают в теории, зато оба матёрые аппаратчики, прошедшие школу партийной и государственной службы. Административным мотором является Вячеслав Михайлов, он больше на виду; главным идеологом — Валерий Тишков. А Владимиру Зорину более всего подходит расхожая некогда формула “. . . и примкнувший к ним Шепилов”, поскольку самостоятельного значения эта фигура не имеет. Однако по обстоятельствам коренник и пристяжные порой меняются местами. Расскажу о них поподробнее, Пойдём от меньшего к большему.

* * *

Владимир Юрьевич Зорин родился 68 лет назад на Украине, в Виннице, примыкающей к западноукраинским областям, где и рос поначалу. Высшее образование пришлось получать в Ташкенте, в Институте народного хозяйства. Карьеру делал через комсомол и партию, в 1987–1991 годах был даже членом ЦК КП Узбекистана, а в 1986–1993 годах — депутатом ВС УзССР. При этом в 1988–1990 годах занимал пост второго секретаря Каракалпакского обкома КПСС. Выдавленный известными обстоятельствами из Средней Азии в Россию, в 1993–1995 годах вынужден был работать учителем истории и обществоведения, но потом, видимо, сработали старые связи, и Зорин оказался заместителем руководителя Территориального управления Федеральных органов исполнительной власти в Чечне. Вступив в черномырдинский “Наш дом — Россия”, стал в 1996 году депутатом ГД РФ и возглавил там (как очевидец украинской, узбекской, каракалпакской и чеченской этнических групп, надо полагать) Комитет по делам национальностей — судьбоносный ход! В дальнейшем карьера шла привычно — по партийной линии: в 2000 году — заместитель руководителя исполкома Политсовета НДР, затем — член президиума политсовета ОПОД “Единство”. В 2001 году стал в правительстве Михаила Касьянова министром по делам национальностей (“без портфеля”, поскольку само министерство было ликвидировано в том же году) и был отправлен в отставку вместе с Касьяновым в 2004 году.

Будучи министром, Зорин не терял зря времени и быстренько, через три года после кандидатской, защитил в 2003 году докторскую диссертацию

по теме “Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ”¹. Стать кандидатом в 52 года и доктором в 55 — почему бы и нет, если обстоятельства благоприятствуют; лучше поздно, чем никогда. Богатый опыт партийного карьериста помог и тут: Зорин защищался в Академии госслужбы, где профильную кафедру национальных, федеративных и международных отношений с 1998 году возглавлял бывший министр того же министерства Вячеслав Михайлов. А в научных консультантах (так пропечатано на титуле диссертации) официально числятся два других министра: Тишков и Абдулатипов. Умно: рука руку моет! Вот тогда-то Зорин и принёс этим сильным мира сего свой вассальный оммаж, что весьма помогло ему в дальнейшем. Ведь на первых же страницах диссертации мы читаем комплименты всем трём, которых автор в алфавитном порядке именует кого “авторитетным исследователем и политиком”, кого обладателем “многогранного научного и политического опыта участия в национальной политике”, кого “крупным этнополитологом”...

Что касается самой диссертации, я процитирую, чтобы избежать упрека в субъективности, известного либерального философа-этнополитолога В. С. Малахова: “Чиновики, ответственные за проведение “национальной политики”, маневрируют, строя свою речь таким образом, чтобы их высказывания не поддавались однозначному толкованию. Непревзойдённый мастер такого маневрирования — Владимир Зорин. В докторской диссертации... можно прочесть: “Полноправными субъектами национальной политики [...] являются все без исключения российские этносы. Точно так же все нации и этнические группы страны в равной степени являются государствообразующими народами Российской Федерации, что отнюдь не преуменьшает исторической роли русского народа — стержня государственности, собирателя российских земель и первосоздателя общего государства”... Зорину, как и многим другим чиновникам, свойственно нечёткое использование терминов — их смысл постоянно “плывёт”, иногда меняясь в пределах одного высказывания. “Национальная” политика незаметно перетекает в “федеративную” и наоборот, “национальные меньшинства” и “коренные малочисленные народы” употребляются то как синонимы, то как разные понятия. Тексты Зорина местами представляют собой простой набор лозунгов, семантической несовместимости которых автор как будто не замечает: “сохранение единства и целостности территории” и “самоопределение нации”, “обретение российским народом и государственной властью новой идентичности России” (буквально так) и “задачи многонационального содружества”, готовность “развивать гражданское общество” и приверженность “равноправию народов”².

Эта идейная и терминологическая путаница — фирменный стиль любого карьериста, цель которого — не наука, а место под солнцем. От такого родимого пятна Зорину, на мой взгляд, не удалось избавиться и с возрастом. Как говорится, каков в колыбельку, таков и в могилку. О демократической субстанции в голове доктора политических наук могут свидетельствовать такие жемчужные зёрна из диссертационной кучи:

“Гармонизация межэтнических отношений, прочность федеративной России и её способность устойчиво развиваться в качестве целостного социально-политического организма соответственно требованиям новой эпохи во многом зависят от успехов укрепления рыночных основ экономики и совершенствования государственности как свободного сожительства населяющих её народов. Определяющую роль играют также эффективное решение всего комплекса проблем модернизации общества, полноценная интеграция страны в мировое сообщество на демократических началах”...

“Мультикультурализм... как политическая философия и как практика... может помочь совершить постепенный важнейший переход от формулы многонационального народа к нации как гражданству”. И т. п.

Штампы, клише ельцинской эпохи навсегда, похоже, застряли в уме Зорина. Не имея собственных выношенных и обоснованных взглядов, он “взглянул окрест себя” и обнаружил готовую идейную матрицу Валерия Тишкова, к кото-

¹ Зорин В. Ю. Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ. Автореферат диссертации на соискание степени доктора политических наук. М., “РАГС”, 2003.

² Малахов В. С. Настоящее и будущее “национальной политики” в России. http://iphras.ru/upfile/histpol/biblio/144-159_malahov%5B1%5D.pdf

рой и счёл за лучшее прилепиться. В его списке литературы – добрый десяток тишковских работ, а в тексте – отчётливый привкус идей “научного консультанта”. В частности, в таком выводе-рекомендации, венчающем автореферат докторской: “Обновлённая этнокультурная политика в России призвана преодолеть, прежде всего, жёстко групповое видение субъекта политики, который в разных обществах определяется по-разному: этносы, расы, нации, меньшинства и т. д. Академический анализ и политика призваны отказаться от убеждённости в изначальном существовании неких социальных группировок людей, по которой у гражданина и у группы в целом есть потребности, интересы и права, и даже отдельная “этническая правосубъектность”.

Этот пламенный призыв всем отказаться от своей врождённой этничности, от признания роли этносов как субъектов истории, от признания за каждым этносом своих этнических прав и интересов – первый шаг к концепту “советского народа”, “русской нации” или любому аналогичному воображаемому обществу. Главным двигателем чего как раз и является Тишков.

* * *

Вячеслав Александрович Михайлов – такой же продукт партийной номенклатуры, как Зорин, только постарше, покруче (как и тот, кстати, он выходец с Украины, но – Западной, что примечательно). И история его, на мой вкус, куда хуже. Многие из нас ещё хорошо помнят, как делались карьеры этого класса советских людей.

Его *alma mater* – Львовский университет, где он окончил курс и аспирантуру по высококонъюнктурной кафедре истории КПСС, защитив в 1970 году кандидатскую диссертацию по теме: “Деятельность партийных организаций западных областей Украины по интернациональному воспитанию населения”. Научную ложь и убожество возмещал должностным ростом: работал замсекретаря парткома, затем старшим преподавателем кафедры истории КПСС всё того же университета.

С 1972 года Михайлов вовсе ушёл на партработу: в 1972–78 годах заведовал отделом пропаганды и агитации Львовского обкома Компартии Украины, в 1984–1987 годах стал секретарём Луганского обкома Компартии Украины. Триумф “незалежной и самостийной” именно в ту эпоху готовили такие же “интернационально воспитанные” выходцы с Западной Украины, окопавшиеся в органах власти. А в 1983 году, уже вознесённый в ЦК КПСС, защитил в Академии общественных наук, главной кузнице партийного руководства, очередную диссертацию на ту же тему: “Деятельность КПСС по формированию и углублению интернационалистского сознания трудящихся западных областей Украины (1939–1981 гг.)”.

Так делались в те времена научно-партийные карьеры! Сравните темы обеих диссертаций и “почувствуйте разницу”. Ну, а результат деятельности КПСС по воспитанию интернационалистов на Западной Украине мы видим сегодня воочию. Ведь именно в те годы недобитые бандеровцы проводили массовую инфильтрацию во все властные и околовластные структуры, в массовом же масштабе отравляя умы и готовя реванш украинского национализма. Это как же надо было изолгаться, чтобы восхвалять несуществующие успехи партийного воспитания! Читать диссертации Михайлова, исполненные демагогии, никому не пожелаю.

Однако в Москве ловкий карьерист-партократ сумел стать с 1987 года заведующим сектором теории наций и национальных отношений Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Очевидно, среди партийных бонз за ним закрепилась репутация тонкого знатока национального вопроса. В 1987–1991 годах Михайлов – уже сотрудник аппарата ЦК КПСС, ему доверили стать заведующим ЦК КПСС по межнациональным отношениям.

Партийные структуры, оставшиеся от коммунистов, уже почти ничего не значили при новом режиме, но это не помешало Михайлову продолжать успешную карьеру. В начале перестройки он и сам мгновенно “перестроился”: в 1992 году стал заместителем председателя Исполкома Движения демократических реформ. И вот он уже в 1992–1993 годах – профессор кафедры политологии МГИМО МИД РФ, ещё одной кузницы кадров былого Коминтерна.

Но, видимо, профессорствовать понравилось меньше, чем руководить, и с 1993 года Михайлов на работе в Министерстве по делам национальностей

РФ, где, пересидев троих быстро менявшихся министров, сам стал министром в 1995 году. В 1998 году этот пост пришлось передать Е. С. Сапиро, который вскоре уступил его Р. Г. Абдулатипову. Абдулатипов, человек профессионально подготовленный (редкость на этой должности), открыл в своём ведомстве Отдел русского народа, поручив его возглавить А. В. Никонову. Но в мае 1999 года в кресло министра повторно сел Михайлов...

Что сделал этот новый-старый министр первым делом? Правильно: медленно разогнал Отдел русского народа и уволил Никонова! Что тому причиной? То ли ярая затаённая русофобия, которую этот “западенец” вывез с собой из Львова? То ли те самые “успехи КПСС по воспитанию интернационализма на Западной Украине” и лично в г-не Михайлове? У меня нет ответа, но его поступок слишком характерен, говорит сам за себя.

К тому моменту, когда Михайлова в очередной раз “попросили” из Миннаца в 2000 году, он уже два года состоял завкафедрой национальных, федеративных и международных отношений Академии госслужбы при президенте России, ректором которой является Владимир Мау, один из тех, кого Михаил Делягин метко назвал “светочами тьмы”. Где и доживает теперь свой век, козыря наградами, степенями и званиями.

Не эти ли степени и звания вкупе с дутой репутацией обладателя – цитирую Зорина – “многогранного научного и политического опыта участия в национальной политике” внушили столь великое доверие нашему президенту, не проходившему этнополитику ни в школе, ни в вузе и привыкшему доверять “специалистам”? Ох уж, эти лжеучёные, обоснователи и восхвалители заслуг КПСС по воспитанию интернационалистов на Западной Украине! Привычно выдающие чёрное за белое, провал за победу...

Но прежде чем рассказать о том, какими идеями манипулирует этот “опытный специалист”, какой концепт его устами и усилиями продвигает тройственная группировка, захватившая командные высоты в национальной политике России, надо поведать читателю о личности Валерия Тишкова.

* * *

Валерий Александрович Тишков – коренник в нашей “тройке”, заслуживающий особого внимания. Он политический тяжеловес, до недавнего времени директор, а ныне научный руководитель головного НИИ этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА РАН), убеждённый конструктивист (то есть сторонник теории нации как “воображаемого сообщества”) и либерал-демократ первой волны, исполнявший в правительстве Гайдара должность самого первого министра по делам национальностей.

Он оказался в команде Гайдара не случайно. Мы помним, как в 1990-е годы лоб в лоб столкнулись две силы, обе с открытым забралом. За ними стоят два концепта, два видения судьбы России, её прошлого, настоящего и будущего. “Россия – государство русского народа”, – провозгласил Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, от лица одной из этих сил, русской и державнической. “Россия как государство русских в XXI веке не имеет смысла”, – ответил ему на съезде СПС премьер-министр Егор Гайдар от лица другой силы, инородческой, русофобской и либеральной.

Понятно, что всем своим существом Гайдару оказался близок Тишков, который прославился публичным разьяснением с трибуны Федерального Собрания, что единого русского народа не существует (в 2013 году на круглом столе “Россия и русские в XXI веке” он вновь заявил, что такой общности, как русские, нет), а также многолетними исключительными усилиями по навязыванию обществу мертворождённого проекта “российской нации” по аналогии с бывшим “советским народом”.

В своё время в “Нашем современнике” была размещена моя статья “Шорных дел мастера”, где я подверг обстоятельной критике научные и общественно-политические позиции Тишкова, выраженные в книгах и статьях. И в дальнейшем не раз подробно разбирал его взгляды как этнополитика¹. Не буду

¹ Шорных дел мастера. – “Наш современник”, № 7, 2007; Битому неймётся. – В кн.: Севастьянов А. Н. Уклоны, загибы и задвиги в Русском движении. М., “Русская правда”, 2009; Идолы конструктивизма. – В кн.: Севастьянов А. Н. Основы этнополитики. – М., “Перо”, 2014.

здесь повторяться. Самое поразительное, что открывается при чтении работ Тишкова, это его принципиальное нежелание хоть как-то подкреплять аргументами свои основные тезисы. И выход из этого тупика он находит самый примитивный. Не в силах ничего доказать на деле сам, он взывает к западным авторитетам: Барт, Дойч, Геллнер, Хобсбаум и др. Реальная цена этим авторитетам невелика¹, но академика это не останавливает. Тишков поистине великолепен как манипулянт, способный легко заморочить голову не слишком сведущим людям — с таким апломбом умеет преподносить он даже самые сомнительные истины.

Что же касается его общественной деятельности, я оценил её так: “самоуверенный лжепророк, бесконечно далёкий от реалий и потребностей нашей Родины, вельможный русофоб”. Аргументы следуют ниже.

Если Михайлов и Зорин в науке — мастера-исполнители политического заказа, то позиция Тишкова не случайна, она исходит из его научных и политических (западных, демократических и русофобских) убеждений. Конструктивист, полагающий не существующими в реальности такие “конструкты”, как раса и этнос, он как учёный занимает сомнительную позицию, руководя изучением того, чего, по его мнению, нет в природе. Какое-то сугубое шарлатанство! Этот своеобразный учёный, вызревший на изучении канадского и американского этнополитического опыта, мечтает пересадить сей “образцовый опыт” в Россию. И не жалеет на то усилий.

Тишков отличается тем, что не верит в будущность этносов вообще. Ну, не будет в будущем никаких там народов-этносов — и отлично! Хороши говорящие за себя названия принципиальных работ высокопоставленного этнолога: “Забыть о нации” (Вопросы философии, 1998, № 9), “Реквием по этносу” (М., “Наука”, 2003) и т. п. Это безнациональное будущее он и стремится приблизить всеми силами для нас по принципу: падающего — толкни.

Сразу вспоминается ленинский афоризм: “Нации — буржуазные выдумки”. Вообще, похоже, именно коммунистическая утопия в специфической ленинской интерпретации покорила и определила некогда сознание Тишкова. Ведь что Ленин утверждал? А вот что: “Целью социализма является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их”; “пролетарская партия стремится к сближению и дальнейшему слиянию наций”; пролетариат должен поддерживать “всё, помогающее стиранию национальных различий, ... всё, ведущее к слиянию наций”. В марте 1919 года Ленин вновь утверждал, что мир без наций — “это великолепная вещь и это будет”, жаль только, что не скоро. И т. д. Формулировки Ленина стали основополагающими для советской философской мысли на весь срок существования СССР, они использовались как руководство к действию. Фундаментальная статья “Нация” в “Философской энциклопедии” (М., 1960—1970) недаром завершается совершенно недвусмысленно: “Коммунизм не может увековечивать и консервировать национальные особенности и различия, ибо он создаёт новую, интернациональную общность всех людей, интернациональное единство всего человечества. Но такое единство и полное слияние наций осуществляются только после победы социализма и коммунизма во всемирном масштабе”.

Надо полагать, увлечённый ленинскими идеями Тишков (он оставался в КПСС до самого роспуска партии) устремился к проведению подобного опыта слияния для начала в масштабах России. Этакий своего рода Троцкий, слуга мировой революции, экспериментирующий над нами, грешными, но — в этнополитике.

Большевистская закваска, — а большевики никогда ничего не понимали в национальном вопросе и, поскользнувшись именно на нём, погубили Советский Союз, — как видим, проступает трупным пятном на всех троих главных толкачах “российской нации”. Это очень характерно и многое объясняет. Пусть эти вчерашние коммунисты быстренько перекрасились сегодня в демократов, но мечта о безнациональном будущем человечества оказалась привита к ним накрепко. Боже, храни Россию от судьбы СССР!

Но о взглядах Тишкова и К⁰, которые тот умудрился транслировать президенту Путину, а через него и всей России, я расскажу ниже. Пока на перед-

¹ Подробный критический анализ школы конструктивизма в этнологии см.: Севастьянов А. Н. Идолы конструктивизма.

нем плане личность и карьера экс-министра. Ведь мы должны понять, с кем имеем дело.

Тишков – фигура немалая и неслабая в раскладе политических сил, заметно влиявшая на всю национальную политику начиная с 1989 года, когда в журнале “Коммунист” вышла его программная “демократическая” статья “Народы и государство”. В ней он впервые предположил, что “выход из теоретического тупика – в отказе от термина “нация” в его этническом значении и сохранении того его значения, которое принято в мировой научной литературе и международной политической практике, то есть нация – это согражданство”. Неважно, что автор соврал читателю насчёт общепринятости термина. Важно, что он публично отрёкся от отечественной традиции в этнологии и “лёг” под франко-американскую традицию, присягнув на верность идеалам Запада. После этой решительной манифестации восходящие к власти демократы отметили автора и возвели высоко. В том же 1989 году Тишков для начала возглавил ИЭА РАН.

Его карьера как учёного была всецело внеположна России с её проблемами: и кандидатская (“Исторические предпосылки канадской революции”, 1969), и докторская (“Освободительное движение в колониальной Канаде”, 1978) диссертации посвящены Стране кленового листа, как и монография “История Канады” (1982, совместно с Л. В. Кошелевым), и др. С Канады он перекладывает на Америку: “История и историки в США” (М., 1985), “Коренное население Северной Америки в современном мире” (М., 1990), “Америка после Колумба: взаимодействие двух миров” (М., 1992), “Американские индейцы: новые факты и интерпретации” (М., 1996), “Экология американских индейцев и эскимосов” (М., 1988, ред.) и т.д.

С таким-то багажом, насквозь пропитавшись западными, в особенности американскими, стандартами, установками, критериями, нравственностью и методиками, он принялся судить и рядить о нормах и идеалах межнациональных отношений в России, принялся по этим стандартам и установкам кроить концепцию российской национальной политики. Подобная стажировка “демократа первой волны” как нельзя более устраивала антирусскую либерально-демократическую власть, пытавшуюся во всё время переделать Россию на западный манер. Что и отразилось на карьере автора.

Правда, в министрах он пробыл недолго и вылетел именно из-за того, что, не зная меры в своих русофобских устремлениях, отказался завизировать указ о казачестве, подготовленный влиятельным тогда Сергеем Шахраем. Тот и пришёл ему на смену.

Высокий пост Тишкову пришлось оставить, но для режима такой ценный кадр не мог же потеряться! Вплоть до самого упразднения Миннаца в 2001 году он бессменно входил в его коллегия и при Михайлове, и при Зорине, продолжал влиять на формирование национальной политики в стране (о чём легко судить по её “успехам”). Он готовил ещё для Ельцина самую первую Концепцию национальной политики (1996); в дальнейшем это стало его перманентной обязанностью и при Путине. Входил в Экспертный Совет Комиссии при Президенте РФ по противодействию политическому экстремизму. 6 марта 1998 года вошёл в состав Правительственной комиссии по реализации Концепции государственной национальной политики. А в сентябре 2005 года был утверждён президентом в качестве члена Общественной палаты РФ, где возглавил Комиссию по вопросам толерантности и свободы совести. Ну и, наконец, принял самое активное участие в разработке той Стратегии госнацполитики, о которой говорилось выше.

Словом, добрые (недобрые!) четверть века именно рекомендации и/или указания Валерия Тишкова лежат в основе национальной политики в России. “Старый конь борозды не портит”, – говорят в таких случаях одни. “Ибо он в ней спит”, – добавляют другие.

О, если бы спал! Говоря о научных и общественных “заслугах” Тишкова, нельзя не упомянуть, скажем, о его вкладе в российскую перепись населения 2010 года. Именно по его рецептам в ИЭА РАН были составлены скандальные перечни возможных ответов по вопросам национальной принадлежности граждан, которые сдуру утвердил Росстат приказом № 74. В приложении был дан алфавитный список (номера кодов опущу) всех имеющих в стране, по мнению ИЭА, национальностей, числом, оказывается, 1840. Среди них: “затундренные крестьяне”, “мамоны”, “фараоны”, “папуасы”, народ “хули”

(есть ещё и “папуасы хули”, а помимо “украинцев” есть ещё и “хохлы”), “граждане Земли”, “граждане мира”, “земляне”, “космополиты”, “советские”, “люди без нации”, “без национальной принадлежности”, “без национальности”, “не определились”, “неизвестно”, “жители вселенной”, “иностранцы”, “интернационалисты”, “мулаты”, “метисы”, “полукровки”.

Особенно постарались авторы, чтобы раздробить, расчленили именно русский народ на возможно большее количество отдельных идентичностей, оторвать от него куски и кусочки. Мало того, что просто русских разделили на “руснаков”, “русняков”, “русских”, “русских казаков”, “русских немцев”, “русских поморов”, “русско-устыинцев”, “семейских”, “старожилов”, “ведороссов”, “ведруссос”, “великороссов”, “кацапов”, “чалдонов”, “челдонов” и просто “витебских”. Так ещё и русские субэтноты разделили, в свою очередь, на “поморов канинских” и “поморов русских”, “старожилов ленских” и “старожилов обских”, а казаков на “казаков с любым языком, кроме калмыцкого и украинского”, “казаков с языком калмыцким”, “казаков с языком украинским” и “казаков русских”. Справедливости ради скажу, что подобному дроблению подверглись и другие народы.

Для чего всё это было сделано “добросовестными учёными”?

Если отвлечься от скверного, дешёвого, явно издевательского юмора под “научным” соусом (за подобный юморок надо бы отвечать по статье “преступная халатность”), какую цель могли преследовать составители такого списка? На мой взгляд, более чем серьёзную: шутя и играя, размыть национальную идентичность больших народов, атомизировать их, спровоцировать психологию отщепенства, поставить под сомнение и разрушить чувство этнической общности. А в итоге снизить статистическую цифру удельного веса крупных народов. Русских, прежде всего. Напомню, что по итогам предыдущей переписи 2002 года, государствообразующая нация – русские (великорусы, белорусы, малорусы) составили 85% населения страны. Только русских-великоросов – 80%. Понятно, такие цифры для тишковых – как бельмо на глазу...

Дьявольская провокация, просто настоящая диверсия против этносов, обречённых теоретиком Тишковым на исчезновение! Всё ради сотворения мифической безнациональной “российской нации”, конечно. К счастью, повелось на эту провокацию лишь ничтожное число шалунов и отщепенцев, так что итоговый список народов России уменьшился почти в десять раз по сравнению с предложенным тишковцами. Кстати, русскими признали себя 81% жителей России, а с белорусами и малорусами-украинцами получилось 83%. Но зато в России обнаружили теперь “эльфы”, “орки” и “гномы”. Спасибо волшебнику Тишкову, превесело развлекающемуся на денежные налогоплательщиков!

Между тем, Тишков, целеустремлённо воплощая в России свои бредовые воззрения, не забывает и о земном-насушном. Он весьма преуспел в создании общественных структур, приносящих статус и деньги. Проявив смекалку и изобретательность, он создал, к примеру, Общероссийский союз общественных объединений “Российская нация” (2007). Этот ОСОО образован в рамках реализации Программы политических действий “Многонациональный народ России: этнокультурное многообразие – гражданское единство”, которую приняла партия “Единая Россия”.

Политический антураж этой хитрой структуры слеплен со знанием дела. Сопредседатели ОСОО “Российская нация”, помимо самого Тишкова, – заместитель председателя Центрального банка России Александр Торшин (ни много ни мало!), а также тихий чеченец Абдул-Хаким Султыгов, экономист и политолог, в 2000–2002 годах – замуководителя аппарата Комитета ГД РФ по делам национальностей, ныне профессор МГУ и главный редактор журнала “Вестник Российской нации”. Имея такого сопредседателя, как Торшин, организация вряд ли бедствует. Ну, а Султыгов хорош для представительства и вряд ли мешает Валерию Александровичу. Они оба входят также в Правление ОСОО, а с ними такие экзотические фигуры, как председатель Московского общества татарской культуры “Туган тел” Дамир Серажетдинов и президент Межнациональной футбольной лиги Дауд Хучиев. А в члены совета Тишков предусмотрительно набрал, в том числе, таких VIP-персон, как Абрамян А. А. – президент Союза армян России; Абдулатипов Р. Г. – глава Республики Дагестан; Брод А. С. – председатель ООО “Юристы за права и достойную жизнь человека”; Гильмутдинов И. И. – председатель комитета ГД РФ по делам национальностей; Мень М. А. – министр строительства

и жилищно-коммунального хозяйства; Мосин М. В. — председатель Ассоциации финно-угорских народов; Мухаметшин Ф. Х. — председатель госсовета Республики Татарстан; Сванидзе Н. К. — директор Института масс-медиа РГГУ; Тарпищев Ш. А. — президент Федерации тенниса России; Хлопонин А. Г. — зампред федерального правительства; Шахназаров К. Г. — председатель правления киноконцерна “Мосфильм”; Яковлева Т. В. — замминистра здравоохранения.

И эта милая компания тоже развлекается, как может, на те же денежки налогоплательщиков. Так, в 2008 году они, например, учредили Орден “Российская нация” — “общенациональную общественную награду”. Цитирую сайт этой конторы: “В соответствии со Статутом, Орденом награждаются граждане, субъекты и муниципальные образования, учреждения и организации Российской Федерации, в том числе учреждения науки, культуры и образования, российские академии наук и творческие союзы, профсоюзы, религиозные объединения, национально-культурные общественные объединения, объединения работодателей, предпринимательские структуры, включая организации малого и среднего бизнеса, политические партии и другие общественные объединения, творческие коллективы, СМИ, другие учреждения и организации за особые заслуги перед российской нацией и государством, значимый вклад в обеспечение национального единства, укрепление российской государственности, развитие гражданского общества, социально-экономическое развитие России (федеральный, региональный и местный уровни), обеспечение межэтнического согласия и межконфессионального диалога, профилактику ксенофобии и экстремизма, поддержку русского языка, традиционной культуры и языков народов Российской Федерации, укрепление обороноспособности и защиту Отечества”. Во как!

Наградной совет возглавляет Первый заместитель Председателя Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации А. П. Торшин (умно: банкиру и карты в руки!). Орден имеет форму восьмиконечной звезды, а-ля орден Андрея Первозванного, вручается с наградным дипломом. Список награждённых не публикуется, но красоту замысла оценить нетрудно: достаточно раздать орденки сильным мира сего, и они уж точно не станут противодействовать конструированию “российской нации”, а то и помогут. Дёшево (орден не из драгметаллов) и сердито!

Вот такая весьма представительная общественная организация с Тишковым во главе уже десять лет, с 2007 года, вела, наряду с ИЭА РАН и другими официальными и неофициальными инстанциями, планомерную осаду правящих кругов во имя “российской нации”, пока остальные граждане мирно спали, ни о чём таком не подозревая. Не знаю, состоит ли Путин в рядах знатных тишковских орденосцев, но плоды этой настойчивой непубличной деятельности явно сказались и в принятии Стратегии госнацполитики в 2013 году, и 31 октября 2016 года в Астрахани.

Кстати, о деньгах (о них в наши дни всегда кстати). Напомню, что идея создания “российской нации” — не из дешёвых. 25 августа 2013 года лично премьер-министр Дмитрий Медведев (кавалер ордена?) утвердил федеральную целевую программу “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России” на 2014–2020 годы. Ранее в проекте ФЦП финансирование программы было заложено с размахом, в объёме аж 38 миллиардов рублей, но в ходе работы оно было сокращено (надо же и совесть иметь!) до всего лишь 6,8 миллиарда рублей, из которых около 4,6 миллиарда выделит федеральный бюджет.

Основным разработчиком ФЦП названо Минрегионразвития, но что-то мне подсказывает, что и тут без Тишкова не обошлось. А чему бы удивляться? Не случайно же он поделился однажды с публикой самым заветным своим *credo*: “Человек рождается и живёт, прежде всего, не для служения группе/нации, а для собственного социального преуспевания. И свободу индивид обретает не в ассоциации, а в диссоциации от группы”. Этот эгоцентрический, если не солипсический принцип “демократического устройства общества” (“шкурный подход”, по-нашему) Тишков считает настолько важным и ценным, что дословно повторяет его в книге ещё раз¹. Ну, у него слова с делом не расходятся.

¹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. — М., “ИЭФ РАН”, 1997. С. 59, 168.

Работу в правительственных инстанциях и ОСОО «Российская нация» Тишков сочетает с руководством головным НИИ этнологии и антропологии РАН. В кресло директора он после смерти академика Ю. В. Бромлея избрался, если верить слухам, по недоразумению: каждая из двух основных противоборствующих группировок (патриоты и демократы) почему-то сочла его своим. С тех пор он сам и его сотрудники, такие как С. Абашин, С. Соколовский, Е. Филиппова, В. Шнирельман, или бывшие сотрудники, или ученики делают всё возможное, чтобы привить российскому научному сообществу псевдонаучную идеалистическую конструктивистскую ересь. Работая на гранты и при поддержке западных фондов – Фонда Д. и К. Макартуров, Фонда Сороса, Фонда Форда и др., – они проводят форумы, готовят и издают доклады, брошюры и книги, «доказывая» нам, что расы и этносы – фикция. В этом им изо всех сил помогают и весьма далёкие от естественных наук специалисты – философы и правозащитники.

Не брезгует Тишков и полицейскими функциями, организовав для этого во вверенном ему институте специализированный Совет по независимым экспертным исследованиям – именно для борьбы с инакомыслием. Тесно сотрудничая с филиалом американско-еврейской Антидиффамационной лиги, известным под названием Московское бюро по правам человека, он отчасти превратил вверенный ему институт в мастерскую политических доносов, в лавку проплаченных экспертиз (директору МБПЧ А. С. Броду случалось оплачивать из заокеанских средств выход подобных трудов Института, в которых сам же он и участвовал). Тандем сложился хоть куда: Брод указывает на очередной объект травли, а Тишков обеспечивает процесс заказными экспертизами.

Нельзя закрыть глаза и на созданную Тишковым ещё в 1993 году на базе руководимого им института организацию под названием «Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN)». В 2013 году Евразийский Союз Молодёжи провёл пикетирование здания РАН с требованием привлечь Валерия Тишкова к уголовной ответственности за государственную измену. ЕСМ обвинил Тишкова в том, что эта «Сеть этнологического мониторинга», нацеленная «иностранными агентами», на самом деле занимается шпионажем в пользу западных спецслужб, обильно финансирующей деятельность EAWARN, и является прозападной организацией, «уже полтора десятилетия осуществляющей на территории России подрывную деятельность». Комментариев нет.

Что же я могу сказать о Тишкове в заключение?

Как публичное лицо – академик, руководитель научных и общественных структур, политик, консультант президента, наконец, – Валерий Тишков, пожалуй, неуязвим, прикрыт со всех сторон.

Его слабость в другом. Во-первых, в ложных научных убеждениях, основанных на преклонении перед западной школой обществоведения, перед западной (американской, канадской) моделью национальной политики и обустройства страны, которую он неизменно выдаёт за эталон. Во-вторых, в моральных установках, о которых он неосторожно пооткровенничал, а мы подметили и не забыли. Ну, а подлинную ахиллесову пяту Тишкова являет, в-третьих, его отношение к русскому народу, его понимание русского вопроса. Русофобия (в обоих смыслах слова) высокопоставленного чиновника очевидна. А ярая настойчивость, с которой он выступает против русских прав и интересов, а также против русских националистов – защитников этих прав и интересов, – заставляет подозревать глубоко личные, интимные мотивы.

Не привык быть голословным, поэтому вынужден цитировать фигуранта.

Будучи главным автором ельцинской Концепции национальной политики (официального документа, имеющего некоторую юридическую силу), он ещё в те годы постарался внести в неё принципы, противоречащие интересам русской нации. «Концепция» заложила русофобский подход в госполитике на всю обозримую перспективу. В чём он выразился? Вот подробный отчёт самого Тишкова:

«Были учтены все основные замечания, в том числе и самые «неудобные» от Татарстана, Башкирии, а также МИДа и Минэкономики России. Из текста ушли излишне назойливые упоминания о сохранении целостности государства и определяющей роли русского народа в государствообразующем процессе, вписанные некоторыми напуганными авторами в первоначальный вариант»¹;

¹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., «ИЭФ РАН», 1997. С. 155.

“Основным в проекте концепции был раздел, посвящённый дальнейшему развитию федерализма в России, имея в виду децентрализацию власти в пользу субъектов федерации (в данном случае – республик)”¹;

“В концепции последовательно проводится принцип гражданского равноправия и равных прав народов... Все народы России определяются как государствообразующие, если речь идёт о всей стране, хотя отмечается историческая роль русского народа и определяющее значение русского языка и культуры для населения всей страны”²;

“Одной из срочных и важных мер в этом направлении должна быть отмена государственной фиксации национальности граждан Российской Федерации, а также предоставление возможности россиянам в ходе переписей населения указывать любую национальность или сложную (двойную или тройную) национальность, или не указывать никакой. Такова общемировая практика”³. Понятно, чей вклад в отмену графы “национальность” в паспортах был наиболее весомо?

Итак, в лице Тишкова мы видим человека, давно, упорно и сознательно вредящего русскому народу, проводящего по мере сил в жизнь противоречащие русским интересам установки. Да и как могло быть иначе, если теоретические представления Тишкова о роли и месте русских в России подобны следующим:

“Россия не есть “национальное государство” этнических русских”⁴;

“Самым серьёзным препятствием на пути утверждения гражданского национализма (или российского патриотизма) является не столько национализм нерусских народов, сколько национализм от имени “русской нации” как некой “государствообразующей” или “сплачивающей” нации... Категория “русской нации” закрывает возможность открыто сформулировать понятие России как политической нации”⁵;

“К сожалению, политическое и культурное пространство страны, особенно её Центра, остаётся доминирующим этническими русскими и русской культурой. Достаточно привести пример избранной Государственной Думы в 1993 году, где решительно преобладают политики московского Садового кольца, а представительство регионов и этнических общин явно недостаточно. То же самое относится, даже в большей степени, к составу исполнительных органов власти, престижным позициям в офицерском и дипломатическом корпусе, в средствах массовой информации. В центральных средствах массовой информации фактически звучит только русская речь”⁶;

“Мы не разделяем популистскую риторику некоторых политиков и истеричность русских национал-патриотов о “геноциде русской нации”, “антирусской политике правительства” и т.п. Это опасная и, к сожалению, набирающая силу общественная тенденция”⁷.

* * *

Я, конечно, не могу судить, какой отклик подобные высказывания находят в душе наших нерусских соотечественников. Но вот что касается моих соплеменников, тут у меня есть полная ясность, их чувства к академику вполне взаимны. Если отфильтровать и суммировать всё, что русские политики (да и просто русские люди) уже написали о Тишкове в СМИ и интернете, то можно сделать вывод: для нашего народа Тишков – персонаж сродни, в лучшем случае, “Сумасшедшему Профессору”, а то и “Доктору Зло”.

Предполагая, что он своими лжеучёными теориями может влиять на президента Путина, мы испытываем сожаление и тревогу. Особенно люди старшего поколения, которые помнят, как развитие национальных противоречий и, главное, ложная национальная политика КПСС мчали нашу страну к роковому обрыву.

¹ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М., “ИЭФ РАН”, 1997. С. 151.

² Там же. С. 157.

³ Там же. С. 281.

⁴ Там же. С. 125.

⁵ Там же. С. 87–88.

⁶ Там же. С. 122. Цитируемая статья “Что есть Россия? (Перспективы нациестроительства)”.

⁷ Там же. С. 280.

Партийные бонзы в ЦК КПСС, особенно в Политбюро, закрывали глаза на реальное положение дел, они хотели видеть вокруг себя лишь тишь, гладь и Божью благодать. Например, хотели видеть “советский народ – общество социальной однородности”, а также “советский народ – новую историческую общность людей”. И “кремлёвским старцам” охотно поддакивали и невинно лгали в глаза все: подручные социологи, советники и эксперты ЦК, крупные и мелкие функционеры и даже простые сограждане – просто чтобы не огорчать “отцов народа”. Статистика услужливо подсказывала, что-де 78% “паспортных русских” считают себя “советскими” – как хорошо!

Но когда пробил “час икс”, тогда настал момент истины, и всё посыпалось и рухнуло к чёртовой матери – и “общество социальной однородности”, и “новая историческая общность”, – всё мгновенно расскочилось, и только пошли клочки по закоулочкам!

Мне очень не хотелось бы, чтобы, слушая сладкие напевы насчёт “российской нации”, которые вдувают ему в уши небескорыстные подпевалы, наш президент, подобно Брежневу, Черненко и иже с ними, впал бы в сладостное и благодостное затмение. Чтобы он вообразил себя творцом этой самой “российской нации”, как те воображали себя творцами “советского народа”. Потому что тогда всё кончится точно так же, как в 1991 году. “Да будут консулы бдительны!” – говорили в таких случаях в Древнем Риме, пока он был ещё силен.

(Окончание следует)

ЕЛЕНА ЛАРИНА,
ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

ПРЕСТУПНОСТЬ ЭПОХИ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ XXI ВЕКА

Преступность в высокотехнологическом мире: трудности и ресурсы выживания

В XXI веке, с появлением первых мощных киберпреступных группировок, среди правоохранителей-практиков, экспертов и криминологов разгорелись жаркие споры о взаимоотношениях традиционной и высокотехнологичной организованной преступности. Ряд авторов, в том числе уже упомянутый Марк Гудман, полагают, что чем дальше, тем больше происходит интеграция между новой и традиционной организованной преступностью, с подчинением традиционных преступных группировок киберкриминалу. В то же время подавляющее большинство представителей Европола, а также исследователей из стран ЕАЭС, полагают, что высокотехнологичный криминал и традиционная организованная преступность существуют как бы в разных реальностях, слабо пересекаясь и взаимодействуя между собой.

По нашему мнению, идущие уже не первый год споры вызваны тем, что каждый из участников смотрит на вопрос с позиции своей страны или региона. Поскольку в разных локациях взаимоотношения между традиционной и высокотехнологичной организованной преступностью сложились по-разному, возникает разноречивость в оценках.

Эта разница обусловлена, с одной стороны, преимущественно специализацией организованной преступности на определенных видах криминала, а также ее историей в конкретной стране. Свою лепту внесли события последней четверти XX и первого десятилетия XXI веков.

В этот период времени в целом ряде стран правоохранительными органами предприняты масштабные действия в борьбе с организованной преступностью.

К 80-м годам прошлого века ФБР и полиции Штатов удалось выиграть более чем полувекую борьбу с мафией и подавляющей частью других преступных группировок общеамериканского масштаба. Разгромили несущие конструкции и инфраструктуру мафии и каморры, практически поставивших в 50-70-е гг. под свой контроль политику и экономику страны.

Эти и подобные успехи правоохранительных органов породили иллюзии, что новая высокотехнологичная организованная преступность не имеет отно-

шения к традиционной и появилась практически на пустом месте исключительно вследствие девиантных наклонностей молодежи и отключения социальных лифтов во многих странах. Представляется, что это – ошибочная оценка.

Лучшим аргументом в любой дискуссии являются факты. В 2016–2017 гг. целый ряд крупнейших мировых форумов выделили в числе 10 наиболее острых международных проблем и рисков мировой экономики организованную преступность. Об этом говорили участники конференции Двдцатки в 2016 г. в Ханчжоу (Китай), и на заседаниях Давосского форума–2017, и на конференции Всемирного банка, посвященной институциональным проблемам и рискам мировой экономики. В ходе трех крупнейших международных событий, их участники выделили одни и те же 10 основных сфер деятельности организованной преступности в настоящее время и на ближайшие 10 лет. Среди них:

- финансовые преступления, включая незаконное обогащение, отмыв и преступное перемещение финансовых ресурсов, капиталов и активов;
- производство, хранение, транспортировка и продажа контрафактной продукции;
- хищение и противозаконное использование интеллектуальной собственности;
- преступная деятельность, связанная с производством, хранением, оборотом и сбытом наркотиков;
- незаконная торговля оружием;
- работорговля;
- незаконное изъятие, хранение, транспортировка и использование человеческих органов для трансплантации;
- организованная педофилия;
- незаконный игорный и лотерейный бизнес, включая создание виртуальных казино, противозаконных компьютерных игр, предполагающих безлицензионную монетизацию и т. п.;
- широкий круг преступлений экологического характера, в первую очередь, связанных с незаконными операциями с городскими и промышленными отходами, а также отловом, транспортировкой и сбытом фауны.

Сосредоточимся на двух наиболее быстро развивающихся направлениях преступной деятельности, где наиболее активны ОПГ.

Начиная с 2009 г. практически не растет объем мировой торговли. Более того, по предварительным данным, в 2016 и 2017 гг. возможен небольшой, порядка 1–3% спад объемов глобального товарооборота. Вместе с низкими темпами роста секторов экономики, за исключением финансового сектора, все возрастающую роль играет тенденция к протекционизму. По данным ВТО, только с октября 2015 по май 2016 гг. группа стран G20 приняла 145 законов, направленных на усиление торговых барьеров, а всего с 2008 г. было принято более полутора тысяч таких законов. В общей сложности, по подсчетам известного британского экономиста Саймона Эвенетта, число протекционистских законов и нормативных актов в мире приближается к четырем тысячам. При этом 80% торговых барьеров приходится на страны “двадцатки”, то есть на ведущих игроков мировой экономики.

Эксперты с большим опасением ожидают деятельности администрации Д. Трампа, которая настроена еще более усилить барьеры на торговлю Соединенных Штатов с Китаем и Мексикой. Это при том, что на мировую торговлю трех стран – США, Китай и Германию – приходится более 50% всего глобального товарооборота.

Все новые таможенные барьеры, страновые и технические регламенты и стандарты и другие протекционистские препятствия в международной торговле, по словам китайского лидера Си Цзиньпина на Давосском форуме – 2017, неизбежно будут стимулировать трансграничную организованную преступность и наращивать объемы контрафактного товарооборота.

В 2014–2016 гг. объем мировой торговли рос немногим более чем на 2%, по данным ВТО, рост объемов контрафактной продукции составил за эти годы в среднем 84% в год. Различные источники дают заметно различающиеся оценки объема контрабандной торговли и географическую локацию преступных синдикатов, занятых в этой сфере. Так, в рамках Четвертого международного форума “Антиконтрафакт–2016” министр экономики и финансовой политики ЕАЭС Т. Сулейменов сообщил, что контрафактный товароборот в настоящее

время составляет примерно 3% от общего объема глобальной торговли. При этом основными поставщиками контрафактной продукции являются Китай – с 63% контрафакта мира, Индия – 3%, и Сингапур – 1,5%.

Весьма осведомленная аналитико-разведывательная компания “Стратфор” оценивает объем контрафакта в 5–6% от объема глобальной торговли. В конце 2016 г. на ежегодной международной конференции, посвященной препятствиям международной торговле, американская ассоциация ветеранов спецслужб “Старые вороны” оценила объем контрафакта как минимум в 8–10%, против 3% – в 2008 г. При этом были предоставлены статистические отчеты и доказательства, которые убедили руководителей крупнейших европейских банков, ритейловых и торговых сетей и компаний, типа Glencore, Cargill и т. п., в точности данных оценок. Наконец, согласно данным Ассоциации британских банков, общий объем контрафакта составлял порядка 9 трлн долларов, из которых как минимум 4 трлн долларов – это прибыль ОПГ от незаконных сделок.

Наиболее активно вовлечены в контрабандную трансграничную и трансконтинентальную деятельность китайские, вьетнамские, латиноамериканские и балканские преступные синдикаты. В наибольшей мере от этого направления преступной деятельности страдают домохозяйства и бизнес Соединенных Штатов Америки, Канады, западноевропейских стран ЕС, России и Индии.

Второй по темпам роста криминальной сферой деятельности трансграничных ОПГ является черный рынок трансплантатов. По оценкам Global Financial Integrity он увеличивается на 50–60% ежегодно и в настоящее время составляет примерно 1,5–2,0 млрд долларов в год. Конечно, его масштабы не сравнимы с глобальным оборотом контрафакта, но темпы не менее впечатляют.

Торговля человеческими органами категорически запрещена в большинстве стран мира, включая все развитые страны. Ее запрещают Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) и уголовные кодексы этих стран. Так, продажа органов (в том числе и продажа трупов) в США официально запрещена с 1984 г. и карается пятью годами тюрьмы, а также штрафом в 50 тыс. долларов.

При этом дефицит органов для трансплантации создает предпосылки к развитию соответствующего “черного рынка”. Определены нелегальные цены на органы: так, почка оценивается от 10 до 100 тыс. евро, печень в 20–150 тыс. долларов, сердце в 250 тыс. долларов, поджелудочная железа – 45 тыс. долларов, роговица глаза – 5 тыс. долларов. Высокие цены на нелегальном рынке обуславливают вовлечение в данный подпольный бизнес организованной, в том числе транснациональной преступности. ООН разделила все транснациональные преступления на 17 групп. 13-й по счету в этой классификации ООН значится “торговля человеческими органами”. При этом легальный рынок органов для трансплантологии в глобальном и континентальном масштабах отсутствует.

В 2005 г. правоохранительными органами Финляндии и Испании расследовалось дело российского гражданина, который вывозил для этой цели детей из России в Испанию, но из-за нехватки доказательств обвинений предъявлено не было.

Широкую огласку получило “дело Надежды Фратти”, итальянки российского происхождения, которая с 1993-го по 2001 гг., по данным ФСБ РФ, вывезла из Волгоградской области за рубеж 558 детей-сирот, а из Пермской – порядка 300. У сотрудников ФСБ были основания полагать, что все эти дети могли бесследно исчезнуть в итальянских частных клиниках по пересадке органов. В 2010 г. Волгоградский суд признал Фратти виновной в подделке необходимых для усыновления детей документов, а также в даче взяток. Ранее она была трижды судима. В первый раз – в 2002 г. – Фратти была оправдана, во второй раз – в том же году – она получила семь лет условно, и, наконец, в 2006 г. она была приговорена к четырём годам условного заключения. Все прежние решения были, однако, отменены по причине истёкшего срока давности Верховным судом России, после чего потребовался четвёртый процесс. Вместе с итальянкой российского происхождения по этому же делу проходили и российские граждане – все они также получили условные сроки и были освобождены от уголовной ответственности по сроку давности.

Особого внимания требуют факты вовлечения руководства стран в преступную деятельность, связанную с трансплантологией. Бывший прокурор

Гаагского трибунала Карла дель Понте выпустила в свет новую книгу “Охота”, в которой прямо обвинила премьер-министра Косово Хашима Тачи в убийствах 300 сербов с целью продажи внутренних органов для нужд трансплантологии. Процесс, обвинителем в котором выступает Евросоюз, по делу “чёрных трансплантологов”, обвиняемых в контрабанде донорских органов, проведении незаконных операций и торговле людьми, начался 4 октября 2011 г. По данным следствия, операции происходили в частной клинике Medicus. Россия, в свою очередь, ведёт собственное уголовное дело. В ходе следствия допрошены пострадавшие от действий преступной группировки граждане России и других стран. Двое россиян официально признаны потерпевшими – в августе 2008 г. у каждого из них изъяли левую почку, заплатив к тому же гораздо меньше обещанного.

Динамичное развитие пересадок органов в лучших клиниках Северной Америки, Западной Европы и Южной Азии при отсутствии белого рынка трансплантатов, убедительно свидетельствует о процветании одного из самых страшных видов криминального бизнеса – бизнеса на человеческих органах. В 2016 г. Международная ассоциация журналистов-расследователей обобщила результаты уголовных судебных процессов в США, Канаде и странах ЕС против лиц, причастных к этому бизнесу. Выяснилось, что более чем в 85% случаев, несмотря на весь ужас содеянных преступлений, подсудимые получили либо условные сроки, либо процессы были затянuty до истечения сроков давности, либо обвиняемые в ходе процессов были признаны недееспособными. Поскольку такое возможно только при наличии криминальных средств воздействия на судей, присяжных и т. п., это является убедительным доказательством, что в данный вид бизнеса втянуты легальные медицинские, фармацевтические и правоохранительные органы многих ведущих стран.

Бизнес на трансплантатах является одним из наиболее высокотехнологичных криминальных бизнесов. Он предполагает наличие оснащенных по последнему слову техники медицинских центров, где осуществляется изъятие органов, специально экипированных средств доставки и т. п. Одному из каналов бельгийского телевидения удалось обнаружить в Заире сверхсовременный медицинский центр, персонал которого состоял исключительно из высококвалифицированных врачей французов и бельгийцев, основной специализацией которого было получение органов для трансплантации. В 2016 г. в Ираке среди разрухи и военных действий удалось обнаружить нелегально проданную интендантами армии США передвижную медицинскую лабораторию – хирургический центр. поставленный в 2003 г. сухопутным войскам США. В момент обнаружения лаборатория принадлежала преступному синдикату, возглавляемому, вероятно, гражданами Великобритании и США, занимавшемуся исключительно поставкой трансплантатов из Ирака в клиники Великобритании и США. Для поставки трансплантатов использовались самолеты специализированной медицинской авиакомпании. В 2015 г. бригаде расследователей из Германии удалось выйти на след преступной группировки русскоговорящих граждан, занимающейся поставкой трансплантатов из балканского региона в страны ЕС, а также из Украины в Израиль. В Израиле трансплантаты поступали в дорогие частные клиники, специализировавшиеся на обслуживании мигрантов преимущественно из стран постсоветского пространства и США.

При тесном взаимодействии и переплетении традиционных и вновь образованных высокотехнологичных ОПГ, между ними существует сильная разница в методах и организации преступной деятельности. Современные группировки в основном отказываются от традиционных иерархических структур времен дона Карлеоне и Тони Сопрано, они представляют собой подвижные сетевые структуры. Активно используют **аутсорсинг**, коллективное предпринимательство, платформенные решения и т. п. Одним словом, если преступники до середины XX века плелись в хвосте технических, организационных и финансовых технологий, то сегодня они, несомненно, находятся в авангарде. Лучшим свидетельством этому является модельный эксперимент в Мексике. Известно, что самый жестокий мексиканский наркокартель Зетас в своем руководящем ядре состоит из бывших работников мексиканского наркоконтроля и мексиканской разведки. Вот уже десятый год Зетас последовательно расширяет свое влияние в Мексике, превосходя и в плане осведомленности, и с точки зрения логистики, а также по критериям финансирования государственные структуры. Более того, за это время ни одного агента или осведомителя полиции в рядах

Зетас выявлено не было. В то же время не проходит и месяца, чтобы тот или иной высокопоставленный представитель мексиканских силовых структур не перешел на сторону Зетас.

Новые времена настоятельно требуют новых методов преступлений, а также новых сфер незаконной деятельности. Нельзя не отметить, что традиционные преступные группировки, такие как американская мафия, японские якудза, китайские триады, не смогли по-настоящему освоиться в современном мире. Их активно теснят нигерийские группы, британские кланы, албанские группы и русскоговорящие бригады. **Все эти новые преступные образования, с группирующимися вокруг балканскими, румынскими, польскими и украинскими хакерами, также в значительной мере захватили киберпространство.**

Киберпреступность, безусловно, требует более высокого технического уровня, сметки и дисциплины, чем традиционный промысел ножа и отмычки, но обладает и множеством преимуществ, решающими из которых являются два. Во-первых, добыча одного среднего киберпреступника, по данным нью-йоркской киберполиции, в семь раз превышает добычу уличного преступника. Во-вторых, в том же Нью-Йорке раскрываемость обычных преступлений составляет в разные годы от 40 до 60%, а киберпреступлений – 4%. Иными словами, киберпреступность – это высокодоходная и мало рискованная криминальная деятельность. Не случайно, согласно недавнему опросу в Бухарестской математической школе, более 70% десятиклассников сказали, что с удовольствием стали бы хакерами в криминальных группировках.

Если первый тренд связан с появлением новых групп, то второй тренд – это взрыв уровня организованности киберпреступников. В старые добрые времена 80-х гг. прошлого века хакеры были либо робингудами, либо самоутверждающимися ботаниками, старающимися за столом компьютера повысить свою оценку, упавшую до нуля после поражения в драке. Сегодня ситуация иная. Хакеры – это программисты, которые занимаются преступностью ради заработка, а не каких-то иных задач. Главным образом это касается молодежи. Однако часть ранних хакеров-робингудов, не найдя себя в легальном бизнесе, также ушла в организованную киберпреступность. По данным ФБР, в настоящее время не менее 40% киберпреступников имеют возраст старше 35 лет. Миф о том, что хакеры – это подростки, не более чем недоразумение.

Новые национальные киберпреступные синдикаты – это программно-финансово-организационные структуры нового поколения. Эти структуры имеют возможность отбирать лучших студентов в лучших учебных заведениях, создавать собственные мощные центры исследований и разработок, нанимать лучших адвокатов. Еще 5–7 лет назад 80% хакеров были одиночками, своего рода неорганизованными фрилансерами.

В настоящее время, согласно исследованию RAND Corporation, 80% хакеров входят в состав регулярных (постоянных) организованных преступных группировок. С одной стороны, в том, что преступники используют технологии, нет ничего нового. В конце XIX века, когда вся чикагская полиция перемещалась исключительно на лошадях, гангстеры уже использовали первые автомобили для налетов. Первый шестизарядный револьвер был использован не полицейскими против преступников, а преступниками против полицейских. Мобильный телефон стал обязательной принадлежностью наркоторговцев задолго до того, как они поступили в полицию. Однако есть некая принципиальная разница между вчерашним днем и днем сегодняшним. Раньше преступники использовали военные или гражданские технологии, приспособивая их для своих нужд. Нынешние преступные группы сами разрабатывают технологии, используют их как отдельный побочный бизнес и реализуют через свои легальные предприятия в гражданской и военной сферах.

Кроме того, особенностью современной преступности является упор на исследования и разработки. Если раньше она использовала технологии либо те или иные устройства по прямому назначению, то теперь преступники стараются выжать из технологий все возможное. Например, принятое сегодня повсеместное использование мобильных телефонов для сбора Больших Данных впервые было осуществлено мексиканскими преступными синдикатами. В международном аэропорту Мехико существует обширная вип-зона, где прилетающие высокопоставленные гости коротают время, пока разгружается багаж, и ведут светские беседы либо потягивают пиво. Одновременно, будучи

занятыми людьми, которым необходимо все время находиться на связи со своими офисами, они сразу же переключают роуминг. Мексиканские преступники установили, вмонтировав в стойку бара, сложную аппаратуру, которая перехватывала сигналы роуминга и сигнализировала о прибытии того или иного гостя. Соответственно преступники, наблюдая с одной стороны за гостем, с другой стороны контролируя разгрузку багажа, имели 15–20 минут времени на то, чтобы в зоне разгрузки багажа не украсть вульгарно багаж, как делают в Европе и Америке, а открыть его, взяв дорожную, единичную вещь, и вернуть багаж в первоначальное состояние. В итоге, когда спустя некоторое время жертва ограбления обнаруживала пропажу, она подозревала кого угодно, но не преступников. Промысел процветал полтора года и принес несколько десятков миллионов долларов. Он закончился не из-за провала в аэропорту, а из-за неосторожной попытки сбыть на Нью-Йоркском аукционе уникальную золотую статуэтку.

Современные преступники быстро адаптируются к техническим новациям и сами создают и продвигают технологии. Варианты адаптации могут быть различные. Например, известна преступная группа, которая, внимательно проанализировав известный сервис Uber, создала аналог для преступников. Суть сервиса состоит в том, что любой преступник может разместить в приложении место, где он располагается, размер вознаграждения и точку, которую ему надо достичь. Приложение пользуется большой популярностью в преступном мире, а полиции пока не удалось отследить разработчиков приложения. Еще более удивительным является факт, что приложение каким-то непостижимым образом отличает полицейского под прикрытием от обычного водителя. По крайней мере, за полтора года действия приложения полиции ни разу не удалось направить своего водителя, который подвез бы преступника. На предложения лжеводителей, размещенных в приложении, ни один преступник не откликнулся. Это заставило думать британских журналистов, что создателями приложения являются сами британские полицейские, связанные с преступными группировками.

* * *

В последние десятилетия в мире действует жесткий принцип: чем преступление омерзительнее и доходнее, тем более эффективные и современные технологии использует криминал. Трудно найти более отвратительный вид преступности, чем педофилия. Как пишет в своей новой книге «Бегство от цивилизации» известный российский криминолог Юрий Антонян: «Педофил, как правило, исключается из нормальной среды и даже «ненормальной», если имеет в виду сообщество осужденных. Тем не менее, педофилия относится к числу «стойких», практически неискоренимых пороков, распространенных во всех странах мира».

Несмотря на принимаемые меры, этот высокодоходный, попирающий все нормы человеческого общежития вид криминала продолжает процветать на всех континентах, в подавляющем большинстве стран мира. Далека от благополучия ситуация в нашей стране.

По данным Росстата, с 2013 по 2015 гг. в России на 10 тыс. выросло количество преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, оно составило 95,5 тыс. При этом детей, пострадавших от действий сексуального характера, в 2013 г. было 1 тыс., в 2014-м – 2,4 тыс., а в 2015-м – 3,7 тыс.

В феврале 2012 г. был принят целый пакет «антипедофильных» законов. Появилось 13 новых составов преступления в УК, серьезно были ужесточены наказания, вплоть до пожизненного, за преступления сексуального характера против детей, были увеличены сроки, необходимые для досрочного освобождения. Однако, несмотря на это, практика борьбы с этим злом в России пока явно отстает от международных стандартов. Например, в США на учете полиции и ФБР стоит более 600 тысяч педофилов. В Германии – около 200 тысяч. У нас – 10 тыс. чел. Разваливаются дела по педофилии в России в разы чаще, чем в ЕС, а сроки наказания за эти ужасные преступления у нас суды дают существенно меньше, чем в США.

Достоверных данных об объеме мирового рынка продажи педофильского контента и оказания сексуальных услуг не имеется. В значительной мере это

обусловлено широким проникновением педофилии в элитные круги многих стран мира. Не проходит и года, чтобы правоохранительным органам не удалось раскрыть очередную транснациональную элитную педофильскую тайную организацию.

Так в 2016 г. в Великобритании в результате совместных усилий полиции, разведки и журналистов-расследователей удалось раскрыть педофильскую сеть. Сотни известных на всю страну людей подозреваются в растлении несовершеннолетних. Всего под следствием по делу о педофилии оказались 1400 человек. Шокированы происходящим даже в Скотланд-ярде. Там заявили, что это только начало расследования. В списке подозреваемых в педофилии 135 звезд телевидения и радио, 43 музыканта, 7 спортсменов и 76 политиков.

Агентам ФБР в том же 2016 г. удалось раскрыть в штатах Калифорния, Вашингтон, Орегон сеть загородных клубов, включенных в так называемую сеть “Лолита”. В этих клубах девочки и мальчики в возрасте 10–13 лет подвергались сексуальному насилию со стороны наиболее состоятельных членов американского общества. За одну ночь они платили держателям сети 50 тыс. долларов. В 2016–2017 гг. правоохранителям становятся известными все новые подробности про транснациональную элитную сеть педофильских услуг, включавшую не только продажи соответствующих видеороликов, но и поставки живого товара и специальные виды туризма. В качестве пользователей в сеть входили представители элиты Европы, Америки, Ближнего Востока, Южной Азии. Сеть, известная под названием Red Circle, базировалась на островах в Океании и представляла детей не только из районов традиционной сексуальной эксплуатации, типа Юго-Восточной Азии и Центральной Америки, но также из Украины, Румынии, региона Балкан и даже Великобритании и Мексики.

По данным, озвученным в 2016 г. представителями группы Анонимус на Берлинской хакерской конференции, растет число сайтов и их клиентов по продаже видеоконтента и непосредственно оказания услуг педофильского характера в сети Tor. Если в 2013 г. только четыре подобных сайта входили в топ-25 наиболее посещаемых ресурсов Tor, то в 2015-м – уже девять. Согласно данным журналистского расследования немецкого журнала Focus через эти и аналогичные сайты в сети Tor ежегодно продается контент и услуг на сумму, приближающуюся к 0,7 млрд евро.

Наиболее нетерпимым и отвратительным аспектом интернета является продолжение использования сетей и платформ для сексуальной эксплуатации детей, а также производства, распространения и продажи контента, связанного с сексуальным насилием над детьми и педофилией.

Согласно имеющимся данным в сети интернет увеличивается количество контента, связанного с сексуальным насилием над детьми и педофилией. Постоянно развиваются сети преступных трансконтинентальных групп, занимающихся производством, распространением, маркетингом и продажами этого контента. Этот процесс поддерживается целым рядом манипулятивных стратегий, как правило, связанных с использованием принуждения на основе запугивания родителей и детей, обманных стратегий и социального инжиниринга, чтобы склонить детей и родителей к участию в отвратительной противоправной деятельности.

Есть два основных типа сексуального принуждения и вымогательства. Первый – удовлетворение патологических преступных потребностей. Второй – извлечение финансовой выгоды за счет сексуального принуждения и насилия в отношении детей, в том числе путем производства педофильского контента.

Как правило, преступные группировки не сообщают детям и родителям об истинных целях вовлечения ребенка в производство контента. Все шире преступники используют информацию, компрометирующую родителей, или уязвимости ребенка для того, чтобы получить фото или видео сексуального характера. На следующей, заключительной, стадии криминальной деятельности группировки, используя компромат и уязвимости, а также же полученные фото и видео, заставляют детей и родителей сниматься для контента, имеющего педофильский характер, а также содержащего сцены насилия над детьми.

Последние пару лет в рамках трансконтинентальной преступности производители педофильского контента принуждают детей сниматься в роликах, содержащих сцены насилия и секса, обещая им, что в случае согласия ролики не будут показаны в стране проживания ребенка, и более того, его семья получит деньги.

Как это ни парадоксально, особо ценится фото- и видеоконтент, в производстве которого участвуют дети из стран Северной Америки и Европы. Правоохранительным органам удалось выяснить, что для принуждения детей к съемкам используется иная схема, чем в Африке и Азии. Первоначально перехватывается управление гаджетом ребенка. При помощи гаджета делаются откровенные снимки, зачастую шокирующего родителей содержания. Затем ребенок ставится перед выбором – либо участвовать в производстве педофильского контента, либо смириться с тем, что обманом полученный фото- и видеоконтент будет отправлен электронными письмами семье, друзьям, в школу и т. п. Исследование Лиги борьбы с педофилией Соединенного Королевства показало, что более 75% контента, произведенного в Великобритании, появилось на свет благодаря данному методу.

Другая распространенная технология базируется на **использовании детей-ловцов**. Специально подготовленные и ранее участвовавшие в производстве сексуального контента несовершеннолетние дети регистрируются в социальных сетях, форумах, площадках для онлайн игр. Пользуясь предоставленными им маркерами и скриптами общения, они устанавливают контакт с другими детьми, которые могут согласиться на встречу в реале. В ходе таких встреч дети-ловцы провоцируют двусмысленные ситуации, которые снимаются скрытой камерой или фотоаппаратом. После этого наступает фаза шантажа. По данным Голландского королевского института защиты детства, до четверти детей, попавших в паутину детского шантажа, из страха соглашались на съемки в педофильском контенте.

Многие страны сообщают о **появлении в Европе самогенерирующихся неприличных роликов, снятых самими детьми** в странах Азии и Африки. Новым явлением стало появление молодежных, руководимых подростками и включающих малолетних детей, групп, производящих на дому сексуальный контент, включая сцены насилия. Эти группы расположены за пределами ЕС и самостоятельно выходят на контакты с провайдерами педофильского контента в Европе.

Несмотря на признание правоохранительными органами во всем мире сексуального насилия над детьми в интернете и педофильского контента как наиболее актуальной угрозы, отсутствуют масштабные аналитические работы на эту тему. По экспертным оценкам, правоохранители и общественность не преувеличивают, а занижают масштабы этого явления. Кроме того, должным образом не оценены сдвиги, связанные с превращением интернета в повседневную рутинную среду жизни детей.

По минимальным оценкам 100 млн детей в период с 2012 по 2017 гг. станут пользователями широкополосного интернета. Из них не менее 75 млн придется на страны Юго-Восточной и Южной Азии и Африки, на которые приходится основная часть педофильского и насильственного контента.

Что помимо ужесточения законодательства можно противопоставить активизации высокотехнологичных преступников, оперирующих в этой сфере? Нужна разработка с привлечением психологов, специалистов в области информационных наук, лучших производителей медиа, специальных учебников и руководств для родителей, как уберечь ребенка от сексуальной эксплуатации и педофилии, а также материалов для проведения пропагандистских кампаний среди самих детей.

Необходимо задуматься о создании молодежных движений и подростковых инициативных групп по борьбе с педофилией и сексуальным насилием над детьми. Проблема состоит в том, что согласно не только научным исследованиям, но и полицейской информации, полученной от агентов, внедренных в преступные сети, более 50% жертв шантажа, сексуальной эксплуатации и насилия предпочитают обсуждать проблемы не с родителями и преподавателями, а со сверстниками.

Доступ к преступному контенту в последние годы значительно облегчен послесноуденовской волной создания серверов анонимизации и шифрования. В этой связи правоохранительные органы совместно с общественными движениями и НКО должны внимательно изучить возможности **легитимного ограничения анонимизации**. При этом надо иметь в виду, что анонимизация и шифрование являются естественным выбором для граждан авторитарных стран, где попираются права человека.

Наиболее популярная технология, используемая для размещения, распространения и продажи педофильского контента, — это P2P-сети и конкретно Tor. Из года в год множится число торговых площадок и форумов, доступных в сети Tor, которые ориентированы на лиц с криминальными и психопатическими потребностями, а также стремящихся к приобретению педофильского контента. Если ранее доступ к Darknet требовал специальных технических программистских навыков, то теперь он доступен для любого пользователя.

Наиболее активно используют защитные меры, связанные с обеспечением анонимности и шифрования, провайдеры, продавцы и потребители педофильского контента. С сожалением приходится констатировать, что в 2015–2016 гг. резко увеличилась доступность P2P-сетей и Tor для лиц, втянутых в качестве провайдеров и потребителей в преступный бизнес по сексуальной эксплуатации детей.

Серьезные сложности для правоохранительных органов создают распространяющиеся со скоростью лесного пожара приложения для мобильных устройств, поддерживающие шифрованные видеопотоки и сервисы обмена сообщениями. Помимо прочего, перечисленные программные новации не только создают благоприятные технические возможности для развития рынка педофильского контента, но и существенно затрудняют правоохранительным органам проведение расследований и поиск неопровержимых доказательств участия в противоправной деятельности.

С 2011 по 2016 гг., согласно имеющимся оценкам, на 30–40% ежегодно возрастал объем педофильского контента, транслируемого через потоковое видео. В 2015–2016 гг. преступные синдикаты перешли к работе по новой модели — **производство под заказ с распределенным во времени доступом**. Данная модель предусматривает, что преступные группы через Darknet получают от особо состоятельных педофилов заказ на производство конкретного контента, в котором прописывается возраст, пол, этническая принадлежность ребенка, а также характер извращенных действий. Заказчик получает контент, изготовленный по его желанию эксклюзивным образом по наиболее высокой цене. Затем цена снижается, а круг охвата пользователей контента последовательно увеличивается. Необходимо отметить, что данную модель впервые использовали криминальные группы, и лишь в настоящее время она стала распространяться в легальном контентном бизнесе.

Отличительной особенностью преступных групп, оперирующих в онлайн и офлайн производстве и дистрибуции педофильской продукции, является высокий уровень технического и кадрового оснащения. Согласно данным Европола в некоторых группах бизнес-модели создают выпускники наиболее престижных европейских университетов.

В настоящее время в условиях все возрастающих усилий во всем мире по борьбе с педофильским контентом происходит **деконцентрация криминального бизнеса**. Если еще несколько лет назад одна и та же группировка производила контент, доставляла его до потребителей, продавала и даже занималась шантажом клиентов, то теперь каждая фаза бизнес-процесса обособляется. На каждой стадии работают отдельные компании, никак не связанные между собой, за исключением транзакционных операций. Идеальным средством для финансовых операций контрагентов с низким уровнем взаимного доверия являются биткойн и другие криптовалюты. Они, в отличие от обычных денег и юридических договоров, базируются не на доверии и согласительном рассмотрении споров, а на алгоритмических прописках условий транзакций.

Традиционно потоковое видео, транслирующее педофильский контент, а также контент с жестоким обращением с детьми, производилось преимущественно в Юго-Восточной Азии, и прежде всего в Бангладеш, Таиланде и на Филиппинах. Однако в настоящее время география существенно расширяется. Новым районом производства подобного контента стали страны Центральной Азии и Андского пояса в Латинской Америке. Кроме того, по особо высоким ценам продается контент, снятый в Европе, прежде всего на Балканах, в Румынии, Молдавии и на Украине.

Существуют неоспоримые доказательства, что **в последние несколько лет сложился многоотраслевой бизнес, организованный сетевым образом, в области производства педофильского контента**. Таможенные и пограничные службы стран ЕС установили, что в последние два года наблюдается значительный рост посещения европейцами, как правило, мужчинами или

супружескими парами, стран производства педофильского контента. Работая под прикрытием, сотрудникам правоохранительных органов ряда стран ЕС удалось выяснить, что с 2015 г. все возрастающей популярностью среди педофильских кругов Европы пользуется услуга, когда граждане, выезжающие в районы, известные сексуальной эксплуатацией детей, предварительно заказывают “отборочные” или конкурсные видеофильмы, где соответствующим образом сняты дети, которых собираются посетить европейские педофилы.

В последние годы появились еще более опасные сигналы. В 2015–2016 гг. удалось установить, что преступные синдикаты, контролирующие незаконный трафик мигрантов из стран Ближнего Востока, прежде всего Сирии и Афганистана в Европу, создали в Греции, на Балканах несколько **кастинговых центров**, где они отбирают детей для последующей съемки педофильского видео. Их агенты в лагерях беженцев в Турции, Сирии, других странах Ближнего Востока заранее договариваются с родителями, что готовы за свой счет перебросить в Европу семью с несколькими детьми в том случае, если отобранный ребенок перейдет в их распоряжение, фактически в рабство, для съемок педофильского контента.

(Продолжение следует)

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

СЛАВЯНСКАЯ ВЕСНА И БАНДЕРОВСКИЙ МАЙ

*...И придёт время, когда один скажет:
Слава Украине! И миллионы будут
отвечать: Героям слава!*

Степан Бандера

Красное и чёрное (вместо вступления)

Главная маета, заглавный тревожный вопрос славянского мая: неужели это время, предсказанное главным душегубом славян Бандерой, пришло и окончательно утвердилось на Украине?! К прогремевшему названию, прилетевшему три года назад из Крыма – Русская весна, я бы добавил ещё и вековечное – Славянский май.

Дело не только в том, что мы, когда ярче, когда бледнее, отмечаем 24 мая единственный у нас государственно-церковный праздник – **День славянской письменности и культуры, день памяти первоучителей словенских Кирилла и Мефодия**, но и в самих свежих веяниях. Именно в мае проголосовали за независимость Донецкая и Луганская народная республики, а соседние области – за Союз: это тако-о-й символ славянского единства! Сербия тогда отказалась вводить санкции – это тоже знак славянского единства. Оно было безжалостно разрушено и залито кровью, но, оказывается – не сгнуло! На географических просторах России и Украины, на духовных пространствах, на шествиях Бессмертного Полка, на Шолоховском празднике я пытался утвердиться в том, что и подлинный Славянский май – не за горами. Пока рвутся снаряды в жилых кварталах Донецка, пока относятся свысока в некоторых “наших” СМИ к тем, кого Пушкин назвал “гордый внук славян”, торжествующего и однозначного заголовка вроде не складывается, потому и приходится давать красно-чёрный, как в песне “Два цвета” бывшего ленинца, а теперь националиста-антисоветчика Дмитра Павлычко: Славянский и бандеровский май.

Ледяной душ с кавой

Как поэт, публицист и профессор кафедры журналистики я всегда понимал, что нахожусь на идейной передовой, но на любимой с юности Украине это проявлялось в спорах и песнях, ощущалось теоретически. Ну да – столкновение мировоззрений, философских убеждений, творческих принципов – изливай душу, доказывай в давнем споре славян промез собою: мы ж не смертельные враги! И вдруг на меня обрушился ледяной душ...

Продолжаю приезжать на Украину, но со стороны Венгрии, возвращаясь с термального курорта, где лечу старые basketбольные и туристские болячки — благо, мне уже за шестьдесят, запрет на мужской въезд — не действует, подрывных действий никаких не предпринимал. Вот и накануне Дня защитника Отечества решил навестить армейского друга Вадима, доехал до венгерской Захони, миновал границу в Чопе, где особо долго чего-то проверяли, сканировали паспорт, интересовались маршрутом. Встретился с Вадимом в частной гостиничке венгра Томаша в Берегово, населённом на 70% венграми. Искупались в тамошнем термальном бассейне, вечером вышел в интернет, кратко написал о своих впечатлениях в Фейсбуке, а утром...

В заснеженном дворе появился хозяин Томаш с четырьмя молодыми людьми: “Мы из СБУ. Вы обвиняетесь в антиукраинской пропаганде, представляете угрозу для государственной безопасности и подлежите высылке”. — “Что за чушь? Вот у меня остался в сумке сборник “Две славянские души”, там есть стихи о любимой Украине... с болью, конечно”. — “Что мы будем тут спорить? С вещами на выход и поедете с нами”.

Начали с армейским другом Вадимом незапланированные нервные сборы. Поехали на двух машинах в отдел СБУ “Берегово”. “Садитесь сзади водителя”. “У меня ноги не поместятся”. Приехали. Вадима в один кабинет повели, меня три сотрудника — в другой. Особняк довоенный, венгерский. Обстановка — скромная... Начальник, как оказалось, Иван Иванович, достал папку напечатанных сканов моих постов, статей в “Русском доме” и “Советской России”.

— Почему вы плохо отзываетесь об Украине, агитируете за Новороссию, навязываете “Русский мир” — ведёте антиукраинскую пропаганду?

— С чего это вы взяли?

— Вот вчерашний пост: пишете плохо об Украине, о том, что Берегово государство Украина довело до плохого состояния. Поймите, мы стоим на страже интересов державы. За неё ребята каждый день гибнут...

— Так я ведь из венгерского городка Хайдусобосло приехал. Конечно, он совершенно другой — по курорту, дорогам, инфраструктуре! Я мог то же самое, а то и резче — и про любой российский городок написать с каким-нибудь санаторием! Верно? И давайте сразу договоримся такими понятиями не оперировать — “антиукраинскую”. Я могу высказывать свою точку зрения, критиковать, как публицист, не соглашаться с политикой, но против Украины, где живёт мой лучший друг, где был ранен во время Брусиловского прорыва мой отец, где столько я выступал с украинскими коллегами, переводил Бориса Олейника (слышали о Герое Украины?), ездил сам вдоль и поперёк, общаясь с народом, я не могу быть “анти”!

— Так пишите так же критично о своей России! Почему не ведёте антироссийскую пропаганду, боитесь Путина?

— Против России (анти) я тем более не могу выступать — это моя единственная Родина. А вот досье вы неполное составили: очень много и резко критикую дурное в России, особенно действия правительства и даже президента могу покритиковать. Кстати, давно я не слышал так часто фамилию Путина в эфире, как за вечер в Берегово — все политики-аналитики беспрерывно только о нём...

Тут другой сотрудник подключился: “Вот вы всё повторяете: Русский мир, Русский мир... Объясните мне на языке кастрюль, что такое этот ваш — “Русский мир”? В нескольких словах”. Третий, молчаливый, включил камеру. Я воодушевился:

— В нескольких словах не получится. Так бы я не лекции студентам читал, а на “языке кастрюль” сложные понятия объяснять...

— Нет, ну что это — язык?

— Конечно, и язык, и православные ценности, и культура великая, неразделимая, и корни исторические, и проявления природы... Ведь венгры, скажем, отличаются от нас, славян.

— Так значит, вы можете везде войска вводить, где есть русскоязычные? Чего ж вы Аляску назад не забираете, переданную при Екатерине? Почему не пишете об этом?

— Как раз в мартовском номере “Русского дома” выходит моя статья про Аляску — 150 лет продажи. Но не при Екатерине, а при Александре. А вообще-то, зачем мы будем на таком уровне разговор вести: “войска вводить везде, где русская речь...” Давайте я вам книжку подарю, и читайте мою исповедь лирическую.

— Да, вот книжки! Кто и сколько вам заплатил, чтобы вы написали книгу об Олесе Бузине?

И тут я понял, что могу нисколько не покривить душой, показав, что русские писатели — не продаются! Мне ведь издательство “Алгоритм” ни копейки не заплатило за объёмную книгу, пообещав сразу рассчитаться, если и вторая книга про Украину выйдет. Но в подробности вдаваться не стал:

— Да никто не заплатил! Когда Олеся убили среди бела дня, все СМИ заговорили о нём, о странном расследовании. А большинство россиян ведь не знали, не ведали, кто такой Бузина, что печатал. Стали спрашивать у меня, у коллег и студентов. И я решил за майские праздники срочно написать, но главное, составить книгу, чтобы своим обширным вступлением и комментариями представить самые характерные тексты писателя и замечательного публициста, который, кстати, принадлежал Русскому миру, хотя был настоящей украинец. К вопросу о толковании понятия...

Иван Иванович, как оказалось, кандидат юридических наук, ещё попытался повоспитывать меня от имени нового поколения Украины (“Мы уже другие — мы хотим в Европу!”). Но потом убедился в стойкости моих убеждений и перешёл к казенному протоколу: сотрудничаю ли я с ФСБ, имел ли конкретное задание, сумею ли я подтвердить отрицательные ответы на полиграфе? Потом я подписал протокол с правом заключительного слова.

Мне официально зачитали постановление на украинском, что **в связи с антиукраинскими высказываниями я представляю опасность для государственных устоев Украины и должен покинуть страну до 4 февраля**. В кратком постскриптуме я отметил, что подобную формулировку не приемлю, что Украину всегда любил и посвятил ей немало стихов и песен, а право на правду, пусть и горькую, вплоть до любимых распространяется.

Потом мне принесли чаю, сообщили, что отвезут нас в Мукачево. Вещи положили в багажник и, рассадив в разные машины, повезли в город с замком на горе. По дороге говорили непрерывно и уже более раскованно. Иван Иванович оценил мою семью: “О, отец участник Брусиловского, а старший брат — Герой!” и даже посокрушался, что пришлось в такой обстановке пообщаться: “Лучше бы я вам все красоты района показал”.

Приехали к вокзалу, выяснили, что вещи мои остались в третьей машине: “Позвоним — подвезут. Пока пошли кавы попьём”. Попили кофе за счет спецслужбистов, продолжили обсуждение геополитики и страдания от неё простых людей. Приехали вещи (хорошо, что с бензином нет проблем), расстались по-доброму: “Не знаю, как вам, а мне, несмотря ни на что, было интересно познакомиться”. Тот, что беседовал с Вадимом, добавил: “Берегите дружбу. У вас в Украине — настоящий друг”. Кто б сомневался...

Пошли по улице к центру, скользя на льду тротуаров: “Не вздумай в Фейсбуке покритиковать!” — проворчал Вадим. До самого центра не доковыляли, остановились на ресторане “Вишнёвый сад”. “О, москальское название оставили, потому что Чехов себя хохлом называл”. Жаль, что не пью, а то раньше бы вмазал горилки после такого потрясения: ледяной душ допроса в СБУ вместо теплой прощальной купальни. Вернулись на вокзал, сфотографировались у советских скульптур на входе и поехали на Львов...

В поездке я решил в этот раз правдиво написать о своих впечатлениях, опираясь больше не на свои суждения и эмоции, а исключительно на факты и материалы легальных украинских СМИ, на высказывания политиков и экспертов. Их столько развелось, что голова кругом идёт, но ведь и кусочки смальты складываются в картину. Надеюсь, она будет реалистична, и меня еще впустят на Украину к друзьям, а Иван Иванович покажет мне Закарпатье и не из окошка автозака.

Рассказал об этом инциденте кратко в газете “Советская Россия”, посыпались типичные отклики на сайте, один из них хочу привести здесь:

“Не надо быть дураком и ездить в страну, находящуюся в состоянии войны”. Кот Котов.

Мой ответ: “Вы немного ошибаетесь, уважаемый Кот Котов. Украина НЕ НАХОДИТСЯ в “состоянии войны”. Там даже “военного положения” не объявили. Так проще. Хотя Верховная рада обозвала Россию “страной-агрессором”. Но в принципе, думаю, вы правы. Странно, что автор, выступая в СМИ со своей политической позицией, рассчитывал на какой-то другой приём. В последнее время там “зачищают информационное поле” от ВСЕХ СМИ РФ независимо от их политической ориентации. Там даже суперлиберальный “Дождь”

запретили. Хотя тамошние журналисты и называли возвращение Крыма не иначе как “агрессией”, а ополченцев Донбасса — “сепаратистами” и “террористами”. Но всё равно на всякий случай закрыли. А уж автора “Советской России” просто не могли оставить в покое”.

Трудно нам следовать лозунгу “Все — вперёд!”, когда никакого единства в своих рядах нет. Например, на “Общественном телевидении России” (создали “рупор общества”) пародийный историк Ю. Пивоваров (академик РАН) завершает, брызгая слюной из-под усов, целую программу по истории так: “Государство, с моей точки зрения, нигде, в том числе и в России, не имеет права диктовать обществу, как оно должно себя исторически видеть. Это дело общества. Мы их не для этого избирали и платим налоги. Не их дело этим заниматься, а наше — общества. С моей точки зрения, коммунистический тоталитарный режим в России был абсолютным злом — и мировым, и в русской истории тоже. Это огромный провал и срыв российского человека, российской души и так далее... Если мы признаем, что мы действительно в XX столетии совершили столько зла сами над собой, прежде всего — тогда начнём двигаться дальше. Пока этого признания не будет — ничего не будет!..”

Вот такое требование: государство — ничего не диктует (где он такое государство видел — на Украине, в Германии?), мы — не великие, а Великий Октябрь и победитель фашизма Сталин — абсолютное зло. Но что характерно: никто из учёных мужей и дам не возразил, более того, некий эксперт Александр Рубцов на прощание программы успел выкрикнуть в сердцах: “Отдайте Пивоварову телевизор — и через полгода в стране будет совершенно другая запрос на совершенно другую историю”. Это точно: государство уже один раз отдавало телевизор двум Пивоваровым, образно говоря, почти целиком, да спохватилось, но пока — не до конца!

Куда бежим в вышиванках?

Согласно указу Президента Украины, 24 августа в Киеве на День Незалежности состоялся военный парад. После парада в 12:00 по Крещатику и Майдану прошло “Шествие непокорённых”, в котором приняли участие “ветераны” АТО, волонтеры, врачи, капелланы и родственники погибших “героев”. Ну, а для колорита в столице прошёл традиционный благотворительный забег в вышиванках. Для участия в марафоне необходимо было предварительно зарегистрироваться. Стоимость составляла 350 гривен, — около 1000 рублей тогда, или уже 800 рублей накануне весны, на детском маршруте — бесплатно. Собранные средства должны были пойти на... закупку легкоатлетических наборов для учеников пяти (!) киевских школ. Так сказать — праздничный символ и масштабы обнищания... Вообще — на 24 августа власти приглашали всех надеть праздничную вышиванку и прийти в ней на Парад Независимости. А откуда и куда “бегут в вышиванках”?

Начиная с августа 1991 года, а то и раньше, осуществлялся через учебные заведения, политические институты и СМИ проект “Украина как анти-Россия”. Вопросы языка, истории, литературы были использованы националистами для дальнейшего оглушения и унижения народа, которого заставляют отказаться от красоты и величия былого в пользу жалкой сегодняшней местечковости. Как автор нескольких книг об Украине, Брусиловском прорыве, Олесе Бузине и учебника по славяноведению, понимаю всю бесполезность поиска доводов и элементарных примеров. Ведь если отбросить все дурацкие толкования, будто украинский язык занесён с планеты Венера или пророс из семян ариев (а есть и такие бредни), то наиболее научнообразным в этом мутном потоке является тезис, будто издревле существовал особый украинский (или, как модно сегодня преподносить, “староукраинский”) язык Киевской Руси, на котором говорили населявшие здешнюю землю неведомые народы. И, конечно, их правители — “украинские князья”: Владимир, Ярослав, Мономах и прочие.

Начнём с того, что Киевской Руси вообще никогда в истории не существовало (как и Руси Владимирской, кстати). Это научная периодизация придумана в XIX веке историками для удобства своих научных выкладок. А в те былинные времена существовала просто Русь — земля Русов, Русская земля. Владимир Красно Солнышко страшно бы удивился, если бы его назвали древним украинцем, а не русичем. Согласно букве и духу “Русской Правды” Ярослава Мудрого, которого по опросу признали лучшим украинцем (?!), хотя он

явился в Киев вовсе не из Коломыи (которая “цэ Эуропа”), а из Новгорода Великого, нет никакой “украинской правды”. Но говорить об этом с недообразованными или напичканными пропагандой людьми – бесполезно. Я, честно говоря, всегда был убеждён, что должно сработать четыре украинских Ж – жадность, жизнелюбие, желудок, жинка. Последнее потому, что украинцы, по моим наблюдениям, страшные подкаблучники и, поскольку ночная кукушка дневную перекукует, я наивно верил, что жёны внушат украинцам: нельзя же катиться дальше, вредя самим себе! Но тут уже даже в Одессе появились русские бандеровки (!) – зайдите в интернет...

Вообще на “постсоветском пространстве”, увы, курсы валют служат показателем состояния экономики. Во время кризиса в 1998 году (встретил его, помню, на Украине, в Хмельнике) соотношение гривны к доллару упало с 2 до 5,5. В 2008 году гривна в связи с кризисом и периодом славного правления трипольца Ющенко упала с 4,6 до 8 за доллар; в 2014-м с победой Майдана и воцарением Яценюка украинская капуста рухнула до 16 гривен за зелёный; в 2015 году в разгар военных действий и ручного правления США – загнулась до 23; наконец, в 2016 году окончательного разрыва с Россией по всем направлениям – до 25–27 “ярославок” (русский князь Ярослав – “лучший украинец всех времён” изображён на купюре 1 гривна). В феврале 2017-го, когда меня СБУ выдворяла из Украины, за один доллар давали 27,23 гривны.

Ну, и куда дальше бежать в вышиванках? Однако Петр Порошенко продолжал накануне горе-праздника вешать лапшу на уши: “Уже считанные недели остались до того, когда откроет безвизовые двери объединённая Европа для Украины. Я убеждён в том, что в ближайшее время мы получим мощную финансовую подушку для реформы в виде транша Евросоюза”, – заверил Порошенко, ублажая последние надежды четырёх Ж. И верят... У меня просто в голове не укладывается эта недалёковидность, тяга к гибели и упёртость украинцев.

Впрочем, ещё Тарас Шевченко писал в стихотворении “Проторила я дорожку” от имени жинки:

*Парням бублики носила.
Вечерком;
Продала — и воротилась
С пятакom.
Я два гроша, ох два гроша
Пропила,
На копейку музыканта
Наняла.
Ты сыграй-ка мне на дудке,
На своей...
Чтоб забыла я кручину —
Горе с ней.*

(Перевод Алексея Плещеева)

В начале лета 1991 года в цветущей Виннице, на берегах Южного Буга, проходил последний Шевченковский праздник с широким приглашением поэтов из России и союзных республик. Ко мне примчался из Киева лучший армейский друг Вадим, мы отмечали встречу в гостинице, как вдруг в номер ворвался поэт Микола Лукив – уроженец Немирова, земли Николая Некрасова, теперь больше известной по водке “Немиров”: “Собирайся скорее, я на машине – в важное место поедем. И друга бери, хоть это неожиданно. Там знаешь, строго...”. Что? Куда? – не объясняет. И вот приезжаем в сказочное загородное место – в резиденцию митрополита Винницкого и Брацлавского Агафангела. За огромным праздничным столом сидит иерарх Русской Православной Церкви с суровой внешностью и замечательный поэт, лауреат Госпремии СССР, а потом Герой Украины – Борис Олейник с его лукавым прищуром. Борис Ильич, оказывается, вспомнил, с каким успехом я вчера спел в театре “Славянскую песню”, и его высокопреосвященство – уроженец Липецкой земли, добрейший в душе человек – попросил познакомиться с русским поэтом. За мной, как говорится, послали... Люди митрополичьей свиты ухаживали усердно, и, конечно, меня потянуло на правду по полной, разго-

вор получился острый. Я даже начал переживать, не слишком ли, не перебрал ли... Но до конца жизни запомню лестные слова, которые сказал митрополит Агафангел при прощании – не мне, а украинским поэтам. Они, думаю, тоже помнят – не стану похваляться...

А через два месяца грянули августовские события, ещё 7 августа 1991 года митрополит был переведён на Ивано-Франковскую и Коломыйскую кафедру, но отказался ехать, став в оппозицию политиканскому курсу митрополита Киевского Филарета – раскольника Денисенко. Потому 7 сентября 1991 года был почислен на покой. Но в апреле 1992 года восстановлен на Винницкой кафедре. С 20 июня 1992 года – он стал митрополитом Одесским и Измаильским, постоянным членом Священного Синода УПЦ. Высокопреосвященнейший Владыка мужественно отстаивает незыблемые православные ценности, оставаясь противником интеграции Украины в Европу. В частности, ещё в 2006 году он призвал украинские власти отказаться от мечты вступить в ЕС, а лучше – придать русскому языку статус государственного. Свои взгляды он мотивирует тем, что неуёмное желание политика Украины рвануть в Европу “является очередной попыткой осуществить многовековое стремление протестантско-католического, масонского и безбожного Запада оторвать Украину от единства с мировым центром Православия – Москвой и втянуть её в орбиту западных лжеценностей, сделать её частью системы нового мирового порядка”.

Ваше Высокопреосвящество, наверное, Вы забыли об мне, но я стремлюсь оправдать Ваши слова о сознательной и созидательной русскости.

Заколот или болото

Завидую любителям поэзии Винницы. Здесь проходит суточный марафон “Заколот” – “Мятеж” по-русски. Выразительное слово, хотя на Украине не поймёшь, где заколот переходит в болото... С утра 23 августа до утра 24 августа на площади Героев Небесной Сотни в центре города множество “заколотник в” читали произведения 25 украинских поэтов. Каждый винничанин мог предложить своего кандидата, заполнив специальную форму. Путем голосования выбрали самых популярных, чьи произведения будут звучать на площади. Так своеобразно любители украинского слова поздравили Украину с 25-й годовщиной Независимости и попытались привлечь внимание общественности к популяризации украинской литературы. Вот бы в России, в наших городах отмечали праздники суточным поэтическим марафоном!

А в киевском Книжном магазине “Е” на ул. Лысенко, 3 вся Украина получила подарок к своему 25-летию – книгу “Я like Украину!” Дурацкое название навязывают СМИ, хотя на обложке изображена иконка поднятого вверх большого пальца. В сборник вошли произведения 25 украинских писателей, которых мы теперь, увы, не знаем. Читаю в анонсе незнакомые фамилии, внимание останавливается на том, что “двое из авторов сборника – Артем Чех и Геннадий Молчанов – доказали свою любовь к Украине с оружием в руках в окопах русско-украинской войны, которую у нас почему-то называют АТО”. Вот как решительно – без филологической политкорректности. Писатель Андрей Миронюк, позывной “Сет”, “героически” погиб, защищая Донецкий аэропорт в январе 2015 года. В 2004 году мир увидела книга Андрея Миронюка “Kavkaz. UA”, участие в сборнике “Я like Украину” – его вторая, уже посмертная публикация.

Ещё обратил внимание на автора – Сашко Лирника. Это имя я слышал, и сам бы взял на Украине такой псевдоним, поскольку писал в молодой песне: “Не лириком хочу быть – просто лирником, Дорогой утолять свою печаль...”. Судьба Александра Власюка сложилась так, что пятнадцать лет он прожил в России, в Мурманске. Там, вместе с другими украинцами, создал украинское землячество. Чтобы их дети не забывали языка, складывал сказки, читал и записывал их. Сегодня он живёт в Киеве, имеет детей, его жена Леся является сестрой Дмитра Доброго Вечера – лидера известной группы “Вий”. Олександр и Леся играют в “Вие”, он – на лире, она – на перкуссии. С 2010 года был автором и ведущим программы для детей “Рассвет” на канале ICTV. Принимал участие во многих этно- и музыкальных фестивалях как сказочник-лирник. В декабре 2011 года программа для детей “Рассвет” на канале ICTV была закрыта. Сашко, наверное, переживает и таит обиду на ТВ.

В начале этого года бывший россиянин разразился проклятиями по поводу содержания новогодних программ: “Каждый месяц, день, каждый час, прожитый без “русского мира”, отдаляет нас от оккупации. Военной и духовной. Причем, духовная оккупация страшнее и подлее...”

Переключал телеканалы весь вечер и всю новогоднюю ночь. Г-но кацапское! Стало хуже, чем при бандюковиче. Украина исчезла с телевидения совсем”, – вот так нынче пишет бывший “лирник”...

Я тогда под Рождество приехал на Украину (тоже писал про укрТВ в разных СМИ) и хочу сказать, тёзка, что и Россия как духовно-культурная держава почти исчезла с экранов. В официальных новостях, криминальных программах, конечно, в политических ток-шоу, в каких-то обязательных передачах она есть (хотя к 75-летию выдающегося актёра и режиссёра Николая Губенко, например, просто повторили старую “Линию жизни”), а вот русской поэзии, русского фольклора, полнокровной картины жизни русской глубинки – нет СОВСЕМ, принципиально! Подобия бывшей твоей программы – днём с огнём не сыскать. Ну, а про десять дней вакханалии на российском ТВ в каникулы для “элиты” – лучше не вспоминать нам обоим!

Но Лирник грозно продолжает: “Очевидно, что запущен новый проект оккупации, так называемая “вторая волна”. Проект по построению неукраинской Украины. Сплошные русскоязычные передачи и шоу, в которых украинский язык звучит исключительно для обозначения каких-то придурков или идиотов. Вытащили из нафталина всяких кацапских идолов... Не смогли захватить танками и градами, так захватывают телевизором и газетами”, – сокрушается бывший телеведущий.

Тут я хочу внести ясность: кого же бывший мурманчанин называет “кацапскими идолами”? Если неармянина Петросяна и неукраинку Степаненко или уже неодессита Галкина – то я согласен. Ещё, Сашко, из нашего ящика не вылезают ваши “украинские юмористы” Владимир Моисеенко и Владимир Данилец – ужасно пошлый дуэт, который вообще не имеет национальности и права на показ – нигде! Вот как раз в новогодней передаче на государственном российском канале Данилец и Моисеенко, которые являются народными артистами Украины, вместе с бывшей киевлянкой Наташей Порывай (Королевой) исполнили песню об Одессе, за которую им пригрозили смертью, если они появятся на Привозе. Есть, наверное, за что, в принципе – за навязывание небывалой пошлости, но сама песня безобидная, поскольку бездарная. Вот самые забористые перлы: “Сейчас в Одессу проще через Рим”, “А поездом в Одессу не фонтан”, “Может нам ответят всем, ребята, как принято – вопросом на вопрос – кому, зачем все это было надо?..”. Ух ты, как критично и “антиукраинисто”! Если за эти жалкие потуги на одесско-еврейский юмор надо грозить убийством – то “не смешите меня”, как говорят у нас в Одессе...

Но в принципе – не смешно. Как раз и эти выпады Лирника, и всё, что творится на российском и украинском (особенно!) ТВ, тоже объясняет, как умело, хотя и примитивно, нас развели на уровне сознания, духовных устремлений, как топорно вбили клин между братскими народами. На первом же занятии по славянской филологии с группой литературного творчества прочитаю стихотворение Сашка Лирника, которое он адресует детям и всем, кто любит украинский язык:

*За рікою край гори
Орють поле трактори.
Через плесо, через луки
Чути їхні перегуки:
“Брррате, ми перрремагаєм,
Плуга й борррони тягаєм!
По ярррам і по полям
Люди будуть вдячні нам!..”*

Я теперь это стихотворение студентам МГИКа на лекциях по славянской филологии привожу, как пример общности языка: кто поймёт без перевода – тот восточный славянин. А кому переводить надо – не знаю, получится ли из него русский журналист и литератор. Хотя прежде “Завещание” Шевченко в школе наизусть учили в переводе, что смешно: там, как подсчитали лингвисты, 60% общерусских слов. Примерно такое же соотношение остаётся в живой русской речи: я в дороге по любимой Украине, в сёлах мову разумею,

а по ТВ и с трибуны порой не могу в точности понять. Знаю одно, кто разделяет дальше наши языки и души – злые люди, о которых писал Шевченко (перевод Максима Богдановича):

*Одно не безразлично мне:
Что Украину злые люди
Приспят, ограбят, — и в огне
Её, убогую, разбудят...
Ох, как не безразлично мне!*

Вот и мне, несмотря на оскорбления и проклятья в адрес русских из уст свидомых украинцев, политиков и СМИ – до сих пор небезразлично. Сам не знаю, почему – славянское братство, наверное...

Как автор многих книг, в которых я постигаю и славлю славянский мир, хочу твёрдо сказать, что все антисоветчики и все обличители Сталина являются славянофобами! Что мне вменяли чаще всего в вину, ставя жирные знаки вопроса в откликах на дважды издававшийся сборник: как я посмел включить в книгу “100 великих славян”, в раздел “Политики и правители” Сталина? А очень просто: он, увы, был последним кремлёвским правителем – спасителем и строителем славянского единства. На приеме в Кремле в честь президента Чехословакии Э. Бенеша 28 марта 1945 года, когда Великая Отечественная война близилась к нашей победе, И. В. Сталин предложил тост “За новых славянофилов, которые стоят за союз независимых славянских государств!”. И столько сделал на этом поприще, пытаюсь объединить самое многочисленное племя Европы, что вызвал животный страх и ответную реакцию Запада. Раскол и уничтожение Славянского мира стало для Запада главной задачей! И тут враги преуспели, а, создав проект “русофобская Украина”, нанесли по миру славян самый сокрушительный удар.

Так вот, в канун нашего общего и замалчиваемого праздника 24 мая (возьмите программу российского ТВ на этот день и убедитесь, что из писателей – только Иосиф Бродский, но только не славянин по роду и сути Михаил Шолохов, хотя и у него тоже день рождения!) – хочу сказать о трёх заключительных ударах, которые давно готовятся нанести по славянскому миру и по несчастной Украине. 9 мая 2016 года украинский президент Порошенко принял участие в открытии памятника “талантливому дипломату, меценату и просветителю” Ивану Мазепе в Полтаве. По словам Порошенко, гетман-предатель стал “настоящим символом украинского сопротивления России” и “флагом движения за независимость Украины”. Порошенко подчеркнул, что Украина “читит своих героев” и больше никогда не допустит “экспансии советско-российской имперской идеологии в украинское пространство... Здесь вам не Русский мир, здесь – український світ”, – подчеркнул Порошенко. Однако в самой Полтаве разгорелся характерный скандал на весь “світ”. Мэр Полтавы Александр Мамай бесстрашно вызвал на себя огонь националистического злобствования, который может его сжечь, как многих на незалежной. Мамай заявил, что он и его заместители будут разговаривать на украинском языке только в случае оккупации города. Это заявление глава Полтавы сделал на сессии горсовета. Так он отреагировал на требование националистов к его заместителям, в котором первые хотели, чтобы чиновники говорили на украинском: “Полтаву еще никто не оккупировал. Как только это произойдет, тогда и будем так говорить!” – отрезал земляк Гоголя. А ещё он – о, ужас! – процитировал стихотворение советского поэта Владимира Маяковского: “Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин!”. Такого и на российском ТВ не простили бы!

На бандеровском сходе в Киеве, прошедшем не где-нибудь, а в помещении Киевского городского дома учителя, где ещё недавно проходили ежегодно и международные фестивали русской поэзии, нацисты потребовали запретить русский “язык быдла” и учредить языковую полицию. Как говорить нам украинские пропагандисты и Борис Надеждин в передаче у Соловьёва, “на Украине фашизма нет!”, однако массовое мероприятие киевских бандеровцев прошло с участием официальных лиц – депутатов всех уровней, чиновников, а также так называемой местной “элиты”. В частности, на сходе были замечены руководитель фракции ВО “Свобода” в Киевсовете Юрий Сыротюк, народный депутат Украины Андрей Ильенко (сын известного оператора и кинорежиссера), группа “Хорея казацкая”, кобзари Тарас Силенко, Василий

Лютый, Святослав Силенко и другие. Именно пан Сыротюк с места в карьер двинул тезис, что русский язык на Украине должен быть запрещён. Это постоянные пробные камни, которые упорно бросают в общество, готовя его к сокрушительному удару.

Как мы знаем, общество и эфир всколыхнул в начале 2017 года проект закона 33 депутатов Рады о полном переходе на украинский язык, а фактически – на официальный запрет всех других языков. Это, конечно, полная дурь, которая окончательно расколет Украину, но Русский мир постоянно берётся на излом. В это же время для “знати” Украины, особенно – для её детей, “господским языком” становится английский. Указом Порошенко № 641/2015 минувший 2016 год был объявлен “Годом английского языка на Украине”. Подобную странную тенденцию можно, увы, проследить и в самой России. Так, на моей Таганско-Краснопресненской линии Московского метро был внедрен дубляж на английском языке, причём в американском его варианте. Почему Российское государство, в котором англоязычных граждан очень мало (ну, Познер, несколько туристов) должно “прогибаться” перед языком своих геополитических противников, непонятно. . .

Готовится и второй удар – введение латиницы. Три года назад СМИ заговорили о попытках грантоедских демократов инициировать процесс перехода даже русского языка на латиницу! Тогда отличился Игорь Яковенко – профессор РГГУ, где кафедрой журналистики заведует Николай Сванидзе. Доктор философских наук РФ в развёрнутой статье “Русский вопрос и русская цивилизация” предложил стране выйти из “гетто русского языка” (!), заменив кириллический алфавит на латинский. Что уж говорить про Украину – там вовсю готовятся! Министр образования и науки Украины Сергей Квит, член блока Петра Порошенко и участник праворадикальной украинской националистической организации “Тризуб имени С. Бандеры”, тоже уверял, что в скором времени Украина перейдёт на латинскую графику. Надо напомнить, что проект перехода на латиницу был предложен ещё при Януковиче. Автором законопроекта были тогда депутаты Латынин и Кириленко. Однако тогда этот проект заблокировали коммунисты. Теперь же, когда коммунистов из Рады просто изгнали, никто не помешает националистам отказаться от всего национального в пользу “общечеловеческого”. Кстати, в XIX–XX веках латиницей пользовалась бюрократия Галиции под австрийской властью. Также следует отметить, что после развала СССР некоторые национальные республики изменили свои алфавиты на латинские или предпринимают шаги в этом направлении. В частности, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев сказал в ежегодном послании парламенту ещё в конце 2012 года: “Необходимо уже сейчас начать подготовительную работу по переводу в 2025 году казахского алфавита на латинскую графику”. На латиницу перешли Узбекистан и Молдова – самая бедная европейская страна. Переход Украины на латиницу будет ещё больше способствовать полонизации Украины и окатоличиванию православных.

Польша претендует на возвращение в свой состав части ныне западно-украинских земель. Как заявил президент Польши Анджей Дуда, бывшие польские земли – Галиция, Волынь и Полесье, “должны перейти к предыдущему владельцу”. Глава государства подчеркнул, что поляки на указанных территориях подвергаются ущемлениям со стороны украинского руководства. Мол, осуждая действия СССР, сам Киев продолжает насильственно удерживать земли, принадлежавшие Польше до 1939 года. Кроме того, зарегистрированная в Польше организация “Реституция Кресов” будет заниматься восстановлением прав поляков на недвижимость в городах Западной Украины, утерянных после Второй мировой войны. В польский суд уже обратился более шести сотен поляков, претендующих на имущество, оказавшееся на территории Украины, ожидается, что их станет в два раза больше. Таким образом, во всей полноте предстаёт смысл, хранимый нашим языком: во всей украинской истории ополячивание оборачивалось “полонением”, а полонение всегда было ополячиванием.

И наконец, третий удар, который может привести к самому кровавому и непредсказуемому расколу Украины, – церковный. Президент Петр Порошенко во время встречи с представителями Всеукраинского совета церквей и религиозных организаций отметил важность создания единой поместной православной церкви: *“В условиях гибридной войны, когда Украина противостоят вооружённой агрессии соседнего государства, наши враги пытаются использовать религиозный фактор в своих интересах. И самое главное духовное*

оружие нашей победы, то чего боится враг — это наше единство!.. Атаки направлены, в первую очередь, на то, чтобы расколоть наше государство и расшатать его изнутри... Очевидно, что в сегодняшней ситуации многим верующим трудно согласиться с существующим разъединением украинского православия. Конечно, я кардинально не допускаю, чтобы государство вмешалось — и я этого не допущу — в межцерковные отношения. Это дело верующих и церквей. Но и игнорировать волю народа тоже не гоже, так же как неприемлемо допустить вмешательство в эти процессы другого государства”, — отметил Порошенко, указывая на Россию и РПЦ.

Не хочу вдаваться в историю вопроса, в трагедию самого лютого и политизированного раскола украинского православия, замечу только, что церковный раскол на Украине предшествовал развалу СССР. В 1989 году начался политиканский процесс выхода части духовенства и мирян Русской православной церкви (РПЦ) на Украине из-под юрисдикции Московского патриархата РПЦ с целью создания украинской автокефальной поместной церкви. Итогом этого болезненного действия является существование на Украине, помимо Украинской православной церкви Московского Патриархата (УПЦ-МП), ряда церквей, которые также используют в названии сочетание “украинская православная”. Самыми крупными из них являются Украинская православная церковь Киевского патриархата (УПЦ КП) и Украинская автокефальная православная церковь (УАПЦ). У нормального человека христианской культуры всё это не укладывается в голове, но подчеркну, что любой шаг киевской хунты в сторону подобного “сплочения и единства” приведёт к новым и самым кровавым трагедиям...

Кощей Бессмертный и Бессмертный Полк

Какой же сильный у нас язык и порой парадоксально богатый — хотя бы тем, что один и тот же эпитет воспринимается по-разному, когда даже ребёнок понимает, в чём разница между Кошеем Бессмертным и Бессмертным Полком. Правда, некоторые взрослые дяди делают вид, что таких оттенков не понимают. Вспоминаю, как взял сына-школьника в редакцию “Литературной России”. Оставил его одного в кабинете и побежал на летучку. Вернулся, а на столе записка: “Приходил дядя Женя Евтушенко, оставил стихи”...

Напомню тем, кто забыл: последний, 8-й по счёту, Съезд Союза писателей СССР прошёл в июне 1986 года в Колонном зале Дома Союзов, как и незабвенный исторический — Первый. Тогда же, 31 год назад, был назначен и 9-й съезд на май 1991 года. Затем он был перенесён на осень, но вследствие августовского путча, обрушения СССР так и не был проведён. Меня в памятном зале потрясло, что Евгений Евтушенко одним из первых поднялся на трибуну и принялся... обличать ГУЛАГ — не о литературе говорить, а ворошить затаявшиеся раны. С чего это вдруг, зачем? — после того, как четверть века назад на XX съезде всё было громче и разрушительней, чем требовала эпоха, осуждено и припечатано! Оказывается, у Е. Е. сработало чутьё или дальновидное указание: начинайте по новой, надо клеймить и разрушать... И вот прошло три десятка страшных для державы лет: она была расколота, унижена, экономически и духовно ограблена. Только-только начинается осознание трагического перелома веков, собирание здоровых сил. Одно из проявлений этого — истинно народное действо Бессмертный Полк. Как оно может обойтись без Евтушенко, без его маниакальных разрушительных идей? И вот на 2-м книжном фестивале, снова проведённом в непогоду на Красной площади, он, прилетев с Кубы, прочитал свежее (?) — слабое и насквозь политизированное — стихотворение, которое подхватили и процитировали многие либеральные СМИ. Им-то на поэтические качества наплевать:

*На Красной площади стою,
Как будто тоже состою
Из лиц Бессмертного Полка,
Планету спасишь на века.*

Какие ж это лица? Ну, конечно, певица мама, и дальше — узники ГУЛАГа или совести, как их на Западе называют:

*Её отец попал в ГУЛАГ,
Но невидимкой брал Рейхстаг,
И не смутили никого
Два ромба, содранных с него.*

Ну, а дальше – дежурный, неумолчный, ритмически хромающий набор:

*Но его голос не умолк:
Встань, Сахаров, в Бессмертный полк.
Пастернак был инвалид,
Но жил, как совесть жить велит.
Стал добровольцем на войне,
Пробил романом брешь в стене.
И в эту брешь на зов земли
Шестидесятники прошли...*

Дальше для равновесия – Пушкин... Даже школьник может спросить: при чём тут, дядя Женя, **никогда не воевавший Пастернак** и уж тем более шестидесятники во что бы то ни стало? Вообще, зачем искажать и политизировать духоподъёмную идею?.. И у меня в большом роду Бобровых были дядья, воевавшие в Гражданскую, эмигрировавшие в отделившуюся Финляндию, были ссыльные, но я, как всякий нормальный человек, вышел в неохватном общем строю с портретом одного человека – моего старшего брата, Героя Советского Союза Николая Боброва. Не с Пушкиным или любимым Блоком, и уж, упаси Господь, не с Сахаровым! Кстати, попробовал бы Евтушенко прилететь пораньше и поднять портрет Сахарова в этом людском море – кое-что понял бы... Так зачем эта дешёвая спекуляция в стихах?

Особенно тяжко это было воспринимать, потому что сам я последний День Победы встречал в Киеве и сам встал в ряды этого непростого, но духоподъёмного Бессмертного Полка, который шёл к Вечному огню по... улице Мазепы! Попробовал бы Евтушенко поднять там портреты Пастернака, шестидесятников и Сахарова! Не побили бы просто потому, что раньше увезла бы бригада психологической помощи... Украинский президент и олигарх Порошенко, который открыл накануне праздника Победы в Полтаве первый памятник малороссийскому гетману и предателю Мазепе, подписал аж четыре принятых Радой закона о предательстве прошлого, которые называют “декоммунизационным пакетом”. В рамках повальной декоммунизации в Киеве намерены зачеркнуть всё славное минувшее, изничтожить память о подлинных героях в названиях и даже, по примеру прибалтийских карликов, создать “Парк советской оккупации”. И это в бывшей советской республике, которая дала множество партийных, военных, советских руководителей – от Хрущёва и Брежнева до Гречко и Подгорного. То есть они занимались оккупацией самих себя! Разве это не бред?

Когда я приехал на День Победы в Киев, по 5 каналу самого Порошенка сообщили, что 9 мая в зоне АТО продолжали гибнуть сыны Украины (“Четыре хлопча вбиты”), телеведущий неславянской внешности с бачками и красавчик пресс-секретарь в парадной форме разговляла по-украински, репортёрша мешала русскую речь и мову, а солдаты, встретившие 9 мая в окопах на своей земле – говорили только по-русски! Разве не дикость всё происходящее? Ещё с экрана рассказали, что форсирование Днепра на Букреевском плацдарме – провальная, плохо спланированная операция, а “российская агрессия в Донбассе – один к одному советско-финляндская война”. Просто уши вянут! Вообще, подъезжая утром 9 мая к Киеву со стороны венгерской границы (в Чопе долго держали-проверяли чего-то в пустой зоне досмотра, но до СБУ не доходило!) внутренне был готов ко многому, но всё равно контрасты увиденного и осознанного – потрясают. Прежде всего, признаюсь, не ждал столь многолюдного, истинно народного праздника, пусть и с чёрным вкраплением провокаций и унижительных действий властей. Город-герой Киев впервые встречал чудом оставшийся выходной 9 мая без красных знамён. Сошёл на “Арсенальной”, на площади у легендарного завода, где собирались принаряженные участники Бессмертного Полка. Народ прибывал со скромными портретами, с наградами ветеранов и самодельными плакатами. Странно было видеть одно: над оживлённой толпой развевались только жовто-блакитные флаги, **которых в те победные дни не могло быть в помине! Украинцам**

запретили принести на торжества, которые прошли 8 и 9 мая, Знамя Победы. Соответствующее решение принял не властный орган, а институт национальной памяти Украины – вот это демократия! По мнению оруэлловского ведомства во главе с галичанином Вятровичем: *“Знамя Победы содержит изображение соединённых серпа и молота и пятиконечной звезды, является символикой коммунистического тоталитарного режима. Учитывая это, распространение и публичное использование, в том числе во время празднования любых государственных праздников, любых изображений, копий, включая официальные копии Знамени Победы, а также элементов указанной символики коммунистического тоталитарного режима в костюмах артистов является пропагандой коммунистического тоталитарного режима и запрещено законом”*, – высказались в пресс-службе, и этого оказалось достаточным для незаконного запрета! Молодчики с незапрещёнными бандеровскими флагами любят теперь скандировать: “Серп и молот – смерть и голод!”. Ну да, а без символов труда – процветание?..

Арсенальная площадь бурлила (вначале новостные агентства заявляли о... “100 человеках, пришедших с портретами родных”, эта чушь даже публиковалась в интернете!). Огромная колонна в окружении полицейских и солдат внутренних войск (уйму нагнали! – киевляне горько шутили, что и не представляли, как много людей их охраняет) двинулась по улице Ивана Мазепы (!) в Парк Славы. Там, у обелиска и Вечного огня, буквально утопающих в цветах, произошла запланированная провокация. Группа молодых правосеков под марш “Этот День Победы...” сначала развернула черно-красное полотнище в стороне от главного подхода, но незримые организаторы, видно, выразили своё неудовольствие. Молодчики стали пробираться к основанию величественного обелиска, женщины (они активнее и бесстрашнее местных мужиков!) пошли следом, громко говоря: “Они провокаторы. Внимание стражам порядка! Мы следим”. Но те как ни в чём не бывало поднялись на постамент, попирая цветы, и развернули зловещее полотнище. Подошёл сначала один военнослужащий в фуражке, стал резонировать, окружающие приняли скандировать: “Фашизм не пройдёт!”. И тут произошло невообразимое: ринулось целое подразделение в чёрной форме с бордовыми беретами (дьявол их принадлежность теперь разберёт!), окружили бандеровцев и стали... охранять от недовольных женщин, стражей в другой форме, от возмущённых участников торжественного шествия. Появились упакованные, лощёные деятели со значками, которые стали качать права и тоже оберегать провокаторов. Случилось немыслимое: все операторы с камерами и фотокорреспонденты бросились к этой затенённой стороне обелиска, защёлкали затворы, заверещали журналистки с микрофонами. Вот главное действие праздника! – словно плели в души огромному числу собравшихся.

Я просто был потрясён цинизмом и наплевательским подходом к тысячам нормальных людей, чтящих святое. В это время над рядами, волнами прибывающими к Вечному огню, поплыла алая копия Знамени Победы. И сразу зашевелились националисты, один в чёрном спортивном костюме подбежал к офицеру: “Провокация! Запрещённое красное знамя! Почему не реагируете?”. Майор молчал. Тогда “борец с коммунистической символикой” достал мобильник, стал требовать: “Ваше прозвище!” и фотографировать в упор. Я тоже его сфотографировал – внешность о многом говорит. Как бы там ни было – красное знамя исчезло, а чёрно-красное продолжало радовать националистов и журналистов. Тут же на всех новостных лентах появились молнии: “Как сообщает корреспондент УНИАН, радикально настроенные активисты развернули красно-чёрный флаг возле Мемориала на могиле Неизвестного солдата, где сегодня проходят торжественные мероприятия по случаю победы над нацизмом. При этом они также подпалили георгиевскую ленту возле мемориала. Сотрудники полиции были вынуждены “успокаивать” активистов, чтобы помешать обострению конфликта. Правоохранителям даже пришлось провести задержание нескольких радикально настроенных активистов”. Свидетелем задержания, увы, я не стал. О чём говорит эта свободная допущенная провокация? Прежде всего не “о разных настроениях и подходах”, а о стремлении господствующих сил держать людей в нервном и униженном состоянии, в страхе: ну, раз такое возможно при скопище стражей порядка и в такой праздник... Своими глазами всё увидел и просто кожей почувствовал эту подлость: уничтожить, убрать всё святое и красное – оставить только чёрное!

Один из маршалов Победы – любимец солдат Константин Рокоссовский,

в жилах которого текла польская кровь, сказал: “Только тот народ, который чтит своих героев, может считаться великим”. “Мы и чтим! – вскинется какой-нибудь нацик или жалкий писака. Кого?! Вот автор украинской газеты “День” – яркий антисоветчик и русофоб Сергей Грабовский плетёт накануне праздника: “Нельзя сказать, что декоммунизация столичных топонимов не продвигается вперед. Изменения за последние два года произошли, и они действительно поразительны. Хотя, собственно, сегодня делается то, что должно было быть сделано четверть века назад, если бы в Украине и в ее столице действовала жесткая и ответственная власть, но все-таки делается! Достаточно зайти на интернет-ресурс КГГА и поискать там список переименованных проспектов, улиц и площадей: проспект 40-летия Октября стал Голосеевским проспектом, улица Надежды Крупской – улицей Павла Чубинского, улица маршала Буденного – улицей Ивана Богуна, Ленинградская площадь – Дарницкой площадью...”. Но, похвалив городскую администрацию Кличко, которая, если посмотреть на разбитые дороги, замусоренные улицы и захламлённые парки, занимается не главным своим делом, Грабовский косноязычно попенял: “Процесс, который вяло и нерешительно начался в первые годы возрожденной независимости, а затем практически остановился, снова двинулся вперед, и весьма активно. Однако сказать, что с этим все в порядке, вряд ли можно; на мой взгляд, фактом являются некоторые достаточно серьезные проблемы с новой топонимикой”.

Ну и какие же проблемы “являются фактом”? – говоря ни по-русски, ни по-украински... “Скажем, хорошо, что имена выдающегося поэта-неоклассика и литературоведа Игоря Качуровского, последнего Главного командира УПА Василия Кука, знаменитого кошевого Запорожской Сечи Костя Гордиенко и художницы Аллы Горской отныне будут на карте Киева. Однако, по мнению столичных властей, они заслужили только того, чтобы их именами назвали переулки”.

Кто знает поэта Качуровского? Его, небось, и сам Грабовский не читал. А вот про Василия Кука можно несколько слов сказать. Кук родился в Австро-Венгрии, получил юридическое образование в Люблинском университете, где познакомился с будущим главой Организации украинских националистов Степаном Бандерой. В годы Второй мировой войны Кук, член Центрального провода ОУН(б), под псевдонимом “Лемиш” возглавлял Восточный краевой провод ОУН(б) – “Схид” и одновременно являлся командующим группы УПА “Схид”. Потом и впрямь стал главным командиром УПА из-за гибели всех лидеров. После войны скрывался в трёх западенских областях, был выслежен и арестован. Ну что – смертная казнь после стольких злодеяний против советских солдат и мирного населения? Нет, всего-то щадящий срок, а после шести лет заключения Кук в 1960 году был освобождён то ли в связи с амнистией, то ли за другие заслуги... Во всяком случае, он написал открытое письмо Стецько, Лебедю, Ленкавскому, Гринеху и “всем украинцам, которые живут за границей”, в котором признал законной советскую власть на Украине, отрёкся от ОУН-УПА и призвал украинское правительство в изгнании “признать СССР как законное государство” и вернуться на Украину.

Уже после объявления незалежности и возврата к бандеровским идеалам стал сотрудничать с редакцией “Летописи УПА”. Но вдруг в 2002-м отказался от звания “Героя Украины”. Сбивчиво объяснил это тем, что его соратъев “до сих пор на государственном уровне не признали участниками боевых действий и борьбы за независимость Украины”. Странно – их портреты уже тогда открыто несли на маршах. Так кто же этот двурушник, по бандеровским-то законам? Ему, по сегодняшним меркам, и переулка много! Зато журналист “Дня” требует убрать с карты Киева улицу Генерала Черняховского “за военные преступления в Восточной Пруссии” (?) и радуются тому, что нацики разбили мемориальную доску на углу улицы Маршала Жукова. Может ли стать такая “краина” великой?

*Здесь ветераны вроде бы нелепы,
Но подивился их святому дню...
По улице предателя Мазепы
Они проходят к Вечному огню.
Бессмертный Полк опять в бою с врагами,
Их сплачивает память и беда*

*Под жёлто-голубыми прапорами,
Которых не бывало в те года.
Гэй, кто тут из святого поколения?! —
Колонны атакует чёрный вепрь...
Мы с боем взять должны Реку забвенья,
Как люди, что форсировали Днепр!*

Что бы там ни вещали по 5-му каналу Порошенко, а Киев был взят! Я в майке с изображением моего брата Героя Николая Боброва фотографировался с освободителем Матери городов русских — Василием Петровичем. Мы оба верим, что любимая Украина ещё будет освобождена от чёрных сил под красным знаменем Победы.

Панихиды и “расчленированный” народ

Вернёмся к нашим дням и к моей последней (надеюсь, не самой последней!) поездке на Украину. Парадокс: тема Украины вышла на первое место в аналитических программах и нескончаемых трёп-шоу российского ТВ, но мы мало что знаем о реальной и повседневной жизни Украины, поэтому перед каждой поездкой туда изучаю какие-то объективные источники. Открытия — потрясают! Глазам своим не поверил: древний Киев — красивейший городсад, где при советской власти квартиры порой стоили дороже, чем в Москве, знаменитый туристский центр славянства, недавно занял в международном опросе британского журнала *The Economist* — 131-е место по уровню благоустройства и комфорта из 140 городов мира — рядом с воюющим Дамаском и африканскими запущенными городами! Каким же образом любимая столица Украины вошла в десятку наименее благоприятных для жизни городов мира? Каждый приезд ищешь ответов на этот вопрос. Один из них — нагледен и тягостен...

Накануне моего приезда со стороны Львова в Киев центр столицы погрузился в февральский сумрак тяжелейших похорон на Майдане после ползучих атак в Авдеевке. Как написали скупой украинские СМИ: “Семь гробов на центральной площади страны и отсутствие там же официальных правительственных лиц”. А чего им время тратить на ставшее теперь обыденным траурное мероприятие? Посмотрел редкие и невыразительные репортажи по некоторым каналам. И вдруг объявляют: на следующий день, 3 февраля — снова отпевание на Майдане. Теперь моего коллеги — преподавателя, пусть и юридического факультета Черновицкого национального университета им. Ю. Федьковича Леонида Деркача. Он пошёл на фронт добровольно и погиб 1 февраля во время боёв за донбасскую Авдеевку. Несмотря на отвратительную погоду, поехал в центр красавца Киева. Ледяная морось, мрак, накрытые телекамеры, военнослужащие в камуфляже, священники в полувоенной одежде, малочисленные сочувствующие. Всего насчитали 200 человек на той площади, где снимал я три года назад орущую и скачущую толпу. Из подъехавшего по Крещатику автобуса выносят гроб, процессия идёт к монументу Незалежности, многие в образованном коридоре становятся на колени. В руках — не только красные гвоздики, но и жовто-блакитные букеты из неведомых цветов.

Кстати, у стелы ещё не до конца замёрзли букеты позавчерашних квитов. Панихиду открывает по привычке тётка в камуфляже — пресс-офицер 72-й бригады Елена Мокринчук. Она начала с надрывного призыва посмотреть, что “робит российская наволочь”. А не ошиблась ли адресом, называя виновных? Кстати, всего два дня назад она говорила на этих же скользких гранитных ступенях: “Символично, что, когда все началось, они находились на позиции “Майдан”, и сейчас мы с ними прощаемся на Майдане. Когда они получили сигнал об атаке, Андрей Кизилю (1 февраля присвоено звание “Героя Украины”. — **А. Б.**) поднялся и сказал своим бойцам: “Ну, все, я пошел”. Ребята поднялись вслед за ним и пошли вперед...”. К своей гибели. Значит, всё-таки в атаку на Донбасс, пресс-офицер?..

После молебна и панихиды, которую отслужили священники Украинской православной церкви Киевского патриархата, командира роты с позывным “Академик” провожали в последний путь под песню “Пливе кача”. Хрипела и стонала плохая запись. Эту заунывную песню, ставшую гимном расстрелянной неназванными снайперами “Небесной сотни”, исполняет украинская ака-

пельная группа “Пікардійська терція”, образованная в 1992 году во Львовском музыкальном училище. А сама песня народная — лемк вськая, одной из народностей Карпат со своим говором, которые, кстати, называют себя руснаки, русины. Вот её слова:

*Гей, пльвёт утка по Тисе,
Мамка моя, не ругай меня...
Гей, погібну я в чужом краю,
Кто ж мне будет копать яму?..*

Я услышал “в чужом краю”, удивился, обернулся к стоящей рядом журналистке с микрофоном в руке — эмблема канала “Киев” — и спросил: “Вы слова разбираете? Там ведь поётся о гибели в чужом краю?” — “О гибели в своём краю”, — сказала она с неприязнью, среагировав на московский говор, а может, подумала, что я ищу неуместный повод заговорить с незнакомкой... Но я искренне удивился: зачем такую песню выбрали — только ради запредельной заунывности? Получается, что и “Небесная сотня”, и ребята на Донбассе погибли в чужом краю? Ведь теперь уже многие молодые, например, и не понимают песенных условностей, не знают, в каких исторических условиях создавалась песня. Неужели нельзя сложить достойную песню — и прошальную, и величальную, если такие красивые слова городятся вокруг погибельной АТО, такие броские плакаты висят и звучат призывы вступать в контрактники. Нет у них песен.

Кстати, во Львове военный эксперт Олег Жданов в эфире львовского телеканала Zik заявил: “Массовые панихиды по погибшим украинским солдатам на Майдане несут только негатив и разлад в ряды оставшихся в живых ВСУшников, а также демотивируют потенциальных контрактников. Эти похороны на Майдане создают в обществе социальное напряжение. Мы несём потери, перемалывается армия, падает боевой дух. Вы думаете, после таких массовых похорон сколько желающих пойдет в военкомат, чтобы подписать контракт с Вооруженными Силами?” — задаёт он риторический вопрос. А каково жителям и гостям Киева, который стал столицей **панихидной Украины**? Константин Райкин назвал Россию “некрофильской страной”, но я ему советую прокатиться по Украине, если пустят, конечно, и не тронут, узнав. Да и не узнав, а только по внешности — тоже... А вот губернатор Львовской области Олег Синютка с ложной гордостью заявляет, что “галичане остановили сильнейшую российскую армию, впервые за последние 100 лет воюя на расстоянии в 1000 километров от Львова. Может, пора расправить плечи и двигаться вперёд? Я чувствую возможности, что мы это можем сделать!”. Вот с таким неразвитым и губительным “чутьём” и рвутся галичане в политикум. Куда он заведёт Украину?..

Отошёл, дослушав эту лемковскую песню, и тронулся по пустоватому Крещатику, скользя на грязном льду, мимо сувенирных киосков, ларьков с пивом и замёрзших бабушек над весами с табличкой “Точный вес”. Начали складываться стихи:

*То снег, то морось взор залепят,
Шуришит февральская крупа,
И вьются траурные ленты,
Как чёрно-красный флаг УПА.*

*Помолимся за всех, за мёртвых,
А все виновные — живут...
Ещё и квиты не замёрзли
От прошлых траурных минут.*

*В АТО погибли... Не за други —
За чей-то шкурный интерес,
Но на Крещатике услуги
Не устарели: “Точный вес”.*

*Апостол Пётр деянья взвесит,
А тѣзка Порох — даст ответ*

*За всех, кто грязь в окопах месит,
Всех, кто на площади отпет.*

*Они в поэмах не воспеты —
Лишь криминальная страна
Окрасит скорбные букеты
В жовто-блакитные тона.*

В день моего мрачного отъезда из Киева газета “День”, которая перестала печататься в русскоязычном варианте, вышла со статьёй о медийной безопасности. Молодой журналист Дмитрий Плахта привычно клеймил Русский мир: *“Информационная эпоха то ли мутирует, то ли уже окончательно трансформировалась в эру дезинформации. Наиболее распространенное, легкодоступное и в то же время востребованное оружие массового поражения XXI века — информация. Не свинцовые пули, не ядерные заряды, а именно сконструированные медиамесседжи — оружие № 1 в арсенале так называемой гибридной войны. Нам — украинцам — это известно, как никому хорошо. Российская пропаганда укоренила в головах немалой части наших соотечественников “русский мир” и подвинула территориальные границы Украины”.*

Сомневаюсь, что Русский мир “укоренила” российская медиапропаганда, которая на территории самой России этим понятием и содержанием его — почти не оперирует. Это — вековое!

В министерстве обороны Украины сообщили, что за 2016 год в зоне вооруженного конфликта в Донбассе покончили жизнь самоубийством 63 военнослужащих вооружённых сил страны (ВСУ). Об этом свидетельствует ответ министерства обороны Украины на запрос украинского журналиста Алексея Братущака, опубликованный им в СМИ 11 января 2017 года. Таким образом, самоубийства вышли на первое (!) место среди небоевых потерь в рядах вооружённых сил Украины, которые в зоне проведения так называемой АТО в 2016 году составили 256 погибших и умерших... Согласно данным, указанным в письме Минобороны Украины, 63 солдата погибли там в результате самоубийства, 58 умерли из-за болезней. Смерть 39 военных наступила вследствие неосторожного обращения с оружием, 30 были убиты, 29 смертей квалифицированы как несчастные случаи. Кроме того, 18 человек погибли в ДТП, 10 смертельно отравились (алкоголем, наркотическими веществами и др.), 5 — другие случаи, 4 — нарушение мер безопасности.

В декабре 2016 года начальник Генерального штаба Виктор Муженко обнаружил потери ВСУ в период начала АТО, согласно которым в украинской армии погибшими насчитывается свыше трёх тысяч человек. В свою очередь, главный военный прокурор страны Анатолий Матиос подчеркнул, что только небоевые потери в Донбассе составили за два года более тысячи человек. Ужасающие цифры не раскрывают всех нюансов учёта или причинно-следственных связей. Бывает, как пишет бывший киевский журналист Игорь Друзь, что тела самоубийц тайно закапывают, чтобы они не портили общую картину, и тогда самоубийц записывают в ряды без вести пропавших или “самовольщиков”, убежавших из армии. Так командиру, которого могут обвинить в доведении подчиненного до самоубийства, легче избежать возможного наказания от военной прокуратуры. В общем, как бы там ни было, но совершенно очевидно, что количество суицидов у “атошников” действительно очень велико. Приведённые Минобороны данные касаются только ВСУ, но не учитывают других вооружённых формирований украинских боевиков, которых в Донбассе множество. Так что реальная ситуация на самом деле ещё хуже, чем рисует Минобороны Украины.

Проблема самоубийств в среде украинских военнослужащих, действующих и отставных, стала настолько острой, что борьбу с ней принялись демонстрировать высокие военачальники Украины, причём иногда — странным способом, тоже похожим на нервный срыв. Так, незадолго до моего приезда, 24 января 2017 года, начальник Генерального штаба вооружённых сил Виктор Муженко отжался 22 раза в рамках появившегося на Украине глупого флешмоба, направленного против самоубийств ветеранов АТО, и выложил снимок в интернете.

Конечно, за океаном людям похожего склада эту драму трудно понять. Глава комитета по вопросам вооружённых сил Сената США сенатор-республи-

канец Джон Маккейн в дни авдеевской трагедии обратился с открытым письмом к президенту страны Дональду Трампу, призвав его предоставить Украине летальное оборонное оружие и усилить экономическое давление на Россию. Текст письма был обнародован на сайте свихнувшегося сенатора-ястреба, но сразу подхвачен Укринформом: “Бурная кампания Владимира Путина относительно дестабилизации и расчленении суверенного народа Украины не остановится до тех пор, пока он не встретит сильного и решительного ответа”, — кликушествует сенатор. Но агентство Укринформ придумало точное словцо при переводе: “расчленирование” народа! Пожалуй, более точное название для заметок о том, как разрушается патриархальная славянская страна — трудно придумать...

Я верю — вновь солнце славян заблестит...

Мои студенты кафедры журналистики МГИКа подсчитали на лекции по славянской филологии, что когда писатель Герман Садулаев выступил на сайте “Свободная пресса” и в газете “Советская Россия” со статьёй “Небратья”, утверждая, что никакого славянского братства в помине не осталось, её быстро перепостили 160 либеральных и украинских СМИ и сайтов. Когда я ответил в СР статьёй “Ничего, передышим!” — о том, что дух славянства — не убить, что мы, как воины-славяне, и через соломинку будем дышать, пережидая врагов, моё возражение перепостили-процитировали всего 16 патриотических сайтов — в 10 раз меньше! Таково сегодня реальное соотношение... Даже затрудняюсь кратко назвать, кого и кого. Лучше — подробнее скажу:

*Всему человечеству
Заздравный стакан,
Два полных — Отечеству
И славе славян...*

За эти строчки из “Заздравной песни”, написанные 190 лет назад, особенно за второй стакан — бесшабашному Языкову может сильно достаться от Германа Садулаева, для которого ни поэтической условности, ни срока давности, похоже, не существует. Только этим можно объяснить гнев писателя, пошедшего в политику, который обрушился на песню Константина Кинчева “Небо славян”, написанную в поезде Питер — Москва ещё 22 октября 2000 года. Как пишет поклонник: “С 2002 года она играет на каждом концерте группы и практически каждом фестивале. Лично я за те 5 лет, что хожу на Алису, могу вспомнить всего один сольный концерт, где её не было, и пару фестивалей... Неоднозначность песни обсуждать не хочется. Но её пафосность и могучий патриотический заряд бесспорны. Фактически эта песня — гимн, а подобные песни в наше время дефицит, поэтому не удивительно, что обрела она новое рождение в самых необычных исполнениях”.

Да, совершенно не являясь поклонником Кинчева (особенно его внешне-го облика!), я не раз ставил в эфир потрясающую запись, сделанную 24 мая 2007 года на празднике “Дни славянской письменности и культуры” в Коломне. Закрывание его сопровождалось грандиозным музыкально-литературным действием под названием “В начале было Слово...” режиссёра Галины Ковалёвой — давней моей знакомой из Красногорска. И в финале песни Константина Кинчева “Небо славян” грянул... сводный хор! Это прозвучало сильно и новаторски. Но самое большое потрясение — запись этой песни как строевой в исполнении неведомой 2-й роты на солдатском смотре:

*За бугром куют топоры,
Буйные головы сечь,
Но инородцам кольчугой звенит русская речь.
И от перелеска до звёзд
Высится Белая рать.
Здесь, на родной стороне нам помирать.*

Только в своём могучем речитативе воины подправили заключительную строку: вместо “здесь, на родной стороне, нам помирать” — выдохнули “побеждать”. И правильно! Но вот всю эту вдохновенно поющую рать решил по-

бедить Герман Садулаев в начётнической статье, как мне кажется, с довольно-таки ложным посылом-вопросом: “Ты поешь: “от чудских берегов до ледяной Колымы, все это наша земля”. Все это славянская земля, ты говоришь. Твоя земля. А где моя земля, Костя? Куда она подевалась? Где земля Зарифуллина, Абузярова, Кара-Мурзы и Айрапетяна?”. Совершенно ясно где: там же, Герман Умаралиевич. Там же, если мы граждане России! И небо у нас – общее, как бы украинские националисты ни воспевали именно своё небо на жовто-блакитном флаге.

Помню 25-й Аксаковский праздник под Белебеем в честь выдающегося славянофила – Сергея Аксакова. Он и его сыновья соединили в себе, сами порой не понимая, две ипостаси евразийского мира, две великие духовные цивилизации: Православие и Ислам. Выразившие наиболее ярко национально-православную идею России сыновья Сергея Тимофеевича, великие славянофилы – Иван, Константин и не писавший книг Григорий, оставшийся в тени братьев (он был честнейшим чиновником, одним из лучших губернаторов российских) по матери (а она была полутурчанка – из рода эмиров, прямых потомков пророка Магомета), были не совсем славяне по крови и что? Ярким сентябрьским утром писатели, включая серба Зорана Костица, остановились в золотой дубовой роще, и в этой просвеченной дымке я сложил стихи, обращённые к нему, с такой концовкой:

*Праздник Аксаковский – с нами!
Зыбкий туман унесло,
И над холмами, лесами
Солнце славянства взошло!*

А потом под этим общим солнцем мы приехали в деревню, где веками живут башкиры, чуваша, татары, русские, которые спели песню о дружбе на четырёх языках. Нет никаких противоречий, если есть труд и забота о каждой самобытной культуре.

Про что песня-то Кинчева? Совсем не про славянскую агрессию, а, как мне кажется, про вечную борьбу, о которой сказал молодой и очень революционно настроенный Горький в письме к нижегородскому монархисту: “В сердце русского человека издревле борются две струи крови: одна – арийская, славянская – зовёт его к деянию, к борьбе за право личности, за достоинство человека, тянет его на Запад, к будущему; другая струя – туранская, монгольская – она влечёт к бездейственному подчинению чужой воле, внушает веру в непоколебимость прошлого и китайское обожание предков, которые у вас рабы, она вас тянет на Восток, к прошлому. Вот эту пассивную, отравленную монголизмом и Востоком часть русского народа, которая становится все ничтожнее количеством, вы и представляете”.

Во как припечатал! – какие там песни “Алисы”... Но славянский вопрос вовсе не этнический или культурологический. Например, в Чехии, где на съезде в XIX веке оформилась идея панславизма, нынешние националисты считают себя потомками... кельтов! Но нагляднее всего это проявилось на больной Украине, строящейся как проект “Анти-Россия”. Если вы прочитаете и послушаете свидомые СМИ, откроете полемику в интернете, то самым общим посылом будет то, что “...**Московия насильно присвоила себе само название Русь, а великороссы (московиты, москали) никакого отношения к славянству не имеют!**” Началось это очень давно, более полутора веков назад. Не случайно в письме Энгельсу (24 июня 1865 г.) Маркс пишет: “Догма Лапинского, будто великороссы не славяне, отстаивается господином Духинским (из Киева, профессор в Париже) самым серьезным образом с лингвистической, исторической, этнографической и т. д. точек зрения; он утверждает, что настоящие московиты, т. е. жители бывшего Великого княжества Московского, большей частью монголы или финны и т. д., как и расположенные дальше к востоку части России и ее юго-восточные части... Выводы, к которым приходит Духинский: название Русь узурпировано московитами. Они не славяне и вообще не принадлежат к индогерманской расе, они – intrus [пришельцы], которых требуется опять прогнать за Днепр и т. д... Панславизм в русском смысле, это – измышление кабинета и т. д. Я бы хотел, чтобы Духинский оказался прав, и чтобы по крайней мере этот взгляд стал господствовать среди славян” (К. Маркс. Соч., т. 31, с. 106-107).

Увы, он и стал господствовать, особенно на Украине, хотя там сплошь — антимарксисты и памятники Марксу свергают (знал бы старина Карл, может, не стал бы хвалить Духинского). Мне кажется, что именно отголоски этого долгого спора и подвигли Кинчева написать в поезде такую вызывающую песню. Нормальный поэтический порыв. Характерно, что в этом письме Маркса, который, мягко говоря, недолюбливал русских, всплывают географически “юго-восточные части России”. Это как раз Донбасс и Новороссия — те области, которые, по словам нового министра культуры незалежной, выдвинувшегося на Майдане, населены “людьми без корней, пришельцами, этническим мусором”. А я вот считаю их настоящими славянами, особенно подло убитого недавно явно не славянами (по духу!) полковника с грузинским позывным — Гиви. . .

Вспоминаю, как три года назад я стоял на Софийской площади, где под памятником великой княгине Ольги шёл один из яростных митингов. Выступали небритый Яценюк с каплей на кончике носа, щекастый Турчинов в курточке, из-под которой торчал лапсердак, играющий скулами Кличко, сгинувший ныне куда-то Тягнибок с перекошенным лицом и страшенькая без макияжа певица Руслана. Они тоже говорили о настоящих наследниках славян — украинцах! В свете прожестков мой киевский друг обернулся с фотоаппаратом и сказал: “Кого снимать? Только псковитянка Ольга да мой московский друг и похожи на славян”. . . Мне запомнилась эта реплика в рёве толпы “наследников” Киевской Руси. Думаю, не стоит им уподобляться и ставить важнейший и кровотокающий славянский вопрос в устаревшей (ещё с Марксовых времён) плоскости.

Не будем приземлять и начётнически использовать песни! Их так мало осталось, заздравных, берущих за душу и поднимающих дух. . . Лучше к трёхлетнюю антиславянского переворота на Украине подыдем второй стакан — за славу славян! Кстати, после той заунывной и похоронной песни на Майдане “Плыве кача” я снова под стук колёс в поезде на Москву вспомнил о том, как песню Алексея Фатьянова пели на вокзале в Запорожье, какие великие песни рождались в годы Великой Отечественной, и написал стихотворение “Безпесенная война”, имея в виду нынешнюю позорную войну на Донбассе, что ведёт бандеровская Украина:

*Мы — пишем. Мы — ищем поддержки
В минувшем, в себе и вовне.
Ни песни, ни грозной подборки
Об этой позорной войне.*

*Конечно, рождаются строчки,
Летят в хуторской винегрет,
Но чтобы до боли, до точки,
До спазма душевного — нет!*

*Когда вместо ярости — Ярош
И Гройсман — заместо грозы,
Не жди, мой славянский товарищ,
Что гимн доведёт до слезы,
Что песня подымет в атаку...*

*Фатьянов бессмертен зато,
А песни по тайному знаку
Не спустятся в зону АТО!*

Не забудем и не предадим же наши славянские песни, и я верю — вновь солнце славян заблестит, заблестит наше солнце и встанет, как прежде!

ВИКТОР СЕНЧА

КОНСТРУКТОР ПОБЕДЫ

К 120-летию Т. С. Шпагина

*..Делать сложно — очень просто.
А вот сделать просто — это очень
сложно. Главное для конструктора —
это умение отрешиться от шаблона
прежних систем, совершить реши-
тельный и качественный скачок, но-
вый поворот в конструкторском мы-
шлении, и помнить, что при создании
оружия нет мелочей: каждый лишний
паз, соединение, деталь ведут к ус-
ложнению оружия, его эксплуатации.*

Г. С. Шпагин

С первых дней Великой Отечественной войны советской промышленнос-ти пришлось перевооружаться буквально на ходу. Сотни заводов из западных регионов страны в спешном порядке эшелонами эвакуировались в глубокий тыл. Нередко военная продукция производилась прямо в цехах под открытым небом. Но именно там, в холодных цехах, где у станков стояли женщины и подростки, рождалось оружие нашей Победы — непобедимые “тридцатчетвёрки”, “Илы” и “Яки”; смертоносные “катюши” и легендарные ППШ... Они-то и принесли нам Великую Победу!

В этой связи следует заметить, что затерявшийся в глубоком тылу городок Вятские Поляны Кировской области в годы Великой Отечественной в прямом смысле находился на переднем крае. Ведь именно отсюда отправлялись на фронт знаменитые ППШ — оружие, над выпуском и усовершенствованием которого в этом городе всю войну — день и ночь — трудился его конструктор, **Георгий Семёнович Шпагин**.

На берега Вятки известный оружейник приехал вскоре после начала войны, осенью 1941 года, вместе с коллективом эвакуированного из подмосковного Загорска (ныне — г. Сергиев Посад) военного завода № 367. И сразу же окунулся в тяжёлую работу по налаживанию на бывшей шпульной фабрике (так называемой “шпульке”) конвейерного производства нового советского автомата.

А теперь — стоп! Первым местом, куда я отправился по приезду в Вятские Поляны в поисках информации о легендарном оружейнике, был местный исторический музей. Вот там-то, едва заговорив об автомате, мне пришлось услышать укоризненную нотку: ППШ — не автомат; ППШ — “пистолет-пулемёт

Шпагина”. Проинформировали, надо думать, для того, чтоб с самого начала ясно было. Да-да, быстро, почти виновато согласился я, поймав себя на мысли, что, во-первых, вся страна (да что там – весь мир!) находится в твёрдом убеждении, что ППШ – легендарный советский автомат; а во-вторых, мне впервые пришлось задуматься над очевидным и почти невероятным: а почему, собственно, пистолет – и в то же время пулемёт? Это что же за пулемето-пистолет такой – и при этом... не автомат? Пришлось и тут порыться в поисках истины... Впрочем, овчинка стоила выделки: как-то совсем не укладывалось в голове, что наш “автомат Победы” вовсе даже и не автомат. Тогда – что же?..

Так вот, ни пистолетом, являющимся личным оружием самообороны в ближнем бою, ни тем более пулемётом пистолет-пулемёт назвать нельзя. Ибо это самостоятельный вид оружия. По сути, автоматический карабин, то есть облегчённая винтовка с укороченным стволом, способная стрелять очередями. Тогда при чём здесь пистолет? Ещё проще: пистолет-пулемёт конструировался под пистолетный патрон. Это позволяло использовать более простую и дешёвую технологию производства оружия при высокой надёжности, меньших габаритах и массе. И всё это при высоком темпе стрельбы (до 1 000 выстрелов в минуту!) в сочетании с почти неощутимой отдачей. Своего рода маленький пулемёт, стреляющий на близкое расстояние пистолетными патронами. Мечта любого оружейника!

Принципиальное отличие автомата как такового (иногда его ещё называют штурмовая винтовка) от пистолета-пулемёта заключается лишь в одном: последний заряжается пистолетными патронами, в то время как автомат – так называемыми промежуточными (между винтовкой и пистолетом) патронами. Таким образом, пистолет-пулемёт, по большому счёту, является тем же автоматом. Вот и вся разгадка. Поэтому не смущайтесь, называя ППШ автоматом.

* * *

Путь от батрака до Великого Конструктора был непрост и тернист. Батрацкое детство, полуголодная жизнь в многодетной семье, проживавшей в деревне Ключниково под Ковровом, три класса церковно-приходской школы, поездки с дедом на заработки, возчик на Нечаевском стекольном заводе – вот и вся “школа” и “университеты” знаменитого оружейника. Хотя нет, будут в жизни Георгия Шпагина и другие университеты.

В мае 1916 года паренька мобилизовали в армию. Здесь не обошлось без накладок. Ещё в юности Егор, как все его звали, серьёзно повредил кисть, вследствие чего новобранец вместо передовой оказался в оружейной мастерской 14-го гренадёрского грузинского полка, где стал слесарем-оружейником. И вот тут повезло, ибо оружейной мастерской руководил опытный тульский мастер Яков Дедилов. С этого времени начинается новая страница в жизни будущего известного конструктора. Заметив интерес Шпагина к станковым пулёметам, Дедилов, ставший его первым учителем, не раз повторил:

– Тебе, Егор, сам Бог велел быть оружейником. У тебя и фамилия соответствующая – Шпагин. Не каждому такое даётся... Вот кончится война – приезжай ко мне в Тулу; из тебя выйдет знатный мастер-оружейник...

У Шпагина, и правда, многое получалось. Оказавшись в оружейной мастерской, он словно обрёл второе дыхание: к чему ни прикоснётся – всё доводит до ума. Любовь к конструированию и наблюдательность помогали сравнивать отечественные образцы оружия с иностранными.

Позже, вспоминая те дни, Георгий Семёнович скажет: “Я попал в обстановку, о которой мог только мечтать. В мастерской часами знакомился с различными образцами оружия, отечественными и иностранными. Передо мной открылся интереснейший раздел артиллерийской техники, при виде которой я чувствовал примерно то же, что умирающий от жажды перед родником ключевой воды”.

После демобилизации Шпагин уезжает в родную деревню, где вскоре женится на своей односельчанке Евдокии Дёминой. Трижды пришлось вчерашнему служивому свататься к своей Дуняше, чтобы добиться благосклонности её отца, зажиточного крестьянина – торговца дёгтем, не желавшего до поры

до времени видеть в зятях бывшего батрака. Да не на того напал! Характер у Шпагина оказался железным, как и то дело, которым он занимался.

Только зажили — началась гражданская война. Женатого крестьянина призвали в Красную армию; вскоре он был назначен оружейником 8-го стрелкового полка, расквартированного во Владимире.

Едва угасли всполохи гражданской, Георгий Семёнович поступает слесарем в опытную мастерскую Ковровского завода. Лишь по прошествии времени Шпагин поймёт, как сильно ему тогда повезло: техническим директором мастерской был создатель первого в мире автомата (образца 1916 года) Владимир Григорьевич Фёдоров; а проектно-конструкторское бюро по разработке автоматического оружия возглавлял известный оружейник Василий Алексеевич Дегтярёв.

Очень быстро на молодого оружейника обратили внимание. Что бы ни делал Шпагин, во всё привносил он частичку своего творчества: если деталь казалась ему тяжёлой — облегчал; большой — уменьшал, избавляясь от лишних заклёпок, сочленений, тяжеловесных элементов... Искусство заключалось в другом: шпагинские рацпредложения значительно улучшали как прочность конструкций и их долговечность, так и тактико-технические свойства изделий. Примером может служить созданный в 1922 году совместно с Фёдоровым 6,5 мм спаренный ручной пулемёт, который позже предложат установить в танке на раме с шаровой турелью. Однако последняя оказалась чрезвычайно сложной и громоздкой. Тогда за дело опять-таки взялся Шпагин: убрав более сорока деталей (!), он существенно изменил всю шаровую систему.

В 1929-м — очередная новинка от Шпагина: в паре с Дегтярёвым он создаёт шаровую установку для пехотного пулемёта ДТ в танке. Позже конструктор, не прибегая к существенным переделкам пулемёта Дегтярёва, сконструирует безотказно действующую систему подачи патронов, существенно увеличив его скорострельность. В результате новому пулемёту присвоят имя обоих конструкторов, назвав его ДШК — “ДЕГТЯРЕВ и ШПАГИН КРУПНОКАЛИБЕРНЫЙ”. В феврале 1939 года пулемёт ДШК (образца 1938 года) будет принят на вооружение в войсках ПВО, РККА и ВМФ.

Но всё это станет неким прологом к главному изобретению конструктора — его пистолету-пулемёту, знаменитому ППШ. Однако путь к нему окажется не так прост...

* * *

Как рассказали мне в шпагинском музее, Георгий Семёнович был так увлечён конструированием своего детища, что в конце тридцатых по вечерам, находясь дома, вырезал из картона элементы изделия и склеивал их... оконной замазкой. Смекалка, конечно, отменная, заметил я, однако пришлось добавить: подобная находчивость явилась, скорее всего, мерой *вынужденной*.

Теперь поясню. В ноябре 1939 года части Ленинградского военного округа и Балтийского флота, перейдя финскую границу, развили наступление в глубь территории соседнего государства. В Кремле не могли мириться с тем, что вчерашний сателлит угрожал нашим северо-западным границам. “Колыбель революции” — Ленинград — оказалась в каких-то считанных километрах от ближайшего финского пограничного поста. Случись война, вчерашняя столица Российской империи пала бы первой. Началась так называемая Зимняя война.

Однако надежды на быстрый успех не оправдались. За несколько месяцев упорных боёв в финских заснеженных лесах забуксовали и были уничтожены пять советских дивизий. Потери личного состава и техники были колоссальны: более 130 тысяч — только погибших; счёт раненых, больных и обмороженных шёл на сотни тысяч (приблизительно полмиллиона); 650 танков, более полутысячи самолётов... И хотя необходимые территории были отвоёваны, победа оказалась воистину пирровой...

Финская кампания явилась хорошим уроком, который в период подготовки к последовавшей Великой Отечественной войне следовало хорошенько вызубрить. Ведь до этого никто не задумывался, что в *кирзовых сапогах* воевать зимой невозможно — нужны *валенки*; на бесплезные на морозе и сильном ветру *будёновки* нельзя было даже надвинуть каску... Из финской армии, ко-

торой командовал бывший царский конногвардейский генерал Карл Маннергейм, нами были заимствованы шапки-ушанки, меховые полушубки, ватники (тёплые брюки на вате), белые маскхалаты. А разведывательные лыжные батальоны противника, нанёсшие нашим войскам серьёзный урон, заставили командование РККА создать подобные и в Красной армии. Кстати, эти маневренные лыжные подразделения сыграли в последующем заметную роль в войне с гитлеровцами в зимних условиях.

Зимняя война стала некой рекогносцировкой для последующих испытаний. Кто знает, не случись финской кампании, удалось бы нам отстоять Москву в лютые морозы 1941 года?..

Но было ещё одно. Знаменитой русской винтовке Мосина в той войне было противопоставлено нечто новое – финский автомат “Suomi”. Выяснилось, что пистолет-пулемёт “Suomi” (образца 1931 года) с его 70-патронным дисковым магазином показал себя незаменимым оружием в ближнем бою. В финском пехотном полку находилось 72 единицы этого оружия (по два на каждый взвод), то есть столько же, сколько и ручных пулемётов. Конечно, говорить о том, что “Suomi” решил исход той войны, было бы явным преувеличением, ведь количество их в финской армии было весьма ограничено – порядка четырёх тысяч на все вооружённые силы Финляндии, что составляло сущий мизер*.

Зимняя война наглядно продемонстрировала возможности компактного автоматического оружия, в частности, в пограничных частях, а также в диверсионно-разведывательной работе. Ничего удивительного, что советские оружейники взяли трофейный автомат в разработку.

Держал ли в руках Георгий Семёнович Шпагин до изобретения своего пистолета-пулемёта финский “Suomi”? Вне всякого сомнения. Как и более ранний образец немецкого пистолета-пулемёта MP-18 – “шмайссер” времён Первой мировой. Внешний вид “финна” и ППШ подтверждает: автоматы очень схожи. Нет, они не близнецы, но явно “братишки”, как германский “штурмгеввер” и советский АК-47. И вот вопрос: не является ли подобная схожесть этаким плагиатом?

Никоим образом. В военно-промышленной гонке подобного термина не существует; зато действуют свои законы и правила, основное из которых гласит: изобретать повторно велосипед бессмысленно. Поэтому задачей любого оружейника является усовершенствование этого самого “велосипеда” настолько, насколько возможно. Каменный топор, изобретённый кем-то для разделки туш, когда-то тоже был новинкой, пока не появился бронзовый; и так – вплоть до изобретения... мясорубки.

А теперь зададимся вопросом: отчего это вдруг конструктор-оружейник после работы (дома, вечерами) начинает возиться с какими-то картонками и оконной замазкой? Почему бы этим ему не заняться в конструкторском бюро – с рейсшиной и ватманом, в окружении коллег? То есть там, где были созданы все условия для полноценной работы? Скорее всего, для этого имелись свои причины, причём, надо думать, достаточно веские. Предположим, что в конструкторском бюро Шпагин работал над чем-то одним, а его пытливый ум изобретателя был занят совсем другим. Чем же?

Ответить на этот вопрос нам помогут... мемуары. Надеюсь, двух источников будет вполне достаточно, тем более что слова цитируемых мною ниже уважаемых персонажей касаются одного и того же – финского пистолета-пулемёта “Suomi”.

Из книги Главного маршала артиллерии Николая Николаевича Воронова “На службе военной”:

“Ещё в начале тридцатых годов нами был приобретён образец автомата “Суоми” и даже испытан комиссией специалистов по пехотному оружию. Комиссия вынесла решение: это полицейское оружие, для боевых действий войск непригодное. Конструирование и производство подобных автоматов сочтено было делом лишним. Советский конструктор В. Г. Фёдоров по собст-

---

* Основным стрелковым оружием финских военнослужащих, как, впрочем, и красноармейцев, являлась модернизированная винтовка Мосина; да и гитлеровцы в годы Великой Отечественной войны в массе своей воевали не с автоматами, а с карабинами Маузера образца 1935 года.

венной инициативе в те годы создал маломощный автомат с патроном револьвера “наган”. После испытаний этот автомат также забраковали.

Теперь, столкнувшись с широким применением автоматов в финской армии, мы горько сожалели об этих просчётах.

Недооценка автомата объяснялась тем, что наши общевойсковые командиры слепо верили в силу одиночного винтовочного огня и боялись большого расхода боеприпасов. Многие говорили, что красноармейцу нельзя давать автоматическую винтовку, иначе патронов для неё не напасёшься. Идеальной считалась винтовка системы Мосина со скользящим затвором для ручного перезарядки после каждого выстрела. Надеялись на ручные и станковые пулемёты, которые имели хорошие баллистические качества, но излишне большой вес.

Теперь, уже во время боевых действий, началось лихорадочное конструирование и производство советских автоматов. Наш первенец – пистолет-пулемёт Г. С. Шпагина (ППШ) – с большой любовью был встречен в войсках**.

А сейчас обратимся к асу военной разведки и контрразведки – генерал-лейтенанту НКВД Павлу Анатольевичу Судоплатову:

“Накануне войны был назначен новый резидент в Финляндии – Елисей Тихонович Сеницын. В отличие от Рыбкина, он был одновременно и временным поверенным в делах СССР, то есть исполнял обязанности посла. Сеницын закончил разведывательную школу, <...> в совершенстве владел немецким языком и проявил незаурядные способности к агентурной работе. <...>

С Сеницыным связан ещё один важный эпизод в истории разведки. Ему удалось установить наличие нового стрелкового оружия в финской армии. Это были знаменитые автоматы “Суоми”, которые имели довольно плотное огневое покрытие. Они были особенно эффективны для боевых действий в лесных массивах. Нам удалось по ориентирам Сеницына через Швецию вывезти образцы автоматов в СССР. Однако когда об этом доложили, правительство расценило эту информацию как желание НКВД вооружить свои войска автоматическим оружием. Наркомат обороны вынес заключение: автоматы являются эффективным оружием только для правоохранительных органов. Навероятно, но это так: никому не пришлось в голову немедленно использовать их для перевооружения стрелковых войск нашей армии накануне войны***.

Сопоставив прочитанное, обнаруживаем некую нестыковку. Так, судя по воспоминаниям Н. Н. Воронова, “Suomi” “был приобретён” в начале тридцатых годов***. Напомню, комкор Воронов был назначен начальником артиллерии РККА лишь в июне 1937 года (сменил на этом посту расстрелянного по делу Тухачевского комдива Роговского), а в начале тридцатых он командовал артиллерийским полком, чуть позже был начальником 1-й артиллерийской школы. Вряд ли комполка и даже начальник артшколы мог держать в руках иностранную новинку. Генерал Судоплатов уверяет, что “Suomi” (с большим трудом, через Швецию) удалось вывезти уже в ходе финской кампании (полпредом Сеницын был командирован в Финляндию в ноябре 1939 года). Расхождение налицо. Кому верить?

На первый взгляд, конечно, маршалу артиллерии, который в вооружении разбирался наверняка лучше кого-либо; да и книгу воспоминаний писал в начале шестидесятых – на три десятка лет раньше именитого разведчика. С другой стороны, у генерала Судоплатова имелось существенное преимущество: его мемуары написаны в годы “перестройки”, когда уже можно было говорить, что называется, начистоту, называя вещи своими именами.

В любом случае, выводы напрашиваются сами собой. Первый: в начале тридцатых руководству РККА был представлен, скорее всего, не сам пистолет-пулемёт “Suomi”, а его чертежи; трофей как таковой был доставлен в Москву лишь в ходе финской кампании. И второй: роль автомата в современной войне руководство РККА поначалу явно недооценило; на зарубежную новинку просто-напросто закрыли глаза!

* Воронов Н. Н. На службе военной. М., Воениздат, 1963. С. 136-137.

** Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., “ОЛМА-ПРЕСС”, 2001. С. 92, 94-95.

*** По одной из версий, чертежи автомата “Суоми” в 1933 году передал советским спецслужбам финский офицер Вилхо Пентикяйнен. Однако в мемуарах Судоплатова об этом ни слова.

В мемуарах Воронова есть ещё одна подсказка, вчитаемся: “Советский конструктор В. Г. Фёдоров по собственной инициативе в те годы создал мало мощный автомат с патроном револьвера “наган”...”

И сразу встречный вопрос: почему это известный оружейник Владимир Григорьевич Фёдоров (к слову, генерал-майор царской армии, с 1943-го – генерал-лейтенант Советской армии) в те годы занимался конструированием автомата “по собственной инициативе”? Думаю, ответ только один: да потому, что она, эта самая инициатива, исходила исключительно снизу, но не сверху – из Артуправления, наркомата или Кремля. Оттуда, скорее, летело нечто обратное: например, устные запретительные указания в отношении автоматического оружия и в то же время – рекомендательные в адрес винтовки Мосина и её усовершенствования. Ослушаться в те годы было себе дороже; вот оружейники и вынуждены были ломать голову по ночам, “по собственной инициативе”.

Серьёзно взглянуть на “Suomi” заставили события советско-финской кампании. Когда “молниеносная” война обернулась трагедией, в Кремле забеспокоились...

В отличие от “пламенных марксистов-ленинцев”, того же наркома Ворошилова или тов. Мехлиса, убедивших Сталина, что мосинской винтовкой воевать сподручнее и, главное, экономнее, Шпагин, будучи к тому времени опытным оружейником, быстро смекнул, что в будущей войне автомат может сыграть не последнюю роль, став надёжным оружием советского солдата.

Георгию Семёновичу Шпагину “финн” очень понравился. Если бы его существенно облегчить (слишком тяжёл: семь килограммов) и увеличить дальностью стрельбы – цены бы такому автомату не было! А семьдесят патронов в магазине – да это же мечта любого солдата в бою*. Вот откуда все эти картонки и оконная замазка; и кропотливая работа не в конструкторском бюро, а дома, подальше от посторонних глаз. Теперь понятно, что Шпагин (впрочем, как и Фёдоров) корпел над пистолетом-пулемётом всё по той же “собственной инициативе”.

И, работая на опережение, конструктор оказался прав. Ещё не стихли выстрелы последних сражений, а советским оружейникам уже летит команда: нужен отечественный автомат не хуже финского! С артиллерийских складов извлекаются и отправляются в войска сражавшиеся в Карелии дегтярёвские пулемёты ППД и автоматические карабины Фёдорова. Однако их явно недостаточно. Кроме того, старое автоматическое оружие на поверку оказалось маломощным и не отвечало требованиям текущего момента.

Тут-то Шпагин и предъявил своё детище, которое, пройдя все комиссии, не без “шероховатостей” выиграло конкурс на самый лучший пистолет-пулемёт того времени. И это, действительно, было так...

Но не всё так просто.

Дело в том, что Василий Дегтярёв, несмотря на хорошие отношения со Шпагиным, поначалу вообще отверг саму идею штамповки автоматического оружия. Ходили слухи, когда Георгий Семёнович предложил ему подобную методику, тот даже не стал слушать, настолько она показалась ему абсурдной. Хотя, подумав какое-то время, позже подошёл к Шпагину и сказал:

– Ну, где твой макет? Давай сюда...

И лично отвёз макет будущего ППШ в Главное артиллерийское управление.

Самой серьёзной “шероховатостью” для Шпагина стал представленный комиссии пистолет-пулемёт конкурента в лице оружейного конструктора Бориса Шпитального (создатель 7,62 мм скорострельного авиационного пулемёта ШКАС и 12,7 мм авиационного пулемёта ШВАК). Однако пехотное оружие Шпитального почти на килограмм оказалось тяжелее шпагинского, сложнее в производстве и дороже. Это и решило исход конкурса...

* * *

ППШ-41, как называли “детище”, получился на славу! Впервые был создан образец стрелкового оружия, в котором большинство металлических деталей изготавливалось методом холодной штамповки с применением точечной и ду-

---

* Для справки: финский “Suomi” был разработан под патрон 9x19 мм германского Parabellum’a; ППШ-41 – под отечественный патрон 7,62x25 мм ТТ.

говой электросварки. Лишь ствол, в частности, его канал приходилось доводить на металлообрабатывающих станках. И это был настоящий прорыв! Производство не требовало применения легированных сталей и специального инструмента. Всё это, как и минимум резьбовых соединений, делало изделие вполне доступным для массового изготовления даже на неспециализированных машиностроительных заводах. При сборке рабочими невысокой квалификации на изготовление пистолета-пулемёта затрачивалось времени в два раза меньше, чем того требовал отечественный пулемёт Дегтярёва; да и немецкий автомат МР-40 (он же автомат Фолмера, за которым, по аналогии с первым германским автоматом из серии “МР”, прочно закрепилось название “шмайссер”) собирался намного дольше. Таким образом, преимущества новинки были налицо.

Новое стрелковое оружие отвечало основным требованиям, предъявляемым к отечественному пистолету-пулемёту: при относительной дешевизне производства была достигнута высокая скорострельность – в среднем до 1 000 выстрелов в минуту (для сравнения: за то же время из винтовки Мосина можно было произвести только 3 прицельных выстрела). Пистолет-пулемёт Шпагина был снабжён предохранителем и секторным прицелом, а также двухрежимным переводчиком огня, стрельба велась как одиночным огнём (эффективность до 300–350 м), так и короткими очередями (до 200 м). К слову, германский МР-40 мог вести огонь только очередями, что вело к перерасходу патронов. Лёгкий, удобный, неприхотлив и даже... красив. Да-да, кто-то тут же прозвал русскую новинку “курносый задирай”, хотя фронтовики окрестили его по-своему – “папашей”. Оружие разбиралось всего на 5 частей, что позволяло красноармейцам его быстро осваивать; при этом он хорошо заряжался и разряжался...

Круглый барабанный магазин ППШ вмещал 71 патрон, что в ближнем бою делало его незаменимым. Опять же для сравнения: магазин немецкого “шмайссера” вмещал патронов намного меньше – 32; да и стрелял он похуже – не далее двухсот метров.

И это оказалось личной победой конструктора Шпагина! Остальное, знал он, окупится сторицей. В этом Георгий Семёнович ничуть не сомневался. Как и в том, что эта его маленькая победа станет прологом другой – той, которую потомки назовут **Великой Победой**.

21 декабря 1940 года постановлением Комитета Обороны 7,62 мм пистолет-пулемёт системы Шпагина (ППШ-41) калибра 7,62 был принят на вооружение РККА. Самому конструктору за его изобретение было присвоено звание лауреата Сталинской премии.

Первоначально ППШ производился на бывшем заводе скобяных изделий в подмосковном Загорске. Однако с началом Великой Отечественной войны правительством было принято решение об эвакуации Загорского завода в рабочий посёлок Вятские Поляны Кировской области. Вместе с эвакуированным заводом туда с семьёй переехал и Георгий Семёнович Шпагин. С приездом в Вятские Поляны начались тревожные военные будни главного конструктора завода по выпуску столь необходимой фронту и стране продукции – стрелкового оружия.

Эвакуация подмосковного завода была проведена хоть и спешно, но достаточно организованно: за срыв операции каждый из ответственных лиц рисковал в прямом смысле головой. Вагоны эшелона располагались в строгой последовательности – для того, чтобы работа по разгрузке и дальнейшей установке станков в цехах заняла как можно меньше времени.

Стоит ли говорить, что главный конструктор все дни и ночи проводил в цехах завода. Враг рвался к Москве и Ленинграду, силы были неравны – на мощь Вермахта горбатилась вся Европа. Каждый день просрочки, понимал Шпагин, мог обернуться трагедией для страны. Как вспоминали дочери Георгия Семёновича, в первые дни на новом месте им было очень непривычно видеть своего отца в сапогах, на которые были надеты резиновые калоши, привязанные к сапогам верёвкой.

– Грязюка такая, что только так и можно пройти, – улыбался он в ответ на удивлённые взгляды дочерей.

Уже к концу 1941 года “шпагинский конвейер” работал, как отлаженный механизм. Следует заметить, живой механизм. У конвейера наравне с мужчинами стояли женщины и подростки.

Чем дальше от нас война, тем бесценнее воспоминания тех, кто помнит ту героическую эпоху. Начиная с определённого возраста, удивить чем-то достаточно трудно, хотя и случается. И раньше мне приходилось слышать и читать, как женщины и подростки в военные годы “ковали Победу”; о безотцовщине; о чём-то голодном детстве – с гнилой картошкой и лаптями... Но всё это было слишком далеко; как-то неощутимо и недостижимо, что ли. И вдруг...

Вспоминает Нина Алексеевна Феоктистова:

“В ноябре сорок второго я пошла на завод. И сразу угодила в сборочный цех, где меня определили гравировщицей. Занималась тем, что гравировала номера на ствольх ППШ. Росточком-то маленькая была, ребёнок совсем. Поэтому мне подставляли под ноги ящичек, на который я, встав, могла дотянуться до детали, то есть до ствольной коробки. У меня в руках была электрическая ручка, которой я выбивала индивидуальный номер детали. Изделие двигалось по конвейеру в разобранном виде. Моя подруга, Рита Рябова, которая постарше была, в девках уже, работала рядом, она специальным молоточком клеймила ствольную коробку и, в отличие от меня, сидела на табурете. Лента конвейера медленно двигалась, вдоль неё рядом со мною сидело ещё несколько подростков...

Завод работал в две смены. Работать приходилось много, наравне со взрослыми, по двенадцать часов. В пересменки – все восемнадцать. Что такое пересменка? Это когда, скажем, из ночной смены тут же переключались на дневную. Домой уже не идёшь, отдыхаешь там же, в цехе; приходилось спать под конвейером, а куда деваться-то? Домой идти нет времени. Потом – вновь за дело. Зато опять-таки наравне со взрослыми получали и продуктовые карточки: крупа, семьсот граммов хлеба, масло... Летом на работу ходили пешком, босиком. Представьте, всю дорогу от станции до завода босиком... А городского транспорта не было. И у станка стояли босые.

И вот однажды вышел приказ директора завода, запрещавший находиться на рабочем месте босым. Строгий запрет! Собралось нас десятка два гавриков и стали ломать голову: как быть? Мы были бы не мы, если б чего-нибудь не придумали. Разбрелись по территории завода в поисках бросовой рабочей обуви – старья всякого. Так вот и “обулись”. Но план не сорвали!

Под руководством признанного передовика производства Николая Пантелеевича Мисника на заводе была создана так называемая первая фронтовая комсомольско-молодёжная бригада. Работали ударно, жили очень дружно, ведь перед глазами был лозунг: “Всё – для фронта, всё – для победы!”... А то, что победим, – ничуть не сомневались!

С Георгием Семёновичем Шпагиным познакомилась где-то через месяц после того, как пришла на завод. Помню, была ночная смена. Стою на своём ящике, а тут подходит начальник цеха в сопровождении невысокого мужчины – это и был Шпагин. Встали у конвейера, внимательно следят за работой. Потом Шпагин подошёл ко мне, обнял:

– Ящик-то подобрали в самый раз, – повернулся он к начальнику цеха. Потом обратился ко мне: – Откуда ты, девочка?

– Со станции, колхозники мы... Тяжело стало без отца-то, умер ещё до войны, вот и пошла на завод, – бойко отвечаю ему.

– Что хотела бы? – поинтересовался он.

– Поесть бы... Да выспаться хорошенько.

– Держитесь, детки, – вздохнул Шпагин. – Вот кончится война, одолеем немца, тогда и наедитесь досыта, и выспитесь. Да и вообще, жизнь у вас, у молодёжи, совсем другая будет – счастливая...

Уже отходя от меня, вновь повернулся к начальнику цеха:

– А почему подросток работает без очков?!

Тот встрепенулся:

– Исправим...

Позже Шпагин много раз приходил к нам, подросткам; в основном, появлялся по ночам. Невысокий росточком, остроносенький, русоволосый. Ста-

рался подойти к каждому — что-то подскажет, подбодрит. Иногда кому-нибудь давал талон на бесплатный обед в заводской столовой. Одевался скромно: летом — в полувоенной форме, брюках-галифе, направленных в сапоги; зимой — в пальто опять же полувоенного образца или кожаном плаще, на ногах — белые бурки, на голове — серая папаха... Постепенно мы к конструктору как-то попривыкли, стали здороваться. Чувствовалось, что Георгий Семёнович очень любил детей, тянулся к ним...

Вспоминая те годы, скажу: много горя принесли нам эти фашисты. Как мы все хотели кушать! Только об этом и думали — где бы поесть. Летом, конечно, было легче; в еду шло всё: крапива, щавель, лебеда — на ура! Однажды сильно провинилась. Хлеб, который выдавали на заводе, приносила домой, маме. А уж она сама его на всех распределяла. И вот как-то ужасно проголодалась и, не выдержав, одним махом съела весь хлеб... Пришла домой, мама спрашивает: “А хлеб-то где?” А мне и сказать ей нечего. До сих пор не могу забыть...

А с обувью-то мы вопрос потом решили: стали в лаптях ходить. Молодые ребята, приехавшие в Вятские Поляны с заводом из Загорска, над нами посмеивались: “Какие странные у вас, девчонки, туфли в клеточку...” А нам-то что? Зато в передовиках ходили, гордились! Все комсомольцами были...

Что после такого можно сказать? Только одно: смахнув навернувшуюся слезу, молча поклониться. А ещё, вспомнив слова Шпагина, искренне поблагодарить: **“Спасибо вам, детки...”**

* * *

Отдых в кругу семьи приносил спокойствие.

Рассказывает Надежда Борисовна Шпагина, внучка Г. С. Шпагина:

“По воспоминаниям мамы, семья у них была дружная; каждый помогал и поддерживал друг друга. Бабушка, Евдокия Павловна, была отличной хозяйкой. У неё было красивое, открытое лицо — лицо истинной русской женщины. Много трудилась как по дому, так и по хозяйству вообще — в огороде, со скотиной... Насколько знаю, одно время они держали хрюка Борьку и корову. Вставали с рассветом — и за работу. У дедушки, Георгия Семёновича, была лодка, с которой он рыбачил на Вятке. Ну, и охотником считался знатным — не дело оружейнику быть плохим стрелком.

Из еды дедушка обожал вятские пельмени, пироги с капустой, мясом и грибами. Бабушка готовила вкусные щи из квашеной капусты и сухих грибов.

Внешне дедушка был худой, среднего роста, со светлыми волосами и красивыми серыми глазами. Любил возиться с железяками и при этом был хорошим столяром. А уж как песни пел! Если, скажем, запевал “Хасбулат удалой”, так пока все двадцать с лишним куплетов не споёт, не успокоится. Обожал русские романсы: “Хризантемы”, “Пара гнедых”, “Не уходи, побудь со мной...”. Из дочерей его любимицей считалась моя мама, Евгения Георгиевича, которая на него, к слову, очень походила; бабушке ближе была Наталья — шустрая, боевая была и притом домовитая, со временем хорошей помощницей по хозяйству стала. Хотя, сказать по правде, родители сильно любили всех, а дедушка старался ещё и баловать.

Не следует забывать, что годы были тяжёлые. Вся одежда в семье шилась; что не донашивали старшие дети, доставалось младшим, так сказать, по наследству; аналогичным образом обстояло дело и с обувью. Жили очень скромно. Кстати, эта скромность передалась и следующим поколениям Шпагиных — дочерям и внукам. К хлебу в семье относились, как к величайшей святыне; бабушка обычно пекла его сама.

Изредка дедушка приводил домой какого-нибудь гостя. Человек непьющий, тем не менее в такие минуты первое, что он говорил хозяйке, было: “Сходи-ка за чекушкой”. Бабушка с пониманием кивала и... доставала из только ей известного местечка небольшую четвертьлитровую бутылку, прозванную местными “чекушкой”, и ставила её на стол. И при этом хорошо знала, что после какого-то времени дедушка попросит ещё одну такую же. Поэтому у бабушки всегда “на всякий случай” хранились две “чекушки”. И вот однажды по этому поводу произошёл конфуз. Дедушка привёл гостя, потребовал от жены “чекушку”; та выставила. Когда понадобилась вторая, бабушка

и говорит: “А больше нет”. – “Как это нет?” – спросил дедушка. Он был так удивлён и озадачен этим обстоятельством, что с тех пор бабушка про заветные две “чекушки” никогда не забывала... Что и говорить, Евдокия Павловна была, что называется, “мужнина жена”...”

Хорошими словами вспоминают в Вятских Полянах и дочерей Георгия Семёновича и Евдокии Павловны, воспитанных родителями скромными и прилежными.

“Я хорошо помню младшую дочь Шпагиных – Марусю, – рассказывает жительница г. Вятские Поляны Мальвина Андреевна Попугаева. – В школе мы называли её Мусей. Я с ней училась в одном классе, и мы даже были подругами и сидели за одной партой. Обычная девочка, невысокого роста, с русыми волосами; училась хорошо, как и большинство из нас. Да и одевалась, как все мы, простенько. Хотя, помню, у неё было оригинальное пальто – с капюшоном и муфтой. Ни у кого из нас в те годы ничего подобного не было. Муся никогда не выпячивалась, со всеми вела себя ровно, была хорошей подругой. Здесь же, в Вятских Полянах, она закончила десятилетку.

Если говорить в целом о семье Шпагиных, это была простая, хорошая семья. Обстановка в доме – очень скромная; на столе – никаких деликатесов; жили без всяких излишеств. Мама у Муси была очень приветливой и дружелюбной женщиной; Георгий Семёновича видела редко...”

* * *

Действительно, главного конструктора в городе видели нечасто, ведь большую часть времени он проводил там, “за стеной”, как называли жители высокий забор строго засекреченного военного завода.

А работы было много. С фронта стали приходиться первые отзывы о пистолете-пулемёте. Хорош был “папаша”, но использование его непосредственно в деле, как это часто бывает, выявило всякого рода недостатки. Больше всего нареканий шло в адрес барабанного магазина, который из-за его большой вместимости оказался слишком тяжёл, да и, жаловались, громоздок. Кроме того, магазины ППШ-41 требовали индивидуальной подгонки. К каждому экземпляру пистолета-пулемёта прилагалось по два индивидуальных диска. И это было не совсем удобно: потеряйся магазины – впору выкидывать и само оружие; чтобы воспользоваться магазином товарища – не могло быть речи: не подходил. Правда, нашим фронтowym кулибинам под силу было и не такое, а уж сделать магазин универсальным – пара пустяков! Тем не менее... Кроме того, имелись некоторые проблемы с предохранителем. При ударе прикладом о землю или о твёрдый предмет зачастую происходили самопроизвольные выстрелы. Выявились и прочие не самые лучшие стороны ППШ. И со всем этим следовало что-то делать.

Шпагин не растерялся, и в кратчайшие сроки его конструкторское бюро устранило все недостатки. С февраля 1942 года барабанный магазин пистолета-пулемёта Шпагина постепенно заменяется секторным на 35 патронов, изготовленным из стального листа толщиной 0,5 мм. Однако фронтная обкатка новинки выявила его недостаток: тонкая сталь часто подвергалась деформированию. И снова – бессонные ночи и изматывающие эксперименты. Уже в 1943 году секторные магазины ППШ выпускаются из стального листа толщиной 1 мм, что обеспечило их безотказность. А хромирование канала ствола пистолета-пулемёта позволило повысить живучесть оружия.

Однако любое усовершенствование должно было преследовать ещё одну цель – максимальное удешевление производства. Формула “дешевле – и лучше”, по сути, является двигателем любого новатора. И здесь Георгий Семёнович преуспел: внедрение конструкторским бюро под его руководством существенных изменений производства пистолета-пулемёта позволило снизить себестоимость ППШ с 500 рублей в 1941 году до 142 рублей в 1943-м. И это явилось очередной крупной победой как лично Шпагина, так и всего коллектива завода.

Один случай из жизни Георгия Семёновича Шпагина в Вятских Полянах его потомки вспоминают особенно часто. А произошло следующее: зимой

1942 года Шпагин... исчез. Нет, его не вывез тёмной ночью энкавэдэшный “воронок” – конструктора вызвали в Москву, к тов. Сталину. И вот после отъезда в столицу Шпагин пропал. Прошла неделя, другая, а его всё нет. Тревозно потянулась третья... Ни слуху, ни духу... Что такое в то время было оказаться на приёме у вождя, было хорошо известно.

“Мы были все перепуганы, – вспоминала дочь конструктора Наталья Георгиевна. – Причина вызова была никому не известна. Только через три недели папа вернулся в Вятские Поляны и... на машине “эмка”. Это был личный подарок т. Сталина за разгром немцев под Москвой. Папа гнал машину сам своим ходом”*.

Добавлю лишь, что шпагинская “эмка”, как подсказали в Доме-музее Г. С. Шпагина, стала первым легковым автомобилем в Вятских Полянах...

* * *

Работая на Вятскополянском заводе, Георгий Семёнович был занят не только пистолетом-пулемётом. Им был сконструирован 26-миллиметровый сигнальный пистолет ОПШ-1 (принят на вооружение в 1943 году; доработанный вариант – СПШ-2), а в 1944 году – 40-миллиметровая ракетница для распознавания самолётов в воздухе.

Однако о своём “детище” конструктор не забывал. В конце войны Шпагин на основе ППШ-41 и ППШ-42 создал новый образец пистолета-пулемёта, представлявший собой цельнометаллический вариант с вкладным сложносочленённым прикладом; была изменена конструкция предохранителя, питание – из секторного магазина на 35 патронов; секторный прицел – до 500 метров...

Но и это не всё. Конструктор много работал с трофейным оружием. В ответ на германские автоматы с “кривым стволом”, созданные для экипажей танков с целью борьбы с гранатомётчиками противника в так называемых “мёртвых зонах”, он разработал оригинальный вариант своего ППШ-41 с искривлённым каналом ствола.

В Кремле высоко ценили труд знаменитого конструктора. В феврале 1942 года Г. С. Шпагин был награждён орденом Ленина. В августе 1944 года Георгий Семёнович награждается вторым орденом Ленина, а в ноябре того же года – орденом Суворова второй степени.

Победу над гитлеровской Германией Г. С. Шпагин встретил на своём боевом посту – на военном заводе в Вятских Полянах.

Вспоминает Мальвина Андреевна Попугаева:

“Георгий Семёнович Шпагин запомнился мне как простой и общительный человек. Хорошо помню его выступление с заводской трибуны девятого мая сорок пятого года. Измученные войной люди ликовали: Георгий Семёнович поздравлял всех с великой Победой...”

После войны Шпагин с семьёй остался жить в Вятских Полянах и неоднократно выступал в школах, пионерских лагерях. В бытность мою пионервожатой в пионерлагере мы принимали знаменитого конструктора в почётные пионеры и повязывали ему на шею красный пионерский галстук...”

В сентябре 1945 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Георгию Семёновичу Шпагину звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали “Серп и Молот”. Был отмечен и коллектив Вятскополянского машиностроительного завода, который был награждён орденом Ленина.

То была награда Родины за подвиг во имя Победы...

* * *

И всё же Георгий Семёнович Шпагин оставался простым человеком. Одним из его страстных увлечений была охота: зимой – на зайца с гончими, весной и осенью – на уток. Как рассказывают, в те годы на заводе сложилась дружная компания охотников. Будучи фанатом оружейного дела, Шпагин был

* Из фондов Вятскополянского исторического музея.

непревзойдённым стрелком. Хотя на охоту выезжал больше для того, чтобы развеяться, собраться с мыслями, нежели ради убийства как такового.

Из воспоминаний Виктора Ивановича Недорезова, жителя г. Вятские Поляны:

“Впервые с Георгием Семёновичем Шпагиным я встретился в сорок девятом году, мне тогда шестой годок шёл. Маленький был, но всё хорошо помню. Наша деревня Новотроицк Кукморского района Татарии располагалась в двадцати километрах от Вятских Полян. И вот как-то по осени, ближе к октябрьским праздникам, приезжают трое – Шпагин, Ледовский, начальник заводского бюро рацпредложений, и главный инженер завода Петров. Сказали, что приехали поохотиться. А дома – только дед с бабушкой да я, мальчонка. Гостям у нас понравилось: хорошо, просторно, для всех места хватит. А тут ещё дед им и говорит: хорошая, мол, может быть в этих местах охота, зайцев – уйма! И правда. Те вошли за околицу и вскоре вернулись с двумя убитыми зайцами. Решено, говорят, остаёмся у вас... Трофеи отдали бабушке, попросили потушить. Сами снова отправились на охоту. Вернулись – уже и ужин готов: на столе тушёная зайчатина с картошечкой в двенадцатилитровом чугушке. Гости довольны, тем более что принесли ещё нескольких зайцев и лисицу. Потом стемнело. А света у нас в деревне не было, пользовались керосиновой лампой. Топилась русская печь и ещё “буржуйка”. Было тепло и уютно. В общем, в тот вечер Шпагин и его товарищи поужинали на славу. По крайней мере, по всему было видно, что они остались довольны.

После ужина Георгий Семёнович взял меня на руки и, посадив на колени, спросил:

– Москву видишь?

– Не-а, – замотал я головой.

– Вырастешь – увидишь, – сказал, засмеявшись, Шпагин. – Очень красивый город...

Больше в тот год о Шпагине ничего не помню. Дедушка говорил, что охотники обещали приехать ещё...

В следующий раз Шпагин приехал к нам ровно через год, тоже в октябрьские. И привёз мне гостинец – круглое печенье в упаковке. Когда меня увидел – улыбнулся, протянул это самое печенье:

– Держи, Витя...

У нас в деревне ничего подобного я не видывал, поэтому принял угощение за игрушку. Бросил на пол и давай пинать и играть. Шпагин поднял пачку, достал печенинку и объяснил мне, что её нужно есть. Выхватив у него из рук всю пачку, я стремглав бросился в чулан и стал жадно поедать одну печенинку за другой. Не вышел из чулана, пока не съел всё.

В тот год Шпагин вновь охотился на зайцев. Много тогда трофеев принесли. И вновь был вечер у огня... Бабушка сидела рядом с охотниками и пряла пряжу. Георгий Семёнович увидел, чем она занимается, захотел сам сесть за прялку и попробовать. Та ему показала, что к чему, дала в руки веретено. Шпагин улыбнулся, взял веретено и принялся накручивать шерсть. И так это ловко у него получалось, что бабушка только дивилась:

– Лучше, чем у меня, Георгий, получается...

Потом охотники пошли в баню. Напарившись, они выбегали оттуда раскрасневшиеся, обтирались у овина снегом, которого в тот год было много. После бани пили чай из двухведёрного дедушкиного самовара. Надо сказать, вода у нас в деревне была отменная, родниковая – чистая, как слеза. Поэтому и чай – с малиновым листом, мятой – получился душистый. Гости пропотели, были довольны... Я тем временем залез в их машину и нажал на сигнал. Хотел подурачиться, но сильно испугался...

На следующий год, в пятьдесят первом, уже всё было не так. Стоял сентябрь месяц. Накануне дед с бабушкой Шпагина сильно ждали, да и отец – тоже.

– Георгий-то приедет, нет? – волновалась бабушка.

– Да приедет, приедет твой Георгий, – успокаивал её дед.

Шпагин приехал с новым директором завода Болтушкиным; был сезон охоты на водоплавающую птицу. Но не это главное. Главное было в другом: Георгий Семёнович был уже не тот. Он плохо выглядел, как-то осунулся, был не весел...

– Что-то грустный ты в этот раз, Георгий, – обратилась к Шпагину бабушка. – Случилось что?

– Да вот, сделали операцию... – вздохнул тот. – Только на самом деле... ничего не сделали. Вскрыли – да зашили...

Моего отца, инвалида войны, позже Шпагин устроил плотником в двадцать третий цех. Поэтому смерть легендарного конструктора явилась для нашей семьи личным горем – настоящим потрясением. Помню, отец пришёл домой, мнётся у двери, молчит. А мать ему:

– Вижу, уши красные! Опять, что ли, выпимши?..

А отец, чуть не плача, отвечает:

– Горе-то, горе великое... Умер Шпагин!..”

* * *

Болезнь навалилась внезапно. Георгий Семёнович давно привык к этим ноющим, изматывающим болям в области желудка, но у кого в те годы не было гастрита или язвы? Вот и со своей “мучительницей”-язвой он уже давно научился справляться самостоятельно: после небольшого количества спасительной соды на некоторое время наступало спокойствие. Следовало, как советовали доктора, съездить в санаторий на минеральные воды, но всё как-то не получалось. Хоть и закончилась война, а дел по-прежнему было невпроворот.

Однако с некоторых пор что-то там, внутри, изменилось. Всё реже помогала сода, не говоря уж о лекарствах, назначаемых местными докторами и даже московским светилами. Стало ясно: тянуть с язвой больше нельзя. Когда стал заметно худеть и слабеть, пришлось в который раз ехать в столицу. На этот раз – на операцию.

В Кремлёвской больнице конструктор попал в надёжные руки Прасковьи Николаевны Мошенцевой – хирурга, чей скальпель спас сотни человеческих жизней. Однако в случае со Шпагиным всё оказалось сложнее.

Из воспоминаний П. Н. Мошенцевой:

“В больнице, что в Сокольниках, лечился у меня Георгий Семенович Шпагин... Он был истинным самородком. Мне всегда казалось, что подлинные таланты чаще появляются не в столицах, а в провинции, из простого народа. Их никто не “двигает”. Всё достигнутое и созданное ими – плод личного таланта, ума, золотых рук. И как бы сегодня ни чернили прошлое, дорогу таким людям давала именно советская власть.

Взять хотя бы того же Шпагина. За свои изобретения он был награждён пятью орденами! Когда рассказывал, как в Кремле ему вручали третий по счёту орден Ленина, глаза его сияли.

Но Шпагин умирал. Мы знали, что у него рак желудка. На операцию решились только потому, что надеялись продлить жизнь, если что-то удалим.

Эта операция преследует меня постоянно. Вот и сейчас, как киноплёнку, прокручиваю все её детали. Сестра надевает мне на руки перчатки. Больной уже лежит на операционном столе. Анестезиолог ждёт указания начать наркоз. Больной засыпает. Начинаю обработку операционного поля...

– Скальпель, – в который раз произношу я. Делаю разрез... Специальными зажимами перевязываем сосуды... Огромная лампа над столом освещает операционное поле. Начинаю смотреть, что же у больного. У Шпагина желудок полностью поражен метастазами. Смотрим дальше. Но что толку? Вокруг желудка – сплошная опухоль. Невозможно что-либо сделать. Всё! Кончено! Операция бесполезна. Я зашиваю больного.

В такие минуты не хочется жить, наваливается что-то страшное и тёмное. Я беспомощна. Беспомощны все, кто рядом. Беспомощна медицина.

Шпагина перевезли в палату. Когда он пришёл в сознание, я сказала:

– Георгий Семёнович, всё, что могли, мы сделали.

Он не задавал вопросов. Видел по моим глазам, как прошла операция. Потом сказал:

– Прасковья Николаевна, не надо, не рассказывайте, не говорите ничего. Я вас благодарю за всё...

Вскоре он умер, ему было 55 лет...”*

---

* Мошенцева П. Н. Тайны Кремлёвской больницы, или Как умирали вожди. М., “Алгоритм: Эксмо”, 2013. С. 146-147.

Почти год Георгий Семёнович Шпагин боролся со страшным недугом, испепелявшим его изнутри: засиживался за чертежами, встречался с коллегами, рыбачил на Вятке и даже, как уже говорилось, ездил на охоту. Но в душе понимал: обречён.

Легендарный конструктор умер 6 февраля 1952 года в Москве. Вопрос о месте захоронения даже не обсуждался – только на Новодевичьем кладбище. Так распорядился Сталин...

У этого человека никогда не было трений с властями. Шпагин уважал ту власть – Советскую власть, – которая дала ему всё; да и он сделал для неё немало. А ещё этот человек страстно любил свою Родину.

Надежда Борисовна Шпагина, внучка Г. С. Шпагина:

“Дедушка был настоящим коммунистом. Помните фильм “Коммунист”? Вот это что-то от него... Георгия Семёновича очень уважал Берия. В годы репрессий никто из наших родственников не пострадал. Хотя, по правде, дедушка ходил буквально по лезвию бритвы. Зная о его хороших отношениях с Берией, некоторые знакомые, чьи родственники подверглись репрессиям и оказались за решёткой, обращались к нему за помощью. Интересно, что почти все, за кого дедушка ходатайствовал, рано или поздно оказывались на свободе. Так что за правду был готов рисковать собственной головой. И рисковал. Такой уж был – настоящий коммунист и настоящий человек. И всё это – при его удивительной скромности...”

Именно таким и останется в нашей памяти легендарный конструктор. Коммунист. Патриот. Человек, отдавший всего себя служению Родине.

Некоторые называют Шпагина полководцем тыла. Соглашусь, но только отчасти. Георгий Семёнович Шпагин – полководец переднего края. И это, на мой взгляд, вполне справедливо. Ведь когда в страну вторглись вражеские орды, первый ощутимый щелчок по звериному носу, помимо прочего, нанёс и его непобедимый пистолет-пулемёт.

Им и поклонимся – **КОНСТРУКТОРУ** и его скромному трудыге войны – Предвестнику Победы от Шпагина...

Автор благодарит за помощь в подготовке материала директора Вятскополянского исторического музея Пислегину Марину Юрьевну и заведующую Вятскополянским мемориальным Домом-музеем Г. С. Шпагина Анисью Фирзаильевну Халимову. А также В. И. Недорезова, М. А. Попугаеву, Н. А. Феоктистову, Н. Б. Шпагину и Г. И. Шушпанову.

ВАЛЕРИЙ ГУРОВ

ОПЕРЕЖАЮЩИЙ ПРОРЫВ

Заметки инженера-двигателестроителя

Мой школьный приятель Юрий Каминский в 1998 году выпустил уникальную книгу “Кремлёвские перелёты” (М., “Гласность”, 232 стр., 77 ил.). В ней обоснована определяющая роль Сталина – главного куратора авиации – в постановке проблемы опережающего достижения мирового рекорда дальности (РД) в авиационных перелётах. Сама книга посвящена Михаилу Михайловичу Грому, с которым её автор был знаком лично. Многие известные факты раскрыты в ней в непривычных ракурсах, в том числе по результатам доверительных бесед Юрия Каминского с командиром экипажа одномоторного самолёта АНТ-25, совершившего 12–14 июля 1937 года второй перелёт из Москвы в Америку через Северный полюс с установлением мирового рекорда дальности.

Как известно, первый перелёт был осуществлен 18–20 июня 1937 года экипажем Валерия Павловича Чкалова. Подготовка к нему и сам первый перелёт очень ярко описаны в книге “Воспоминания” Г. Ф. Байдукова. Я читал творение Георгия Филипповича с нарастающим интересом, ибо в нём мастерски сочетались (порою с юмором) описания непредвиденных на земле бытовых подробностей перелёта с осознанием достигаемых мировых рекордов, а также метеорологического открытия при сверхтрудном одолении “полюса недоступности”.

Возвращаясь к истокам формирования проекта “РД”, напоминаю читателю, что **с конца 1929 года Сталин стал лично курировать развитие авиапромышленности в СССР**. К такой деятельности вождя подталкивали следующие обстоятельства:

- понимание того, что успехи авиации являются ярким и внушительным показателем уровня военно-промышленного развития страны;
- убеждение в том, что только опора на отечественную технику позволит занять лидирующие позиции среди авиационных держав;
- необходимость мощного рывка на опережение не только в авиационной отрасли (именно опережать, а не догонять);
- изумлённые отклики западных газет об окончании перелёта самолёта АНТ-4 “Страна Советов” по грандиозному, невероятному маршруту Москва–Нью-Йорк. Самолёт пролетел с промежуточными посадками 21 тысячу километров за 141 час 45 минут. Сталин же знал только в общих чертах о подготовке руководством ВВС этого перелёта.

С ноября до конца 1929 года в Кремле прошла череда обстоятельных бесед и совещаний с начальником РВС РККА П. И. Барановым, специалистами

ЦАГИ, руководством Наркомтяжпрома и ВВС. Результатом явились формирование проблемы по достижению рекордов дальности (РД), определение центральных фигур по созданию самолёта (Туполев) и двигателя (Микулин), выявление костяка суперпилотов-испытателей, поручения по разработке проектов образования головных НИИ по аналогии с ЦАГИ для решения проблем авиамоторов, новых материалов, нового топлива и т. д. Так, 3 декабря 1930 года был создан наш ЦИАМ. В этот день ежегодно торжественно отмечается день рождения нынешнего Центрального ордена Ленина и ордена Октябрьской революции института авиационного моторостроения имени П. И. Баранова, в стенах которого под руководством главного конструктора Микулина был создан и испытан до 1937 года самый мощный в СССР двигатель М-34, установленный на самолёте АНТ-25. В дальнейшем двигатели М-34 под названием АМ-34 (в честь выдающегося конструктора А. А. Микулина) и его модификации эксплуатировались на военных самолётах Ил-2 и Ил-4, показавших свои непревзойдённые качества в годы войны. В частности, известный “летающий танк” Ил-2 стал грозой фашистов на поле боя.

О том, как проходила, ныне бы сказали, комплексно-целевая работа по реализации секретного проекта “РД”, достаточно подробно и объективно (с использованием документальных данных и свидетельств участников) описано в упомянутой книге Юрия Каминского. Итог этой грандиозной работы выразила газета “Нью-Йорк таймс” от 15 июля 1937 года следующим образом: *“Второй раз в течение последних нескольких недель (имеются в виду беспосадочные перелёты через Северный полюс экипажа В. Чкалова и экипажа М. Громова на одномоторных самолётах АНТ-25 из Москвы в США. — Авт.) мы обнажаем головы перед русской авиацией. Следуя по пути, проложенному через полюс своими соотечественниками, Громов, Юмашев и Данилин установили новую веху, по которой теперь приходится равняться всему миру. Расстояние, покрытое ими в беспосадочном полёте из Москвы, закончившемся вчера в Сан-Джасинто, подлежит ещё точному определению: рекорд должен быть подтверждён. Однако не может быть никаких сомнений в том, что они значительно превзошли предыдущий рекорд в 5657 миль Кодоса и Росси во время их перелёта из Нью-Йорка в Сирию”*.

Ей вторила газета “Вашингтон пост”: *“Лётчики совершили замечательный и волнующий полёт. Они не только завоевали пальму первенства мировой авиации в области дальности полёта, но и добились успеха, преодолев трудности полярной навигации, и это, несомненно, делает их подвиг завидным”*.

Официальный международный рекорд дальности, утверждённый Международной Авиационной Федерацией (ФАИ), составил 10148 км и превысил прежний рекорд на 1000 км. За выдающееся мировое достижение все члены экипажа М. Громова удостоены высшей награды ФАИ — медали Анри де Лаво. Рекорд, установленный экипажем М. Громова, продержится 9 лет.

Можно назвать настоящим чудом то, что 1 ноября 2015 года я встретился с живым свидетелем и непосредственным участником тех давних событий — Михаилом Ивановичем Власовым, работником ЦИАМ с 1935 года. В свои 100 лет он обладает феноменальной памятью, пронзительным открытым взглядом, рассудительным мышлением и лёгким чувством юмора. Родившийся в 1915 году, Миша начал работать с 14 лет, пройдя основательную школу в промартели, где готовили учеников за 2 года для работы в своём заведении. Готовили всесторонне (лучше, чем в ПТУ) на звание механиков, имеющих навыки очень многих работ (от электрических до слесарных), с обязательным выполнением контрольных заданий. После учёбы Миша проработал 3 года в артели, а потом его старший брат Василий (впоследствии директор завода им. Артёма в Киеве, Герой Социалистического Труда) привёл его в отдел кадров ЦИАМ. 4 января 1935 года, после длительной и тщательной проверки вновь принятый сотрудник оборонного строго режимного предприятия был зачислен в лабораторию специальных приборов под руководством Николая Михайловича Михайлова. Наставником Миши назначили Яна Гансовича, от которого юный работник многому научился и, прежде всего, немецкой аккуратности и ответственности. Все испытательные экзамены Миша выдержал на отлично, и ему поручили самую ответственную операцию: сборку и испытания магнето БСМ-12 (магнитоэлектрический генератор переменного тока) для дальних авиационных перелётов. В 1937 году ему было доверена сборка трёх магнето (собирались они под присмотром сотрудника из органов госбе-

зопасности!) для двигателей М-34Р, предназначенных для легендарных самолётов АНТ-25. Спустя 40 лет (будучи на пенсии), Михаил Иванович случайно встретил своего первого начальника, который кратко и внятно охарактеризовал своего подчинённого: “Особый малый”.

Мне представляется, что в те времена на руководящие должности выдвигали людей сугубо по деловым качествам, а не по способности показного услужения руководству или по родственным связям. С повышением мастерства под влиянием умудрённым опытом наставников формировался и характер человека: он был справедлив, взыскателен, прям в высказываниях своих суждений и вместе с тем внимателен к людям. В 1943 году он был назначен начальником мастерской, в которой начинал свою профессиональную деятельность. Её численность достигала 80 человек. С 1963 года Михаил Иванович – руководитель всего приборного цеха. Цех поистине стал кузницей кадров для опытного производства ЦИАМ. Из него вышли и будущий начальник производства Александр Толчёнов, и ныне работающий преемник Власова – Анатолий Барышников, и многочисленные мастера. Одна из них, Валентина Каргина, так характеризует своего наставника: “Мы, молодые девчонки, по распределению пришедшие на работу в ЦИАМ, были направлены в приборный цех № 56 под опеку Михаила Ивановича Власова, который стал нашим вторым отцом на производстве. Добрый и строгий, отзывчивый и внимательный, он учил нас не только профессиональному мастерству, но и помогал в житейских ситуациях. С ним всегда можно было посоветоваться, он всегда был готов прийти на помощь в любой ситуации”.

При знакомстве с Власовым более полувека тому назад я слегка робел под его пронизательным взглядом, слушая его чёткие рассуждения и внятные заключения по любому вопросу. Мне, выпускнику особого учебного заведения страны, приходилось прикладывать немало усилий для аргументированного обоснования представленных технических требований на агрегаты. Могу уверенно сказать, что многому я научился в общении с Михаилом Ивановичем, в том числе внятной разработке технических заданий при подготовке объектов для их изготовления на опытном производстве ЦИАМ. У Михаила Ивановича не было мелочей: он знал, какие порою проблемы могут вырастать из, казалось бы, самой малости.

Продолжающиеся встречи со столетним юбиларом для меня всегда событие. Он до сих пор является носителем неувядающего оптимизма и источником уникальных сведений. Где вы ещё узнаете, что 21 июня 1941 года в ДК “Серп и Молот” состоялась лекция известного политинформатора Свердлов (брата известного Якова Свердлова) о политическом положении в мире. На этой лекции Михаил Иванович услышал, что гитлеровские войска сосредоточены у границ СССР, что война при такой ситуации неизбежна и что, по аналогии с вторжением Наполеона в Россию, вторжение фашистов может начаться в ближайшее время... На следующий день, слушая в 12 часов дня выступление Молотова, Власов ругнул Свердлова: вот, мол, накаркал... А сколько ещё уникальностей того времени хранит феноменальная память ветерана! Беседа с ним, не замечаешь времени, а ветеран ощущает себя полезным людям и в такой ипостаси. При многократном общении по работе с Микулиным он подмечал его необычайные конструкторские способности и необыкновенную артистичность поведения. Он очень быстро вписывался в любое общество и вёл себя сообразно обстоятельствам. Мне представляется, что и Сталин ценил в Александре Александровиче, помимо деловых качеств, это артистическое ощущение чувства меры во всём и, прежде всего, в поведении.

Михаил Иванович гордится своим вкладом в то, что полёты АНТ-25 через Северный полюс превзошли все мировые достижения не только по дальности, но и по сложности маршрута. Интересен рассказ Власова о приезде в августе 1937 года в ЦИАМ Чкалова, Байдукова и Белякова – экипажа знаменитого перелёта через Северный полюс в Америку. Приёму у руководства нашего института знаменитого на весь мир экипажа предшествовало выступление прославленных лётчиков в летнем театре парка Московского военного округа в Лефортово.

Таким образом, осуществление по замыслу Сталина и под его кураторством двух грандиозных перелётов самолётов АНТ-25 с установлением множества мировых рекордов стало историческим свидетельством грамотной комплексно-целевой реализации опережающего прорыва. Заметный вклад в осуществление

проекта “РД” внёс ЦИАМ, созданный в 1930 году по личному распоряжению Сталина.

Послевоенному бурному развитию ЦИАМ способствовало создание в 1953 году его филиала – научного испытательного центра (НИЦ ЦИАМ), который до сих пор является самым крупным в Европе предприятием по испытанию авиационных и ракетных двигателей. Важной вехой успешного сотрудничества ЦИАМ с опытно-конструкторскими бюро явилось создание двигателей IV поколения – РД-33 и АЛ-31 для самолётов МиГ-29 и СУ-27, которые в течение многих лет занимают достойное место на международном рынке военной техники.

За время его развития в коллективе ЦИАМ сформировалась выдающаяся плеяда специалистов по авиационным и ракетным двигателям, ставших впоследствии известными всему миру главными конструкторами различных ОКБ. Это и В. Я. Климов, и А. М. Люлька, и А. А. Микулин, и Б. А. Добрынин, и С. А. Косберг, и А. Д. Чаромский, и В. Н. Челомей, и Е. В. Урмин, и В. В. Уваров.

В ЦИАМ также работали академики Б. С. Стечкин, Л. И. Седов, Г. П. Свищёв, Г. Г. Чёрный. В настоящее время в ЦИАМ трудится в должности советника генерального директора по внешней экономической деятельности академик РАН О. Н. Фаворский.

В 1991 году в России впервые в мире успешно осуществлён (на 13 лет раньше, чем в США) запуск созданного под эгидой ЦИАМ, работающего на водороде сверхскоростного прямоточного воздушно-реактивного двигателя, который неоднократно упоминался в публичных выступлениях высших должностных лиц государства. Более того, 4 ноября 2010 года впервые в России произведён успешный полёт разработанного в ЦИАМ беспилотного летательного аппарата, работающего на электрохимическом генераторе с использованием газообразного водорода, питающего топливный элемент. Последние два события, реализованные с разницей почти в двадцать лет, являются знаковыми. Они стали возможны (несмотря на трудности переходного периода в нынешней истории России) благодаря высокому научно-техническому потенциалу коллектива ЦИАМ, особенно в области освоения водородной тематики. Достаточно напомнить, что в 1955 году ЦИАМ выступил инициатором применения водорода в авиации. Инициатива была подкреплена успешными испытаниями в 1967 году вертолётного двигателя ГТД-350 при его работе на водороде. “Водородное” предложение ЦИАМ было поддержано группой сотрудников ЦАГИ во главе с будущим академиком В. В. Струминским. В результате совместной разработки с множеством организаций комплексно-целевых программ “Холод-1”, “Холод-2” и их реализации были осуществлены с 15 апреля 1988 года успешные полёты самолёта Ту-155 с двигателем НК-88, работающим на водороде, созданным при участии сотрудников ЦИАМ и под руководством Генерального конструктора Н. Д. Кузнецова.

Важным итогом научных достижений ЦИАМ явилось отнесение его (наряду с другими предприятиями: ФГУП “ЦАГИ”, ФГУП “ВИАМ”, ФГУП “ГосНИИ-АС”) к первой категории научных организаций (лидеров) в соответствии с Приказом № 1149 от 26 августа 2011 года Министерства промышленности и торговли Российской Федерации. Кроме того, в настоящее время вновь подтверждён статус ЦИАМ в качестве Государственного научного центра Российской Федерации. Такой статус присваивается предприятиям, имеющим уникальное опытно-экспериментальное оборудование и высококвалифицированные кадры, результаты деятельности которых получают международное признание.

Существенное место в работе ЦИАМ занимает создание объектов интеллектуальной собственности. В 2014 году три его патента на изобретения награждены государственными дипломами в номинации “100 лучших изобретений России”, причём техническое решение по патенту РФ № 2525042 посвящено инновационной разработке в области водородных технологий. В 2015 году в той же номинации отмечены ещё два патента. В 2015 году в ЦИАМ совместно с АО КБХА (Воронеж) при научном сопровождении академика О. Н. Фаворского разработано технико-экономическое обоснование по созданию Центра водородных инновационных разработок (ЦВИР) с учётом огромного отечественного задела по интеллектуальному, научно-техническому и технологическому потенциалу России. Определена концепция создания ЦВИР, выбран испытательный комплекс для его реализации и сформулированы этапы освоения

финансовых средств, причём на первом этапе предполагается (при затратах не более 50 млн рублей) организовать на базе ПАО «ВИИЛМ» (Воронеж) Фонд по объектам интеллектуальной собственности (ОИС) с окупаемостью в течение 1,5 лет. Задачей Фонда является активное вовлечение ОИС (главным образом, отечественных патентов на изобретения и полезные модели по водородной тематике) в хозяйственный оборот предприятий России.

ЦИАМ является по своей интеллектуальной мощи и результатам научно-технической деятельности мировым брендом России. Это создаёт уверенность в осуществлении очередного мегапроекта, нацеленного на широкое применение водорода не только в авиационно-космической отрасли, но и в других отраслях промышленности.

Известно, что водород является универсальным энергоносителем с высокими экологическими показателями. Его запасы безграничны. Об этом свидетельствует и статья в журнале Президиума РАН «Энергия: экономика-техника-экология» № 12 за 2014 год под обязывающим названием «Водород нам не обойти». Такое утверждение основано, прежде всего, на уникальном отечественном опыте успешного использования жидкого водорода в авиации. Опыт обобщён в книге «Внимание – газы: криогенное топливо для авиации» (Изд-во «Московский рабочий», М., 2001 год, 224 с. Авторы В. А. Андреев, В. Д. Борисов, В. Т. Климов, В. В. Малышев, В. Н. Орлов). В ней авторы – руководящий состав создателей самолета Ту-155 – обращают внимание на следующие обстоятельства:

«Тема криогенных топлив вышла из моды. Бесценные наработки в этой области, как и во многих других, где российские специалисты занимали ведущие мировые позиции, могут быть безвозвратно утеряны. Но переход на новые альтернативные источники энергии является жестокой необходимостью. Учёные могут ошибаться на 50 и даже на 100 лет, однако запасы ископаемого топлива в какой-то момент будут исчерпаны. Потеря источников энергии такой же «конец света», как и любые другие глобальные катастрофы и беды. **Та страна, учёные и специалисты которой первыми найдут оптимальное решение проблемы перехода на неисчерпаемые источники энергии, получит доминирующее положение в мире.** Особенно это важно для России с учётом большого населения, богатейших природных ресурсов, занимаемого географического положения, климатических зон и расстояний».

Пример рекордных сталинских перелётов и итоговое напутствие создателей самолёта Ту-155 с водородным двигателем НК-88 воодушевляет нас на дерзновенные проекты державного масштаба, ибо дерзость и держава – однокоренные слова.

НИКОЛАЙ ПЛИСКО

ОПЕРАЦИЯ “ИЗЪЯТИЕ-45”

1. Восстание подавлено. Что дальше?

В конце 1944 года немцы с огромной жестокостью подавили Варшавское восстание. Оставшиеся в живых бойцы оказались в концлагерях, были вывезены на принудительные работы в Германию, многие просто расстреляны среди развалин польской столицы. Уцелевшее мирное население – стариков, женщин и детей – оккупанты развезли по городам и местечкам Польши, здоровых мужчин – около 90 тысяч – угнали на работы в рейх.

До войны в Варшаве было свыше миллиона жителей, после 17 января 1945 года, дня освобождения столицы, – не более одной тысячи.

Но репрессии касались лишь рядовых участников восстания. Главари успели скрыться. Хотя пять польских генералов во главе с Коморовским и группа старших офицеров отмаршировали в немецкий плен. Скрывшись среди мирного населения, ускользнул из разрушенного города заместитель “Бура”-Коморовского генерал Окулицкий. Он решил присоединиться к тем, кто продолжал борьбу с врагом в составе партизанских отрядов.

Авантюра лондонских поляков, устроивших Варшавское восстание, провалилась. Это стало совершенно ясно уже через несколько дней после его начала. Однако деятели из лондонского “польского гетто” не желали признавать поражения и крушения своих честолюбивых планов. И пока восстание ещё шло, “польский Лондон” продолжал надеяться на его успех.

Именно поэтому правительство Миколайчика 29 августа 1944 года выпустило специальный меморандум. Он на следующий же день был передан послу СССР при эмигрантских правительствах В. Лебедеву, а также англичанам и американцам. В меморандуме на четырёх страницах предсказывалось, что после освобождения Варшавы наступит реконструкция правительства по формуле “4+1” (четыре партии проправительственной лондонской коалиции и пятая – Польская рабочая партия).

Это реконструированное правительство после победы – скорой польской победы! – подготовит выборы в сейм и в самоуправление. А затем сейм разработает новую демократическую конституцию и произведёт выборы президента. Там же говорилось и о реорганизации системы управления Вооружёнными силами Польши, об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом и способах урегулирования польско-советских дел. Словом, всё как у больших.

В основном вопросе – о восточной границе – меморандум формулировал следующую позицию: “В Польше на востоке остаются главные центры культурной жизни и сырьевые районы, необходимые для экономической жизни

Польши”. Но окончательным решением проблемы польско-советской границы займётся, мол, будущий сейм.

Возможная реализация данной формулы означала бы ревизию границ, установленных рижским договором 1921 года, но лондонских эмигрантов это не волновало. По их плану в Польше оставались бы Вильно, Львов и борисовские нефтерайоны – всё то, что давно уже находилось в составе СССР.

Это было политической программой лондонцев, не желавших отказываться от своих претензий на власть в стране.

Теоретически всё выглядело прекрасно, очень патриотично и красиво, но в августе 1944 года, когда Красная армия подошла к Висле, это было просто несерьёзно. Подобная позиция, да и само такое правительство – лондонское в большинстве – Москву совершенно не устаивало.

То же относилось и к границе. Сталин неизменно оставался на принципах границы по “линии Керзона”, как и было решено на Тегеранской конференции. Эта линия должна была стать основой для проведения новой границы. Естественно, что меморандум лондонских эмигрантов был отброшен и советским правительством, и ПКНО – Польским комитетом национального освобождения – на заседании 15 сентября 1944 года.

Польскому Лондону надо было найти ответственных за разгром восстания. Военных трогать не следовало – они все были героями. Искать надо было, прежде всего, среди политиков. И здесь на прицеле оказался сам премьер-министр эмигрантского правительства Миколайчик. Свои же лондонцы обвинили его в “политике капитуляции” перед Москвой. Он ответил соратникам весьма жёстко: “Если не наступит улучшения польско-советских отношений, они могут наступить без нас”. Видимо, что-то начало проясняться в его голове...

И добавил, что все, в том числе и поляки, должны считаться с тем фактом, что в идущей войне Россия оказалась победителем, и “...если кто-то называет это капитуляцией, то одновременно он должен считаться с тем, что с Советской Россией нам как народу нужно будет жить и сотрудничать, и это реальность, которой мы не хотим видеть”. И заключил тоном, полным иронии: наблюдая некоторых лондонских поляков, можно подумать, что “они хотели бы поехать в Польшу на готовое или же оставаться в эмиграции”.

Среди тех, кто обвинял Миколайчика в капитуляции, был и главный вождь, генерал Соснковский. 14 сентября 1944 года он писал генералу Андерсу (который тоже находился уже почти месяц в Лондоне, и писать что-то было совсем не обязательно, можно было и пешком дойти. Но ведь для истории должен был остаться документ!.. Соснковский очень об этом заботился, считая себя фигурой исторической), что “Пан Миколайчик будет продолжать свою политику капитуляции”. Англичане же “не только стопроцентно поддерживают Миколайчика, но и инспирируют его покорную политику по отношению к Советам”. А сейчас следует избегать всего, чтобы не быть впихнутыми в советские объятия. И он не исключал, что, если “настоящая английская политика будет продолжаться, наступит острый конфликт между польским пониманием и английскими государственными интересами”.

5 октября 1944 года Черчилль и Иден отправились в Москву. Англичане предупредили Миколайчика, что его в любой момент могут пригласить в советскую столицу. Так и получилось.

Сталин и Черчилль без труда договорились, и 12 октября в Москву прилетел Миколайчик. Накануне, 11 октября, в Москву прибыли Берут и Грабский – представители “люблинского” правительства.

В польском Лондоне считали, что основой переговоров должен стать меморандум от 29 августа. Поляки имели много встреч между собой, со Сталиным и англичанами. Но уже 13 октября Миколайчик понял, что меморандум от 29 августа ввиду пограничных вопросов и отсутствия упоминания о ПКНО для Кремля неприемлем.

А из выступления Молотова поляку стало ясно, что в Тегеране президент Рузвельт “совершенно согласился с линией Керзона”. Англичане при этом не протестовали, не сделал этого и присутствовавший при переговорах американский посол Гарриман (в письме к Гарриману от 17 октября Миколайчик называл информацию Молотова “потрясающей неожиданностью”).

Черчилль несколько раз высказывался по поводу “линии Керзона”, которая, по его мнению, соответствовала обоснованным претензиям Советского

Союза и в соединении с польскими приобретениями на западе и севере страны давала возможность создать основы “для солидного и настоящего государственного здания, в котором польский народ сможет жить и развиваться в безопасности, благосостоянии и свободе”.

Вернувшись в Лондон, Миколайчик сообщил членам своего правительства, что “в вопросе наших восточных границ мы стоим перед общим фронтом великих держав. И ни одно из них и пальцем не пошевелит в защиту наших прав на востоке”. В конце он заявил: “Перед нами голая действительность. Без признания линии Керзона и формального уважения ПКНО невозможно уложить польско-советские отношения”. В случае же согласия на линию Керзона, имеется возможность получить гарантии Англии и СССР по вопросу присоединения к Польше Восточной Пруссии (без Кёнигсберга), Данцига, Щецинского Поморья по Одере и дальше на юг земель, расположенных вдоль Одера, а также всей Силезии.

По мнению Черчилля, отказ от признания линии Керзона будет “убийством для правительства, народа и его независимости. И гражданская война не даст никаких шансов для лондонских поляков, поскольку люблинский комитет имеет за собой Красную армию”. Это была весьма правильная и трезвая оценка ситуации. Позиция англичан на тот момент была хорошо известна: польские иллюзии о вооружённом вмешательстве Англии Черчилль решительно отметал.

Миколайчик ясно понял и попытался довести до сознания членов эмигрантского правительства мысль о том, что после московской конференции “следует считать исключённым любой компромисс со стороны Москвы, более удобный, чем линия Керзона. И Запад здесь не поможет”.

И далее подчеркнул, что “альтернатива противопоставления российским требованиям, опираясь только и исключительно на легальность эмигрантского правительства, является совершенно нереальной”.

Миколайчик ещё 24 ноября 1944 года, сразу же после поражения варшавского восстания, вышел из состава эмигрантского правительства, не разделяя мнения последнего о невозможности компромисса с СССР и уступок по вопросу о границе. Вместе с ним ушло в отставку и прежнее правительство. Однако существует мнение, что Миколайчик сделал это по настоятельному совету Черчилля, который, планируя дальнейший политический расклад, якобы сказал ему: “Мне нужен свой человек в будущем польском правительстве”.

Лондонские поляки 29 ноября 1944 года создали новый кабинет министров во главе с предвоенным заместителем министра иностранных дел Арцишевским. Его в своё время доставили из Польши, где он скрывался в глухой деревне, и держали наготове. Как говорится, на “скамейке запасных”. Теперь и он пригодился – старичок, извлечённый из нафталина. Англичане, как всегда, были предусмотрительны.

Однако времена изменились, и кабинет Арцишевского правительство Черчилля практически не принимало всерьёз. Ни самого премьера, ни членов его правительства высшие английские чиновники не удостоивали аудиенциями. Англичане имели дело только с польским послом, и то по старой памяти. Хотя формально относились к польским министрам вполне лояльно: снабжали продовольственными талонами, табаком, ордерами на одежду и обувь. Уменьшавшееся с каждым днём значение поляков-эмигрантов явно показало Москве, что надо решать судьбы членов подпольного правительства в Польше.

Позиция же английского правительства по польскому вопросу была выражена в те дни с беспримерным цинизмом одним из крупных чиновников. 17 ноября мистер Дарбин, ближайший сотрудник вице-премьера Англии К. Этли, сказал “совершенно доверительно” одному из польских эмигрантских чиновников: “Дело Польши – дело проигранное. Англия и Америка не сделают ничего, чтобы противостоять требованиям СССР, касающимся Восточной Европы. Линия англо-советского конфликта лежит в Германии. Всё, что находится восточнее Германии, англосаксов сегодня не интересует и не может интересовать”. Польша всегда была для Европы разменной монетой. Не очень крупной, но зато – весьма звонкой...

А характеризую политику Черчилля, англичанин добавил: “С присущими британцам лицемерием и ханжеством мы придумаем какую-нибудь формулку, которая оправдает нас перед нашей собственной совестью в отношении Польши”. Он подчёркивал: “Польша находится в зоне советских интересов,

и англичане так долго, как это будет необходимо для сохранения хороших отношений с СССР, ничего не предпримут, чтобы поправить положение Польши и поляков”.

В руководстве СССР советско-польская граница 1939 года, установленная на основе этнического принципа, рассматривалась как незыблемый постулат всей концепции отношений с будущей Польшей. С этой границей связывались как проблема послевоенной безопасности обеих стран, так и внутренней стабильности Польши. Из этого следовала и неизменность позиции Сталина по польскому вопросу: СССР нуждается в сильном, однопольском и дружественном СССР польском государстве.

Говоря о дружественной Польше, Сталин имел в виду не только и не столько простое добрососедство, но изменение спектра политических сил в польском правительстве, удаление от власти непримиримых антисоветских и крайне правых деятелей и допуска к власти коммунистов.

Для Запада партнёрские отношения с Москвой были приоритетны. Польша, конечно, была важным звеном в их международной политике, но общие интересы антигитлеровской коалиции были важнее. И потому Запад тщательно избегал всего, что могло привести хотя бы к небольшому конфликту с СССР. Поэтому он постоянно оказывал давление на Польшу, добиваясь уступок Сталину, считая обоснованным стремление советского руководства обеспечить безопасность западных границ СССР после войны.

В связи с этим западные политики и поддерживали идею превращения Польши в однопольское государство между линией Керзона и Одером.

Всё это прекрасно понимал Сталин, понимали в Москве, но кто из поляков это мог понимать? Новый премьер Арцишевский, явно не оценив сложившейся ситуации, 15 января 1945 года вещал, представляя точку зрения своего кабинета: “Ни одно польское правительство не может и не примет навязанных ему односторонне границ или формы правления”. Однако он не знал, что ещё 3 декабря 1944 года Черчилль сообщил Сталину, что сделает всё, что в его силах, чтобы деятельность правительства Арцишевского “не угрожала единству союзников”. Как с горечью констатировал известный польский историк генерал Кукель: “Появилась (для правительства) опасность изоляции”.

2. Армия Крайова – мнимый союзник

По подсчётам исследователей, всего в годы Второй мировой войны на польской земле действовало 90 советских партизанских отрядов и групп общей численностью около 20 тыс. человек. По польским источникам известно, что весной 1943 года в партизанских отрядах Украины было около тысячи бойцов-поляков. В апреле 1944 года в партизанских отрядах Белоруссии сражались около 700 поляков.

Были и отряды Армии Крайовой. Как правило, эти отряды придерживались провозглашённой эмигрантским правительством Польши тактики выжидания в отношении гитлеровцев, уклоняясь от организации совместных боевых действий. Особенно обострились отношения между отрядами АК и советскими партизанами, действовавшими в Белоруссии в районе озера Нароч, во второй половине 1943 года, часто перерастая в вооружённые столкновения.

Отношения советской стороны с польским эмигрантским правительством становились довольно сложными. Это определялось тем, что советская помощь польскому освободительному движению оказывалась вопреки желанию польского эмигрантского правительства, которое, заключив 30 июля 1941 года соглашение с СССР о взаимном оказании помощи в войне против гитлеровской Германии, почему-то считало, что боевые действия в Польше могут вести только подчинённые ему отряды.

Провозгласив тактику выжидания, лондонское эмигрантское правительство через свой печатный орган “Информационный бюллетень” постоянно выступало против партизанской борьбы в Польше, объявляя призывы к борьбе с оккупантами “вредной агитацией Коминтерна”, “советской диверсией” и т. д.

В мае 1942 года оно даже направило протест советскому правительству в связи с тем, что советские самолёты доставляли группы организаторов партийной работы и партизанской борьбы, рации, оружие и другие материалы польскому освободительному движению, руководимому ППР.

Самое активное участие в польском партизанском движении принимали советские граждане – бывшие военнопленные. Всего из гитлеровских лагерей на территории Польши бежали более 65 тысяч советских граждан. Правда, в тяжёлой обстановке многим из них не удалось спастись, и они снова попали в руки гитлеровцев. Значительная часть бежавших из плена советских людей связывалась с представителями подпольных демократических групп, вступала в их боевые организации, создавая партизанские отряды самостоятельно либо присоединяясь к вооружённым отрядам Армии Крайовой.

По неполным данным, до весны 1944 года в польском партизанском движении участвовали до 7 тыс. советских граждан, из них 6 тыс. сражались в отрядах Гвардии Людовой и Армии Людовой и около тысячи – в отрядах Армии Крайовой и Батальонах Хлопских.

По лесам бродили и польские отряды. К советским партизанам они относились нейтрально. Лояльность их была вызвана главным образом уважением к советскому оружию. Иногда, используя удобный момент, они уничтожали группы партизанской разведки. Так, на Любельщине, в районе Старой Гуты, бесследно исчезла группа разведчиков отряда Ковпака во главе с её командиром Гомозовым. И только через пять месяцев удалось установить, что советских партизан ещё осенью 1943 года убили аковцы под командованием некоего Вуйко, прибывшего из Лондона. Задержать его не удалось – он предусмотрительно и благообразно скрылся, узнав о приближении отряда Ковпака.

По-разному относились к советским людям в польских партизанских отрядах. Были и случаи расстрела советских граждан в отрядах АК. Трудно точно сказать, какие мотивы лежали в основе этих действий, совершались ли они с ведома польского эмигрантского правительства и указаний высшего командования Армии Крайовой или это было позицией местных командиров АК.

Среди членов подпольных отрядов велась усиленная пропаганда идеи восстановления Польши в границах до 1939 года, а нередко – и 1772 года, упоминаются “польские” Смоленск, Минск и Киев, говорится о “Польше от моря до моря”. Политика Польской военной организации по отношению к советским партизанам, вначале подчёркнуто благоприятная на словах, в дальнейшем, по мере продвижения наших частей по бывшей польской территории, изменилась, принимая всё более и более откровенные формы, вплоть до своего логического завершения – открытого сотрудничества с немцами в борьбе против всего советского.

При этом заверения в дружбе с нашими партизанами ни в коей мере не мешали польским националистам придерживаться лозунга “Вооружаться, организовываться, выжидать”, лишь изредка проявляя свою прыть в никчёмных актах саботажа. На партизанские предложения о совместных боевых операциях против немцев они отвечали отговорками, ссылаясь на отсутствие указаний своего центра. Имея солидные запасы вооружения (в частности, сохранённого при разоружении двух польских полков в 1939 году в районе озёр Нароч и Свирь), с партизанами им не делились, предлагая иногда помощь продовольствием и обещая разведывательные данные.

Впоследствии Варшавским центром была категорически запрещена передача нашим партизанам каких-либо сведений о мероприятиях оккупантов, а польские военные формирования не должны были базироваться вблизи наших бригад. В то же время рекомендовалось использовать, где это допускается обстоятельствами, видимость дружеских отношений с партизанами с целью получения от них оружия и для ознакомления с партизанскими мероприятиями и указаниями советского командования с расчётом внедрения к партизанам своей агентуры для разложения, террора и диверсий.

Лондонским центром были даны и стали активно выполняться указания о замаскированной агитации среди населения против Советов, партизан, колхозного строя, о создании различными путями недовольства партизанами, в частности, путём грабежей и бесчинств под видом партизан.

Членам организации, находящимся на административных постах у немцев, поручено было провести учёт коммунистов, умело, тактично убирать их, скомпрометировав перед немцами. Когда таким образом в Дуниловичском районе были расстреляны 30 коммунистов и им сочувствующих, агенты организации перед партизанами мотивировали этот факт связью расстрелянных с гестапо, а перед немцами – принадлежностью своих жертв к партизанам.

Активно распространялась подпольная газета “Неподлеглость” (“Независимость”), редактируемая неким Барковским и выходявшая 1-2 раза в месяц. Газета изобиловала статьями с критикой действий советских партизан, с угрозами в их адрес, с высказываниями на тему освобождения Польши с помощью Англии “из-под немецко-большевистского ига” и т. д. Помещая портреты Гитлера и Сталина, газета даёт подпись: “Враг №1” и “Враг №2”.

Ксёндзы вели усиленную антисоветскую пропаганду среди населения, в основном сельского. А в польских деревнях ксёндз всегда был большой силой и авторитетом. На Полесье, в селе Старая Гута ксёндз пан Адам, бывший польский офицер, спрятавшийся под сутаной и державший около себя под видом монахов своих бывших подчинённых, закатив глаза к небу, проповедовал с амвона:

– Нех москали бьют германа! А мы будем возносить молитвы пану Езусу и дожидать того божьего дня, когда польская армия придёт и освободит земли Речи Посполитой от врагов.

Ксёндз просто в очередной раз озвучил старый и испытанный польской приём – устроить заварушку, а при малейшей опасности удрать “до лясу”. Пусть себе воюют москали и германцы, а они – умные поляки – будут время от времени выглядывать из кустов и ждать подходящего момента.

14 июля 1944 года Ставка Верховного Главнокомандования дала директиву командующим войсками 1, 2, 3-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов о разоружении польских вооружённых отрядов, подчинённых эмигрантскому правительству Польши. Как было сказано в директиве: “Эти отряды ведут себя подозрительно и действуют сплошь и рядом против интересов Красной армии”.

Поэтому решение советской Ставки в отношении мнимого союзника было достаточно определённым и жёстким: “Ни в какие отношения и соглашения с этими польскими отрядами не вступать. Немедленно по обнаружении личный состав этих отрядов разоружать и направлять на специально организованные пункты сбора для проверки.”

В случае сопротивления со стороны польских отрядов применять в отношении них вооружённую силу.

И. Сталин”.

3. “Добывайте себе оружие сами!”

Ещё до начала Варшавского восстания лондонские поляки подготовили (05.5.44 г) специальные указания по вопросу военного сотрудничества с СССР. Там, среди прочего, чётко определялось: “Разница в наших отношениях к немцам и Советам заключается в том, что, не имея достаточно сил (для борьбы) на два фронта, мы должны соединиться с одним врагом для победы над вторым. Но имеются условия, при которых мы можем быть в союзе с Россией для уничтожения врага №1 – немцев. Это есть незыблемость наших границ и нашего строя. Если условия будут соблюдены, может создаться атмосфера военного сотрудничества, проявление которого имело место на Волыни.

Тогда, когда Советы под влиянием отношений с союзными народами и под влиянием англосаксов откажутся от своих империалистических стремлений, возможно, придёт время военного сотрудничества на основе равного с равным.

Резюмируя, можно сказать, что при определённых условиях мы готовы к сотрудничеству с Россией в военных действиях, но отмежевываемся от неё политически. Ни совместный враг, ни совместный союзник не могут преодолеть существующей идеологической разницы, вековой разницы политического мировоззрения, которая приобрела ярко выраженную форму во время войны в политике советов как в период 1941 г., так и после 1943 г. (срыв отношений)”.

Эти указания были распространены среди руководства АК в Варшаве ещё до начала восстания. Читая их, невольно задаёшь себе вопрос: почему нормальный поляк, даже хороший и честный человек, патриот, начав заниматься политикой, мгновенно превращается в классического идиота?

Хотя и практическая хитрость, несмотря на полную дурость подобного меморандума, лондонских поляков не оставляла. Далее они требуют:

“Но всё же нельзя снижать военного напряжения в борьбе с немцами. Нельзя нам подзадоривать союзников против советско-политических методов,

нельзя явно высказывать надежду на вооружённый конфликт между Советами и союзно-ангლოსаксами под конец розыгрыша войны в Европе. В каждом выступлении против советской политики опираться только на жизненные факты их проявлений и трезвые оценки, регистрацию тех фактов без нервирования, ругани и противоречий, что укрепляет наше положение и даёт образ политической зрелости”.

Об отношении Армии Крайовой к русским партизанам ясно сказано в краткой справке Военного совета 1-го Белорусского фронта от 11 ноября 1944 года:

“Показания русских военнопленных-партизан, перешедших линию фронта 28.10.44 в районе Хотча-Гурна.

Бывший майор Цибульский Н. А., начальник штаба 10-й партизанской бригады, показал:

“С начала июля 1944 года я находился в отряде АК, за это время мне неоднократно приходилось слышать разговоры русских – бывших военнопленных, бежавших из немецкого плена и попавших в отряды АК, – о расстрелах русских в АК. При моём побеге из лагеря я был связан с поляком “Стефаном” (из отряда АЛ), который предупреждал меня, что, если я один или с небольшой группой попаду в отряд АК, то у меня отберут оружие и расстреляют.

Отряд майора Романа насчитывал до 600 человек, в составе которых имелось до 70 русских, образовавших отдельную группу. Эта группа добывала себе оружие исключительно в боях с немцами, несмотря на то, что в отряде имелось оружие.

Майор Роман заявлял: “Ваша страна богата, пусть она снабжает и вас оружием, а если вы его не получаете, то идите на шоссе и добывайте оружие сами”.

Роман держал группу русских в своём отряде только за её храбрость и хорошее выполнение заданий.

В разговоре со мной Роман заявил: “У меня имеется приказ маршала Сталина о том, что всех русских надо направлять на восток”. В связи с уходом он хотел отобрать оружие у небольшой группы русских. После того, как они отказались его сдать, Роман собрал специальное совещание польских офицеров, которое решило обязательно изъять оружие у русских.

При нашем уходе из отряда Романа несколько поляков (“Ваценк”, “Домадай”, “Грофф”) хотели уйти с нами. “Вацека” Роман грозил расстрелять, но, учтя его заслуги как разведчика, оставил в живых, издевательски гонял перед строем два часа, а потом дал 15 суток строгого ареста. Остальные были куда-то уведены и, наверное, расстреляны.

18.8.44 г. в боях с эсэсовцами и жандармерией в районе Рачково группа русских была поставлена на самом ответственном участке, однако оружия не получила и была вынуждена добывать его в бою, в результате чего понесла большие потери. В этом бою принимало участие 200 поляков отряда АК. Они потеряли 7 человек убитыми и ранеными, и 30 русских, которые потеряли 5 человек убитыми и ранеными”.

Самородов М. А., командир роты отряда “Победа”, показал:

“Из разговора с командиром взвода моей роты Карпухиным, который в 1943 году был в отряде АК подпоручика “Шарый”, мне известно, что в этом отряде была группа русских в количестве 14 человек, бежавших из немецких концлагерей. По приказанию “Шарого” эта группа была отправлена из отряда якобы на восток. После “ухода” русских их одежда оказалась на солдатах АК из отряда “Шарого”.

Царёв А. А., командир роты отряда “Победа”, показал:

“В январе-феврале 1944 г. я находился в отряде АК “Шарого”. В это время в отряде русских, кроме меня, не было. Я был подвергнут продолжительному испытанию, в ходе которого получил ответственное задание. После этого меня стали допускать к лагерю отряда, однако оружия не доверяли.

В мае-июне 1944 года я встречался с большим количеством русских, бежавших из немецкого плена, и все они заявляли, что, если попадали в отряды АК и имели оружие, то АК немедленно отбирало у них оружие.

В июне 1944 года командир 3-й роты 11-й партизанской бригады Гадиров был до полусмерти избит солдатами АК отряда “Барболина” за то, что не хотел сдать оружие. 21 чел. русских, бывших вместе с Гадировым, были разоружены.

Будучи командиром небольшой группы партизан, 18-20.5.44 я послал своего доктора Аркадия Гаспаряна забрать гранаты в районе Коньска. На пути возвращения в свой отряд он был пойман солдатами АК, которые избили его и отобрали гранаты”.

Карпухин А. М., командир взвода отряда “Победа”, показал:

“С августа 1942 г. по август 1944 г. я находился в отрядах “Шарого” и “Понурого”. В отряд АК я был принят по ложным документам и только поэтому остался в нём. В 1943 году в отряде “Понурого” группы русских раздевались солдатами АК и уводились в неизвестном направлении. Так, например, группа в 12 чел. грузин во главе с капитаном были уведены из Скаржинского леса; 4 из них бежали, а остальные были раздеты и, как стало известно впоследствии, расстреляны.

Офицеры АК заявляли, что русские якобы отправлены на восток.

Подобные случаи имели место в отрядах “Шарого”, “Нурта”, “Марьянского”, “Бучинского”. В отряде “Шарого” в начале апреля 1944 года поручик “Блядый” отобрал оружие у 26 человек украинцев и отправил их якобы тоже на восток. Сам “Шарый” в мае 1944 года разоружил 6 чел. татар и отправил их из отряда.

В лесах я часто обнаруживал трупы расстрелянных, которые по внешнему виду были похожи на русских военнопленных.

В 1942-1943 гг. в Скаржинских и Направских лесах можно было найти группы убитых русских, по 2-3 трупа.

В июле 1944 года в отряде АК были убиты русские по кличкам “Василий”, “Михаил”, “Герман”, “Николай”.

Какие-либо разговоры или агитация о Красной армии в отрядах АК строжайше преследовались, а тот, кто был уличён, немедленно изгонялся из отряда”.

4. Миссия “Фрестон”

На начало февраля 1945 года была намечена вторая встреча глав государств антигитлеровской коалиции. Готовилась она в большой тайне. Местом встречи, по настоятельному желанию Сталина, был выбран Крым.

Советский Союз располагал свободой действий на освобождённых территориях. Но англичане не были бы собой, если бы и тут не постарались вмешаться.

Англичане по-своему готовились к этому событию. И – задолго.

Ещё 2 ноября 1944 года английский посол Керр вручил ноту В. Молотову. В ней сообщалось о решении направить в Польшу миссию из шести английских офицеров для обеспечения контакта с подпольем, подчинённым эмигрантскому правительству.

Представитель СССР на освобождённых тогда польских землях генерал-полковник Н. А. Булганин расценил ноту Керра как попытку “нажать на Советское правительство по польскому вопросу” и предлагал “принять меры к тому, чтобы не дать англичанам достигнуть поставленной цели и сохранить свободу рук Красной армии в отношении вооружённых сил Армии Крайовой на территории Польши после изгнания оттуда немцев”.

Реакция же Молотова была более жёсткой: “Польша – большое дело! Но как организовывали правительства в Бельгии, Франции, Греции и др., мы не знаем. Нас не спрашивали... Мы не вмешивались, так как это зона действий англо-американских войск”.

Это было сказано незадолго до планировавшейся Ялтинской встречи.

И действительно, ни у Черчилля, ни у Рузвельта не оказалось каких-либо весомых аргументов, чтобы возразить Сталину на это. Они фактически признали за СССР право наводить порядок в своём тылу и подавлять польское военное подполье.

Но перед самым началом Крымской конференции англичане решили своими силами узнать, что же происходит в Польше, видимо, не доверяя полностью рапортам, получаемым от эмигрантского правительства. В Польшу была послана специальная миссия из шести английских офицеров.

Тогда никому не было ещё известно, что готовится Ялтинская встреча. Видимо, Черчилль и Рузвельт хотели перед ней как можно больше узнать о настроениях в Польше, поскольку не доверяли разведке АК, а также не хотели быть зависимы от замыслов польского эмигрантского правительства.

Миссия, получившая криптоним “Фрестон”, отправилась из Англии кружным путём на авиабазу в Бриндизи, на юге Италии. Именно отсюда англичане должны были вылететь в Польшу, где их планировали выбросить с парашютами в районе Ченстоховы.

26 декабря 1944 года четырёхмоторный “Либереитор”, поднявшись с аэродрома в Бриндизи, взял курс на Польшу. Это была трасса №3, точно на северо-восток.

Самолёту надо было пересечь Адриатику, пролететь над центральной Югославией, Венгрией и Словакией. Протяжённость трассы в один конец составляла 1400 километров. Расстояние вполне нормальное для тяжёлого самолета. И достаточно безопасное, там не было особо сильного противодействия систем германских ПВО. Район сброса парашютистов, зашифрованный как “Огурцы”, находился километрах в тридцати восточнее Ченстоховы.

“Либереитор” очень точно вышел на цель, внизу зажгли партизанские костры. Через несколько минут в воздухе повисли парашюты с членами миссии и грузовые, со снаряжением и боеприпасами. Сделав круг над местом выброски и убедившись, что все приземлились, “Либереитор” покачал крыльями и взял курс назад, на свою базу.

Внизу уже ждали аковцы из охраны места высадки. Охрана была очень солидной и прекрасно вооружённой. Этой миссии руководство АК придавало огромное значение и очень беспокоилось о её безопасности.

Англичан на санях отвезли в небольшую деревушку Катажина километрах в 20 от Радомска. Там, в небольшом помещицком домике ждала радушная хозяйка – пани Дембовская, вся светящаяся от широкого польского гостеприимства. На следующий день члены миссии начали проводить встречи и вести так называемые зондажные беседы с офицерами и солдатами АК.

Все разговоры шли с помощью переводчиков с польской стороны, но англичане скрывали, что среди них был один – некий капитан Кюри, а на самом деле поляк А. Поспешальский, который, естественно, знал польский. Не доверяли англичане аковцам.

Члены миссии хотели получить представление о царящих в Польше настроениях, проблемах, трудностях и т. п. Это сразу показалось полякам странным. Ведь всё было так не похоже на военный характер миссии. По несколько раз в день англичане связывались с Лондоном (они привезли с собой две мощные радиостанции).

Приближался последний день 1944 года. Скоро наступит новый, 1945 год, и это надо было отметить особо, ведь война уже приближалась к концу. Все ожидали её окончания, но одновременно были до определённой степени обеспокоены дальнейшей судьбой Польши.

В поместье семейства Дембовских активно готовились к новомуднему приёму и встрече партизан согласно традиции – у ёлки. Оккупация оккупацией, но стол польский должен быть по обычаю обилён. На покрытом слоем сена столе, на белой скатерти должно быть не менее двенадцати блюд.

И в то время как проходили встречи и беседы со старшими офицерами местного округа АК, прибыло ещё несколько командиров из отдалённых отрядов.

Тем временем ёлке уже нарядили. Рядом с обычными игрушками – шариками, ангелочками, свечками – на ней были развешаны символы “Борющейся Польши”. Это выглядело очень патриотично.

По военному времени алкоголя за праздничным столом почти не было. Выпили по символическому стаканчику за Новый год, спели несколько новогодних колядок и партизанских песен.

Настроение у всех стало приподнятым. И с той, и с другой стороны произносятся тосты. Англичане произносят тост, где вместе с западными руководителями упоминается и Сталин. Этот тост был встречен всеобщим молчанием, но зато следующий – за короля Георга – сопровождался буйными орациями.

Англичане не могли понять... Им отвечают: “Мы знаем, что сделали Советы с нашими товарищами из АК в Вильно, во Львове и с 27-й волынской дивизией АК; и как только они прорвут фронт на Висле – и нас то же ждёт...”

Англичане старались убедить: “Как же вы можете так говорить – ведь это наши союзники?” Но это было бесполезно. Английская толерантность и чувство справедливости и объективности столкнулись с польской упёртостью и русофобией.

Последовали тосты “за польско-английскую дружбу”, пожелания “счастливого Нового года в свободной и независимой Польше”, произносились и другие приятные слова. Сразу же после полуночи разошлись отдыхать, командиры из других отрядов в сопровождении хорошо вооружённой охраны в санях отправились к себе.

Первый день Нового года – ясный и с небольшим морозом – начался необычной тишиной. Лишь откуда-то издали раздавался редкий собачий лай. Охрана бдительно несла службу. О безопасности миссии позаботились хорошо. Сорок пять человек, отлично вооружённых, – противотанковые ружья, автоматы и винтовки, у каждого – пистолет и несколько гранат. Был и ещё один отряд охраны, внешнее кольцо, тоже прекрасно вооружённый.

Уже совсем развиднелось, когда находившийся на окраине села сторожевой пост сообщил о приближении колонны немецких войск, в которой было три танка, несколько гусеничных бронетранспортёров и мотоциклисты.

Стало ясно, что хорошо сработала немецкая агентурная разведка. Кто-то из поляков-предателей успел сообщить о месте нахождения англичан.

Объявили боевую тревогу всей охранной роте. Англичане, проснувшись, приступили к бритью. О ситуации доложили начальнику миссии. Полковник Хадсон, не прерывая бритья, флегматично осведомился о раскладе сил с обеих сторон. Когда он услышал о танках и бронетранспортёрах, то приказал уничтожить радиостанции и шифры, сжечь все документы и сдаваться.

Услышав подобное, командир роты охраны поручик “Варта” (Юзеф Котецкий) не смог сдержать своего негодования. Он весьма энергично ответил английскому полковнику, причём по-русски, поскольку в польском языке таких правильных слов нет.

Побагровевший переводчик с трудом и очень приблизительно перевёл: “Здесь – Польша! И я, как отвечающий за охрану миссии, именно я принимаю тут решения. О сдаче в плен не может быть и речи. Немцы нас в плен не возьмут, а просто расстреляют. Это вас поместят в комфортабельные условия и будут пичкать конфитюрами и шоколадом из посылок Красного Креста”.

Энергичная и своевременная речь убедила англичан. Они также взяли за оружие. Подпустив немцев примерно на сто метров, польские партизаны открыли огонь. Немцы никак не ожидали, что у поляков имеются противотанковые ружья и тяжёлые пулемёты. Их атака захлебнулась.

Потом, после боя, англичане всячески расхваливали боевой пыл поляков, а полковник Хадсон клятвенно пообещал, что все участники боя будут награждены английскими медалями.

Прошло уже много времени с тех пор, многие участники боя покинули этот мир, но английских медалей не получил никто.

Третьего января на встречу с членами миссии прибыл Главный комендант АК – генерал “Недзвядек” (“Медвежонок” – Л. Окулицкий).

После продолжительной беседы с англичанами генерал вышел в лес на короткую прогулку. Его сопровождал поручик “Варта”. Он потом рассказывал: “В определённый момент генерал взял меня за руку и произнёс: “Знаете, поручик, я ошибся, нам не на кого рассчитывать”, – и покачал головой”...

Поручик не посмел расспрашивать генерала. В тот момент он только остро почувствовал, что польский вопрос на международной арене не выглядит благоприятно.

Пятнадцатого января началось грандиозное советское наступление в районе Вислы, через два дня был занят район Ченстоховы и Радомска, а семнадцатого освобождена Варшава.

Теперь генерал Окулицкий утратил всякую возможность связаться с английской миссией. И девятнадцатого января Главный комендант АК писал на железнодорожном вокзале Ченстоховы свой последний приказ о роспуске АК. Английская миссия в полном составе промаршировала в ближайшее местечко Житно, где и явилась в советскую комендатуру. Через несколько дней англичан отправили в Москву, а оттуда в Лондон.

5. Польский вопрос как “головная боль человечества”

4 февраля 1945 года в Ялте открылась вторая конференция руководителей правительств трёх великих держав. Она продолжалась до 11 февраля. Среди важных проблем войны и послевоенного устройства мира обсуждалась и проблема Польши.

При этом касались вопросов её границ. С восточной границей Польши западные союзники были давно согласны. Поэтому сейчас Рузвельт особый упор сделал на состав будущего польского правительства. Это была последняя попытка западных стран надавить на Сталина.

7 февраля Рузвельт говорил: “Больше всего интересует нас вопрос о польском правительстве”. Но он лукавил. Для американского президента не была важна та или иная граница Польши. Не интересовала его легальность или долгосрочность того или иного польского правительства, поскольку известно, что в Польше в течение нескольких лет правительства не было вообще, и это никого не беспокоило.

На заседании в Ливадии 6 февраля Рузвельт заявил, что в США проживает 5-6 миллионов лиц польского происхождения, и его, Рузвельта, позиция, как и позиция основной массы поляков, проживающих в Соединенных Штатах, совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране. Он, Рузвельт, за линию Керзона. И тут же довольно лукаво добавил: “С этим, в сущности, согласно большинство поляков, но поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы “не потерять лицо”.

Сталин не мог пропустить случая, чтобы не вставить вопрос:

– О каких поляках идёт речь? О настоящих или эмигрантах? Настоящие поляки проживают в Польше.

Рузвельт искусно вывернулся, говоря, что все поляки хотят получить кое-что, чтобы спасти “своё лицо”. Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона. Его положение как президента было бы облегчено, если бы Советское правительство дало полякам возможность сохранить “лицо”, то есть уступило бы полякам Львов и нефтяные районы на юго-востоке от Львова. Он, Рузвельт, не настаивает на своём предложении, но хочет, чтобы Советское правительство приняло это во внимание.

Наиболее же существенной частью польского вопроса является вопрос о создании постоянного правительства в Польше (и это было самым главным; по поводу Львова – это так, реверанс в сторону поляков).

Однако Рузвельт считал, что “США, Англия и Советский Союз могли бы помочь Польше создать временное правительство до того времени, пока не появится возможность произвести свободные выборы в стране. В этом направлении следует сделать что-то новое, что-то подобное струе нового свежего ветра в этом тёмном вопросе...”

В Ялте Рузвельт предложил принцип проведения многопартийных выборов на освобождённых Красной армией землях и формирование коалиционных правительств (с фактической ориентацией на Запад). Это было бы приемлемым для Советского Союза лишь на переходный период после поражения гитлеровской Германии. Но, как в те дни заметил Молотов, коалиционные правительства в Восточной Европе долго не протянут.

Сталину было хорошо известно, что ни у американцев, ни у англичан нет чёткой политики в отношении послевоенного будущего стран Восточной Европы. У союзников не существовало ни согласованности в этом вопросе, ни специальной программы. Всё, чего они хотели, – это вернуть к власти в Польше и Чехословакии правительства, находившиеся в изгнании в Лондоне.

Всё это говорило о том, что существовала возможность обеспечить в Ялте приемлемое для советской стороны разделение сфер влияния в послевоенной Европе и на Дальнем Востоке. В Ялте согласились – и Сталин тоже, – что польское правительство в изгнании должно получить в новом коалиционном правительстве Польши несколько важных постов.

Позиции союзников относительно организации такого правительства и его персонального состава первоначально сильно расходились. Но дебаты в Ялте завершились тем, что Рузвельт и Черчилль уступили Сталину: было решено видоизменить существующее в Варшаве с января 1945 года правительство, где все решающие посты занимали коммунисты, включив в него несколько представителей либеральной демократии, “лондонцев”.

Но Ялтинская конференция не определила персонального состава этого нового правительства. Было решено уполномочить наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова, послов США и Великобритании в СССР А. Гарримана и А. Керра сформировать состав этого правительства. Была создана так называемая “комиссия трёх”.

И на заседаниях конференции, и потом, на заседаниях этой новой комиссии называлось много имён деятелей польской эмиграции и подполья, которых желательно было, по мнению западных союзников, ввести в состав польского правительства.

Советские дипломаты резко возражали против приглашения на переговоры и в состав будущего правительства крупных деятелей крестьянского движения В. Витоса (из Польши) и С. Миколайчика из Лондона. Советская сторона требовала в качестве неперемennого предварительного условия публичного признания ими итогов Ялтинской конференции по польскому вопросу – признания границ и участия коммунистов в правительстве.

Точку во всех разговорах о “судьбе Великой Польши” поставило выступление Сталина 6 февраля 1945 года на одном из заседаний Ялтинской конференции, где рассматривался вопрос о Польше. Советский лидер изложил своё видение этого вопроса, а также познакомил с целями СССР в Польше. Эта позиция, поданная чётко и понятно, убедила и Черчилля, и Рузвельта. Она была изложена в отчёте о Ялтинской конференции.

Позиция эта была настолько логична и исторически правильна, что в Польше до сих пор предпочитают о ней умалчивать – слишком уж она разоблачает лондонских польских делегатов. Вот подлинная стенографическая запись речи Сталина:

“Как только что заявил Черчилль, вопрос о Польше для Британского правительства является вопросом чести. Это понятно. Со своей стороны, однако, я должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.

Дело не только в том, что Польша пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападавший на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили чрез Польшу? Прежде всего, потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надёжно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше – это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Отсюда крутой поворот, который мы сделали в отношении Польши от политики царизма. Известно, что царское правительство стремилось ассимилировать Польшу. Советское правительство совершенно изменило эту бесчеловечную политику и пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения её независимости. Именно здесь коренятся причины того, почему русские стоят за сильную, независимую и свободную Польшу.

Теперь о некоторых более частных вопросах, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия.

Прежде всего, о линии Керзона. Президент предлагает, чтобы Советское правительство уступило полякам Львов и некоторую часть Львовской области. Черчилль считает, что такой шаг был бы жестом великодушия со стороны СССР. Однако должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведёте нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надёжными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом я вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами

продолжится ещё немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счёт Германии на Западе.

Во время пребывания Миколайчика в Москве он спрашивал меня, какую границу Польши на Западе признает Советское правительство? Миколайчик был очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Нейсе. В порядке разъяснения нужно сказать, что существуют две реки Нейсе: одна из них протекает более к востоку, около Бреслава, а другая – более к западу. Я считаю, что западная граница Польши должна идти по западной Нейсе, и прошу Рузвельта и Черчилля поддержать меня в этом.

Другой вопрос, по которому я хотел бы сказать несколько слов, – это вопрос о создании Польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Думаю, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют меня диктатором, считают меня не демократом, однако у меня достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать Польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия. Подходящий момент для этого был прошлой осенью, когда Черчилль приезжал в Москву и привёз с собой Миколайчика, Грабловского и Ромера. В Москву тогда были приглашены и представители люблинского правительства.

Между лондонскими и люблинскими поляками была устроена встреча. Наметились даже некоторые пункты соглашения. Черчилль об этом должен помнить. Затем Миколайчик уехал в Лондон с тем, чтобы очень скоро вернуться в Москву для завершения шагов по организации Польского правительства. Вместо этого, однако, Миколайчик был изгнан из Польского правительства в Лондоне за то, что он отстаивал соглашение с люблинским правительством. Нынешнее Польское правительство в Лондоне, возглавляемое Арцишевским и руководимое Рачкевичем, против соглашения с люблинским правительством. Больше того: оно относится враждебно к такому соглашению. Лондонские поляки называют люблинское правительство собранием преступников и бандитов. Разумеется, бывшее люблинское, а теперь варшавское правительство не остаётся в долгу и квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников. При таких условиях как их объединить? Я этого не знаю.

Руководящие лица варшавского правительства – Берут, Осубка-Моравский и Рорля-Жимерский – не хотят и слышать о каком-либо объединении с Польским правительством в Лондоне. Я спрашивал варшавских поляков, на какие уступки они могли бы пойти? Ответ был следующий: варшавские поляки могли бы терпеть в своей среде таких лиц из числа лондонских поляков, как Грабский и Желиговский, но они и слышать не хотят о том, чтобы Миколайчик был премьер-министром. Я готов предпринять любую попытку для объединения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех. Что же делать? Может быть, вызвать сюда варшавских поляков? Или, может быть, вызвать их в Москву и там с ними поговорить?.. Во всяком случае, я с чистой совестью могу сказать, что новое варшавское правительство, возглавляемое Берутом и Моравским, имеет никак не меньшую демократическую базу, чем, например, правительство де Голля.

В заключение я хотел бы коснуться ещё одного вопроса, очень важного вопроса, по которому буду говорить уже в качестве военного. Чего я как военный требую от правительства страны, освобождаемой Красной армией? Я требую только одного: чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта. В конце концов, для военных довольно безразлично, какое это будет правительство, важно лишь, чтобы им не стреляли в спину. В Польше имеется варшавское правительство. В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с подпольными кругами, именующимися “силами внутреннего сопротивления”. Как военный, я сравниваю деятельность тех и других и при этом неизбежно прихожу к выводу: варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной армии, а от “сил внутреннего сопротивления” мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти “силы” уже успели убить 212 военнослужащих Красной армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы

о регистрации радиостанций на освобождённой Красной армией территории. “Силы внутреннего сопротивления” нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Я должен прямо заявить, что, если эти “силы” будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать. В конечном итоге, с чисто военной точки зрения, варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше вредными. Конечно, военные люди всегда будут поддерживать то правительство, которое обеспечивает порядок и спокойствие в тылу, без чего невозможны успехи Красной армии. Покой и порядок в тылу – одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело”.

Черчилль пытался возражать, говоря, что у Советского правительства и Британского правительства различные источники информации. Мол, Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы 1/3 польского народа. Таково мнение Британского правительства. Но тут же признал, что нападения на Красную армию в тылу недопустимы.

И сразу же, явно пытаясь сохранить лицо, заключил, что Британское правительство не считает, что у люблинского правительства имеются какие-либо основания рассматривать себя опирающимся на широкую базу, поскольку, по крайней мере, можно судить по имеющейся у Британского правительства информации, которая, конечно, может быть и небезупречна. . .

Этим британский премьер полностью признал правоту Сталина и косвенно – своё поражение.

Молча слушавший всё это президент Рузвельт закончил встречу фразой, ставшей знаменитой: **“Польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль...”** И Черчилль, стараясь, чтобы последнее слово на этом совещании осталось за ним, заключил: **“Надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству”**.

И всё же Черчилль решил взять реванш. На встрече со Сталиным 10 февраля, в присутствии Молотова и Идена, он с деланной озабоченностью заявил:

“Я буду откровенен. Я не знаю, что происходит в Польше, и в отношении информации о событиях там целиком завишу от милости Польского правительства. В результате этого поляки в Лондоне широко распространяют свои версии событий в Парламенте. Я хочу защитить общее положение. Как я могу это сделать, если не осведомлён о действительном положении в Польше? Меня могут спросить в Парламенте, могу ли я послать людей в Польшу? И мне придётся ответить на этот вопрос отрицательно. Это будет содействовать распространению польских сплетен в Англии”.

Черчилль откровенно хитрил и хитрил целенаправленно. Что происходит в Польше, он знал прекрасно. Уже две недели, как английская миссия “Фрестон” возвратилась с помощью советских властей на остров, и Британское правительство получило весьма подробный отчёт о происходящем в стране. Сведения были самыми свежими и полными.

Знал Черчилль и о том, что всё это прекрасно известно Сталину. Но ему надо было сделать жест. Он уже сейчас думал о будущем, о предстоящих выборах, о привлечении новых сторонников и не желал терять старых. Надо было показать, как он постоянно и неуклонно борется за польские интересы. Хотя эти интересы он давно уже предал и саму Польшу благополучно сдал. Но он был опытным политиком. Сталин это прекрасно понимал и даже где-то подержал игру Черчилля. Потому на заключительную фразу английского премьера о том, что **“Британское правительство, естественно, разрешило бы послать советской миссии в любое место в тылу союзных войск, будь то в Греции, Италии или Фландрии”**, Сталин спокойно ответил: **“У де Голля есть свой представитель в Люблине. Может быть, Британскому правительству направить такого же представителя в Польшу? Можно, наконец, послать в Польшу корреспондентов. До сих пор Британское правительство не ставило этого вопроса перед Советским правительством. Но я думаю, что, если такой вопрос будет поставлен, то поляки не будут возражать”**.

Этим Сталин ещё раз подчеркнул главам западных держав: в Польше есть правительство, оно законное, и вести переговоры и получать сведения о положении в стране нужно только от него.

И Черчилль, и Иден пытались ещё настаивать на посылке своих представителей в Польшу до решения вопроса о составе нового правительства, заявляя, что им необходимо иметь информацию для доклада в Парламенте. И снова столкнулись с твёрдой позицией советской стороны. Сталин заявил: *“У Британского правительства в Польше будет посол, и у посла будут сотрудники”*, — дав тем самым ясно понять: в Польше есть законное правительство, сотрудничайте с ним...

И в тот же день Молотов вручил Гарриману и Идену специальное заявление Советского правительства:

“Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом, в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, имеющее дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, а также Правительства Великобритании и США установят с Польским Временным Правительством Национального Единства дипломатические отношения”.

По вопросу границ Ялтинская конференция постановила: *“На востоке граница должна идти по линии Керзона с отклонениями в определённых местах от 5 до 8 километров в пользу Польши”*.

И ещё было признано, — что очень важно: *“Польша должна получить существенное территориальное приращение на севере и на западе”*.

Ялтинское соглашение, где официально был зафиксирован послевоенный раздел мира между США, Англией и СССР, явился признанием СССР великой державой. После Ялты Россия стала одним из центров мировой политики, от которого зависело будущее всего человечества и судьбы мира.

Точка была поставлена. Все попытки англичан попытаться спасти польских эмигрантов окончились неудачей. Впрочем, британцы не очень-то и старались.

6. Неизбежность перемен

В “польском” Лондоне, когда узнали о решениях Ялтинской конференции, начался визг. Господа в потёртых фраках выпустили заявление — призыв к общественному мнению мира, своеобразный вопль отчаяния, который напечатало полуофициальное польскоязычное издание *“Дженник польский и дженник солдата”*.

Самый главный пункт этого вопля гласил: *“Решения конференции трёх, касающиеся Польши, не могут быть признаны польским правительством и не могут обязывать польский народ. Отрыв от Польши восточной половины её территории путём навязывания так называемой линии Керзона в качестве польско-советской границы польский народ воспринимает как новый раздел Польши, на этот раз произведённый союзниками Польши”*.

У поляков, как всегда, оказалась короткая память. Они совершенно *“забыли”*, что с линией Керзона они полностью согласились ещё в 1921 году во время переговоров в Риге после окончания советско-польской войны.

Заявление это появилось в печати после 12 февраля. Но англичане к тому времени уже совершенно перестали считаться с правительством Арцишевского.

Черчилль, вернувшись в Лондон, говорил на заседании правительства (военного кабинета) 19 февраля, что он *“вполне убеждён в доброй воле Сталина по отношению к миру и к Польше”*, и не думает, чтобы *“Россия могла бы иметь что-либо против постановлений, какие были приняты по вопросу о свободных и честных выборах в этой стране”*. То же самое он заявил через неделю в Палате общин. Узнав об этом, эмигрантское правительство всё поняло и стало всерьёз задумываться о своём будущем. Похоже, что вскоре англичане перестанут его признавать; надо было задуматься и о судьбе архивов, обеспечении государственных чиновников, о средствах для *“продолжения работы в изгнании”*.

А тут ещё 20 февраля пришла из Польши радиограмма от Янковского, шокированного решением и заявлением лондонцев. Он писал: *“На что рассчитывает правительство, отменяя решения Ялтинской конференции? Каков план его действий?”* И заканчивал: *“Ваше молчание губительно”*.

Аналогично англичанам на польские события реагировали и в США. Ещё в Ялте Рузвельт подчеркнул, что *“Польша представляет потенциальный источник беспокойства в послевоенной Европе”*.

Направленный в США ещё генералом Сикорским для связи с Объединенным комитетом начальников штабов полковник Л. Миткевич с военной точностью и полной определенностью описал состояние мнений по польскому вопросу в США: расчёты на быстрое изменение расклада сил и на быстрый вооружённый конфликт между Западом и Советской Россией ошибочны. . .

В этом раскладе международных сил Польша не может рассчитывать на практическую и непосредственную помощь в организации её жизненных вопросов со стороны Соединённых Штатов и Великобритании.

Вместе со всеми народами средне-восточной Европы – три балтийских государства, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Австрия, Югославия, Болгария и, скорее всего, Греция и Польша, окажутся в сфере исключительной доминанции российских интересов.

Следует признать верным, что народы средне-восточной Европы под давлением действий советского аппарата вынуждены будут принять очень серьёзные изменения общественного строя, чтобы стать похожими на остальную часть Советского Союза. Совершенно неизбежно, что в этих переменах примут очень серьёзное участие самые крупные в этих странах рабоче-крестьянские массы. Существуют все данные, благоприятствующие революционным движениям в средне-восточной Европе, особенно в Польше, Румынии и Венгрии, особенно с точки зрения аграрного вопроса.

Всё это было очень верно подмечено и правильно проанализировано.

7. Решение будет принимать Москва

Политические предводители уже почти несуществующего “подпольного государства” тоже хотели обозначить своё место и роль в новой ситуации, созданной решениями Ялтинской конференции.

28 января 1945 года генерал Татар получил послание генерала Окулицкого: *“...предвижу, что Крайовый совет министров (подпольный) выйдет из подполья в момент создания в Москве Совета национального единства; также предвижу, что последует давление со стороны Крайовой рады министров, чтобы я тоже вышел из подполья. Но я хочу остаться в подполье и бороться за свободную Польшу. Выйду из подполья только после явного приказа. Прошу сообщить оценку ситуации и дать указания”.*

Окулицкий очень точно определил, что происходит. Лондонцы, находящиеся в Польше, решили выйти из подполья очень быстро.

Радиограмма генерала подействовала. Правительство в Лондоне согласилось с тем, что Окулицкий не должен выходить из подполья. А правительство пусть выходит, но оставит заместителей в конспирации, на всякий случай.

21 февраля Черчилль принял генерала Андерса. До этого – за день – он совещался с Миколайчиком. Андерс записал по памяти разговор и приводит его в своих мемуарах, довольно, впрочем, сомнительных во всех отношениях.

“Черчилль: Вы недовольны результатами Ялтинской конференции?”

Андерс: Мало сказать, что я недоволен. Считаю, что произошло огромное несчастье. Такого решения вопроса польский народ не заслужил, и мы, борющиеся здесь, не могли этого ожидать (...).

Черчилль (очень возбужденно): Вы сами виноваты. Я уже давно уговаривал вас решить вопрос с границами с Советской Россией и передачей ей земель на восток от линии Керзона. Если бы вы меня послушали, всё дело выглядело бы сегодня иначе. Мы восточных границ Польши никогда не гарантировали”.

Андерс сидел молча, да и что он мог сказать? Его попытка стать политиком не удалась, как и попытка стать полководцем.

19 марта Кларк и Гарриман представили Молотову совместную ноту, в которой излагалась точка зрения на работу “комиссии трёх”. Английский посол упоминал среди лиц, намеченных к переговорам в Москве, и Миколайчика, который, несомненно, должен там быть, поскольку в Соединённом королевстве он считается выдающимся польским демократическим деятелем и его биография свидетельствует, что он желает решения польских проблем в духе “дружбы и союза с Советским Союзом”.

Молотов ответил послам 22 марта.

Советский нарком сомневался, что Миколайчика можно причислить к числу демократов, и представил собственный сценарий дальнейшей работы:

основу нового правительства может составлять только Временное правительство, с его представителями должна состояться первая консультация, и только тогда появится возможность пригласить в Москву тех поляков, которые получат общую поддержку комиссии, и, наконец, в четвёртой фазе – возможное приглашение следующих, других польских политиков.

В эти же дни польский дипломат в Вашингтоне Я. Вшелакий в своём письме лондонцу А. Тарновскому так оценивал место польских дел в американской политике: *“В игре больших интересов между государствами польская карта является одной из многих, которые использует американская политика. Не только те или иные границы Польши, но даже независимость её не являются жизненным американским интересом”*.

У польского дипломата не было никаких иллюзий. Он не сомневался, что “спекуляция на войне Америки с Россией, которыми периодически занимаются лица, наделённые буйной фантазией, является бесплодной”.

Это было написано в апреле, уже после смерти Рузвельта.

Сталин давно хотел дать понять, и довольно решительно, что в сфере влияния Советского Союза решение по всем важнейшим вопросам будет принимать Москва. И он это сделал – достаточно спокойно, но весьма твёрдо.

Как сказал Сталин, в странах, освобождаемых армией того или иного государства, в конце концов, должен образовываться такой порядок, который эта армия принесла с собой. Это поняли и в Лондоне, и в Вашингтоне. Но до господ в потёртых фраках из лондонского польского гетто это явно не дошло.

8. “Подпольное государство” и его армия

27 сентября 1939 года в Варшаве была образована военно-политическая организация “Служба победы Польши” (СПП). Её возглавил генерал М. Токажевский-Карашевич. Но она просуществовала совсем недолго. Премьер правительства и главный вождь В. Сикорский организовал свой Союз вооружённой борьбы (в Париже). Это было замыслено как чисто военная организация с заданием ведения войны, объединения военных усилий всех патриотических групп и подготовки решительной схватки с оккупантами. Основу этой организации составляли офицерские кадры СПП.

Польские политики не захотели оставаться в стороне от военных и в феврале 1940 года создали Политический согласительный комитет. И, наконец, в декабре 1940 года начала действовать организация под названием “Делегатура правительства в стране”.

Все три эти структуры создали “подпольное государство” (хотя само это название стали использовать лишь несколько лет спустя), которое, несмотря на террор оккупантов, в течение нескольких лет неустанно росло и усиливалось, стало обладать собственной хорошо законспирированной армией, подпольной системой образования и культуры, судебными органами и полицией, даже разветвлённым административным аппаратом (в основном, на территории генерал-губернаторства), готовящимся к планируемому всеобщему вооружённому восстанию и к деятельности после освобождения Польши от оккупации.

Вооружёнными силами подпольного государства была Армия Крайова – так её стали называть с 14 февраля 1942 года вместо армии СВБ. Задачи АК определялись как “борьба за восстановление государства с оружием в руках”. Кроме того, аковцы занимались разведывательной деятельностью в пользу англичан.

К активным военным действиям аковцы стали переходить после перелома в войне на советско-германском фронте. Пока же действовал приказ: “Оружие к ноге”. Если бы не победы советского оружия, польское так бы и осталось “у ноги”.

Но официально о существовании этой подпольной армии сообщил премьер Миколайчик лишь 6 января 1944 года, выступая в польской программе “Би-Би-Си”. Кроме того, он сообщил, что с 1 сентября 1942 года в Польше действует делегат правительства РП, имеющий все необходимые полномочия. Этим делегатом был Я. Янковский (“Соболь”). У него были заместители в ранге министров.

По мере приближения Красной Армии к польским границам приоритетной стала политическая составляющая в деятельности АК – обеспечить установ-

ление власти эмигрантского лондонского правительства на довоенных территориях и не допустить создания там правительства, лояльного СССР. Лондонцы желали освобождения Польши только с Запада. Освобождение с Востока расценивалось ими как угроза концепции восстановления территориальной целостности Польши в довоенных границах и реальная угроза национальной независимости в случае её советизации и допуска к власти коммунистов.

Вопрос о деятельности, да и просто о существовании Армии Крайовой, как выражались и теперь выражаются польские публицисты, “в период вторжения Красной армии” (вот уж чьему бесстыдству и лицемерию можно позавидовать!), рассматривался в Лондоне на довольно раннем этапе. И тут – редкий случай! – польских эмигрантских политиков и их представителей, находившихся в стране, чувство реальности не подвело.

В ноябре 1943 года генерал Коморовский попытался объяснить генералу Соснковскому, что “сокрытие и нахождение в конспирации нашей сейчас широко разветвлённой организации будет невозможно под советской оккупацией. Практически я ограничу количество следуемых объявиться руководителей и частей до необходимого минимума. Остальные попытаюсь сохранить с помощью формального роспуска. В глубокой тайне подготавливаю, на случай второй российской оккупации, союзную скелетную руководящую сеть новой тайной организации для распоряжения пана генерала (...). Это будет отдельная сеть, не связанная с широкой организацией Армии Крайовой”.

Проще выражаясь, существование под немецкой оккупацией никакой серьёзной угрозы для польских “подпольщиков” не представляло. С немцами они всегда умели договориться. Но русские возбуждали у них не только ненависть, но и неприкрытый страх!

Поэтому уже осенью 43-го года руководство АК рассматривало новые варианты деятельности своей организации, в которой, по крайней мере, два элемента были уже очевидны: формальный роспуск АК и создание значительно более крупной по кадровому составу руководящей сети новой организации. Эта сеть должна была состоять из офицеров АК и была бы заполнена в случае необходимости членами “формально распущенной” Армии Крайовой. Работа в этом направлении позволила создать в мае 1944 года руководящий орган организации “Не” (сокращение от “Неподлеглость” – ‘независимость’).

В тот период, по польским весьма оптимистическим оценкам, численность АК составляла около 120 тысяч человек, объединённых в 2500 взводов. Но, как оценивал генерал Окулицкий, в конце 1944 года “Армия Крайова находилась в состоянии глубокого кризиса. Падение и разрушение Варшавы – центра польской национальной жизни, которая своим примером руководила страной почти пять лет оккупации, – не могло не оставить своего следа на всём остальном обществе. В общественности стали расти и шириться настроения пораженческие, которые не пощадили даже ряды Армии Крайовой”.

Эти оценки Окулицкий представил в начале декабря 1944 года. Заметил генерал и появление в обществе новых настроений и новой действительности, связанной с деятельностью “Люблинской Польши”.

Однако ценой огромных усилий Окулицкому удалось воссоздать структуры АК, его Главной комендатуры, хотя и в значительно более скромном размере, чем это было весной 1944 года. Из Лондона было получено указание усилить работу конспиративных организаций на территориях, освобожденных Красной армией.

Было прислано и решение по поводу аграрного вопроса. Там говорилось: “Всё, что происходит сейчас, это временное состояние, а новых владельцев земли следует считать её поверенными до момента окончательного решения этого вопроса согласно с волей легального представительства Нации”.

Такое явно не понравилось бы большинству сельского населения.

Конечно, ПКНО был ещё слаб, но за ним была Красная армия, и верно заметил Миколайчик 27 октября 1944 года, что он (комитет) “находится в стране и всё активнее развивает свою деятельность”.

Всё, происходившее в Польше, находилось под внимательным контролем англичан. Британской контрразведке нужно было читать почту стран-союзниц и правительств государств, находящихся в эмиграции в Лондоне. А переписка эта в годы войны велась интенсивно. И сведения там были ценные. Иногда удавалось что-то добыть, что-то переснять. Но как сделать этот источник информации постоянным?

Начальнику одного из отделов английской разведки Ми-5 Энтони Блайту (одновременно он был агентом НКВД) удалось решить эту задачу.

Под разными предлогами задерживали отправку самолётов. Дипкурьерам предлагали на это время поместить почту в сейф аэропорта, самим его опечатать и отдохнуть в гостинице. Через несколько часов эти же дипкурьеры открывали сейф, вынимали его содержимое и готовились к вылету – всегда срочному. Команда Блайта за это время быстро открывала сейф и дипломатические вализы и переснимала документы. Документы из Бельгии, Дании, Швеции, Швейцарии, Чехословакии и Польши поступали в Москву. Наибольший интерес представляла переписка польского эмигрантского правительства. Были вербовки и польских министров.

9. “С оружием в руках выступают против Красной армии...”

Ещё на Крымской конференции глав великих держав И. Сталин говорил о “возникновении гражданской войны позади нашей линии фронта”.

В польском подполье было накоплено большое количество оружия, что после поражения Варшавского восстания (август-сентябрь 1944 года) привело к утрате контроля руководством “подпольного государства” над вооружёнными отрядами и использованием оружия. Часть отрядов АК включилась в систематическую вооружённую борьбу против новой власти, часть оставшихся в подполье вооружённых людей занималась грабежом, поборами, громила продовольственные и оружейные склады, административные учреждения, отделения милиции.

В тылу советских войск на уже освобождённых польских землях начались активные действия аковцев против представителей новой власти и особенно – против советских воинов-освободителей.

Донесения НКВД по этому вопросу начались сразу же после вступления в Польшу советских войск.

“16 октября 1944 года.

В Холмском уезде действуют отряды АК (...). Эти отряды совершили более 10 вооружённых нападений. Убито 15 человек из числа местных работников.

В Замостьянском уезде повстанцами убито 11 человек, из них 5 военнослужащих Красной армии.

В Люблинском уезде действует отряд АК численностью до 300 человек. Совершено убийство пяти военнослужащих Красной армии.

В Владовском уезде сформирован отряд АК, насчитывающий 200 человек, совершено 6 убийств работников милиции.

В октябре-ноябре 1944 года враждебная деятельность организаций АК на освобождённой территории Польши по отношению к Советскому Союзу и Красной армии значительно возросла и приняла крайне острые формы.

Широко проводя сопротивление мероприятиям командования Красной армии по изъятию у населения оружия и радиоаппаратуры, по привлечению населения на оборонительные работы, по поставкам продовольствия и фуража, не стесняясь в грязной провокационной стряпне различных обвинений Советского Союза по отношению к Польше по указаниям свыше, местные органы АК приступили к широкому применению вооружённых нападений на воинские части и террористическим актам над офицерским и рядовым составом Красной армии.

Так, за время пребывания частей 1-го Белорусского фронта на территории Польши имели место 50 случаев террористических выступлений банд АК против военнослужащих Красной армии. Особенно много (33) их было в октябре и в начале ноября (11).

Как наиболее характерные случаи террористических выступлений необходимо отметить следующие:

13 августа в м. Рыки Люблинского воеводства террористами убит капитан Красной армии Парамонов, 21 октября войсками НКВД по охране тыла в селе Тужисто Луковского уезда задержаны террористы из группы “Орлик” Пьентек и Антоневич, которые сознались в совершении и убийства капитана Парамонова.

1 октября в 21:00 произведено вооружённое нападение группы АК – 30 чел. – на пост №3 190-го дорожного комендантского участка, ранен начальник поста ст. сержант Зазябов.

5 октября группа диверсионно-террористического отряда "Загончик" в гмине Целеюв, идя на выполнение диверсионного задания, была остановлена патрулем ОКР "Смерш" 69-й армии. Во время проверки документов террористы напали на патруль и убили ст. сержанта Сокура, тяжело ранили старшину Вакуленко.

11 октября в районе дер. Радилово Холмского уезда участниками АК были схвачены и уведены в лес военный комендант гмины Жмудзь лейтенант Ветошкин и находившийся вместе с ним сотрудник милиции.

15 октября в Люблине проходил арtdивизион 892-го артиллерийского полка. Возле колонны проехала польская автомашина, из которой в колонну была брошена граната. Взрывом гранаты ранены зам. командира арtdивизиона по политчасти капитан Григорьев и командир батареи Бабенко.

В тот же день в Люблине была обстреляна автомашина командира арtdивизиона 92-го арtpолка майора Сытника, ранен шофёр.

18 октября в Люблине проходила колонна 323-го стрелкового полка. Колонну обогнала машина с флагом Войска Польского и умышленно врезалась в голову колонны, после чего скрылась. Ранение получили 6 военнослужащих.

19 октября участниками АК во время исполнения служебных обязанностей убит военный комендант гмины Тарло мл. лейтенант Куракин и милиционер местной милиции Озан, трупы которых бандитами были зарыты в землю.

При извлечении трупов установлено, что военный комендант Куракин, кроме пулевых ранений, имел два выбитых зуба, сломанную ногу и ранение головы от удара деревянным предметом, что свидетельствует о зверском издевательстве над ним.

22 октября участниками АК, бывшими сотрудниками милиции гмины Вырожемы, было совершено нападение на военного коменданта указанной гмины, в результате которого тяжело ранен военный комендант гмины капитан Осипов и старшина – работник комендатуры.

25 октября на хут. Липняк была направлена оперативная группа управления контрразведки "Смерш" фронта. При приближении к хутору оперативная группа подверглась неожиданному обстрелу, в результате которого тяжело ранен один боец, два бойца разоружены и два сотрудника милиции уведены бандгруппой в неизвестном направлении.

25 октября дозор разведывательно-пограничной группы под командой ст. лейтенанта Воронкова, находясь на южной окраине хут. Романовск (Рудник) по изъятию оружия, был обстрелян группой аковцев, в результате чего ранено 4 пограничника, в том числе и т. Воронков. Организовав преследование, дозор убил двух и задержал трёх аковцев.

29 октября в селе Гуры участниками АК из бандгруппы, руководимой поручиком "Опель", совершено вооружённое нападение на служебный наряд 127-го погранполка, в результате которого был ранен сержант Урвайцев.

30 октября комендант Устимовской волости Владавского уезда с красноармейцем Паршиным и представителем правительства УССР по переселению украинского населения выехал в деревню Красное и остановился у жителя этой деревни Пакуды для оформления документов по переселению. В 21:00 в деревню прибыло 7 подвод с аковцами, которые обстреляли и зажгли дом гр-на Пакуды, где погибли комендант Гуров, красноармеец Паршин, представитель по переселению Тарасов и семья Пакуды.

7 ноября в гор. Люблин была порвана связь между НП и огневыми позициями 3-го дивизиона 892-го артиллерийского полка. Для исправления линии была послана группа связистов, которую обстреляли неизвестные в 200 метрах от места обрыва. Ранен ст. сержант Зеленин.

8 ноября в гор. Парысув военным комендантом был задержан активный участник АК, который в сопровождении одного бойца направлялся в гор. Гарволин. В 13:00 при выходе из города Парысув двое вооружённых <аковцев> напали на конвоира, которого выстрелом из пистолета тяжело ранили в голову и, захватив задержанного участника АК, скрылись.

12 ноября во Владавском уезде в районе деревни Пшемярки вооружённая банда аковцев в количестве 15 человек напала на двух красноармейцев конского депо 7-го гвардейского кавалерийского корпуса Шурха В. И. и Гореликова Т. Д. Оба красноармейца убиты, захвачены лошадь, два седла, вооружение и обмундирование красноармейцев.

13 ноября комендант Воля-Верещагинской волости Владавского уезда ст. лейтенант Демяненко с группой милиционеров выехал в село Залучье для изъятия приёмника у поляка Грабовского. Выполнив задание и возвращаясь в волостной центр, Демяненко с группой милиционеров был обстрелян бандой АК, в результате обстрела убит Демяненко и 4 милиционера, труп Демяненко изуродован до неузнаваемости.

13 ноября в дер. Понеснерки Воля-Верещагинской волости Владавского уезда найдены трупы военнослужащих кавполка Епифанова и Максимова, которые работали в этом селе по заготовке сена.

20 ноября на восточной окраине Борки бандгруппа неустановленной численности из ручных пулемётов и пистолетов обстреляла колонну автомашин одной из частей Красной армии. Жертв не было. Задержано 6 бандитов.

Учитывая, что всё это не может не нарушать нормальной боевой деятельности войск фронта, уже представляет серьёзную угрозу благополучию и жизни отдельных военнослужащих Красной армии, считаю необходимым ещё более усилить меры репрессий ко всем аковцам, активно и с оружием в руках выступающим против Красной армии, о чём даны войскам и органам “Смерш” соответствующие указания.

Член ВС 1-го Б. Ф. г-л-т Телегин
25 ноября 1944 г.”

10. Первые успехи новой власти

Основными претендентами на вхождение в новое правительство стали лидеры “подпольного государства”. Те, кто находился в подполье пять лет и боролся в меру сил с врагом, совершенно обоснованно хотели принять участие в руководстве страной. Однако люди, находившиеся в польском пролондонском подполье, мало что знали о событиях текущей политики. Тем более – международной.

Впрочем, так было и раньше. Лондон видел в своих представителях в Польше лишь покорных исполнителей, но никак не самостоятельных политических деятелей, с которыми надо говорить на равных и постоянно информировать о последних политических событиях. Всё это очень не нравилось польскому подполью, а особенно Янковскому, который уже давно считал себя ключевой фигурой в стране. Ему уже не хотелось быть только лицом, передающим указания центра. Как его представитель, поддерживаемый к тому же политическими кругами в Польше, а с января 1944 года и Главной комиссией Совета национального единства, а также двумя первыми руководителями АК – Ровецким и Коморовским, – он стремился поднять ранг подпольного государства и, естественно, свой. Ему хотелось властвовать.

“Подковёрной” борьбой за власть он занимался с лета 1943 года и всю первую половину 1944-го. Но поражение Варшавского восстания и резко уменьшившаяся сила подпольного государства снова заставили его смотреть в сторону Лондона. Однако создание правительства Арцишевского при отсутствии в его составе Миколайчика и его партии “Стронництво людово” и то обстоятельство, что практически вся Польша была уже освобождена от немцев, решения Ялты, какая-то непонятная реакция на это “польского Лондона”, явное уменьшение доверия к правительству Арцишевского в стране и многое другое настойчиво заставляли думать о самостоятельных действиях.

Из Лондона ожидали получения серьёзной информации, денег, ясных доказательств, что правительство по-прежнему пользуется поддержкой англосаксов. Но с этим с каждым днём было всё хуже. Особенно беспокоило настроение населения в освобождённой Польше. Поначалу казалось, что позиция враждебности к коммунизму и Советскому Союзу станут постоянной чертой огромной части общественности, а новая система власти не пустит в обществе глубоких корней. Так и сообщалось в радиogramмах в Лондон.

И Гомулка в то время совершенно справедливо отмечал: “Борьбу с реакцией мы не в состоянии вести без Красной армии”. Но это было сказано чуть позднее, на пленуме ЦК ППС 20-21 мая 1945 года, когда АК всю развернула свою подпольную вооружённую борьбу против новой власти.

Действительно, в начале января особенно было видно, что общественная база новой власти была ещё довольно слабой. И если вывести советские войска, то своих, чтобы поставить на их место, ещё не было.

Безусловно, отношение к коммунистам и СССР было враждебным, но вскоре появились новые ноты. Генерал Окулицкий, умный и наблюдательный человек, сообщал в Лондон в самом конце января 1945 года (радиограмма была составлена через два дня после освобождения советскими войсками Варшавы): *“Говоря о настроениях низов, мне кажется, что мы сейчас вынуждены соблюдать большую осторожность в формулировке директивных указаний относительно бойкотирования Временного люблинского правительства”*.

И в эти же дни (25 января) Адам Бень отправил в Лондон радиogramму довольно панического содержания: *“По оценке Главной комиссии Совета национального единства, в обществе наблюдается всеобщая тенденция к работе в правительственном аппарате (создаваемом Люблинским временным правительством). Впереди интеллигенция разных политических направлений. Они действуют как по идейным, так и по оппортунистическим побуждениям”*.

Действительно, гигантская работа нового правительства и его несомненные успехи были видны. Это действовало, как магнит. У людей появилась воля и желание участвовать в подъёме страны из руин, восстановлении фабрик, шахт, школ, налаживании всей жизни.

И эти изменения во взглядах людей становились всё заметнее. Пролондонские настроения ещё существовали, но они уменьшались с каждым днём. Очень большое воздействие на польский крестьянский люд произвела земельная реформа.

Свои замечания выслал в Лондон и Янковский. В депеше от 15 февраля он писал: *“Деятельность временного люблинского правительства характеризуется исключительной невозможностью господствовать над ситуацией, царит хаос и отсутствует плановость в работе... К армии Жимерского на парадах общественность относится с равнодушием, с интересом присматриваясь к исхудалым лицам солдат и их порванным сапогам... рабочие и крестьянские массы разочарованы в новом оккупанте...”*

Но заключает свою радиogramму Янковский по-иному, совсем с другим настроением: *“Интеллигенция, прежде всего, высшая, не выдерживает. Соглашается на сотрудничество и предлагаемые посты. Бывают случаи, что и сотрудники Делегатуры делают то же самое. 6-й год неописуемо трудных условий жизни и труда, а также наша безнадежная политическая ситуация ломают людей даже достойных, желающих какого-то завершения”*.

Вот каким был климат, в котором Янковский и члены подпольного правительства принимали в феврале и марте решения, завершавшие их деятельность.

(Окончание следует)

ВЛАДИМИР ЧАРСКИЙ

ГУБНАЯ ГАРМОНИКА

Моё детство прошло в маленьком подмосковном посёлке Кратово. Это был посёлок железнодорожников в 40 километрах от Москвы по Рязанской (тогда говорили – Казанской) дороге, основанный ещё в дореволюционное время Николаем Карловичем фон Мекком. По воспоминаниям очевидцев, это был очень деятельный, энергичный, широко образованный и высококвалифицированный инженер-путеец. Он задумал создать в этом чудесном уголке природы город-сад для рабочих и служащих железной дороги. Проектирование этого объекта было поручено молодым архитекторам и инженерам В. Н. Семёнову, А. И. Таманяну и А. В. Щусеву. Все трое впоследствии стали известными архитекторами, оставившими глубокий след в градостроительстве нашей страны.

К сожалению, замечательный проект города-сада не удалось осуществить в полном объёме – помешала начавшаяся Первая мировая война, а затем революция и гражданская война. Тем не менее, из предусмотренного проектом школьного городка, который включал в себя пять учебных заведений, была построена одна начальная школа, в которой я проучился шесть лет (в начале 2000 года её снесли), жилой посёлок с бревенчатыми домами и застеклёнными террасами, а также дровяные сараи на больших приусадебных участках. К домам был проведён водопровод и канализация. Всё это было сделано добротнo и качественно и работает до сих пор, свыше ста лет без капитального ремонта! Кроме жилых домов, в посёлке были возведены церковь из красного кирпича, деревянная баня, пекарня и несколько магазинов. На небольшой речке Хрипанка, протекающей через посёлок, со дна которой брали песок для возведения железнодорожной насыпи, был вырыт огромный пруд около километра в длину с двумя живописными островами посередине.

О своём отце я помню немного. Вся память о нём свелась к одному его приезду из действующей армии. Мне было два с половиной года. Мы с мамой только что вернулись домой к маминим родителям из Ташкента, где были в эвакуации и жили на квартире в Кратово на Фаустовской улице у бабушки с дедушкой. Шёл второй тяжёлый год войны. Отец мой Виктор Артемьевич окончил перед войной Военно-инженерную Академию имени В. В. Куйбышева в Москве, морское отделение инженерно-командного факультета, и был направлен в 1938 году служить на Тихоокеанский флот на остров Русский под Владивостоком. Он поехал туда вместе с мамой, а в 1940 году мама вернулась домой к родителям, чтобы в спокойной обстановке родить ребёнка. После моего рождения мама вместе со мной вернулась к своему мужу. Во Владивостоке отцу выделили отдельную квартиру, но прожили мы в ней все вместе недолго. Военная обстановка на Дальнем Востоке была очень тревож-

ная. Ожидалось нападение Японии, и поэтому все семьи военных было приказано отправить на запад по месту жительства родственников. Так в 1941 году мы вернулись к маминим родителям в Кратово, а 22 июня началась Великая Отечественная война. Осенью этого грозного года немецко-фашистские захватчики подошли близко к Москве. Фашистская авиация бомбила Москву и ближайшие пригороды столицы. Ежедневно по несколько раз в день объявляла воздушную тревогу, даже несколько бомб было сброшено на город Раменское в трёх километрах от Кратово. В этой обстановке мой дедушка, используя свои возможности на железной дороге, где он работал, отправил мою маму со мной в эвакуацию в Ташкент, а свою жену, мою бабушку, – в Сасово под Рязанью. В декабре 1941 года началось первое наступление советских войск под Москвой. Ценой невероятных усилий враг был отброшен от Москвы на дальние подступы, и военная обстановка частично стабилизировалась. Намучившись на чужбине в Узбекистане целый год без приличного жилья, с ограниченными средствами и без знания узбекского языка, без родственников и знакомых, с маленьким ребёнком на руках, который постоянно болел, мама при первой же возможности вернулась со мной назад в Кратово, к своим родителям. Моя бабушка к тому времени тоже уже вернулась из Сасово.

В октябре 1942 года отца перебросили с Дальнего Востока на Калининский фронт в артиллерийский дивизион в действующую армию, где шли тяжёлые ожесточённые бои. Он был тогда в звании капитана. Воинский эшелон, с которым он прибыл в Москву с Дальнего Востока, загнали в тупик на окружной железной дороге. Там он должен был быть переформирован и отправлен непосредственно на передовую, где шло наступление немецко-фашистских войск. Отцу дали увольнение на одни сутки, и он приехал к нам повидаться с семьёй.

В тот момент мама куда-то ушла, а я с бабушкой сидел на деревянном крыльце у входа в дом. В руках я держал своего любимого зайца с длинными ушами. Внезапно распахнулась и с треском от пружины захлопнулась калитка, и по дорожке вдоль аллеи из кустов сирени к нам быстро подошёл какой-то человек в военной форме. Бабушка вскрикнула, вскопчила и бросилась к нему навстречу. Потом он подошёл ко мне, обнял меня и закурился со мной на месте, затем посадил меня на крыльцо, что-то тихо говорил и гладил меня по голове. Я только помню, что дал ему подержать своего любимого зайца. И всё. Дальше провал в памяти. Мама потом мне много раз рассказывала о том, что было дальше, но я этого ничего не помню.

Это была моя последняя встреча с отцом. В начале декабря 1942 года он погиб на Калининском фронте от смертельного ранения в живот осколком разорвавшейся мины. Папины письма к маме, письмо его сослуживца и очевидца его гибели, а также “похоронку” – официальное извещение о смерти – я до сих пор храню у себя. . .

На дворе буйствовала послевоенная весна, в тот год была поздняя Пасха. На деревьях набухли почки, и кое-где на солнцепёке начали распускаться молодые клейкие листочки. В воздухе пахло свежестью и слегка дымом от сгоревших накануне вечером прелых листьев и хвои, которые собирали в кучи и сжигали жители домов на своих участках. Я стоял у магазина, где уже толпились мои сверстники, ребята и девочки из нашей школы. В этот день обещали давать муку. Неожиданно со стороны станции подъехало несколько грузовых автомашин. Они остановились на дороге недалеко от нас, и мы увидели, как из них сначала вышли военные, вооружённые автоматами, а затем из накрытых брезентом машин вылезли люди в немецкой форме без знаков отличия. Это были военнопленные немцы. Они быстро достали из машин лопаты, кирки, ломы, прочий инструмент и принялись за работу. Эти пленные строили дорогу, разравнивали кучи песка, утрамбовывая его, и затем укладывали камни и брусья. Мы прекратили свои игры и с удивлением и ненавистью смотрели на пленных немцев. Так вот они, оказывается, какие, живые фашисты, которые напали на нашу страну, бомбили города, жгли деревни и сёла и убивали наших людей! Так близко немецких фашистов мы никогда не видели, разве только в кино.

На следующее утро, узнав о пленных немцах, на Муромскую улицу сбегалось полшколы наших учеников. Здесь были и младшие школьники, и ученики средних классов, и старшеклассники. Толпу ребят сдерживала охрана, не позволяя нам близко приближаться к пленным. Старшеклассники хмуро

смотрели на них, а мы, младшие школьники и четвероклассники, начали выкрикивать известные нам по кинофильмам о войне немецкие слова и выражения: “Хэнде хох”, “Гитлер капут” и прочее, и даже почему-то по-испански: “Но пасаран!” Затем мы начали бросать в немцев комки грязи и мелкие камни, валявшиеся вдоль дороги. После этого охрана отогнала нас от работающих пленных на значительное расстояние. В последующие дни эта вакханалия с нашей стороны продолжалась, но уже в меньшем масштабе. С каждым днём поглядеть на пленных и покидать в них камни приходило всё меньше и меньше ребят. В конце следующей недели нас осталось несколько человек. Это были ребята, у которых отцы погибли во время войны. Со всей детской непосредственностью и наивностью мы считали, что таким образом мы мстим им за наших отцов.

Охрана снисходительно смотрела на нас, а мы старались не промахнуться, чтобы случайно не попасть в наших солдат. Наловчившись метко стрелять из рогатки, я уже несколько раз попадал в немцев, и это было, как мне показалось, довольно ощутимо для них. Но вот я удачно прицелился и попал небольшим камешком с острыми краями прямо в лицо работавшему немцу, стоявшему ближе всех ко мне. У него по лицу потекла кровь. Стоявший недалеко от него охранник, увидев это, подозвал меня к себе, направив на меня автомат. Я не успел убежать, и мне пришлось идти к нему. Когда я подошёл, он начал меня ругать за то, что я ранил пленного. Я сказал, что я отомстил ему за моего погибшего на фронте отца. Ведь это сейчас он пленный, а на войне убивал наших родных и близких. Военный всё понял, ещё немного поворчал и перестал меня ругать. Во время нашего разговора ко мне подошёл тот самый немец, в которого я попал камнем, и, вытирая кровь с лица носовым платком, протянул мне губную гармошку, сказав что-то по-немецки. Я был страшно удивлён, но схватил эту гармошку и сразу побежал домой. Она была небольшого размера, коричневого цвета, с перламутровой отделкой. Это был потрясающий подарок! Все ребята мечтали о губных гармониках, которые после войны появились у нас на рынке. Они были очень дорогие, и, конечно, купить их наши родные не могли. Такая гармоника была только у одного из наших учеников, но он никому из нас не давал её даже подержать. А тут у меня появилась собственная! Потом я почувствовал, что совершил какой-то очень нехороший поступок. Ведь я взял подарок из рук врага, тем самым я как бы совершил предательство по отношению к памяти моего погибшего отца и к другим советским воинам, убитым немцами на нашей земле. Это чувство не давало мне покоя, я не знал, что мне теперь делать. Может быть, отнести её обратно и бросить к ногам ненавистного врага?.. Но в этом случае всё равно ничего не поменяется, так как я уже держал её в своих руках, и нет мне теперь прощения! Ночью я плохо спал, а утром решил посоветоваться с друзьями. На следующий день я принёс губную гармошку в школу, рассказал, при каких обстоятельствах я её получил, и показал ребятам. Никто из ребят не осудил меня за мой поступок, наоборот, радовались и завидовали мне, а кое-кто даже предложил пойти на дорогу и попросить у немцев ещё одну гармошку. Но это предложение все отвергли, и я постепенно успокоился.

С тех пор прошло более двадцати пяти лет... Я уже давно окончил школу, институт и работал в одном из объединений Государственного комитета по внешнеэкономическим связям. По роду работы мне предложили поехать в краткосрочную командировку в ГДР, поработать стендистом на ежегодной традиционной весенней Лейпцигской выставочной и торговой ярмарке. Я счёл большой удачей побывать в Германии, непосредственно познакомиться с жизнью и бытом послевоенных немцев и, конечно, обязательно посетить Берлин, где столько связано со Второй мировой войной, хоть издали посмотреть на Рейхстаг, где было водружено нашими прославленными бойцами знамя Победы и поставлена окончательная точка в жестокой и кровопролитной войне.

В последний день моего пребывания в ГДР я был приглашён на вечер советско-немецкой дружбы, который состоялся в доме культуры Группы советских войск в пригороде Берлина. После официальной части должен был состояться большой концерт с участием популярного американского певца и гитариста Дина Риды. Под аплодисменты на сцену вышла сначала большая советская делегация в составе представителей советского посольства, работников

торгпредства и офицеров из Группы советских войск, а затем немногочисленная немецкая делегация во главе с бургомистром близлежащего небольшого городка. Открыл это мероприятие чрезвычайный и полномочный посол СССР в ГДР Пётр Андреевич Абрахимов рассказом о том, как Советский Союз помогал немецкой республике в строительстве нового социалистического общества. Затем выступил один из немцев, известный спортсмен, чемпион мира и Европы по лёгкой атлетике. Он рассказал о большой и плодотворной работе, которую проводило правительство по расширению массового спорта и поднятию престижа страны на мировой арене. Следующим держал речь наш старший офицер из группы советских войск и сообщил об успешном проведении совместных учений советских и немецких военных подразделений и задачах, стоящих по защите священных рубежей наших стран. И так далее по очереди выступали почти все, сидящие в президиуме за накрытым красным кумачом столом.

Естественно, все выступающие пользовались услугами переводчиков. Но вот подошла очередь выступить бургомистру города, и он, к удивлению всех, произнёс свою речь на русском языке без переводчика. Говорил он медленно, чётко выговаривая каждое слово, но было всё понятно. “Вы видите большой шрам на моей щеке, – начал он. – Это не ранение, полученное на войне, а метка на память, оставленная во время моего пребывания в плену”. Далее он рассказал, что по образованию он художник и работал в школе учителем рисования и ваяния. В 1943 году, когда военная обстановка на Восточном фронте стала угрожающей для фашистов, в армию стали забирать и художников, и учителей – всех людей мирных профессий. Так он попал в Россию с действующей армией, где служил в качестве интенданта, но непосредственно в военных действиях не принимал участия. В тяжёлых боях под Ростовом он попал в окружение и сдался в плен. В плену он работал сначала на возведении домов, а затем на строительстве дорог в окрестностях Москвы. В одном из поселений, где они строили дорогу, дети, живущие там, забрасывали пленных камнями. Охрана их отгоняла, но смотрела на их проделки сквозь пальцы. “И вот однажды, – продолжал рассказывать немец, – один из этих непримиримых мальчишек попал мне в щёку камнем с острыми краями и рассёк ее. Всё лицо у меня было залито кровью. Охранник, увидев это, испугался и, наставив автомат на мальчишку, который бросил в меня камнем, позвал его к себе и жёстко его отругал. Мальчишка был небольшого роста, и на вид ему было лет девять-десять, не больше. В глазах ребёнка я увидел испуг и ненависть ко мне. Война не только убивала людей, она калечила души как взрослых, так и детей. Все были охвачены ненавистью и злобой. Кажется, изменить это невозможно. У меня с собой всегда была губная гармоника, которую перед уходом на фронт подарил мне мой старший сын. Я не расставался с ней и в свободное время наигрывал с детства известные мне мелодии. Она напоминала мне семью и моих детей. Увидев рядом с собой этого плохо одетого, несчастного русского ребёнка со страшной злобой в глазах, я неожиданно для себя протянул ему свою гармошку – самое ценное, что у меня было на тот момент. Он с удивлением и промелькнувшей мимолётной радостью схватил её и убежал, а я почувствовал душевное облегчение, словно закончил рисовать очень сложную картину. Я больше никогда его не видел, как и остальных ребят, державших нас в осаде. Мне кажется, что делать добро людям лучше, чем воевать”. Так закончил он своё выступление.

“Боже мой! Ведь это же был я!” – пронеслось у меня в голове. Мне хотелось вскочить и закричать, чтобы он меня увидел. Картина далёкого детства встала перед моими глазами. Это же надо! Через столько лет судьба преподнесла мне такую встречу! Пока я так думал и вспоминал, мероприятие закончилось, и все, сидящие на сцене, начали расходиться. Я вдруг решил, что мне необходимо подойти к нему, пожать его руку и попросить прощения за ту детскую, наивную, но безжалостную и жестокую выходку. Я стремительно направился к выходу и, когда вышел наружу, увидел, как немцы садились в машину. Последним в неё сёл бургомистр, высокий пожилой мужчина с седой головой, со шрамом на лице. Двери захлопнулись, и машина, набирая скорость, быстро помчалась по безлюдной асфальтовой дороге. Я стоял и долго смотрел ей вслед...

ИЛЬЯ ЛИБЕРМАН

инвалид Великой Отечественной войны 2-й группы

“ПОТЕРЯННЫЙ” КОРПУС

Судьба 7-го механизированного корпуса Степного фронта

Подвиг советских воинов в Великой Отечественной войне – незабываемая страница истории современной России. Он никогда не угаснет в народной памяти о том, как мы пришли к Победе, как, несмотря ни на какие испытания, лишения и невзгоды, в конце концов, разгромили коварного и сильного противника. За годы, прошедшие после окончания войны 1941–1945 годов, издано огромное число различных книг российских и зарубежных авторов. В них они вспоминают дни и ночи этой грозной поры. Среди этих изданий внушительное место занимают мемуары государственных деятелей, известных военачальников, командиров воинских подразделений и рядовых участников войны как России, так и Германии. Но всесторонне и подробно описать такое эпохальное событие, как война, которая продолжалась 1418 дней и ночей, весьма трудно. Есть возможность упустить некоторые важные события, а они затрагивают чувства отдельных её рядовых участников.

Такое случилось с описанием истории боевых действий 7-го механизированного корпуса Степного фронта, в котором мне пришлось воевать с лета 1943 года. Упоминания об этом корпусе в мемуарах высшего командования советских войск о Великой Отечественной войне встречаются чрезвычайно редко.

Только после раскрытия центральным архивом Министерства обороны материалов о командном составе, боевом пути, наградах и почётных наименованиях воинских подразделений Советского Союза эти данные стали известны общественности, и их даже разместили в интернете. В них указано, что “потерянный” корпус получил почётное наименование **7-й механизированный Новоукраинско-Хинганский ордена Ленина, Краснознаменный ордена Суворова корпус**. У него было два командира: с 1 августа по 5 ноября 1943 года – генерал-майор танковых войск И. В. Дубовой и с 6 ноября 1943-го по 3 сентября 1945 года – генерал-майор танковых войск Ф. Г. Катков. Корпус начал формироваться Директивой НКО №1124070 от 10.01.1943 года в Костеревских танковых лагерях вблизи города Солнечногорска под Москвой. Корпус состоял из трёх бригад. За время боевых действий 16-й механизированной бригады сменилось 5 командиров, но дольше всех ею командовал полковник А. Т. Шутов, который погиб в боях под Арадео Маре в Трансильванских Альпах в Румынии. Начальником разведки бригады с августа 1943-го был капитан И. А. Николаев. За образцовое выполнение боевых заданий корпус указами Президиума ВС СССР был награждён орденом Красного Знамени (15.01.1944), орденом Суворова второй степени (09.09.1944), орденом

Ленина (28.05.1945). Кроме того, за отличные боевые действия приказами ВГК корпус был отмечен 8 раз Благодарностью от ВГК Советского Союза.

164-я мехбригада при формировании получила самую современную военную технику. В танковом полку были только танки Т-34 последней модификации с пушкой 76,2 мм, снаряды которой пробивали броню немецких танков с расстояния полтора-два км, тогда как немецкие танки могли поражать наши с расстояния не более 500 м. В артиллерийском дивизионе, в котором мне пришлось служить, были 76 мм противотанковые пушки ЗИС-3. Тягачами у нас были автомобили фирмы “студебеккер”, полученные по ленд-лизу из Америки. Мотопехота вначале перемещалась тоже на “студебеккерах”, а начиная с Ясско-Кишинёвской наступательной операции, пересела на американские “форды”. Кадры 164-й мехбригады преимущественно составляли курсанты военных училищ.

Таков был наш прославленный, но незаслуженно забытый военными историками мехкорпус.

Описать боевые действия 7-го мехкорпуса мог бы маршал Советского Союза А. М. Василевский, который в то время был на фронте представителем Ставки Верховного Главнокомандующего. Однако в его мемуарах “Дело всей моей жизни” об этом воинском подразделении вспоминается только в одном месте, где на странице 75 сказано: “...окружение противника в Кировоградской операции осуществлялось двумя группировками 2-го Украинского фронта – 5-й гвардейской армией с 7-м механизированным корпусом в обход Кировограда с северо-запада, и другой группировкой в составе 7-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий в обход Кировограда с юго-запада”. После упорных боёв Кировоград 8 января 1944 года был освобождён. Несколько ранее на странице 52 своего труда Василевский пишет: “Войска Степного фронта 23 августа во взаимодействии с Воронежским освободили Полтаву и вышли к Днепру у Черкасс, а затем юго-восточнее Кременчуга”. Но при этом маршал конкретно не указывает состав воинских частей, участвовавших в этой операции.

По моему мнению, маршал не описал в мемуарах боевые действия 7-го мехкорпуса на территории Полтавской области, так как в своей работе преимущественно выделял воинские подразделения, участвовавшие в операциях “Кутузов” и “Полководец Румянцев”, а также разгромивших донбасскую группировку противника.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования вооружёнными силами маршал Сергей Матвеевич Штименко в книге “Генеральный штаб в годы войны” (“Военное издательство МО СССР”, Москва, 1975) тоже мог показать боевые действия нашего незаслуженно забытого “потерянного” корпуса. Но он этого не сделал, так как уделил внимание преимущественно освобождению северных областей Левобережной и Правобережной Украины. Его больше всего интересовала операция по форсированию Днепра южнее Киева, в районе населённых пунктов Малый и Большой Букрин.

Здесь, чтобы облегчить форсирование реки, решили выбросить сильный воздушный десант. Десантирование производилось в ночь на 24 сентября 1943 года. Две бригады должны были удерживать плацдарм около 110 километров по фронту и 25–27 километров в глубину. При десантировании одна бригада был выброшена целиком, другая – частично. Из-за недостаточной подготовки последовала серия роковых ошибок: десант рассеялся по весьма обширному району, из-за потери ориентировки часть десантников попала в расположение своих войск, часть – в воду Днепра, а остальные оказались над марширующими вражескими дивизиями. Кроме того, в то время, когда в полосах 2-го и 3-го Украинских фронтов шли ожесточённые, трудные бои на кировоградском и криворожском направлениях, автор книги был послан в командировку в Тегеран для участия в конференции союзников. После возвращения в Россию маршал, в основном, рассматривает положение дел в полосах действий 1-го Белорусского, 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в Восточной Пруссии и взятие Берлина.

Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев был командующим Степным фронтом. В период битвы на Курской дуге Степной фронт назывался Резервным. Его основу составляли 5-я гвардейская танковая армия П. А. Ротмистрова и 5-я гвардейская армия А. С. Жадова. Основные задачи войскам нового Резервного фронта были сформулированы в директиве Став-

ки от 23 апреля 1943 года. Затем Резервный фронт преобразовали в Степной военный округ. 10 июля 1943 года он был переименован в Степной фронт. Это название сохранилось за ним до 20 октября 1943 года. Начиная с этой даты, его начали называть 2-м Украинским фронтом, которым продолжал командовать И. С. Конев.

И. С. Конев “потерянный” мехкорпус в мемуарах отметил всего лишь два раза (смотри книгу из серии биографий Сергея Михеенкова “Конев – солдатский маршал”, Москва, “Молодая гвардия”, 2013. С. 341, 342). В книге даже называется фамилия командира корпуса генерал-лейтенанта танковых войск Фёдора Григорьевича Каткова и даётся его краткая биография. 8 сентября 1945 года ему за умелое командование 7-м мехкорпусом было присвоено звание Героя Советского Союза. Он был награждён двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова 1-й степени, тремя орденами Суворова 2-й степени, орденом Отечественной войны 1-й степени, медалями. Но, к сожалению, автор книги только повторяет событие, связанное с Кировоградской битвой, уже описанной маршалом Василевским.

Под непосредственным командованием Конева в 1944 году была осуществлена в период с 5 по 10 января Кировоградская наступательная операция. Немецкий историк Пауль Карель назвал события в районе Кировограда “зимней драмой на Среднем Днепре”. Он стал свидетелем разгрома немецких войск, всех страданий большого сражения.

Далее следовали: 24 января–17 февраля – Корсунь-Шевченковская, 5 марта–17 апреля – Уманско-Ботошанская операции (17 марта – форсирование Днестра, 26 марта – выход на государственную границу СССР с Румынией по реке Прут). На долю Малиновского выпало командование фронтом в период с 20 по 29 августа на время Яско-Кишинёвской наступательной операции; 6 сентября – при выходе на румыно-югославскую границу в районе Турну-Северина; 8 сентября – при вступлении в Болгарию. 15 сентября войска 3-го Украинского фронта по согласованию с правительством Отечественного фронта вступили в Софию, 22 сентября был осуществлён переход румыно-югославской границы в районе Кладова, 25 октября завершено освобождение северной части Трансильвании. Начиная с 29 октября 1944-го по 13 февраля 1945 года начались совместные действия войск 2-го и 3-го Украинских фронтов при Будапештской операции и наступление 2-го Украинского фронта совместно с войсками 4-го Украинского фронта в Западных Карпатах. С 16 марта проводилась Венская операция, а с 25 апреля по 5 мая – Братиславско-Брновская операция и 6–11 мая – Пражская операция.

Как видно из материалов настоящей статьи, 7-й механизированный корпус внёс огромный вклад в исход противоборства между Страной Советов и фашистской Германией. Он принимал активное участие в восьми стратегических наступательных операциях и освобождал от неприятельских войск Украину, Румынию, Болгарию, Югославию Венгрию, и Чехословакию, а после окончания войны в Европе и Манчжурию. Вот почему он заслуживает, чтобы память о его боевом пути была объективно сохранена военной историей. Никто не должен быть забыт, и ничто не должно быть забытым, тем более такой боевой и прославленный наш 7-й корпус.

Вот уже несколько месяцев в редакцию журнала продолжают поступать письма с поздравлениями к юбилею “Нашего современника”. Пожалуй, мы с трудом можем опубликовать все эти очень добрые послания. Но, конечно, нам очень лестно читать такие строки в письмах подписчиков: “Мой любимый журнал, твоя славная песнь ещё не пропета, и желаю тебе, как и раньше желал: Многая всем, многая, многая лета!” Но задумаемся: чего стоил бы наш журнал без своих читателей? Кому бы мы были нужны, как и вся русская литература, если бы в районных библиотеках, как пишут, не происходило следующее: “За свежими номерами выстраивается длинная очередь”. Вот это истинное счастье для авторов и издателей журнала, для всей редакции. Чувствовать себя нужным русским людям, всей читающей России — это и есть высшая оценка и величайшая благодарность нашему журналу, который уже 180 лет (со времён Пушкина!) и 60 лет в современную эпоху несёт гордое имя “Современника”, такого близкого и родного всему нашему народу.

ГОРДОЕ ИМЯ “СОВРЕМЕННОКА”

В ТРАДИЦИЯХ ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Уважаемые коллеги, члены редколлегии!

Ярославская региональная организация Союза писателей России сердечно поздравляет вас с юбилеем журнала!

60 лет — возраст серьёзный. Но вас не страшат года, поскольку вы были и остаётесь душевно молодыми, наполненными творческой энергией и оптимизмом.

“Наш современник” — одно из немногих российских изданий, на протяжении всего времени своего существования сохранивших своё лицо, не изменивших своего уважительного отношения к великим традициям русской литературы, к отечественной истории и снискавших за это всенародную любовь.

Каждый наш современник, вставший на путь литературного творчества, как о высшей награде, мечтает о публикации в журнале “Наш современник”, горит желанием увидеть своё имя на страницах легендарного журнала. И если такое случается, то писательская судьба этого человека уже определена: отныне он всю жизнь с гордостью будет носить звание автора всемирно известного издания — журнала “Наш современник”. Даже если он однажды выберет другую профессию, оставит поэзию или прозу, он никогда не перестанет быть гражданином.

Причастность к большому и важному делу, которое вы ежедневно совершаете, навсегда делает каждого из нас патриотом. Так было, и так, мы уверены, будет всегда, пока жива наша Родина, пока живы её культура, её литература, её великий, могучий, правдивый, свободный и самый красивый в мире язык.

Многие писатели России обязаны журналу “Наш современник” своим становлением, ярославские — не исключение. Мы гордимся тем, что многие из нас опубликовали на страницах журнала свои стихи, рассказы, очерки. Это нас вдохновляет и заставляет продолжать работать в традициях великой русской литературы.

Верим вам, любим вас, уважаем, надеемся!

А персонально Вам, Станислав Юрьевич, — доброго здоровья, творческого долголетия, вдохновения, удач, всяческого благополучия!

*Творческому коллективу
журнала “Наш современник”
в день 60-летия*

*Мне по душе “Наш современник”,
Наш Новый, так сказать, завет,
Его страниц я страж и пленник
Уже седьмой десяток лет.*

*Без новомодных выкрутасов
Живёт и трудится журнал,
За что вам Пушкин и Некрасов
Поставили бы высший балл.*

*— Без лести предан! — с уважением
Вас заверяют там и тут.
Высокой миссией, служеньем —
Так называют все ваш труд.*

*У вас заслуженная слава,
Чужда вам памятников медь.
Желаю орден Станислава
Вам за труды свои иметь!*

*Я вам желаю вдохновенья,
Удач, успехов, свежих сил,
И чтобы каждый день рожденья
Вам только радость приносил!*

Евгений Гусев

Председатель ярославской региональной организации
Союза писателей России

Члены организации: В. В. Белозеров, В. Л. Голиков, Н. В. Гончаров, В. А. Гречухин, Л. Э. Желенис, М. В. Корнилов, Е. В. Кузнецов, Н. Н. Кудричева, В. А. Лебедев, А. В. Максимов, В. С. Мартышин, Э. В. Марченко, В. В. Мутин, Т. А. Пирогова, Н. М. Родионов, В. А. Серов, А. А. Серов, А. Н. Симонов, В. Ф. Сокол, Б. М. Сударушкин, М. Г. Халилов, Е. Ф. Чеканов, Ю. В. Оловянов.

В СТРАНЕ НЕВЫМЕРШИХ ПОЭТОВ

Здравствуйте, Станислав Юрьевич!

Знаю, Вас просто заваливают письмами Ваши читатели и почитатели “Нашего современника”, но я тоже рискнула написать — накопилось на то несколько причин. От всей души, уважаемый Станислав Юрьевич, поздравляю Вас с днём рождения и с 60-летним юбилеем Вашего детища, нашего любимого журнала. Не знаю, как бы я обходилась без “Нашего современника” — доброй отдушины в наше непростое время. Теперь в нашем старинно-молодёжном городке районная библиотека выписывает “Наш современник”. За свежими номерами там выстраивается длинная очередь, поэтому, не смотря на материальную скудость, я не прекращаю свою подписку.

Станислав Юрьевич, приношу Вам огромную благодарность за заочное присутствие на презентации новой книги Николая Якунина “Любить, надеяться и жить”. Без сомнения, Николай Васильевич был бы удовлетворён Вашей доброй оценкой его творчества. Он дорого ценил Ваш ум, феноменальную память, талант, да и просто человеческое сердце. На мероприятии присутствовало большинство почитателей его таланта, друзья, представители духовенства и всё районное руководство.

Поэтически праздничную атмосферу, располагающую к прочтению его лирических, мелодичных, волнующих стихотворений, наполняющих сердце светлой радостью, создавали декорации: женские костюмы давно ушедшей эпохи, горящий камин, мерцающие свечи.

Не пришлось нам познакомить Вас с нашим любимым краем. Постараюсь исправить этот пробел и высылаю набор фотографий мосальских достопримечательностей. И ещё хочется поведать Вам одну свою мысль. В давние, незабвенные времена, когда приходилось быть вдали от дома, мне писала очень дорогие, долгожданные для меня письма моя мама. Начинала она своё письмо с заглавной буквы и кончала его точкой. Такие щемящие душу воспоминания пробудила во мне публикация в “Нашем современнике” (№10 за 2016 год) стихов Антона Метельникова “В стране невымерших бабушек”. Он лауреат литературных премий, и мне подумалось: моя старенькая мама тоже могла бы быть лауреатом литературных премий за свои добрые письма. Таковыми вот бабушками живёт наша Россия.

Искренне сожалею о кончине Новеллы Николаевны Матвеевой. Вот это Поэт!

С самыми тёплыми пожеланиями – благодарная читательница Ваших трудов в “Нашем современнике”

Валентина Якунина

г. Мосальск Калужской области

“Я НАШЁЛ ОТВЕТ...”

Здравствуйте, уважаемый Станислав Юрьевич!

С удовлетворением и удовольствием прочитал Ваше вступительное слово (“НС” №12, 2016) на торжественном вечере в честь 60-летия нашего подлинно народного уважаемого журнала – бескомпромиссного грамотного бойца!

Проштудировав все Ваши мысли, апологии и высказывания, я понял, что Вам приходится бороться, как в своё время Александру Сергеевичу, с грязной накипью в сегодняшней и вчерашней жизни продажных тварей, расплодившихся *отморозков от пера*.

А это, особенно сегодня, крайне необходимо. Всех их надо неустанно прибивать гвоздями к их законному месту – к позорному столбу... Пригодится и нам и будущим поколениям!

Вот взять Ваше высказывание о “детिशках XX съезда” во времена пресловутой продажной “оттепели”: эти приспособленцы были готовы лечь на любую постель, под любую власть – только ради себя, любимых! Некоторые преуспели, но им не дано понять, это выше их “достоинства”, их “бессмертных и легендарных”, того презрения, которое вчера и особенно сегодня испытывают к ним люди советских поколений. Тех поколений, которые воспитывались при Советской власти в атмосфере очеловечивания людей по всем параметрам и направлениям.

Сегодня во всём мире идёт вакханалия оскотинивания человека. Сегодня это стараются внедрить и у нас, в России, при лоббизме внутренних прозападных скотов за громадные “иудины сребреники”.

Не буду занимать далее Ваше время, скажу одно: меня, как и всякого сегодня мало-мальски мыслящего человека, тревожит судьба России. И читая Ваше вступительное слово, я нашёл ответ на свой тревожно-затаённый вопрос: будет ли жива Россия в её подлинной ипостаси – хранительницы мира?! И человечности? Теперь уверен: будет! Ибо Ваше краткое вступительное слово много чего раскрывает!

И Ваши слова-семена посеяны в жаждущую, благодатную почву...

Народ предупреждён – значит, он вооружён!

С уважением,

Ваш

Виктор Долбёжкин

село Яжелбицы Новгородской области

ПРОТЕСТ ПРОТИВ РУСОФОБИИ

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Решился послать в “Наш современник” одно стихотворение — не могу не выразить свой протест и возмущение русофобством многих российских СМИ и их вдохновителей — лжелибералов.

Особенно невыносима украинская трагедия — то, что творят полуофициальные бандеровские банды и официальные порошенки на границах и внутри ДНР и ЛНР.

И всё это оправдывается и поощряется теми, кого я, наверное, сверхмягко назвал “лжелибералы”. К несчастью, имя им — легион, поэтому назвать конкретные имена нет возможности (много страниц займёт), и всё же в моей голове не укладывается, как, например, фонд “Холокост” может возглавлять А. Гербер.

Я человек пожилой, работал в советской печати, член Союза журналистов СССР, теперь Москвы. Если могу быть чем-то полезным редакции “НС” — буду счастлив.

Зовут меня Шулькин Марк Борисович, литпсевдоним был М. Борисов.

Благодарен за общественную, политическую, человеческую позицию журнала “Наш современник”.

РУСОФОБИЯ

Возможна ли поэзия после Освенцима...

Теодор Адорно

А сало русское едят...

Сергей Михалков

Писать стихи после Освенцима

И прозу после Кольмы...

Ну, а в России после Ельцина —

Неужто ещё дышим мы?..

И воздух поступает даром нам,

Вдох-выдох тоже не пустяк.

Хоть и надышенный гайдарами,

А всё ж пока за просто так.

И слышно русское дыхание,

У Лукоморья русский дух

Не на последнем издыхании —

Не заболтал его Евтух.

Забыв про будни аушвицкие,

Свой источая ядный дар,

Смердят бумажные улицкие —

Им не наука Бабий Яр.

Забыли, как травили газами

Их матерей, отцов, родных!

И пучат зенки пустоглазые —

Им эта память хоть бы хны.

Какое мерзкое сословие!

Ведь это интернационал

Свихнул свой мозг на русофобии

И сам себя в тупик загнал.

Их, словно шлюху, обрюхатили

Презреньем к собственной стране

Не атлантические хакеры,

Что ненавидят Русь извне.

*Нет, испокон веков озлоблены
На всё, что видимо окрест, —
На климат наш, на быт раздробленный,
На православный русский крест.*

*Внутри них жало ненавистное
Змеиный испускает яд —
Всё, что вокруг — изгадить, высмеять...
“А сало русское едят...”*

Марк Борисович Шулькин
г. Москва

ПОЖЕЛАЮ “НАШЕМУ СОВРЕМЕНИКУ” НЕСТИ СЛОВО ИСТИНЫ...

Здравствуйте, дорогой и уважаемый, Станислав Юрьевич!

Каждый раз, когда беру в руки “Наш современник” и читаю, я всегда испытываю его благотворное влияние и радуюсь тому, что многое сохранилось на страницах журнала от той литературы, которая влекла за собой, воспитывала, прививала любовь к честности, совестливости, патриотизму и помогала понимать жизнь. Мне кажется, что журнал — это единственное, что мы имеем сегодня действительно литературное! Неведомо мне, где можно ещё отыскать ту литературу, которой не так давно читали и радовались, обсуждали и делились. Только в “Нашем современнике”, только здесь сохранилась литература, любовь к Отечеству, к русскому слову, духу, патриотизму!

Там, на страницах журнала, говоря языком великого А. С. Пушкина: “*Там русский дух, там Русью пахнет!*” И я радуюсь, и вспоминаю прекрасные слова известного русского писателя К. Г. Паустовского, который сказал, обращаясь к своим современникам и к нам, в том числе: “*Нам дан во владение самый богатый, меткий, могучий и поистине волшебный русский язык*”. Мы должны и обязаны всегда помнить это и беречь то, что мы получили в наследство, весь тот прекрасный литературный запас, который не должен кануть в Лету безвестности. Это долг перед потомками — сохранить то, чем сейчас располагаем! И Вы, многоуважаемый Станислав Юрьевич, и Ваши соратники по журналу прилагаете много усилий для сохранения “*богатства, меткости, могучести и волшебности языка*” на страницах “Нашего современника”!

Примечательно разнообразие тематики на страницах каждого номера журнала. Значит, Вами правильно отработана и тактика, и стратегия, чтобы журнал был читаем и востребован! Мне кажется, что каждый читатель, обнаружив для себя наиболее интересную тему, затем прочитывает весь журнал. А по прочтении оказывается, что всё интересно, а интересное отвлекает от мирской суеты, от неурядицы, от навалившихся жизненных забот и изворотливого обмана. И есть ещё одна немаловажная деталь — это связь журнала с читателями и публикация отзывов, пожелааний, просьб.

А как прекрасно сочетаются публикации о прошлом с настоящим, как бы в ненавязчивом сравнении прошлого с настоящим. Как будто предлагается сравнить, чем мы располагали в прошлом и что мы имеем теперь, и это заставляет думать, какое может ожидать нас грядущее. А ведь без хорошего прошлого не дожидаться хорошего будущего!

Что может быть лучше, когда читатели, люди разного возраста, разной национальности, прочитывая как Ваши книги, так и публикации “Нашего современника”, находят сердечные отклики в своих сердцах, в своих душах. Сколько слов благодарности я услышал в Ваш адрес от своих коллег Алимбаева Б. М. и Ципенюка В. Л. за переданную им Вашу книгу “Жрецы и жертвы холокоста” и за прочитанные ими страницы журнала.

Я уверен, что сегодня журнал “Наш современник” является национальной гордостью русской литературы!

Двадцатый век завершил свой путь предательством, ложью, обманом и воровством — так называемой перестройкой. Чем он начал своё продвижение, тем и кончил. В этом много постарались те, которые жили на этой земле, питались её соками и ели хлеб. “*Мы ели хлеб их, но платили кровью...*” (Давид Маркиш). Какое веское признание, кто бы мог подумать!

А всё то, что было омыто праведной кровью народной, оболгано. Оболганный двадцатый век... Всю ложь он передал двадцать первому веку – в третье тысячелетие от Рождества Христова. Сегодня упорно и настойчиво толкают народ и особенно молодёжь в аморальную пропасть, в похотливую пасть соблазна, окаймлённую змеей. Наверное, прав протоиерей Андрей Логинов, что *“земле через слякоть ожить суждено”* (“НС”, №4, 2013).

Вот она, борьба “Нашего современника”! Вот она, задача журнала: убедить, не дать упасть, пройти *“слякоть”* с целью последующего очищения.

В начале двадцатого века Л. Н. Толстой, выступая в Обществе любителей российской словесности, отметил *“...приходит время, когда Пушкин забудется, и не будет перечитываться... что литература есть только оружие гражданского развития общества...”* и его возможного падения. Как будто он предвидел наше, непростое сегодняшнее время...

Говоря словами А. К. Передреева, в “Нашем современнике” звучит *“...божественный глагол, // В своём величье непреложный...”*, и подаёт надежду всем, что и Пушкин, и Есенин, и Клюев будут перечитываться; он светит, он помогает, он позволяет устоять, он вселяет надежду... Как будто каждый выпуск журнала говорит своим читателям словами Александра Сергеевича: *“И неподкупный голос мой // Был эхо русского народа”*, – что так важно для образования нравственно здорового, духовно полноценного, трудоспособного созидателя человека, способного противостоять разрушительным идеям.

О самом журнале и его людях, которые приложили силы, щедрость души, упорную писательскую мудрость, можно много писать, много говорить – “Наш современник” заслуживает этого! И пожелаю “Нашему современнику”, словами протоиерея Дмитрия Дудко, чтобы Бог дал достаточно силы *“...нести слово истины, пробуждая свои и другие души”*.

В завершенье скажу: “Мой любимый журнал, // твоя славная песнь ещё не пропета, // и желаю тебе, как и раньше желал, // многая всем, многая, многая лета!”

С уважением к Вам и сердечной благодарностью –

Алексей Шерник
Казахстан

ГДЕ ВЫ, УЧИТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРЫ?..

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Хочется поговорить с Вами о жизни, о литературе, но, как я вижу, вокруг много людей, которым всё это безразлично. Особенно тяжело, что молодёжь не интересуется чтением. И мне думается, что учителей по литературе сейчас нет достойных, чтобы заинтересовали Шукшиным, и Гуцериевым, и Убогим, и Зиганшиным, и многими другими авторами Вашего журнала, которых нет в школьной программе по литературе, но читать которых необходимо для души. Я помню своё детство, жили мы в деревне Верх-Чумыш Киселевского района Кемеровской области. В школе была отличная библиотека, и в деревне была библиотека. Ходили мы туда, как на праздник. Вспоминаю: нам не давали читать Мопассана, так мы украдкой отвлекали библиотекаря, прятали под одежду книжку, а после читали. Нам кто-то сказал, что это книга “про любовь” и нам не положено её читать по возрасту, но мы, деревенские дети, знали всех известных писателей. А совсем недавно (я ещё работала в больнице диетсестрой) зашёл у меня с молодыми нашими сотрудницами разговор о Солженицыне (уж на что известный писатель!), а они меня и спрашивают: “А он, этот Солженицын, где живёт – в вашем или нашем микрорайоне?”... Я спрашиваю их: “А Пушкина, Тургенева вы знаете?” О Пушкине ещё что-то слышали, а Астафьев, Распутин – тёмный лес. Вот певицу Машу Распутину знают, спрашивают: сам В. Г. Распутин – родня её? На этом разговор заканчивается. Нет, видимо, в школе учителей литературы...

Я сама и сейчас покупаю книги. Родственники мне дарят. Есть у меня Высоцкий, Ахматова, Рождественский, Омар Хайям! Знакомые меня спрашивают: “Тебе что, не жалко денег на книги изводить?” – “Нет, не жалко”, – отвечаю. Станислав Юрьевич, если будут у Вас книги М. Гуцерева, а также из серии ЖЗЛ – о С. Есенине, о В. Шукшине, очень замечательная книга А. Михайлова

“Личное дело” – куплю за любые деньги! Нет у нас книжных развалов, как в Москве, что сделаешь – провинция! У нас в нашем пгт (посёлок городского типа. – **Ред.**) через каждые 30 метров Крюгеры – “пиво, пиво и пиво”... Будем писать губернатору нашему Тулееву об этом. Крюгеры эти – они и днём и ночью светятся лучезарно, привлекают к пивным прилавкам молодёжь...

Станислав Юрьевич, если есть у Вас возможность, позвоните Александру Михайлову о книге “Личное дело”, и мне бы хотелось приобрести Вашу книгу о Есенине. “Не сотвори себе кумира!”, а я его сотворила, это – Александр Михайлов! С наступающей Вас Пасхой Христовой! Иисус у меня в сердце и Господь моя радость.

С любовью ко всем
Валентина Захарова
пос. Краснобродский Кемеровской обл.

ВСПОМИНАЯ ПОБЕДУ

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Я Ваш журнал всегда читаю, как говорится, от корки до корки. И считаю, что Ваш журнал заслуживает самого большого уважения из всех журналов России. И Вы – настоящий человек, редактор, поэт, который много труда положил для нашей литературы. Все Ваши работы – это огромный труд, где рассмотрены и исследованы истоки всего происшедшего с нами. Желая Вам и дальше идти по этому пути, крепкого здоровья и долгих лет жизни. В связи с приближающимся Днём Победы посылаю Вам свои стихи. Вот в войну я сам лично видел, как шила кистеты для наших бойцов моя мама и отправляла их на фронт. А мне тогда было 11 лет...

Всего Вам самого доброго на все века.

С уважением к Вам

Юрий Ковязин, майор в отставке
г. Каменск-Уральский Свердловской области

ПАМЯТЬ О “ГЛАВНОМ КАРЕЛЕ”

Уважаемый Станислав Юрьевич!

Здравствуйтесь на многие лета! Обращается к Вам пенсионер из Карелии Якушев Юрий Павлович, один из детей войны и Победы. Во-первых, благодарю Вас за память о моём любимом Николае Рубцове – поэте, дорогим каждому русскому сердцу. Во-вторых, сообщаю Вам, что осенью 2015 года умер наш карельский поэт Иван Алексеевич Костин, друг юности Рубцова, – Вы его знали. Так уж получилось, что в день его смерти ему присвоили звание Народного писателя Карелии... Долго собирались!

Много лет я являюсь читателем “Нашего современника” и обращаюсь к Вам с собранным материалом о жизни и деятельности замечательного человека – Геннадия Николаевича Куприянова, руководителя нашей республики в годы Великой Отечественной войны. Его память увековечена слабо, а дела его велики и заслуживают отдельного рассказа.

Всё дальше вглубь времён отодвигается от нас Великая победа в Великой войне. Удостоены всенародной памяти и славы её герои, но ещё не похоронен последний солдат. Есть и полузабытые имена людей, которые внесли немалый вклад в общую Победу. В Карелии таким человеком является Г. Н. Куприянов, первый секретарь ЦК компартии Карело-Финской ССР, генерал-майор, член Военного совета Карельского фронта. Судьба его была непростой – были у него и большие отличия, и суровые незаслуженные наказания приходилось ему принимать от тогдашних “сильных мира сего”. Что же успел он сделать и в чём провинился? Попробуем разобраться по мере наших скромных сил и доступных фактов.

Геннадий Николаевич Куприянов родился в 1905 году в Солигаличском уезде Костромской губернии. Крестьянский сын, умелый плотник, народный самородок, всегда стремился к знаниям, обладал прекрасной памятью

и твёрдым, решительным характером. Он вступил в комсомол, закончил совпартшколу в Костроме, затем работал учителем, зав. роно и в райкоме партии. Ему дали путёвку на учебу в Коммунистический университет в Ленинграде, где и оставили на партийной работе, а в конце 1937 года избрали первым секретарём Куйбышевского райкома партии. Уже здесь проявился смелый характер Куприянова. Он добился пересмотра дел огульно исключённых коммунистов и обратил на себя внимание высшего партийного руководства.

В июне 1938 года по рекомендации А. Жданова и А. Кузнецова по личному указанию И. Сталина Куприянова направляют секретарём обкома партии в Карелию. Здесь он жил и работал 12 лет, и всегда считал Карелию второй родиной.

В те грозные годы “сон разума”, можно сказать, объял власть в нашей стране. Устранение всех негодных под лозунгом “обострения классовых борьбы” привели к большому жертвам. Карелии сильно не повезло в эти годы, где карательные органы возглавляли отъявленные негодяи, которые многократно превысили планы репрессий... Мир праху безвинно убиенных и вечная память мученикам! Куприянов по должности стал членом пресловутой “тройки”. И под угрозой “ежовского нагана” подписывал чёрные списки, иначе он повторил бы печальную судьбу Густава Ровио и Петра Ирклиса — своих предшественников на секретарском посту... Эти дела остались на его совести, и оправдывать его никто не собирается. Однако Куприянов не смирился с ролью стороннего наблюдателя и через партийные органы добился снятия отморозка, возглавлявшего в республике ежовских карателей, а также ареста его подручных палачей. Это ему припомнят...

В конце ноября 1939 года началась советско-финская “незнаменитая” война, несчастливая для нашего народа. Эта война показала все изъяны Красной армии того периода, когда в окружение попадали целые дивизии по вине высшего руководства. Армия несла колоссальные потери от негодной амуниции, вооружения, питания и неподготовленности командного состава, что явилось последствием репрессий. Под Питкярантой в полное окружение попала и почти целиком погибла 18-я дивизия, в которой было много уроженцев Карелии. В народе это место назвали “Долиной смерти”. За 105 дней войны наши потери составили более 100 тысяч человек... Вечная слава героям! В это же время велось строительство железной дороги на Суоярви, и в условиях войны возникли перебои снабжения, люди голодали, кроме того, нужно было кормить воинов, которые вышли из окружения. Несмотря на грозные предупреждения, Куприянов решает на невероятный поступок — он своей властью секретаря обкома приказал вскрыть мобилизационный запас продовольствия на железной дороге. В условиях лютой зимы он спас людей, рискуя своей головой. Уже после события его поддержал нарком Л. М. Каганович. Здесь проявился крестьянский талант Куприянова — быстро схватывать суть проблемы и решать вопрос. Часто он шёл напролом, не боясь грозных окриков.

В марте 1940 года с учётом присоединения новых территорий и по воле И. Сталина Карелия была преобразована в союзную республику. Г. Н. Куприянов стал первым секретарём ЦК Компартии Карело-Финской ССР, а видного деятеля Коминтерна О. В. Куусинена избрали председателем Верховного совета. Карельский комсомол возглавил Ю. В. Андропов. Всего 16 лет история отвела Карелии на этот высокий государственный статус и оставила нам в наследство районы северного Приладожья со святым Валаамом, университет, театр, вокзал и ряд зданий того периода в Петрозаводске. Не много успели построить отцы — война помешала.

Геннадий Николаевич уважительно относился к истории. Он распорядился в 1940 году достать из запасников музея и установить памятник Петру I, императору, основателю Петрозаводска, что было тогда очень смелым поступком.

Всего год передышки был у Карелии, и вот началась Великая Отечественная война. На огромном расстоянии от Баренцева моря до Ладоги было дислоцировано всего две армии. 14-я армия защищала Мурманск и базу Северного флота в Полярном. Почти 500 километров госграницы на карельском участке обороняла 7-я армия генерала Ф. Д. Гореленко в составе трёх дивизий, и в их числе — 71-я, сформированная из жителей Карелии в 1940 году. Именно 71-я, “карело-финская” дивизия приняла на себя главный удар превосходящих сил противника и потеряла более 10 тысяч человек, или 75% личного состава.

Большую помощь в обороне сыграли истребительные батальоны и народное ополчение. Благодаря активной обороне в июле 1941 года по Беломорканалу успели переправить военные корабли – для усиления Северного флота. Они послужат для охраны союзных конвоев. В августе 41-го был создан самый протяжённый Карельский фронт под командованием генерала В. А. Фролова, а членом Военного совета стал бригадный комиссар Г. Н. Куприянов. Главная задача фронта была удержать Мурманск и Кировскую дорогу. Кроме того, фронт стал стеной на реке Свирь и не позволил замкнуть второе блокадное кольцо вокруг Ленинграда, сохранив “Дорогу Жизни”. В этом его заслуга.

Несмотря на героическое сопротивление, в октябре 1941 года наши войска оставили Петрозаводск. Оккупация продлилась до июня 1944 года. Временной столицей Карело-Финской ССР стал Беломорск, где располагался и штаб Карельского фронта. В декабре 1941 года установилась стабильная оборона, а в 1942 году в составе фронта было уже 5 армий, которые сковали 8 немецких и 12 финских дивизий, не позволив перекинуть их на южные фронты под Сталинград и на Кавказ. Это тоже заслуга фронта, который активно воевал, что бы там ни говорили некоторые.

Кировская дорога была перерезана противником, но уже в конце 1941-го года начала работать объездная железная дорога Беломорск-Обозерская вдоль берега Белого моря, по ней шли грузы от союзников из Мурманска и снабжался Карельский фронт. В конце 1941 года восстановили Мурманский порт, и пошли грузы от союзников. За восстановление порта лично отвечал Куприянов, и задание выполнили в срок. Огромная мера ответственности за фронт и республику легла на плечи Куприянова в это время.

Суровая обстановка в 41-м требовала непростых решений, и Куприянов их принимал, используя свою фронтовую власть. Для вооружения военных формирований, народного ополчения и партизанских отрядов он заставил начальника Белбалтлага из ведомства Берии под угрозой трибунала отдать с лагерных складов 10 тысяч винтовок и 120 пулемётов с боезапасом. Из других лагерей также изъяли лишнее вооружение. Благодаря этому Карельский фронт встретил врага с оружием в руках. Этот дерзкий поступок одобрил маршал К. Е. Ворошилов, но припомнят другие...

Пожалуй, главной проблемой обороны была нехватка личного состава. Куприянов предложил Сталину призвать добровольцев из местных лагерей. Обстановка заставила Сталина согласиться, но под личную ответственность Куприянова. Были созданы комиссии по призыву, и уже в 1941 году были сформированы 3 дивизии, а всего за время войны, по воспоминаниям Куприянова, призвали 45 тысяч заключённых со снятием судимости. Мой отец, ровесник Куприянова, также был призван из лагеря, и после Карельского фронта ему довелось воевать в Восточной Пруссии, участвовать в освобождении Польши и Чехословакии.

В трудных условиях обороны в 1941 году Куприянов принимал смелые решения. Он снял с охраны Беломорканала полк НКВД и бросил его в бой под Медвежьегорском, чтобы помочь обескровленной 71-й дивизии. И это ему вспомнят...

Во время военных действий постоянно велась борьба с диверсантами, предателями, шпионами, преступниками, и этим занимались особые отделы СМЕРШа. Однако в то же время всё ещё искали “врагов народа” и фабриковали расстрельные дела. Все приговоры трибуналов утверждались Военным советом фронта. Куприянов своей властью отменил более 1200 приговоров, или 85% от общего числа. Он уже знал эту “систему” по 30-м годам, когда ни за что губили людей. По клеузному доносу особистов Куприянова вызвали в Москву, где он доказал, что никто из тех, кого он помиловал и отправил в строй, не перешёл на сторону врага и Родине не изменил. В лице начальника СМЕРШа Абакумова, которого он назвал садистом, Куприянов нажил себе личного мстительного врага.

В условиях позиционной войны весомый вклад внесли 28 партизанских отрядов, которые совершали рейды в тыл противника, громили гарнизоны, взрывали мосты, пускали под откос поезда. Следует признать, что в условиях стабильного фронта диверсионная война велась с обеих сторон. В зоне оккупации действовали подпольщики, которые собирали важные сведения военного характера и отправляли их в штаб фронта.

Партизанскими отрядами руководил комбриг С. Я. Вершинин, а подпольщиков курировал партработник И. В. Власов. Все командиры и комиссары отрядов утверждались по согласованию с Куприяновым, так же и подпольные райкомы.

Москва требовала активных действий, и летом 1942 года состоялся неудачный рейд 1-й партизанской бригады И. А. Григорьева по тылам противника. Эта операция готовилась в спешке, разведка не сработала, и сразу же начались боестолкновения. Сказалось отсутствие нужного боезапаса и питания для бойцов. Из 648 человек вернулись менее 200. Куприянов до конца своих дней не мог забыть эту трагедию...

На свободной территории республики в северных и восточных районах труженики заготавливали древесину, добывали слюду. Работали 3 лесопильных завода. Колхозники выращивали картофель и овощи для фронта. Военнозирванные бригады рыбаков, созданные по инициативе Куприянова, обеспечивали фронт и население рыбой. Под бомбёжками приходилось работать железнодорожникам. В Сегеже ремонтировали военную технику, делали миномёты и мины. Здесь же находился главный госпиталь фронта. Ведомство Берии решило забрать отсюда паровые котлы и турбину, оставить людей без тепла и света. Куприянов наотрез отказался выполнить решение ГКО, подписанное Сталиным. Опять ему грозили расстрелом, но не дрогнул крестьянский сын! Поддержка А. Н. Косыгина и В. М. Молотова помогли оставить это оборудование в Сегеже, и уже в конце 1943 года ЦБК начал выпуск основной продукции в 70 км от линии фронта.

21 июня 1944 года началась Свирско-Петрозаводская наступательная операция под командованием генерала армии К. А. Мерецкова. 29 июня был освобождён Петрозаводск, столица Карело-Финской ССР. 19 сентября в Москве подписали перемирие с Финляндией, и в октябре 1944 года была восстановлена госграница на карельском участке. В октябре 1944 года на мурманском направлении силами армии и флота была разгромлена немецкая группировка. Карельский фронт выполнил свою историческую миссию и был расформирован 15 ноября 1944 года.

Во время войны на оккупированных территориях оказались 84 тысячи человек, и некоторые генералы Карельского фронта считали, что они слабо сопротивлялись оккупантам, и за это их надо депортировать в дальние края. Узнав об этих планах, Куприянов решительно вступил в схватку, несмотря на то, что эту "идею" поддерживали некоторые члены Политбюро. Он дал указание политотделам армии и флота собрать все факты героизма и образцовой службы карелов, финнов и вепсов в годы войны. 100 тысяч жителей Карелии воевали на фронтах, и треть из них – это коренное население. Гордостью Карелии стали Герои Советского Союза карелы Николай Омелин, Алексей Афанасьев, финн Пётр Тикиляйнен, карелка Мария Мелентьева и вепсянка Анна Лисицына. Героически воевала 71-я "карело-финская" дивизия, которая прошла 7 фронтов. Это только малая часть "Записки об участии карело-финского народа в войне", которую Куприянов подписал и отправил всем членам Политбюро и Сталину. Куприянова вызвали в Москву (как раз после ранения), и на заседании у Г. М. Маленкова он по всем статьям разбил своих оппонентов. Это было в августе 1944 года. Неожиданно его поддержал Сталин, при этом назвал Куприянова "главным карелом". Депортация не состоялась.

Война нанесла огромный ущерб народному хозяйству. Катастрофически не хватало рабочих рук и, в первую очередь, в лесу, а стране нужна была древесина. Куприянов узнал, что из Ленобласти собираются выселять финнов-ингерманландцев, и предложил Сталину принять их в Карелию. Вопрос решался трудно, но упорный Куприянов добился своего в 1948 году, и за 3 года должны были переселиться 250 тысяч человек. В 1949 году в республику добровольно переселились 60 тысяч ингерманландцев, укрепилась лесная промышленность и строительные организации. Куприянов "выбил" на переселение в Минфине СССР в Москве 7 миллиардов рублей – он ценил и уважал этот трудолюбивый народ.

За время либеральных "гайдаровских" реформ 90-х годов Карелия потеряла почти четверть населения. Люди в глубинке жили подсобным хозяйством и дарами природы. Однако мы стыдливо умалчиваем об этом, дабы не обидеть "реформаторов", а стоит ли? "В своей стране я словно иностранец", – сказал когда-то Сергей Есенин. Всё повторяется. Впрочем, это не только

карельское горе, когда люди становятся чужими на своей земле. Но это уже другая история...

В конце 40-х годов за спиной дряхлеющего вождя, который, выражаясь нашим местным языком, “был уже не в толку”, упыри из бериевской компании в борьбе за личную власть спроворили “ленинградское дело”. Под надуманным предлогом “создания компартии РСФСР” были убиты Алексей Кузнецов – секретарь ЦК, Н. А. Вознесенский – Председатель Госплана СССР, умнейший экономист, партийное и советское руководство героического Ленинграда. Около 10 тысяч человек, когда-либо связанных с Ленинградом, пострадали по всей стране. Куприянову тоже вспомнили ленинградское прошлое. На секретариате ЦК с участием Суслова и Маленкова в конце 1949 года вынесли суровое решение о снятии Куприянова с работы, а “контрольный выстрел” сделали в Петрозаводске. Въедливая комиссия из Москвы обвинила его в приписках, авторитарном руководстве, зажиме критики, покровительстве партизанам и подпольщикам, которых надо проверять, а не представлять к наградам. Коммунисты Карелии оказались не на высоте и во всём поддакивали московской комиссии. Второй секретарь ЦК Ю. Андропов отмежевался, когда речь зашла о подпольщиках, – за всё должен отвечать первый секретарь! Геннадий Николаевич был обречён, и на пленуме в январе 1950 года его сняли с работы. А после он был и арестован.

За время заключения Куприянов прошёл 19 тюрем, лагерей и пересылок. Полгода его держали в психбольнице, потому что он писал письма высшему руководству о несправедливом осуждении. Неоднократно он попадал в карцер за то, что вступался за товарищей по несчастью. Видимо, только благодаря крепкой крестьянской натуре Геннадий Николаевич всё это выдержал. И тут его не забывали. Дважды Г. Маленков – в 1950 и 1951 годах – отправлял записки Сталину с предложением расстрелять Куприянова, но его “просьбу” Сталин не одобрил. Жёну Куприянова посадили в тюрьму, а детей отправили в ссылку. В Карелии по “Куприяновскому делу” пострадали почти 300 человек: кого посадили, кого уволили с работы. Вот такой погром в мирное время. А кое-кто пошёл на повышение за лояльность...

В феврале 1956 года в дни работы XX съезда партии, который осудил культ личности Сталина, Геннадия Николаевича освободили. Из жизни вычеркнули 6 лет. После заключения Куприянов не вернулся в Карелию, здесь его не ждали. Особенно не ждало его партийное руководство.

В 1957 году Куприянова назначили директором дворцов и парков в городе Пушкин (Царское Село), где полным ходом шла реставрация и восстановление разрушенных памятников. В этом же году Геннадия Николаевича полностью реабилитировали, восстановили в партии, вернули генеральское звание и награды – 5 орденов и медали.

В 1960–70 годах Куприянов собирал материалы о войне на Карельском фронте по архивным материалам, воспоминаниям участников войны и по собственным записям, которые он вёл всю войну, кроме того, обладая феноменальной памятью, он помнил многие события, знал всех командиров, даже ротных, поимённо и всех героев фронта.

В 1972 году вышла его книга “От Баренцева моря до Ладоги” – о Карельском фронте, а в 1975 году – “За линией Карельского фронта” – о партизанах и подпольщиках. В Госархиве хранится его рукопись о тюремных скитаниях, которую он издать не успел, да и в то время это было невозможно.

Геннадий Николаевич был активным членом Военно-исторического общества, писал статьи о войне в газеты, выступал перед военнослужащими, студентами, встречался с партизанами, ветеранами войны, вёл с ними переписку.

В феврале 1979 года Геннадий Николаевич умер. Похоронили его в Пушкине, где он жил последние годы.

Некоторые историки считают Куприянова “последним сталинистом” Карелии, но он сам ведь чудом уцелел. Да, он сурово спрашивал с руководителей любого ранга. Время такое было. Он сам был трудоголиком и с других требовал всё делать быстро, чётко и конкретно – это его закон. В то же время Куприянов ценил и уважал простых тружеников и воинов. Сам был из народа и народу служил – так его вспоминают современники. Не пора ли забыть прежние обиды и сдвинуть камень забвения?

В 2015 году Петрозаводск стал “Городом Воинской славы” по указу президента России. 20 улиц города носят имена героев войны. Установлены па-

мятники Г. К. Жукову, К. А. Мерецкову, Ю. В. Андропову, О. В. Куусинену. Всё правильно. Только память Геннадия Николаевича Куприянова, который руководил 12 лет республикой в самые трудные годы XX века, кроме архивных снимков в музее, нигде не обозначена. Это несправедливо. Может, появится у нас вместо безликих и “деревянных” названий улица или проспект Куприянова, и не только в Петрозаводске. Он заслужил это.

Юрий Павлович Якушев

Республика Карелия, Прионежский район, п/о Шуя, Косалма

НАШ МАЛЕНЬКИЙ ДОМ НА ЦВЕТНОМ

Уважаемая редакция!

Трудно было предположить, что на склоне лет мне придётся напрягать свою изрядно потрёпанную память и извлекать из её недр стёртые беспощадным временем события, имена, названия, лица, даты, ощущения – всё, вплоть до ароматов и звуков. Так случилось, что, осваиваясь в новой, не привычной для меня роли пенсионера и пребывая – замечу, не без удовольствия – в состоянии *fare niente*, я слонялся по московским улицам и, в конце концов, вышел к двухэтажному особняку на чётной стороне Цветного бульвара, в котором я беззаботно прожил первые двадцать лет своей жизни.

Теперь в этом доме располагается редакция вашего уважаемого журнала, но вы и читатели ваши, конечно, желали бы знать, как жили люди, обыкновенные москвичи, в этом уютном старинном домике во время войны и в послевоенные годы? Я расскажу вам...

Жизнь моя сложилась так, что я много раз переезжал с места на место, меняя не только города, но и страны, однако с самого детства я любил этот дом. Толстые стены, широкие (точнее – глубокие) подоконники, вощёные паркетные полы, чуть поскрипывающие при ходьбе, массивные, “под бронзу”, дверные ручки, пианино “Эрнст Капс” с бронзовыми подсвечниками и мерное тиканье напольных часов, старательно проигрывающих каждую четверть часа свою незатейливую мелодию... И ещё неповторимый, на всю жизнь сохранившийся в моей памяти аромат то ли воска, то ли ванилина, то ли корицы – сейчас уже и определить трудно... А за окном – Цветной бульвар (впоследствии, уже в конце восьмидесятых, изрядно потрёпанный налётом сильнейшего ураганного ветра, вырвавшего с корнем деревья), вдоль которого поминутно грохотали, разгоняясь от Самотёки к Трубной, памятные москвичам “аннушки”, “первые” и другие – всего 5 трамвайных маршрутов, но это ещё не всё. Снаружи, на уровне второго этажа, между двумя окнами моей спальни, выходящими на бульвар, был укреплен трафарет, обозначивший остановку 13-го троллейбуса и 24-го автобуса, и летом в окна то и дело доносилось: “Осторожно, двери закрываются! Следующая остановка – Первый Троицкий переулок”, после чего – грохот закрываемых дверей. Голоса были разные, – мужские, женские... В каждом салоне – свой микрофон, свои динамики (до магнитофонов мы тогда ещё не доросли). Наверное, потому я до сих пор не слишком требователен по части тишины – мне она не особенно-то и нужна. Привык к шуму городскому...

Недалеко, уже на Садовом кольце, кинотеатр “Форум”. Примечательно, что все, кто жил в те времена в этом районе, непроизвольно выработали нечто вроде опознавательного кода, что-то вроде “свой – чужой”, своих сразу выдавало особое произношение названия этого очага культуры, и если я слышал, как кто-то произнес “Форум” (не “Фóрум!”), – это означало: свой человек, земляк.

На противоположной стороне бульвара находился ещё один кинотеатр, он назывался “Экспресс”, был малюсенький, в зрительном зале его ряды составлялись из стульев. Обычных таких, со спинками.

...Я родился в эвакуации, шла война, и мама моя уехала рожать меня на Урал, но в Москву мы вернулись довольно скоро, как только немецкое наступление под Москвой было остановлено. Трудно поверить, но это факт: зрительная память моя сохранила огромных размеров серые пузыри в безоблачном небе – аэростаты заграждения. Тогда это был один из элементов противовоздушной обороны – довольно эффективной, надо сказать.

Тарелка репродуктора дополняла звуковую гамму, сопровождавшую моё детство. Для непосвящённых скажу: в военные годы москвичи держали их постоянно включёнными в сеть, чтобы не пропустить объявлений о воздушной тревоге. Это вошло в привычку, по ночам эти репродукторы издавали лёгкое тиканье (“Включено, не беспокойтесь. Спите спокойно, я разбуду, ежели что...”), а в 6 утра сразу после гимна шли чередой бодрящие марши. Ну и, конечно, утренняя гимнастика.

Я не случайно уделил в своих воспоминаниях место этому элементу нашего быта, с ним связан один эпизод, который мог бы сыграть определяющую роль в моей дальнейшей судьбе.

Дело в том, что с какого-то момента взрослые начали замечать у меня определённое пристрастие к музыке. Рассказывают, что играю я себе на полу, выстраиваю что-нибудь из кубиков, спичечных коробков, дощечек, и вдруг в репродукторе звучит какая-нибудь песня. Я ставлю ушки “топориком”, отвлекаюсь от своих дел, взбираюсь на стул, открываю крышку пианино, быстренько и безошибочно подбираю эту мелодию. Затем сползаю со стула и продолжаю свои занятия на полу.

Взрослые заинтересовались. Показали меня какой-то тётке (помню в её квартире пугающе нелепую – после строгих прямоугольных очертаний нашего пианино – виолончель); как дальше развивались события, я не помню. Но в итоге в один из зимних дней на меня надели жёсткий и кусачий костюм с галстуком-бабочкой (это в мои-то годы!), а поверх – всякие там шапки-валенки, посадили на санки, укутали, и тётка моя повезла меня по Бульварному кольцу – куда бы вы думали! – прямо на улицу Герцена, в Консерваторию, на приёмные экзамены в детскую музыкальную школу. Помню на улицах города огромные плакаты, вывешенные по случаю 800-летия Москвы. (Значит, дело было на стыке 1947 и 1948 годов). Было холодно и ветрено. Тётка моя, кажется, очень за меня волновалась, я-то сам – ничуть...

Экзамен проходил в тускло освещённом зале, за длинным столом сидели люди, кутающиеся в пальто, в шубы – было холодно, отапливалось помещение ещё хуже, чем освещалось. Послевоенные годы!

Меня спросили, какую песню я хотел бы спеть, я без запинки назвал свою любимую “Песню о Щорсе”. Женщина у рояля проиграла несколько тактов вступления, и я точно в нужный момент заорал: “Шёл отряд по берегу, шёл издалека, шёл под красным знаменем командир полка...” Потом я что-то выстукивал – какие-то ритмы. Задавали мне разные вопросы. И в заключение – самое, пожалуй, ответственное задание. Меня усадили за рояль. Нужно было воспроизвести то, что наигрывала на другом рояле женщина-экзаменатор. Музыкальных фрагментов было несколько, были они довольно простенькие, и я удачно справился с заданием. На этом экзамен был окончен.

Тётка моя вновь напаялила на меня все мои шубки-валенки, усадила в санки и повезла меня по зимней Москве домой, на Цветной. Потом оказалось, что пока мы были в пути, моему дедушке позвонил кто-то из членов комиссии и сказал: “Вашего внука надо учить!” И вскоре к нам домой стала регулярно приходить девушка – студентка Консерватории, она стала давать мне начальные уроки музыки. Помню, что мне это всё очень нравилось. До сих пор в моём архиве хранится фотография, на которой я, оттопырив губы, старательно наигрываю какие-то упражнения.

Но маэстро из меня не получился. Так сложилась судьба, что спустя несколько месяцев мой папа, руководивший тогда каким-то торфодобывающим предприятием (страна нуждалась в топливе!), заболел брюшным тифом. Мама, получив известие об этом, уложила вещи в чемодан, и мы с ней уехали из Москвы к больному отцу, в Тмутаракань. Моя музыкальная карьера завершилась, можно сказать, в зародыше. И я до сих пор смертельно завидую тем, кто может сесть за рояль и профессионально исполнить что-нибудь...

Но вернёмся к моему дому на Цветном. Немного истории. В начале двадцатых годов мои бабушка и дедушка поселились в этом доме, заняв его второй этаж. Что было на первом этаже в те годы – не знаю, но при мне там уже располагался детский сад, детей выводили на прогулку в маленький дворик, отгороженный невысокой оградой. При наличии бульвара рядом это удивляет. Спустя некоторое время нас “уплотнили”, и по соседству с нами поселилась семья какого-то военного. С его внуками мы устраивали шумные игры в извилистых коридорах.

“Уплотнения” продолжались. Вскоре в этом маленьком доме поселилась ещё одна семья, затем одну из комнат заняла Маша – наборщица из расположенной рядом типографии “Литературной газеты”, а уже после войны процесс уплотнения завершился появлением на нашем втором этаже тихого и бессловесного инженера, только что выпущенного (как теперь известно) из стен ГУЛага. Проскользнёт из кухни в свою каморку с какой-нибудь кастрюлькой в руке – только его и видели. Отзывались о нём всегда с уважением. Фамилия у него была опасная: Власов.

Сегодня наш дом задорно, и даже с некоторым вызовом в адрес нелепой и безвкусной архитектурной современности, размещается между высоченными и уродливыми офисно-банковскими громадинами, противопоставляя им свой хрестоматийный музейный классицизм. Я всегда считал, что его фасад хранит в себе даже некоторую улыбочивость, – во всяком случае, до сегодняшнего дня при моём приближении его морщины на фасаде несколько разглаживаются (надо сказать – мои тоже, мы с ним до сих пор храним взаимную привязанность). Мы рады друг другу. Мне довольно часто приходится проезжать по эстакаде, построенной в 1967 году над Самотёчной площадью, и уже не сговариваясь, все мои домочадцы держат равнение на это маленькое архитектурное чудо. Сам я, сидя за рулём, не рискую. Да и не вдруг его разглядишь, маленького...

Вот, пожалуй, и всё, что мне удалось наскрести из истории дома номер 32 в закоулках моей выдавшей виды памяти. Из этого дома я уехал уже в 20-летнем возрасте, жил в Сокольниках, затем в Измайлове, много лет работал в Африке, в Южной Америке, на Кубе, везде чувствовал себя достаточно комфортно, но любовь к этому небольшому особняку в самом центре Москвы до сегодняшнего дня согревает мою душу.

А. Терешко
г. Москва

В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ

ИГОРЬ ЗОЛОТУССКИЙ

О СЕРГЕЕ КУНЯЕВЕ

Он только что приехал в Переделкино. Приехал на электричке. Машины у него нет.

Как всегда, легко одет, с громкой речью и широкими жестами, никогда не скрывавшими ни его доброго сердца, ни тайной застенчивости. Порывистый, пылкий, как всегда спешащий по делам Серёжа, наш семинарист из критического семинара, который когда-то мы вели с Анатолием Ланщиковым. Последние годы, с небольшими паузами, он присылал мне написанные им биографии Есенина (писал вместе с отцом), Павла Васильева, Николая Клюева. А недавно прислал мне два сборника статей – Юрия Селезнёва и Анатолия Ланщикова. Собрал сам, восстановил и вернул в жизнь.

В этот приезд на мой стол легли ещё два издания: “Классика и мы. Дискуссия на века” и “Татьяна Глушкова: о “русскости”, о счастье, о свободе”. На заднюю обложку этой книги он вынес стихи Глушковой:

*Когда не стало родины моей,
В ворота ада я тогда стучала:
Возьми меня!.. А только бы востала
Страна моя из немощи своей.*

1992

Это стихотворение я целиком прочитал на телевидении в передаче о Савелии Ямщикове, от которого впервые и услышал их.

В своих изданиях Сергей воссоздал то, что, казалось бы, ушло, стёрлось временем, и оказалось, что это самое нужное, может быть, нужнее остального.

Какой всплеск благодарности! Какой труд! И какая высота одержимости!

Когда он явился к нам на семинар, мы сразу почувствовали, что в наши ряды вписался незаурядный характер, человек воли и знания пути, по которому он пойдёт.

И пошёл.

Открытый до пугающей откровенности, оказался одновременно и тем, в ком страстность, стихая, уходила внутрь и где рождалась его личность.

Эта страстность осталась в нём и сейчас, и в минуту разговора я почувствовал это и услышал, как моё сердце откликается на ускоренный ритм его сердца. Сердца чистого, чуткого и доверчивого и готового к самоотдаче.

Я читал книги Сергея, и мне открывалась бескрайняя, как Россия, поэзия начала двадцатого века. Он прошёл по нему, как Орфей, спев каждому, кто эту поэзию создал, песнь, подобную поклону у стены алтаря.

Конечно, он родился поэтом. Поэтом исследовательского слова, слышащего музыку стиха, его дыхание и его загадку, которая не застывает на месте, а уходит в бесконечность.

Он работает и как поэт, и как историк, как архивист, дрожащий над каждым отрывком документа. Его язык ясен. Его отличает придирчивый отбор слов, совпадающих со строгостью отбора фактов.

Полемика? Да. Но полемика без злости, а с желанием понять оппонента и, не уступая ему, заставить его слушать.

Сын знаменитого отца (Станислава Куняева), он не стал капризным отроком, в ком лестное мнение о себе превышает его дарование. Он вышел на свой путь, и этот путь принял его, открыв перед ним даль, которая открывается не каждому.

Его поколение пришло к нам без гнёта ложных идей и ложной “научности”, без ожесточения и обиды. Это поколение выбрало для себя одного Учителя, о котором Николай Семёнович Лесков, когда читатели называли его учителем, сказал: “Учитель у нас один”.

Думаю, не стоит объяснять, кого он имел в виду.

Сергей Куняев живёт и пишет под этой звездой. Пишет и живёт нешумно, не на показ, а по велению, далеко уводящему его от игр литературы.

И потому он покоряет и увлекает, конечно.

У Сергея юбилей. Я поздравляю его с не зря прожитыми годами и желаю ему жить долго, ибо знаю, что очередной труд, требующий нелёгких затрат души, уже собирается в папках, выписках, в листках набросков на его столе.

Удачи тебе, Серёжа.

*15 апреля 2017 г.
Переделкино*

ЮРИЙ ЛОЩИЦ

КНИГА СВОЕ ДОКАЖЕТ

Широко бытующий в научной среде “академический” пошиб знаменовать даже промежуточные юбилеи своих почтенных коллег научными конференциями, сборниками статей, посвященных чествуемому лицу, с не переменным перечнем всех до единой опубликованных им книг, статей, брошюр и проч. (как будто все-все до единой не полиняли от времени), – этот моветон, доставшийся нам по наследству от советской поры, – прилипчивой льстивой чесоткой перебирается из научной среды и в литературную. Причем, здесь даже сроки чествований иногда прытко смещаются в сторону чего-то и кого-то совсем уж младого, незнакомого... Помню, однажды мелькнуло в писательском еженедельнике приглашение на вечер к поэту, решившему отметить уже и... 35-летний свой “юбилей” (не из опасения ли, что вдруг и он, подобно Пушкину, Лермонтову, Есенину и Рубцову, покинет сей мир, так и не вкусив первой круглой даты и чествования в Большом или хотя бы Малом зале ЦДЛ?).

Грешным делом, кто из нас – своим громким или даже тихим соучастием в приветственных кантатах по случаю таких или им подобных ранних “слав” – ни разу не отметился? Вот почему, узнав об участии, уготованной ныне и Сергею Куняеву, я нешуточно растерялся. Отчего, казалось бы? К молодым его никак уже не отнесешь. Один юбилей, помнится, уже позади. Но ведь и к маститым старцам тоже не причтешь. Как для кого, а для меня он – зрелый средовек. А значит, до большой години есть время и погодить.

Но уже и сегодня его имя вовсе не обязательно опирать, – а это многими по инерции делается, – на безусловно большое отчество. Дело не только в том, что Куняев-младший издавна самостоятелен в литературном поиске

и находках. Вспомнить хотя бы его книги “Жертвенная чаша”, “Русский беркут” или полновесно скомпонованные им однотомники Павла Васильева и Сергея Маркова.

Несмотря на безусловно счастливую событийность для него, как и для Станислава Юрьевича, Куняева-отца, их совместно выстраданной выдающейся диалогической книги о Сергее Есенине, не покидает, а раз от разу прирастает уверенность, что, не будь у них этого соавторства, — с его неминуемым, хотя на поверхности и непроявленным присутствием наставничества и ученичества, опыта и горячности, — всё равно сын в облике острого напористого критика, а еще более в статусе пронизательного, цепкого, жилистого литературоведа в свой черед бы неминуемо состоялся.

Тому подтверждением — его вторая работа для серии “ЖЗЛ”, биография Николая Клюева. Здесь уже совершенно самостоятельный, иногда до отчаяния дерзкий вылет из отцова гнезда, “из лона отчего”, по слову Аполлона Григорьева. Материал труднейший, противоречивейший — и в чтении, а уж тем более в авторском преодолении. Герой жизнеописания то проваливается в невесть какую общелюдскую трясицу, беззащитную даже от inferнальных наваждений, то, будто стряхнув с кожи и вымета из самой души наросшие коросты, высвобождается для чистейшего вдоха-вдохновения и почти херувимской песни... Почему-то кажется, Сергей Куняев будет еще возвращаться к напечатанному, с желанием что-то заново переписать, что-то стиснуть до сухой, всего в полстранички, констатации, а от чего-то напрочь отказаться, как от непостигнутой тайны, подвластной уже вовсе не людскому суду и решению. В любом случае, перед нами книга-поступок. Не удивлюсь, если однажды окажется, что он — поступок длящийся.

Каждому возрасту достаются свои, каких, казалось бы, и в природе вовсе не существует, испытания. Лишь бы хватало накопленного опыта, выдержки, чтобы в препоясанном облике встречать и самое непредвиденное. К примеру, не покажется ли пустяшным испытание столь сейчас лестной “славой” модных имён, с их всеэкранной раскрученностью, будто скомпом надиктованной из курирующей инстанции, когда вдруг подступит из тех же сфер испытание упорным, непробиваемым, как крепостная толща, тотальным умолчанием?..

“Наш современник”, где давно уже и неустанно трудится Куняев-младший, сейчас, как никогда, пожалуй, стоит на юру, на жёстких сквозных продувах. Слишком многие, нагнетая угрюмо-ухмыльное молчание, ждут не дождутся, что же будет дальше с “народным журналом”. Как долго удержит он свою привычную художественную и гражданскую статью, оказавшись без Белова и Распутина, без Кожина, Юрия Кузнецова, Михаила Лобанова. А значит, ждут, среди прочего, и еще одну обещанную книгу Сергея Куняева — о Вадиме Кожинове. Ведь не сокрыто же от всех сведущих, что Вадим Валерьянович в пору редакторства Куняева-старшего пребывал, по сути, мирским духовником журнала. От того, насколько твердо и недвусмысленно, даже на доктринальном уровне, не впадая ни в преувеличения, ни в скороговорку, обозначит биограф этот идеенный вклад своего героя, будет зависеть и ранг всей его книги. И, не в последней мере, дальнейшая судьба самого журнала.

ПЁТР КРАСНОВ

Оглядываясь на прошлое — своё и тех друзей своих, которых сохранило безжалостное время, — понимаешь, как нам, в сущности, повезло в непростых всегда обстоятельствах выбора жизненного дела и самого пути своего. Волею ли слепого случая, предназначения ли высшего или в меру собственных устремлений, но были мы в молодости своего рода зародышами того, что из нас могло выйти дельного — или не выйти... пробы пера, так сказать, пробы личности.

Именно тогда, в самом начале восьмидесятых, сошёлся я в числе многочисленных по молодости друзей-приятелей с Сергеем Куняевым, совсем ещё юным, но с неукротимой жадью познания всего и вся. Я был тогда уже “конченный” прозаик, но стал ходить с ним на камерные, всего с десяток человек, встречи с Арсением Тарковским, чрезвычайно интересным в общении, а следом и в студию критика Анатолия Ланщикова. Вообще же сам Центральный Дом литераторов был такой же, только большой студией и с научениями мно-

горазличными своими, и с соблазнами немалыми и опасностями, — какой и поднимал на крыло, а порою и губил литературные судьбы в самом зачатке. Роились там и сынки-дочки московских писателей, одолеть пытаясь высокий порог пресловутого закона, по которому талант во втором поколении якобы “отдыхает”, и совсем уж мало кому из них это удавалось...

Наверное, изрядная доля правды в этом неписаном законе была и остаётся — но не для Куняевых, не для Сергея. Его въедливость (назову это так), унаследованная от отца, в решении любой, не только литературной проблемы сразу отличала его от многих из стайки довольно ветреных, околотитературных ещё сверстников. Она, можно сказать, и стала основой его творческой личности — вместе с удивительной в таком возрасте эрудицией и тонким, выработанным “сыздетства” вкусом.

И далее, как я понимаю, всё было только за трудом саморазвития всех этих задатков и способностей, с чем он справился достойно, ни в чём не подводя своих учителей. В соавторстве с отцом написанная для ЖЗЛ книга о Сергее Есенине — лучшее, считаю, что я когда-либо читал о поэте, по полноте и документированной правде его драматической судьбы.

Но такие же насыщенные достовернейшими материалами и документами книги-исследования уже “сам себе хозяином” написал Сергей о Павле Васильеве и Николае Клюеве. Читая их, просто поражаешься тому, какой громадный объём архивных и прочих данных пришлось перелопатить ему, чтобы, по сути, воскресить то суровое время во всей полноте и противоречиях его, в трагическом и одновременно пассионарном изломе всей русской жизни, повернувшей в новую, никем ещё не испытанную реальность, на ходу строившей эту реальность — русский социализм... И, примеряя к себе этот труд собиранья и выстраивания сложнейшего контекста, удручённо думаю: нет, не потянул бы, ещё на дальних подступах в сомнениях впал бы, отказался...

Вместе с другими работами эти книги составили своего рода энциклопедию литературной жизни страны 1900–1940 годов, настолько ёмко и ярко, историсофски осмысленно поднят в них и подан огромный пласт всяческих документов, писем, воспоминаний тех лет. Но мало было и этого, надо ещё и пропустить всё через себя, через умосердечное своё, “войти в резонанс” с высоким лиризмом тех наших исповедников Поэзии — и Сергей Куняев сделал это блестяще, выказав и своё собственное и незаурядное лирическое начало, столь редкое в литературоведении, критике вообще. И тем самым, я убеждён, вошёл в немногую ныне числом когорту лучших литературных исследователей у нас в стране, да, пожалуй, и в мире.

А потому календарный юбилей, никак не сообразующийся с молодой жизненной энергией, с творческим расцветом моего друга, — мой лично и наш общий праздник. И если что пожелать ему, то, конечно же, новых исследований и книг для нас, друзей, читателей его и почитателей. А всё остальное, слава Богу, у него есть.

НАТАЛЬЯ ЕГОРОВА

В КОНТЕКСТЕ БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ

“Русская революция явила собой грандиозный взрыв невиданных сил, прорвавших и размывших устои, некогда казавшиеся незыблемыми. В глазах русских художников она предстала как разгул той же могучей стихии, в которой трагически обнажились потаенные глубины человеческой природы — светлые, гуманистические начала и темные, звериные, идущие от первобытных инстинктов”. Эти строки из одной из первых критических работ Сергея Куняева о Сергее Есенине “Трагедия стихии и стихия трагедии” (“Жертвенная чаша”, М., “Голос-Пресс”, 2007) можно назвать провидческими и многое определившими в судьбе самого литературоведа — написанные о первой русской революции, они точно и ясно передают мироощущение конца XX — начала XXI века. Сергей Куняев как писатель окончательно сложился в труднейшие для России 1990–2000 годы — годы русской революции и русской смуты. Принадлежащий к поколению, которое по разным причинам долго не пускали в литературу, как писатель он выживал трудно, работал постоянно и каторжно, прекрасно понимая, что в сложившейся ситуации литератор может выжить

только вопреки всему. В мире, где унижалось и разрушалось русское, он писал о русском. В погранной России, которая в очередной раз шла на Голгофу, он встал на защиту России и писал о другой, отделенной от нас на столетие Русской Голгофе. Книги его не могли быть востребованы – но вопреки всему востребованы были. Работа “Сергей Есенин” Станислава Юрьевича и Сергея Станиславовича Куняевых сразу после выхода в свет в 1995 году стала самой популярной, самой шумной, самой восхваляемой единомышленниками и самой травимой оппонентами книгой, ибо Станислав и Сергей Куняевы доказательно, громко и неопровержимо сказали о Есенине то, о чем без малого столетие говорили шепотом и чего долгие годы ждали все. В 2005 году книга была названа лауреатом конкурса “115 лет ЖЗЛ” как самая популярная книга серии “Жизнь замечательных людей”. Десять лет непрерывного читательского интереса и читательской любви – любви, не ослабевающей до сих пор. В какой-то мере это литературоведческое исследование разделило судьбу Есенина, так что, даже не подозревая об этом, говорившие о своем великом герое авторы и о самих себе сказали точные и емкие слова: “Вокруг его имени и его стихов вот уже восемь десятилетий не смолкает шум. И кажется, что это продолжает шуметь он сам – вечный бунтовщик и крамольник, чудо природы, уникальная фигура в истории XX столетия. Будет шуметь, пока будет жива Россия”.

Всем литераторам известна истина – чтобы твои книги любили читатели, ты сам должен вложить в них огромное количество любви. Вот это качество я и назвала бы самым главным в творчестве Сергея Куняева. Рецензенты его книг единодушно отмечают высочайший профессионализм литературоведа, огромную проделанную им архивную исследовательскую работу, обилие новых фактов и уникальных документов, внимательную, скрупулезную проработку деталей. И все-таки каждая книга Сергея Куняева это прежде всего плод великой и безграничной любви – щедрой, долготерпящей, забывающей себя, готовой душу свою положить “за други своя” и добиться того, чтобы поэт, о котором взялось говорить исследователь, жил в русской литературе полноценной и живой жизнью. Наверное, именно поэтому работы эти настолько значимы, что многое в понимании русской литературы после прочтения книг Куняева меняется. Не только трагедия Есенина, очищенного от клеветы и грязи, после его литературоведческих изысканий впервые предстала в истинном свете. Впервые в русской литературе им было написано серьезное исследование о жизни и гибели одной из звезд первой величины на небосклоне русской поэзии – “русского беркута”, “русского азиата” Павла Васильева, органично, сильно и ярко продолжившего линию Клюева и Есенина и точно так же, как они – оболганного, затравленного и убитого. А уж о том, что Сергей Куняев сделал, чтобы в настоящем виде вернуть русской литературе оклеветанного, смешанного с грязью, *пострадавшего за Христа* Клюева – говорить не приходится. Сергей Куняев пишет о Клюеве как о самом большом поэте Серебряного века – и это минуя всем сердцем любимого им всенародного гения Есенина, всегда по праву считавшегося первым блистательного, бездонного, непостижимого в своих неотмирных глубинах Блока. Неприятия и возмущений такое заявление может вызвать множество. Но все же неумолимые факты говорят о том, что значимость *вести*, которую принес в русскую литературу своим творчеством Н. Клюев, бездонная глубина вложенных в его стихи *вечных смыслов*, пожалуй, не может сравниться ни с чем. Ибо что может быть важнее живого свидетельства о староверах, столетия молчаливо хранивших в своих сердцах *народного Христа*, за Христа страдавших и заговоривших наконец-то языком златоустого Николы? Явление в русской поэзии Николая Клюева подобно явлению града Китежа, всплывшего и тут же затопленного, возведенного на Крест, отправленного на смертную муку. “Для старовера сожжение Аввакума, основание Выговской обители, Соловецкое страстное сидение – это не история, – пишет С. Куняев. – В контексте Большого Времени, вбирающего в себя макрокосм отрезка в человеческую жизнь, – это все было вчера. Вчера Андрей Денисов в полемике с монахом Неофитом слагал “Поморские ответы”. Вчера же Семен Денисов тосковал по Выговской пустыне, будучи в заключении в Великом Новгороде: “Аще забуду тебе, Иерусалиме, аще забуду тя, святыи дом, преподобное вкupoжительство, забвена да будут пред Господом благожелания моя!..” И вчера же Иван Филиппов пел вели-

чальный гимн Святой Руси в “Истории Выговской пустыни”: “Я же российская украшающе златоплетенно пределы, земная совокупляху с небесными, человеки российской с самым Богом всепредсладце соединяю...” (“Николай Клюев”, М., “Молодая гвардия”, 2014). Не случайные слова — “в контексте Большого Времени”. Именно в контексте Большого Времени написаны все книги Сергея Куняева. Ибо пишет он не столько биографии, сколько *жития* поэтов — по серьезности взгляда, широте охвата исторического материала, глубине мысли, внутренней молитвенности, отрешенности от земных правд во имя высшей Небесной Истины все литературоведческие исследования Сергея Куняева перерастают рамки биографического жанра и перетекают в жанр пусть и светских, но все равно житий, ибо у каждого из его героев с точки зрения Большого Времени, а если точнее, с точки зрения Вечности жизнь однажды кончается и наступает *житие*. Да и сам С. Куняев по природе своего дара принадлежит к людям, остро чувствующим трагическое и подспудно стремящимся не к катарсису, но к кенозису — уподоблению Божественному Страданию Христа. Для него это главное внутреннее мерило, с которым соотносится его суд литературоведа, ибо даже при “отпадении от культа” русская литература является его порождением, а без соотнесенности с высокой точкой Креста и Воскресения, вокруг которой вращается последнее русское тысячелетие, и земное слово, и земное страдание бессмысленны. О грешных мучениках русской поэзии Сергее Есенине, Павле Васильеве, Николае Клюеве Сергей Куняев не только написал предельно честные светские *жития*, максимально приближенные к атмосфере ежесекундного поэтического творческого и мученического горения, не только с предельной болью и любовью постарался отмыть их от хулы, клеветы, грязи — он еще и *стоял у Креста* каждого из них — многогрешных русских соловьев, мучеников, убитых за земное поэтическое слово. Стоял на Русской Голгофе. Я думаю, судьба не случайно распорядилась так, что эти строки я пишу в Страстную седмицу. В эти дни не напишешь лишнего и суетного, а главная суть сделанного Сергеем Куняевым удивительным образом откликается великому смыслу этих дней. Не случайно и то, что свой шестидесятилетний юбилей Сергей Станиславович Куняев справляет в 2017-м, в год столетия трагических событий, безвозвратно повернувших ход истории, в год, когда Русская православная Церковь призывает молиться о новомучениках и размышлять о русской революции. О революции, о Русской Голгофе — вернее, об “окаянных годах” революции прошлой из “окаянных лет” революции нынешней — написаны все книги Сергея Куняева. Да и понятие “новомученики” включает в себя не только сонм святых, заплативших своей кровью за Россию. Это еще “тьмы, и тьмы, и тьмы” известных и неизвестных “разбойников на кресте” — обычных грешных людей, восставших против беззакония и “мерзости запустения” нахлынувших темных лет, претерпевших за любовь, за свет, и всей своею жизнью (а когда речь идет о поэтах — и лучшими своими строками) шептавших на Кресте: “Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем”. Вот о таких мучениках русского слова — литературоведский *триптих* Сергея Куняева. *Три* книги, замышлявшиеся и писавшиеся отдельно друг от друга и неизбежно слившиеся в одно свидетельство о мученических судьбах русского слова, русской революции и Русской Голгофе. Сам Сергей Куняев в одном из своих интервью пишет об этом так: “В результате получается целый триптих — Клюев, Есенин, Васильев. Он вырос самым естественным образом. Клюев благословил Есенина, был его поводырем и учителем и успел благословить и Павла Васильева” (“День литературы”, 2007, № 5). Что ж, благословлявший на творчество автор “Погорельщины” хорошо знал истинную природу земного поэтического слова: “К ним нет возвратного проселка, / Там мрак, изгнание, Нарым. / Не бойся савана и волка, — / За ними с лютой Серафим!”

Внутренне ориентирующийся на Большое Время, а точнее, на Вечность, Сергей Куняев имеет дерзновение и дерзость писать реальную, трагическую, многие десятилетия замалчивавшуюся историю русской литературы XX века. Историю жертвы, принесенной русскими писателями за Россию. Не случайно книга его избранных статей о литературе XX века называется “Жертвенная чаша”. Круг литературных интересов Куняева широк — это новокрестьянские поэты и Борис Корнилов, Ярослав Смеляков и Пимен Карпов, Сергей Марков и Николай Заболоцкий, а вслед за ними — наши опаленные лихолетьем, стоящие у Креста распинаемой России современники — Николай Тряпкин, Юрий

Кузнецов, Виктор Лапшин, прозаики Вера Галактионова и Николай Шипилов. Столь же закономерно и обращение Сергея Куняева к творческому наследию двух русских мыслителей, многое определивших в современном мировоззрении — вечным антагонистам на мелях малого времени и вечным единомышленникам в Большом Времени истории и литературы — Вадиму Кожину и Татьяне Глушковой.

...Высочайший профессионализм литературоведа и архивиста, редкие интеллект и патриотизм неизменно отмечают все рецензенты С. Куняева. А я бы еще назвала Сергея Куняева поэтом — и потому что при точности и густоте письма он неизменно поэтически вдохновенен и ярк в своем творческом полете, и потому что так глубоко прочесть и понять поэтов может только поэт. Неизбежно придется назвать С. Куняева прекрасным прозаиком — ибо эти напряженные, захватывающие, динамичные, наполненные жизнью повествования не только написаны прекрасным языком, но и композиционно построены по законам романа, а потому по всем канонам они явления русской прозы. И, наконец, невозможно не сказать о Сергее Куняеве как о мыслителе — потому что книги его не только движутся напряженной, ищущей, взыскующей мыслью, но и полны важнейших открытий — не только фактических, но и мировоззренческих. Все это делает книги Куняева не только ярким и значительным явлением в литературоведении, но и ярким, значительным, глубоким и полноправным явлением русской литературы и русской действительности, ибо глубиной и важностью поставленных вопросов и умением расслышать и донести до читателя биение и многоголосье живой жизни, в контексте Большого Времени увидеть события истории как произошедшие вчера — он далеко выходит за узкие рамки традиционного литературоведения.

Есть ли что-то, что для литератора важнее его собственного творчества? Для Сергея Куняева, безусловно, есть. Жизнь в русской литературе его любимых оболганных, оклеветанных, затравленных русских поэтов, прозаиков, мыслителей для него куда важнее его личных изысканий. И это право на жизнь своих героев он отстаивает ценой самоотречения, каждодневного подвига и каждодневного труда. Ведь за Голгофой всегда следует Воскресение. А за мученическими темными годами русской литературы — “Скучно слушать под Небесным дровом / Взмах незримых крыл: / Не разбудишь ты своим напевом / Дедовских могил! //... Навсегда простер глухие длани / Звездный твой Пилат. / Или, Или, лама Савахвани, / Отпусти в закат” (С. Есенин) — всегда следует пасхальное в своей победоносной молодой радости и наполненности бытием “. . . Нам пока Вертинский ваш не страшен — / Чертова рогулька, волчья сыть. / Мы еще Некрасова знавали, / Мы еще “Калинушку” певали, / Мы еще не начинали жить” (П. Васильев). Вот для этого земного воскресения в русской литературе, для того, чтобы не распадалась “цепь времен”, для вечной памяти и вечного бытия работает Сергей Куняев. Сегодня я хотела бы поздравить блистательного русского литературоведа Сергея Станиславовича Куняева с шестидесятилетием и присуждением ему Большой литературной премии России — и пожелать многая лета, многих новых книг и высокого творчества. И еще раз напомнить его звучащие набатом слова из книги о Николае Клюеве, адресованные всем нам: “Сорвана пелена забвения... Теперь — настало время подлинного осмысления. Ради нашей духовной и душевной крепости. Ради нашего просветления. Ради нашего спасения, наконец”.

КОНСТАНТИН КОВАЛЁВ

ЧУТЬЕ НАРОДНОГО ЯЗЫКА

О Сергее Куняеве, между строк...

Каждый раз вздрагиваю, когда на каких-нибудь литературных встречах или вечерах слышу за спиной его зычный призывной глас: “Константин, здддддравствуй!”. Дальше обычно следует что-то вроде: “Написал что-то? Когда пррррринесешь в журнал?”... Голос Сергея Куняева нельзя перепутать ни с чьим другим. Так же, как и его почерк в качестве литературного критика и приверженность его к некоей своей, особой, им выбранной теме — защиты

и восстановления справедливости по отношению к некоторым забытым страницам отечественной истории и культуры. И не только забытым, но и известным, однако интерпретированным странным и непонятным образом, искаженным по фактам или идеологически.

К Сергею Куняеву (как к редкому из современников) можно и нужно добавить слово — борец. Он никогда не бывает спокойным. Если начинает писать что-то новое — он упорен и непререкаем. Если выступает или разговаривает на важную тему — то взволнован и даже горяч.

В писательском мире есть много характерных направлений, которые определяют путь творческого человека. Есть прозаики и поэты, публицисты и переводчики, есть драматурги и приверженцы к детской литературе, наконец. Сергея Куняева иногда называют критиком. Известно, что некоторые критики обижаются на это, ибо для них важнее слово “литературовед”. Но Сергей Куняев — не критик и не литературовед в лобовом понимании этих слов. Он всегда был на острие некоего жанра, который можно было бы определить как реабилитационная культурология, как реанимационная публицистика, как историко-литературное расследование с привлечением весомых доказательств, или как стирание белых пятен и установление новых фундаментальных основ в истории русской словесности.

Это мы видим в его многочисленных работах — книгах о Клюеве и Есенине, трудах о поэте Павле Васильеве (“Русский беркут”) или в выступлениях о философе Вадиме Кожинове. Сергей Куняев очень точно видит мысль Кожинова, его взгляды на литературу и жизнь. Мне это особенно заметно, ибо имел честь не только работать с Вадимом Валериановичем в ИМЛИ РАН, но и не единожды провести с ним несколько дней в разговорах о судьбе России. Все, что Куняев о нем пишет — свидетельство глубокого понимания его взглядов.

Даже когда Сергей Куняев поет романсы на стихи Фета, сопровождая себя на гитаре, — он все так же неповторим и узнаваем по голосу. Да и вообще, при упоминании фамилии Куняев что-то происходит в окружающем пространстве. Это сильная фамилия. Кто-то припомнит отца, а кто-то и сына. Но каждый — индивидуальность высокой пробы, держащая под присмотром форпост современной культуры на рубеже сражения против пошлости, безвкусицы и графомании. Сергей Куняев умеет создавать и понимать “слово и образ”, как это было присуще его тезоименитому герою — Сергею Есенину, чуждому нутром живой, могучий и непобедимый, народный русский язык.

С юбилеем, дорогой друг! Многая Лета и Слова!

АНДРЕЙ УБОГИЙ

РЫЦАРЬ С ПЕРОМ И ГИТАРОЙ

Незабываемое впечатление: я захожу к Сергею Куняеву в ту самую пору, когда он начал работу над книгой о Николае Клюеве. И вижу, что в квартире буквально шагу некуда ступить: всюду, где только возможно, лежат раскрытые книги, журналы, газеты. Ими заняты все горизонтальные поверхности — стол, подоконник, диван, пол, кресла и табуреты. Если бы можно было как-нибудь временно приклеивать книги к стенам и потолку — уверен, Сергей использовал бы и эту возможность. Непонятно, где хозяин находил место для самого себя — ведь ему, как ни крути, приходилось всё-таки иногда есть и спать.

— Это всё, что мне удалось разыскать о Клюеве, — пояснил Сергей. — Теперь надо всё это как-то освоить, обдумать — и на основе этого написать свою книгу.

В эту минуту я и осознал, до чего же “страшно громаден” труд настоящего историка литературы. И мне показалось: охватить и “поднять” это всё будет ничуть не легче — чем, скажем, натужиться и приподнять тот пятиэтажный кирпичный дом, в котором находится куняевская квартира.

Каким должен быть человек, дерзнувший взвалить на себя неподъемную эту работу — и не просто дерзнувший, а достойно выполнивший её? Помимо терпения и невероятной работоспособности, помимо ума, что вобрал в себя

неимоверное множество фактов, помимо редкостной – прямо-таки пылающей! – любви к русской литературе, такой человек должен быть ещё и отважен. Без отваги, без жертвенно-рыцарского порыва нельзя поднять те, доселе кровоточащие, пласты русской жизни и русской литературы, что поднимает Сергей Куняев.

В моих глазах он и внешне напоминает рыцаря, этакое современного Дон Кихота. Ему, жилистому и резкому, с его рычащим голосом и сверкающим взором, очень пошли бы рыцарские доспехи: какие-нибудь латы и поножи, шлем и забрало, меч и копьё. Сергей, кстати, свою авторучку – с которой он, кажется, не расстаётся круглые сутки – держит именно, как портативное рыцарское копьё. Когда он вскидывает её над плечом, направляя перо против неких, пока что незримых, врагов – так и кажется, что вот сейчас он пустит в галоп своего Россинанта и ринется в очередную битву.

Продолжу испанскую тему. Любовь Сергея Куняева к Федерико Гарсиа Лорке известна. Но многие ль знают, что, учась в московском университете, Сергей изучал испанский язык именно для того, чтобы читать любимого поэта в подлиннике? Он и сейчас – кто хочет, может проверить – готов без устали читать стихи Лорки по-испански. И я, как только вижу Сергея, тотчас вспоминаю: “Начинается плач гитары, разбивается чаша утра...”

Вот и без гитары Сергея Куняева мне трудно представить. Это воистину рыцарь с пером и гитарой; только под рокот гитары – или это лишь кажется мне? – вполне расправляются крылья его души. Но разве словами передашь это всё – хриплый голос, звон и дрожь струн, перебор быстрых пальцев по грифу – передашь тот огонь, то “дуэнде”, которым наполнен покоющий Сергей? А словом “дуэнде” испанцы называют то настоящее и неподдельное, чем живёт человек – то есть, по сути, его вечно рвущийся к небу и вечно томящийся дух.

А возраст – что возраст? Может быть, духу и легче, когда оковы телесного существования начинают мало-помалу ослабевать – когда долг перед собственным телом исполнен, и остаётся лишь долг пред самими собой? В конце концов, наши тела возвратятся, как им и положено, в землю и станут землёй – но останется Слово, которому рыцарски служит Сергей Куняев...

ЕВГЕНИЙ ШИШКИН

Человек бурного темперамента, совсем не склонный к меланхолии и пессимизму, в чём-то даже не очень собранный и организованный, Сергей Куняев всегда поражал меня блестящей памятью и терпеливой усидчивостью...

В отношении памяти: он знает огромное количество стихов наизусть, помнит многие, если не сказать прелегальные факты из жизни, творчества писателей, особенно поэтов, особенно Есенинского круга, а главное – способен говорить об этом с утра до вечера.

О чём бы ни начинался разговор с Сергеем Куняевым, он через пару минут сводится к жизни литераторов, в ход идут воспоминания, встречи с известными писателями, поэтами, произносятся цитаты. В “литературных” посиделках Сергей часто перетягивает “одеяло на себя”, но никогда не повторяется, всегда находятся новые факты, свидетельства из изыскательских работ литературной братии, оттенки, строки из судеб близких по жизни, по духу сотоварищей.

Его работы о Павле Васильеве, о Сергее Есенине и, конечно, огромный труд о жизни и творчестве Николая Клюева поражают изобилием материала, “нарытого” в разных архивах. Архивная работа очень непроста, она для глупбинных исследователей, для толковых биографий, совсем не для тех писаний, которые стряпают порой наши раскрученные авторы, когда факты биографии черпаются из одного-единственного сомнительного хранилища – интернета. Документ, подлинный документ, бумажный, писанный на старой машинке, а ещё лучше от руки чернильным пером – вот что важно и ценно исследователю, чтобы поймать подлинный факт и дух времени... Напомню, что Сергей Куняев над “своим” Клюевым трудился годы!

Незаменимый помощник отцу, поэту, публицисту, редактору Станиславу Юрьевичу Куняеву, Сергей оказывается в безусловно привилегированном положении: колоссальные литературные познания и опыт старшего Куняева захватывает в свою орбиту и сына. Именно творческий симбиоз оказался зримо

представлен в исследовании о Сергее Есенине. Да и библиографический справочник о творчестве С. Ю. Куняева тоже по-своему общий труд, большую часть которого взвалил на себя Сергей.

Книжник, исследователь, биограф поэтов Есенинской поры, Сергей Кунев не замкнут на Серебряном веке: он знает стихи многих современников, и не упускает случая что-нибудь процитировать из нашего знаменитого Юрия Кузнецова. В поведении Сергея Куняева, пожалуй, есть что-то схожее с Юрием Кузнецовым: такая же дерзость, прямолинейность в оценках того или иного произведения, неколебимость и полная уверенность в правоте этой оценки, такой же юношеский максимализм и полная отдача своему делу.

Сергею Куняеву – юбилей. Какие бы витиеватые слова ни придумывали на юбилей, смысл пожеланий неизменен: крепкого здоровья, творческих открытий, вдохновенных светлых строк! А ещё... Сергей отличается очень быстрой темпераментной походкой – просто не угнаться...

Не снижать с годами скорости, Сергей!

АЛЕКСАНДР СЕГЕНЬ

Знакомство с Сергеем Куняевым состоялось году этак в 1987-м в Телешовском доме на Покровском бульваре, где с 1981 года расположилось московское отделение ВООПИКа – Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры – и стало собираться общество молодых литераторов “Беседа”. Я тоже был туда приглашен и сразу обратил внимание на интересного критика и литературоведа, тощего, взъерошенного, производившего такой вид, что он залез в литературу и оттуда не вылезает, выглядывая лишь изредка в Божий мир, словно из-под ее одеяла. Поразило потрясающее знание наизусть любого стихотворения, о каком бы ни заходила речь. Это свойство Сережи и до сих пор восхищает меня. Ткни в любую строчку, и он тотчас накрутит продолжение, и до самого конца. И диапазон авторов энциклопедический, а не как у меня и многих других – того поэта люблю, его и учу наизусть, а этот противен, его и знать не хочу.

С тех бесед в обществе “Беседа” и началась наша дружба. Потом мы нередко встречались в ЦДЛ, в Малеевке, где тогда еще существовал дом творчества писателей и, собственно, собирались все те же “беседовцы”, в Коктебеле, в творческих поездках. В общем, часто. А когда он пришел работать в возглавляемый его отцом “Наш современник”, где я уже работал, дружба стала и сотрудничеством. С тех пор минуло уже немало лет, а Сергей все такой же – порывистый, взъерошенный, целеустремленный. Всегда приятно поговорить с ним об истории литературы, в которой он настоящий специалист, глубокий, широко эрудированный.

А в день юбилея хочется пожелать Сергею, чтобы он по-прежнему не старел, был все тем же горячим юношей и всегда оставался таким, какой он есть. Думается, это хорошая похвала.

АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВ

ГОРЫ? МОРЕ? ИЛИ ОБРЫВ?

За последние два десятилетия журнал “Наш современник” постоянно возвращал на своих страницах и делал известными читателю имена многих молодых поэтов, прозаиков, критиков и даже историков, на этом пути у журнала были и победы, порой переходящие в поражения, если вспомнить литературную судьбу Марины Струковой, Алексея Широкова, Андрея Писарева, Михаила Рыжакина, Вадима Штепы, Дмитрия Галковского, но были и несомненные победы: Нина Карташева, Марина Шамсутдинова, Елизавета Сейдаметова, Василий Струж, Максим Ершов, Андрей Тимофеев, Ольга Кочнова... Но одной из самых ярких поэтических открытий “Нашего современника” стало имя поэтессы из Тамбова Марии Знобищевой, у которой недавно вышла новая книжечка стихотворений “По праву родства”. Мария Знобищева – поэт, не подвластный ни моде, ни конъюнктуре, ни соблазнам массовой культуры. Она живёт традиционными для русской поэзии вечными заветами, понимая что поэзия – это искусство изливать словами переживания сердца. Стихи Марии Знобищевой дают читателю возможность прочувствовать непростую судьбу молодого автора. Бесспорный талант дан ей свыше – способность выразить переживания, в наш непростой век прожитые, но не высказанные многими. Порой её стихи привлекают скрытой мощью чувств, замкнутых в трепещущую от напряжения форму:

*Кто выдумал, что дни — стояли,
Когда, широкие, вразлёт,
Они вращались по спирали
И ликованием вбирали
Грозу, и воздух, и восход?!*

*...И вот, когда терпеть уже нельзя,
Сорвётся сердце вслед за этим шквалом —
Всем небом, опрокинутым в глаза,
И поездом — по сумасшедшим шпалам, —*

то по-русски дышат есенинским воздухом:

*— А что юность обронена —
Всё невечно... — о них не жалеи...
Я подумала: родина
Начинается с этих полей...*

Цитируя последние строчки этого стиха, я позволю себе от них оттолкнуться, поскольку (переосмысливая) именно с “полей” стоит начать рассуждения об остальных особенностях поэзии Марии Знобищевой. С “полей”, на которых с неуловимой скоростью произрастают настроение, размышления и сердечные переживания читателя, впервые прикоснувшегося к стихам прежде незнакомого автора. Поэт, принимая сердцем видимый мир вокруг, пропускает ощущения насквозь, как свет проходит через стекло — цветное, прозрачное или замутнённое, — и испытывает потребность поделиться тем, что испытал и пропустил через себя, передать — кому? Тому, кто прочитает. Стих соприкасается с чувственным восприятием читателя и в его воображении принимает новую форму.

*У сердца много жизней. Помнишь, было
Оно пичужкою короткокрылой,
Стучало в окна — солнечно, спроста,
Садилось смело на руку люблюю,
И под стрехой пережидало бурю,
И думало, что это высота.*

*...А после словно вдруг отяжелело
И жалостью звериной заболело...*

*...И если есть надежда возвратиться,
То вряд ли человеком, зверем, птицей —
Косым лучом сквозь листья и слова.
Лучом, растущим вопреки законам...*

Мы видим откровение, в котором одно за другим: мечтательность, тоска по родине, жалость, и надежда, “если она есть”, на чудо. Нас волнуют те способности, которыми Мария Знобищева выражает мысли и чувства, образы и метафоры, стиль и слог, то гладкий, то излагательно-твёрдый.

*Даже слово “люблю” стало требовать согласованья.
Я его не скажу. Я не буду его называть.
Скажешь это мужчине — и он позовёт на свиданье,
Скажешь женщине — станет и вовсе тебя избегатьь.*

Давайте на минуту задержим своё внимание на стиле, который, переключаясь с мотивами классиков русской поэзии XX века, содержит в себе образы современности, и эти две крайности не противоречат друг другу, сливаясь в одно целое:

*Здесь сосны дышат в полный рост,
Но выше — этажи.
Набрать в саду охапку звёзд —
И можно долго жить.*

Такая широта придаёт стихам Марии гармоничность, важную для слуха и восприятия. Такие стихи, с их ненавязчивой оригинальностью, хочется читать. Воображение читателя сразу вливается в поток чувств автора, рисует образы, черпая их из смысловой наполненности стиха. Бесспорно, что это одна из ярких черт таланта Марии Знобищевой.

Много внимания в произведениях молодой поэтессы уделено прошедшему, как личному, так и прошлому, как образу, присущему всему, что временно. Воспоминания — почти “постоянная величина” в сюжетах её стихов, и это прошлое у неё воспринимается как счастье. В этом прошлом летящие крылья, наивность детства, руки любимых людей, ещё не покинувших мир, и чистота высокого ясного неба:

*А небо — большое, как в детстве душа,
И можно смотреть в него нежно и долго.*

*И если луна — это ёлочный шар,
Какая, наверно, огромная ёлка...*

Настоящее же прочно связано с внутренними и жизненными переменами, и отгорожено от этого прошлого как бы стеной с небольшим оконцем:

*Её не увидишь ни над потолком,
Ни с райских высот, ни с космической дрожи,
— А только вот так: из-под ёлки, тайком,
Колочее кружево чувствуя кожей.*

Эта хронология необратимых перемен несет в себе новые образы, уже настоящего, как следствия прошлого:

*Так вот... Как жаль оттуда уезжать
В какой-нибудь другой, прекрасный город...*

Поэтесса рисует “мир во времени”, стремясь к искренности без фальши, в котором читатель встречает трогательную грусть российских просторов, образы древней Руси, с поэтично-бытовой печалью, уходящие поезда, и бесконечные прощания — с детством, родными, покидающими родину русскими, с крыльями, которые ломаются, и временными утешениями, приходящими ненадолго. Здесь хотелось бы обратить внимание на то, что пройдя через разнообразную осень, горы, поля, вокзалы, мирные двory “за психиатрической больницей”, через фольклорную древность и прочную современность, в конце сборника, “с тоской какою-то исконной” мы оказываемся на кладбище, снова посещая потери прошлого, где “Любовь и память пишут свой постскрипtum”. И хотя читаем здесь прекрасные слова:

*Как будто для Невидимого Града
Сзывает новых жителей Господь —*

общая эмоциональная картина меняется. Невольно вспоминаются их многие хрестоматийные примеры из русской классики.

Представляя пройденный по книге путь, я, пожалуй, скажу заголовком Толстого: “детство, отрочество...” Какой же мы хотим видеть “юность” или, возможно, “зрелость”? Я не просто вспоминаю классиков русской литературы, ведь в их произведениях печаль и грусть не сопряжены с обречённостью:

*...но я знаю, есть радость в нём,
тем, кто листьев целует дождь
оттого, что тот старый клён
головой на меня похож.*

(С. Есенин)

К сожалению, в сборнике “По праву родства” не хватает того просвета, который возбуждал бы желание жить, творить и любить несмотря ни на что. Хотелось бы видеть в талантливых стихах Марии Знобищевой радость, счастье и надежду не только в прошлом, но и настоящем и будущем, а после осени — солнечную весну. Ведь в реальной жизни мы видим, кроме невзгод, и радость наших детей, играющих, скачущих и поющих, и людей, беззаветно любящих и любимых, и цветение природы под солнцем, в ясные дни, дающие сердцу, казалось бы, беспричинную радость. Да. Есть прошлое. Есть настоящее. Будет — будущее. Видимо, думая об этом, Знобищева спрашивает:

...Но — что за лесом: Горы? Море? Или обрыв?

А, может быть, там нечто большее:

“— Вера, Надежда, Любовь”, — как символы счастья, неподвластного житейским законам и приходящего в мир независимо от них, независимо от прошлого и настоящего.